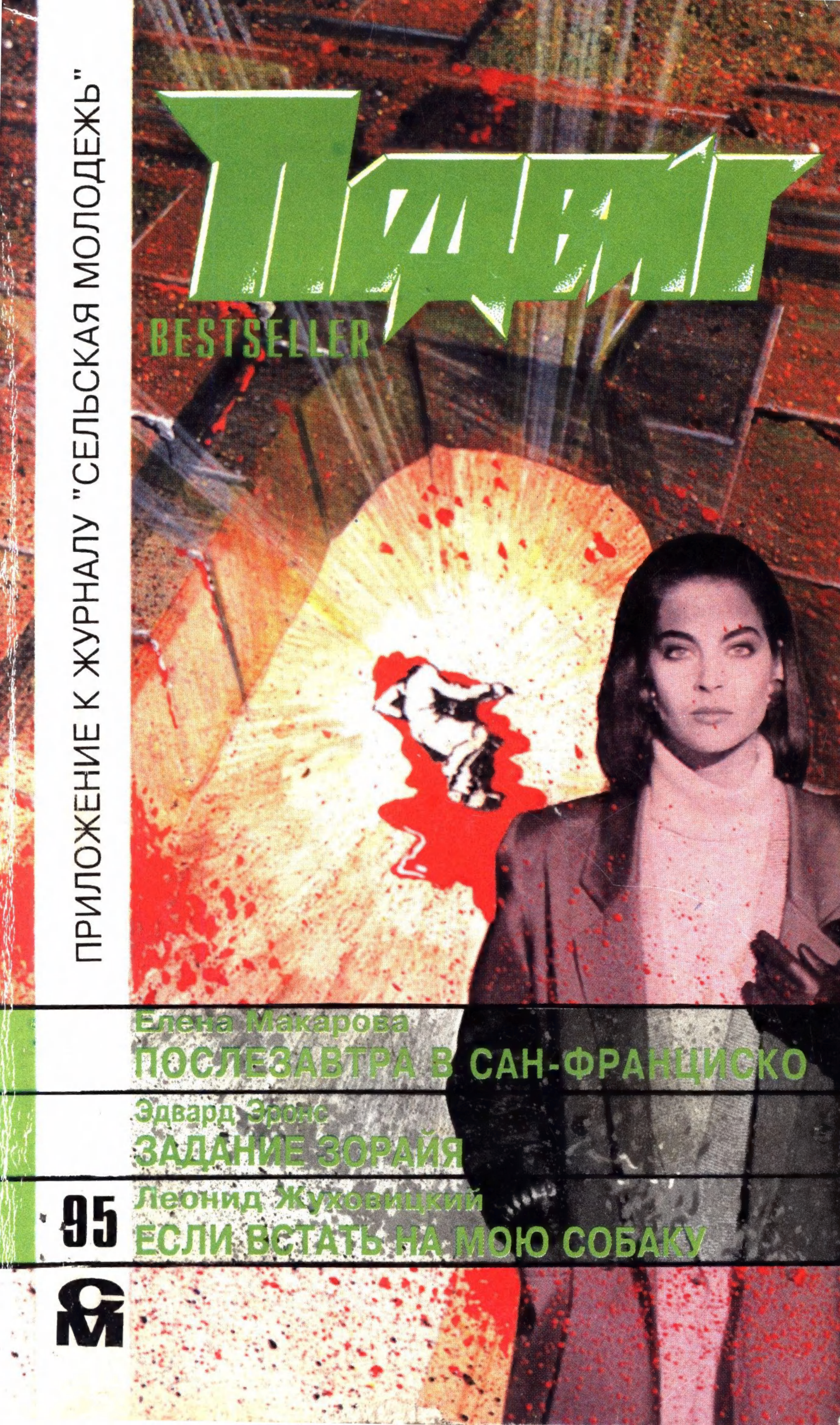

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ "СЕЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ"
Подвиг
BESTSELLER
Елена Макарова
ПОСЛЕЗАВТРА В САН-ФРАНЦИСКО
Эдвард Эронс
ЗАДАНИЕ ЗОРАЙЯ
95
Леонид Жуховицкий
ЕСЛИ ВСТАТЬ НА МОЮ СОБАКУ
СМ

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
«СЕЛЬСКАЯ
МОЛОДЕЖЬ»

BESTSELLER

Елена
Макарова
“ПОСЛЕЗАВТРА
В САН-ФРАН-
ЦИСКО”

Его нет. Теперь
уже и полиция
задействована,
и водолазы.
Пока не нашли.
Но ведь у Р. в романе
ясно написано,
что я утонула
с немцем-эмигрантом...
Но я-то жива!
А может я утонула?

Эдвард
Эронс
“ЗАДАНИЕ
ЗОРАЙЯ”

Я уже
навидался
мертвецов.
Тут вообще
все стоит
на костях. Но,
черт побери,
Кептон, вы
англичанин,
и что вам
за дело до этого?

Леонид
Жуховицкий
“ЕСЛИ
ВСТАТЬ
НА МОЮ
СОБАКУ...”

Вторая книжка
была похожа
на первую,
только цифра
не совпадала.
Четыреста
двадцать
миллионов
долларов.

БИБЛИОТЕКА

ГЕРОИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

5`95

Елена
МАКАРОВА

ПОСЛЕЗАВТРА В САН-ФРАНЦИСКО

(Тетрадь для технических записей)

4

Эдвард
ЭРОНС

ЗАДАНИЕ ЗОРАЙЯ

Роман

38

Леонид
ЖУХОВИЦКИЙ

ЕСЛИ ВСТАТЬ НА МОЮ СОБАКУ

Повесть

194

ОБ АВТОРАХ

296

Елена
МАКАРОВА

ПОСЛЕЗАВТРА В САН-ФРАНЦИСКО

(Тетрадь для технических записей)

4

Наверное, это подходящее название для того, что я хочу написать. Или не хочу. Никогда не развлекалась таким образом. Мне предложил это Р. в качестве одного из наиболее эффективных способов. Способов чего? Он не объяснил, но я догадалась. Сведение счетов - задача техники. Тетрадь для технических записей презентовал мне К. в прошлый сансгивинг. Тогда я только познакомилась с Р. Он сказал, что вся моя философия заключена в слове п о с л е з а в т р а, что когда я жила в Союзе, у меня не было чувства будущего, а здесь мое чувство будущего выражается в формуле n+1, но я в этом не смыслю. Я переспросила Р., что сия математика значит, а он сказал - п о с л е з а в т р а.

К. говорил, что первая книга у всех писателей выходит правдивой, а потом они начинают врать, когда вырабатывают неповторимый стиль, и потому сейчас входят в моду дневники - люди истосковались по подлинности. Но я не собираюсь из себя ничего вымучивать. Это - не для печати, здесь за книги много не платят.

Р. сказал, что каждый писатель - это два человека, живущий и сам над собой надзирающий. Р. не позавидуешь - неужели даже в постели он не может отключиться и все фиксирует. Р. сказал - как когда, зависит от партнерши. По-моему, со мной он не фиксируется, впрочем, кто его знает.

Выходит, все, что я пишу, так или иначе связано с Р. Мне же, когда я решилась на технические за-

писи, хотелось прежде всего избавиться от Р. Он упырь, присосался ко мне, чтобы вывести героиней своего романа. Прекрасно себе воображаю, как я там у него буду выглядеть. Капризная эмигрантка со скандальчиками, упрямая и безвольная, но, между прочим, именно из-за него я снова стала курить ваньку с манькой. Упырь и кровосос, когда его нет рядом, я ощущаю его взгляд, он отовсюду следит за мной, под его неусыпным бдящим оком треглаза я переливаюсь разными цветами, как морской скат, и он фиксирует мельчайшие переливы. Нужно было так резко менять свою жизнь, чтобы попасть в зависимость, поди знай, какая зависимость тягостней - от системы или от одного человека. И еще этот чертов кот!

12.2.5. Что за цифры начирикала? Накурилась до галлюцинации. Я - собор, поверженный наземь. Кафедральный собор с Манхэттена, моя голова - шпиль, руки - колонны, чрево - вход, ноги - опоры. Я услышала свой голос: “Кажется, я умерла”. Другой голос, наверняка Р., отозвался: “Послезавтра”. Как Р. оказался со мной в ателье у Д.? Он меня выследил. Потом все стало тяжелеть и расплываться, не все, а белый собор, поверженный наземь. Может, я совершила ошибку, вернувшись в Нью-Йорк? В кибуце было хоть и скучно, но зато тепло. Нет, после России невыносимы никакие коммуны. Я спросила Р., бывают ли такие люди, у которых нигде нет своего места, нет вообще чувства дома, и он ответил, бывают, раз существую я, именно такой человек. Раз существует такой человек, значит, существует и такое явление, поскольку в каждой частности заключено общее. Меня тошнит от мужской философии.

6.11.5. Ставлю цифры от фонаря, чтобы все запутать окончательно, связать в клубок и вышвырнуть его с четырнадцатого этажа. В Израиле я перекрасилась. Австралийка из нашей комнаты сказала, что зря - седина делала меня пикантной. Приехала одна моя старая знакомая из России. Там давно все поменялось, но я для себя дала ей имя “советская”. Ее приезд меня добил.

7.11.6. Сорвалась. Наверное, из-за фильма про евреев.

9.11.1. Лень писать. К тому же я дала себе слово не читать чужих дневников. Не удержалась. Прочла дневник шестнадцатилетней проститутки Перлы из Терезина, по-английски. Когда прочла, обнаружила, что это книга писателя Люстига, все это он сочинил. Ник здесь в безопасности. Он не сможет упрекнуть меня хотя бы в этом, но в остальном... Ник сейчас в том возрасте, в каком были мальчишки, когда их вывезли из Терезина в Освенцим. И Перла в ночь перед депортацией пробралась к ним

в барак, чтобы они запомнили женщину, ее вкус и ее тело. Р. считает, что женщины наслаждаются своей властью над мужчинами, при этом разыгрывают из себя жертв.

10.10.1. Я пожаловалась Р., - устаю. Трудно после целого дня эфира писать. Р. усмехнулся. Только такие невежды, как я, могут думать, что если их научили в школе кое-как излагать чужие мысли, значит, они уже мастера слова. Долго вещал о том, какой это труд - грамм золота из тонны руды. Еще тот золотоискатель. Чтобы с ним спать, да так, чтобы он отключился и прекратил фиксироваться, - тоже надо быть в форме. Собиралась стелиться, но вспомнила один эпизод. Последний день в Минске. Все собрано, нет сил двинуться. Звонит телефон. Какой-то незнакомый голос спрашивает, не выручу ли я его, нужно написать траурную надпись на ленте, а контора на кладбище закрыта. Спрашиваю как профессионал, какую надпись, на каком языке, какого цвета лента. Голос объясняет. Но я никогда никаких траурных надписей не писала. Почему вы обращаетесь ко мне? А нам, говорит, посоветовали, сказали, что Фаня все умеет.

В принципе, я не собиралась упоминать свое имя. Я не существую. Но раз есть имя - значит, и я есть? Как сказал Р. - в каждой частности заключено общее.

К чему эта история? Просто я представила, как это выглядело бы здесь. Если бы кто-то к кому-то обратился среди ночи с подобной просьбой. Ответ один - человек не желает раскошеливаться на траурную надпись. Поскольку не бывает такого, чтобы контора на кладбище была закрыта. Здесь все работает и все по назначению. Там мы друг друга учили, лечили, утешали, кормили, спать укладывали, - здесь это не проханже. На все свои службы, это очень удобно, не надо морочить голову людям, нет нужды друг с другом советоваться. Но у нас осталась эта привычка. Хорошая она или плохая? - на это может ответить только Р., но я его об этом не спрашивала. Пошел он куда подальше.

10.5.2. Так и не спала. Вышла ночью за травкой. Повстречала в баре ирландца. Молчаливый и добрый с виду. Он проводил меня до дому. Ник проснулся, поворчал, что ему надоели мои ночные эндвенчесы. Ирландец понял только последнее слово. Успокоил Ника, что он, ирландец, еще никому не причинил зла, кроме самого себя.

1.1.1. Возила советскую на Брайтон-бич. Сфотографировались у океана. Хотела сделать наш двойной портрет, но, как назло, некому было щелкнуть. Она в отпаде. Готова рыдать над этой законсервированной бабелевской Одессой. Купила полпа-

унда селедки и маленькую икру. Интересно смотреть на все ее глазами. Сыграли шутку в меховом ателье. Снялись в дорогих шубах. Я - в голубой норке до полу, она - в ондатровом полушубке. Сказали продавщице, что предъявим мужьям фотографии, чтобы они сами решили, какая из шуб лучше. Выберут и купят. Взмокли, как мыши, пока все не перемеряли. Зашли к матери. Это чудовище живет, чтобы меня терзать. Она купила себе очередное манто. Померили на советскую - тютелька в тютельку. Но мать вцепилась зубами - не перепродаст. Она с беднотой не торгует. Все забыла. Как экономила каждую копейку, которую там не на что было тратить. Разве что на ковры. У нее всегда была куриная память. Р. определил мою мать как типичную представительницу черты оседлости, попавшую в рай беспересадочным путем. Когда Р. заводится, он говорит, что я такая же блядь, как мамаша, потом похлеще, а потом хоть святых выноси. В такие минуты он напоминает мне Натана из "Софис чойз". Не хотела бы я кончать свою жизнь с Р., хватив напоследок цианистого калия. Конечно, Освенцим это не совдеп, но и у наших отбирали детей, и наши, возвращаясь после многолетней отсидки, их не находили. Мы с советской долго трепались на эту тему при Р. Р. утверждал, что евреям нечего делать в России, что Америке евреи на пользу, России во вред. Что обострение национальных проблем в нынешней России кончится очередным еврейским погромом. Когда он узнал, что у советской трое детей, схватился за голову. Сказал ей, что у нее потеря волевого импульса. Потеря волевого импульса, по мнению Р., - болезнь интеллигенции в тоталитарных странах. Для евреев такая болезнь может оказаться смертельной. Р. говорил безапелляционно, и советская приуныла. Я сказала Р. в ее защиту, что все не могут уехать, кто-то должен учить, лечить, неужели одни идиоты. Р. ответил, что там, где народ 70 лет занимается самоуничтожением, никакие врачи и учителя не помогут. Тем более евреи. Перестройка напоминает ему труп, который вздрагивает от конвульсий. Я не знаю, зачем он так напустился на советскую, если сам недавно говорил мне, что будь он сейчас в России, неизвестно, уехал бы или нет.

Я дала советской почитать рассказы Р. Она так и уснула с книгой, раскрытой на первой странице. Жаль ее. Купила для нее киви, она и не прикоснулась, бананы тоже не ест: как-то им из Чехословакии привезли банановый шампунь, и ее дочь плакала - зачем бананы переводят на шампунь, лучше бы так дали. У ее детей авитаминоз, короста на голове. Трудно все это себе представить, бедность так же быстро забывается, как боль при родах. Р. считает, что она никогда не очнется, система уже размозжила ей хребет. Я спросила Р., а что с нашими хребтами, все в порядке? Р. ответил, что он ответствен только за себя. Но если бы у него были дети, он

бы, вне всяких сомнений, уехал. Интересно, почему у него не было детей. Жаль, что я не объяснила советской раньше, что это за человек. Вернее, что за нечеловек. В книгах ему жаль и муравья, а в жизни он беспощаден. Ко всем без исключения. Он сделал ставку на свой талант, а здесь к таланту нужен еще и успех. В России успешный писатель вызывает справедливые подозрения. Здесь - признание. Р. вывез свой талант, как невесту на смотрины, но она оказалась то ли заумной для жениха, то ли он заломил слишком высокую цену. И провалился. Или всему виной его несносный характер?

2.2.2. Звонила Р. в Бостон, спросила, не видел ли он там советскую. Он сказал, достаточно того, что он видел ее здесь. Сказал, что они знают, кого к нам сюда засылать. Я его покрыла, он обозвал меня лесбиянкой и круглой кретинкой. После приятной беседы с Р. пошла за зельем. Встретила ирландца. Вернулись домой вместе. Ирландец ведет себя странно. Может, он голубой?

2.2.3. Уложила ирландца в гостиной, забрала с собой Кузьму. Кот обезумел, рвался к ирландцу. Заперла кота в ванной. Поднял крик. Вспомнила одну историю, хотела рассказать ее ирландцу, но он бы ничего не понял, она такая тоскливая, как привокзальная площадь Минска на рассвете. Кот просто рехнулся. В конце концов я вышвырнула его к ирландцу. Хорошо, что у Ника крепкий сон. Иначе с моими ночными бдениями он бы вырос неврастеником. Ирландец или не спал, хотя свет был погашен, или его разбудил Кузьма, но я услышала, как он увещевает кота по-английски. Эти твари не понимают, в какой стране им повезло родиться, со специальной жратвой и таблетками, убивающими потенцию. Котов здесь не кастрируют, а кошкам не делают полосных операций, чтоб не беременели. Советская рассказывала, как у них погибал щенок, как он мучился, и ничего нельзя было сделать. Вот от этого надо бежать. Бежать оттуда только из-за одного этого. Неужели Р. прав насчет атрофии пола, и зря я его пилила? Но дальше с ирландцем была смехотура. Он явился ко мне в трусах, держа Кузьму за шкирку. Он не голубой. К тому же у него еще нашлась травка.

3.103.1. К. приходил к Нику. Решал с ним задачи. Ник называет его отцом. У К. все в порядке. Меня он уже не любит. У него большая клиентура. Говорил, что в последнее время стал засыпать вместе с пациентами. Меня его гипноз никогда не брал. Но наши все его хвалят: помогает очень, особенно в период адаптации. У меня этот период или прошел или не начинался.

Ирландца привлекаю, видимо, не я, а вид с балкона. Придет - и сразу на балкон. За чаем смотрит на меня с собачьей преданностью - у него узкое лицо и близко поставленные глаза. Человек в профиль.

3.101.2. В дневнике Перлы из Терезина есть такое место, где она перебирает последние слова уходящих на транспорт. Подруга спросила Перлу, как она выглядит, мать велела сыну следить за тем, чтобы т а м у него не промокали ноги. Почему меня тянет читать все эти кошмары про детей и газовые камеры? Неужели, чтобы удостовериться - существование имеет смысл? Я что-то плела об этом ирландцу, но он заснул. Я вышла на балкон в ночной рубахе, захотелось понять ирландца, что же он там высматривает? Вершины небоскребов в рассветных облаках? Фантасмагорическая декорация, сквозь нее проступает минская привокзальная площадь, монументальные сталинские коробки, серо-коричневые, ненавистные. Как в театре - два задника, тот, что ближе, небоскребы Нью-Джерси, тот, что дальше, - минская привокзальная площадь. Я будто бы смотрю на это, одновременно находясь внутри, между двумя задниками. Нет, ирландец видит что-то свое. Может, сквозь небоскребы проступает его Дублин? Мой друг, шестидесятилетний герой Семидневной войны, запрезирал меня, бегущую из Израиля. Как объяснить ему, что я никем себя не числю: ни еврейкой, ни русской, ни советской, ни даже Фаней Л.?

5.10.5. По телевизору идет фильм по Воку. Сегодня кадры расстрела в Бабьем Яру перебили рекламой пылесосов. Американцы не могут долго этого выдерживать. Им нужно знать, вот это было т о г д а, а сейчас - бесшумные пылесосы. Американцы не зацикливаются. После пылесосов продолжается расстрел. Очень натуралистично. Затем демонстрируют прибор для проверки содержания калорий в сыре. Наши считают это признаком душевной тупости. А по-моему - здоровья.

Недавно мы с советской были в Метрополитен. Там есть такая американская картинка - рыжая лиса бежит по белому снегу, над ней два коршуна. Вот-вот выклюют ей печень. Зато на заднем плане - роскошный водопад, деревья, вода блестит. "Здоровые люди - заключила советская - не переносят трагизма, драму еще как-то могут допустить, но с хэппи-эндом". "И чтобы был фан", - добавила я. Я сказала советской, что не только американцам нужен счастливый конец. Просто в России быть счастливым неприлично. Помню, как я рыдала тайком, какой переживала катарсис, когда доярка, после каскада неудач, в финале повышает надои и выходит замуж за председателя колхоза. Над чем я плакала? Я же видела, что все это липа. Над тем, что человек бился и добился. Что вообще возможно чего-то добиться.

Отобрала для советской обувь и одежду. Все новое, с бирками. Р. покупает дом в пригороде Бостона. Он сказал, что там я могу осуществить свои мечты по маковым плантациям. Р. хочет меня добить. Ночью кричал на меня, чтобы я ответила ему всего на один вопрос: прав Чаадаев или не прав, что истории России бессмысленна? Я призналась, что не читала Чаадаева, он меня ущипнул. Не сильно, но злобно. Все русские сумасшедшие, особенно евреи. Зачем Натан мучил Софи, хватило с нее Освенцима. Натан похож на русского еврея, истерик, в хорошем расположении духа - само очарование, в дрянном - садист. С кого его списал Стайрон, наверное, с Р. Кузьма защитил меня, оцарапал Р. щеку. Р. его вышвырнул к Нику. Ник, совершенно сонный, явился к нам с Кузьмой. Это напомнило мне ночь с ирландцем. Я расхохоталась. Р. стал допытываться, чего я смеюсь. Я не могла остановиться. Тогда Р. зажег настольную лампу, напялил очки и вперился в меня. Так художник примеривается к натуре, ищет ракурс, а Р. - место в романе, куда поместить меня, голую и хохочущую. Чего он не узнает - причины моего смеха. Что-нибудь придумает. Но лучше не придумаешь. Сюжет: кот - главное лицо, ирландец, я и Р. - второстепенные актеры третьестепенного фарса.

2.5.100. Новое веяние - ресторан "Гласность". На потолке русскими буквами написано: "Съел - и уходи". Наша беспардонность. Но американцы не поймут, а для русских это родное, привычное. Для них это фан. Продают майки за 20 долларов с портретом Ленина и за 15 - с надписью "Перестройка". Ленин на пять долларов дороже перестройки. Выпила кофе, дешевый, за 50 центов, попробовала клюквенного варенья. За полчаса никто не пришел. Только один сумасшедший, на вид типичный русский псих, но говорящий по-английски. Маскируется. Спросила хозяина, как идут дела. Он сказал: "Только открыли, пока не густо". Ассортимент приличный. Рядом - ресторан "Руслан", дорогой. "Гласность" перешибет у "Руслана" клиентов. Помню, в Цюрихе чех-эмигрант пытался объяснить мне разницу между европейской ментальностью, с одной стороны, и американо-советской - с другой. Американцы и Советы, по его мнению, хотят научить Европу уму-разуму. Европа для них - это такая чокнутая старушка, которая что-то бормочет про себя, но Америка и Советы не желают напрягать слух. А европейская культура на самом деле это что-то внутренее, сокровенное, к чему надо подходить не спеша и с почтением. Мне часто мужчины рассказывают интеллектуальные байки. Наверное, из-за моей обманчивой внешности, на вид я точно не дура. И умею слушать молча. В конце концов чех признался, что это было такое неудачное, спекулятивное оправдание европейской ментальности. "А что, как вы думаете, Евро-

па действительно погибла в 14 году? - спросил он у меня. - И это всего-навсего мертвая зона?" Было больно слушать его, лишившегося родины из-за нас, советских, из-за наших танков, которые вечно лезут куда их не просят. Это я понимаю, но почему Европа погибла в 14 году? Мы пили с ним пиво, он рассказывал, что был редактором какого-то журнала при Дубчеке. Теперь печатается в эмигрантской прессе. Все - в прошлом, настоящего нет. Наверное, им тяжелей в эмиграции, чем русским. Прага так близка и так недоступна. Почему-то такие встречи, не имеющие никакого развития, случайные, долго помнятся. Совпадение настроений, глобальный шмерц, и вот два человека сойдутся, говорят на черт знает каких языках и понимают друг друга. Флюид ностальгии? Ты тщательно прячешь его, загоняешь во тьму, но он вырывается на свет, находит зажженную яркую лампочку под оранжевым абажуром, и другой человек смотрит на другого обезумевшего мотылька, и видит тебя, и вы встречаетесь на короткий миг. Пока мотылек не улетает на поиски нового источника света? Нет, ностальгия - это не мотылек. Просто тоска. И вовсе не по родине. По неосуществившемуся.

6.200. Ирландца в кафе не было. Прошлась по центру. Снова вернулась в кафе. Нет. Вернулся на родину?

18.18.18. Мое любимое число. Звонила советская из аэропорта в Джерси. Летит в Итаку, в Корнел, где преподавал Набоков. Я млею. От одного ее голоса. Неужели Р. прав, я влюблена. Когда она повесила трубку, я подумала: с чем бы мне было жаль расставаться? Наверное, с чувством влюбленности. Вернее, с предощущением возможности любви. Но это, конечно, не относится к советской.

6.2.100. Набираю статью Р. о русской интеллигенции. Сколько уже понаписано об этом! У Р. пунктик: интеллигенция всегда мешала государству. Ее истребляли и не истребили. Неряшливые, с землистыми лицами и мешками под глазами от ночных бдений, из века в век проворачивающие одни и те же идеи, интеллигенты не перевелись в этой Богом забытой стране. Русская интеллигенция бескорыстна. В любые времена, в маленьких прокуренных кухнях, она кучкуется группами, по пять-десять человек.

У Р. явная ностальгия по прокуренным кухням. При первом чтении я предложила придумать что-то вместо кухонь, ну все об этом пишут, даже советолог Кевин Клосс. Р. не согласится - ему

наплевать, кто что пишет. Все дети рисуют солнце и не боятся повторов.

Р. расспрашивал советскую, собираются ли теперь, в перестройку, интеллигенты на кухнях, о чем они говорят, верят ли в гласность.

Советская что-то попыталась объяснить, но на ее лепет Р. ответил: если ты добровольно выбрал свинское состояние - хрюкай, советская сказала, что его предложение неконструктивно. Р. ответил, что конструктивные предложения в совдепии никогда не находили отклика. Они там не работают. Зачем он так напустился на нее, если совсем недавно говорил мне, что если б он сейчас жил в России, неизвестно, уехал бы он оттуда или нет.

8.5.1. День рождения Ника. Полночи поливала индейку водой. Грейт! Пришли ребята из школы, с девушками. Мы такими мечтали быть, но не были. Мы переплачивали за импортные шмотки, чтобы выглядеть как иностранки, но выглядели жалкими подобиями. Внешне свободные, внутренне зажатые. Меня приводят в восторг их походка враскачку, их маленькие грудки под свободными свитерами, природная грация - такими нельзя стать. Т. прислал поздравительную телеграмму. По-русски, латинскими буквами. Пишет, что приедет посмотреть на взрослого сына. Ник похож на Т. Но он его не помнит. И своим отцом считает К. Иногда мне хочется, чтобы меня втоптали сапогами в грязную лужу.

6.6.6. Ирландец или шутит или молчит. Курит он для кайфа. Я - чтобы забыться. Но это же своеобразный кайф. Когда все расплывается и исчезает. Советская сказала, что я сильная, что найду выход. Но она судит по себе. Она т а м выживет, а я - здесь - сгину.

После работы прошлась по Централ-Парку. Американцы планируют жить 200 лет. Не курят, бегают и гоняют на велосипеде. Иногда они раздражают. Как раздражают трезвые пьяных.

7.6.5. Ирландец сказал, что мое существование - открытие. Он открывает себя через меня, как яблоко через граненый стакан. Не художник ли он часом? Я спросила, видел ли он картины Петрова-Водкина. Фамилия его рассмешила. Узнал слова “водка” и “Петр”. Не слышал имен Ахматовой, Мандельштама, только Пушкина и Евтушенко. Сказал, что у русских слишком много писателей. Зато у ирландцев - один Джойс, и что самая лучшая шутка Джойса - “Поминки по Финнигану”. Написана

на разных языках, перевести ее невозможно. Литература для себя, для кайфа - это честно. Сегодня он был на редкость разговорчив.

Р. такое суждение не убедило. Он сказал, что Элиот, Джойс и все, как он выразился, герметисты нарциссы по сути, а главная функция литературы - проповедничество. Обрушился на буржуазную культуру. Иногда Р. рассуждает совершенно как партийный босс. Хотя ненавидит партийцев. Наверное, лучше быть просто другим. Ирландец ничего из себя не строит.

8.7.6. Купила советской юбку точно под цвет ее глаз, с воланами на бедрах и узкую от колен. Может, она прекратит таскать джинсы? Какой бы она стала конфеткой, если бы дала себя подстричь, одеть и накрасить. А что если ирландец - писатель и собирает на меня материал, как Р.? На что я им сдалась?

8.10.12. Разбудила бама в метро, устроился прямо под телефоном-автоматом. Пока я говорила с Ником, он недовольно бурчал. Предложила ему перебраться отсюда в более спокойное место. Он молча встал, нацепил одеяло на нечесаные патлы; такое огромное животное, Тарзан, - и удалился. А мешок с барахлом не взял. Чего там только нет - тряпки, бутылки, все с помойки. Интересно, вернется он за своим скарбом? Представляю, сколько бы народу валялось у нас в метро и на улицах, если бы их не гоняли менты. Помню, мы с четырехлетним Николкой летели 29 августа из Минвод. Двое суток спали на раскаленном асфальте на картоне из-под тары. Все газоны были заняты. У Ника начался понос, рвота. Я оставляла его одного, металась по кассам, пробивалась к начальнику. Если б это животное потребовало за билет меня, я бы дала не задумываясь. Все бесполезно, ждите, ждите, может будет дополнительный рейс. Спасибо, нашелся какой-то фотокорреспондент из Москвы, он отдал нам свою бронь. О том, как я доберусь из Москвы в Минск, не подумала. Три дня с больным Ником проторчали у людей. Но это все равно не сравнить с Минводами. Воды нет, простой воды, какая там минеральная, еда - пережаренные пончики с повидлом. После этих пончиков Ник еще месяц болел. Нет, как вспомнишь все это...

Бедная советская, с каким восторгом она наблюдает, как я загружаю посуду в мойку, как ей нравится сидеть в прачечной, пить сок и наблюдать за шарабаном. Все без очереди, все спокойно. Иногда кажется, что она нагнетает, рассказывая о миллионе детей в домах ребенка, о том, как видела в доме ребенка, в центре Москвы, шестимесячного опревшего малыша, с кровавыми язвами в паху, он кричал от боли, а нянька сказала совет-

ской, что она за 70 рублей в месяц не будет говно убирать. Еще рассказывала об исходе дебилов, как недавно решили, кто решил - неизвестно, дебилов с родителями отделить от дебилов-сирот, и как она была в доме на Кирпичной, куда свозили дебилов-сирот, и как они мычали и отказывались от еды и питья. Но если ничего нельзя сделать, как же можно на это смотреть, зачем она туда ходит? Ответ сразил наповал: "Для сбора материала для своей диссертации на тему: "Проблема выживания в условиях ограниченных ресурсов". Чехов поехал на Сахалин не лечить, а переписывать население. Один человек не может одновременно решать две задачи. Разумеется, когда видишь т а к и х детей, первый импульс что-то сделать для них, но потом видишь еще и еще т а к и х детей и понимаешь, браться за кого-то конкретно, все равно что забивать микроскопом гвозди. Так что моя задача на этом этапе - поставить проблему".

Пока советская это говорила, я вспоминала ее в Минске. Обычно она помалкивала. Тихая беременная жена при буйном муже, усатом-бородатом-волосатом еврее, создателе огромного эпоса в стихах о путешествии Ионы в чреве кита. Он читал его главами в доме у К. Все изнемогали от тоски.

Советская сказала, что теперь есть шанс издать роман. Удивительно, сколько лет прошло, а роман не утратил своей актуальности! Будто Библия ее утратила! Они давно живут в Москве, муж ее с недавнего времени легально преподает иврит, а она работает в каком-то социологическом институте, занимается малыми вымирающими народностями - чукчами, гагаузами, я не слышала о таких. "А евреи по какой статье проходят?", - спросила я ее. "По семидесятой", - сказала она весело.

10.10.10. Маниакальный психоз. Пробовала разыскивать ее через знакомых в Вашингтоне. Там она так и не объявлялась. Купила ей купальник. Не знаю как понравится. Но она же нормальная баба, не ханжа. Ирландец нацепил купальник себе на голову, сказал: "Секшл лав". У них одно на уме.

Советская, что ни говори, ведет себя корректно. Все уговаривают ее уезжать, объясняют ей преимущества свободы, будто она и без нас не видит! Родить троих детей в таком кошмаре, заниматься кошмаром в кошмаре - какая нужна воля! Р. говорит, что это не воля, а целеустремленность, целеустремленность - признак ограниченности. Тогда он тоже ограниченный. Зато я - свободная. Мне с детства нравились романсы, они мне заменяли все. Из школы помню - гомозиготы, гетерозиготы, кое-какие выдержки из кое-чего и мнения того-то о том-то. Из библиотечного института только уборную, где польки из Западной Украины торговали косметикой и лифчиками, и сексуального маньяка по капэзсне, который на зачете лапал всех подряд. Слу-

шает, а сам под столом под юбками шарит. Такие вещи запоминаются! Эх, звенеть бы в каком-нибудь ресторане "Черное море" или "Очи черные". Русские романсы исполняет жидовочка Фаня Л.!

1.1.0. Дозвонилась до М. Советская у них. Пьют, гуляют, вспоминают. Никто не изменился. Это они шутят. Не стала звать ее к телефону, чтобы не навязываться. Вечером набирала книгу Марченко. Поразительный язык. Таких описаний Сибири не сыщешь у Распутина. А как рыбу ловили! Никогда там эту книгу не напечатают. Рабочий, который дотумкал все про систему. Такие рабочие им не нужны. Я похвалила Р. "Живи как все", и зря. Он сразу: "Конечно, это факт литературы, но не синтеза. Это воплощение без перевоплощения". Я рассердилась: "Но это же правда, кожей ощущаешь атмосферу преследования, видишь человека в кафкианском пространстве, как он рвет рукопись, выпрыгивает из окна, как его берут в метро, - наш вермонтский мыслитель тоже скептически отозвался о первой книге Марченко. Это у вас ревность". Ирландец сказал, что философы и шахматисты приведут мир к катастрофе. Я спросила, почему шахматисты. Он не ответил. Может, он шахматист? Интересно, что все размышляют о том, что приведет мир к катастрофе, в то время когда она уже произошла. Присутствия ирландца в доме не замечаешь. Впрочем, как и его отсутствия.

12.12.1. Может быть, эта странная нумерация содержит какой-то скрытый смысл? Надо обратиться к кабалисту. Если уж в броуновском движении есть структура, то в моей нумерации она есть и подавно. А что если бы мне открылся ее смысл? Вспомнила: иду в школу, первого сентября в десятый класс. Обычный путь - мимо бетонной ограды детского сада. И вдруг понимаю - точно такая же бетонная стена отделяет меня от чего-то, что я не могу постичь. Но от чего? Неизвестно, потому что это что-то за бетонной стеной. Ощущение сходное с тем, когда ты хочешь вдохнуть полной грудью и не можешь. Воздух доходит до гортани - и обратно. Нет, и это не похоже. Не знаю, как выразить. Бетонная стена - и все. И ты не понимаешь, ты действуешь как в ослеплении, словно тебе в глаза направили прожектор, тебя все видят, ты - никого. И ничего. Вещи не существуют отдельно от тебя, но ты же понимаешь, что они существуют. И в каждой свой смысл. Я никому этого не могу объяснить.

12.1.12. Почему я пишу "советская"(У нее есть имя: обычное: типа Лена-Таня-Оля-Галя? Может: я все-таки в глубине души рассчитываю опубликовать дневник). И тогда советскую

опознают? Дать ей вымышленное имя? Но я поклялась не называть никого, кроме себя и Ника. Всех обозначить вымышленными инициалами. Назвать ее Э.? Пусть будет Э. Во всяком случае на эту букву нет ни одного ругательства. Присутствие Э. успокаивает Все хорошее хочется прибрать к рукам? Так и с Э. Но она прилетит в Нью-Йорк на несколько дней: и у нее тысяча планов? Она боится чего-то не успеть: наверное установка на "сегодня" - так как неизвестно: будет ли завтра: - делает человека активным? Моя же философия - послезавтра, которую мне припаял Р., - располагает к оправданию внутренней неподвижности. Все переносится на послезавтра. Советская назначает на один день пять апойнтментов. Носится на такси, хотя я ей объяснила, что все нормальные люди в Нью-Йорке назначают на один день максимум два апойнтмента. Когда я говорю ей это, она сердится: у американцев есть хоть какая-то уверенность в будущем, поэтому они планируют жизнь на несколько лет вперед, у нее этого нет, она должна выложиться по максимуму.

Увидела у меня на столе дневник Перлы, влепилась в него сразу. Рассказы Р. читать не стала. Меня это огорчило. Говорит, в дневнике Перлы узнала некоторых персонажей, например, под художником - Фритту. Смотрели с ней сериал по Воку, узнала Терезин. Нашла, что Вок ошибся в некоторых деталях. Например, у главной героини отнимают в Терезине пятилетнего ребенка, такого не было. Пятилетние дети там жили при матерях, а когда матери работали, за детьми следили воспитательницы. Откуда она знает? Изучала систему здравоохранения в лагерях, но и попутно кое-что прочла. Зачем? Для того же исследования про ограниченные ресурсы. Я сказала Э.,что сошла бы с ума от таких исследований. Она согласилась: с одной стороны, это тяжело, с другой - обнадеживает. Ей важно проследить момент, когда у человека, дошедшего до полного нуля, открывается второе дыхание. Шмерц! Я сказала ей, что ее исследования - это попытка доказать самой себе, что там можно жить. На втором дыхании. На это она ответила - ей больше нравится общаться с американцами, они не лезут в душу. Нет, я только под травкой ощущаю прилив сил и абсолютную уверенность в том, что живу накануне грандиозного открытия, еще пару затяжек, рухнет бетонная стена и тогда... Что тогда?

9.8.1. Видела во сне Ф. Как я приезжаю к нему в Цюрих, в какую-то гостиницу в мелких цветочках. И застаю его с Евой, нацисткой, белокурой гадиной, которая говорила, что еврейскому вопросу придают слишком большое значение, что сколько их ни истребляй, они все равно вылезают и прибирают денежки к рукам. Я ее избила. В пивной. Меня посадили, нет, это не сон,

меня привезли в участок, и я должна была или заплатить кучу денег за оскорбление ее гнусной личности, - нос я ей раскваси-ла неплохо, - или отсидеть за хулиганство. Ф. нанял адвоката, проклиная меня последними словами. Нет, это не сон. Во сне он будто бы спит с этой курвой, я кричу на него, он выходит в коридор и собирает там цветы с обоев. Дарит мне это пестрое обойное крошево. Оно просыпается сквозь мои пальцы на ковер, гостиничный пол - луг с мелкими полевыми цветочками. Что будет Ф. за разодранные стены? Потом мы возвращаемся в номер, никакой Евы там нет. Он как будто бы Натан, я как будто бы Софи. Он спрашивает меня, как я выжила. Я объясняю, что мне ничего не оставалось, как вернуться в совдеп. В Цюрихской тюрьме можно было бы неплохо пожить, но адвокат быстро закрыл дело, получил свои денежки, чего Ф. мне не смог простить. Кажется, он так и остался с этой, нет слов, кем. Во всяком случае, в Штаты не вернулся. Как я была в него влюблена! Если б не эта скотина, никогда бы не узнать, какой подонок Ф. Интересно, она знает, что он еврей! Все вру. После того как я вернулась из тюрьмы, я еще три месяца жила с Ф. Унижалась, приставала к нему. Липла, как репей. Причина? Красивая жизнь в Европе без Ника, без матери? Наслаждение от того, что тебя топчут и растаптывают? Наконец-то тебя растаптывают! Вдруг за бетонной стеной живет миролюбивое чудовище - о п р а в д а н и е, которого я так жажду?

0.0.1. Пока я здесь занимаюсь плетением кружев, Р. пишет мой монументальный портрет. Затем и бросил меня, - большое видится на расстоянии. Между прочим, я сейчас заметила, что по отношению к Р. - сплошь скепсис. Работа на вытеснение, объяснил мне К. У Р. прилив любви к прототипу. Сказал, что одно мое желание - и весь роман полетит в тартарары. Я спросила: мое или прототипа? Хотя неизвестно, где я, а где мой прототип.

Э. рассказывала, что ее близкая подруга, талантливая писательница, сочинила повесть про режиссершу. Ту, что поставила в театре другую повесть писательницы, из книги. Я спросила ее фамилию, но Э. сказала, что она мало кому известна. Дело в данном случае в самом сюжете. Режиссерша разыскала писательницу, чтобы пригласить ее на премьеру спектакля. После премьеры писательница написала повесть о режиссерше. Потом, когда они сдружились, она ей дала прочесть эту вещь. В повести писательница свела режиссершу со старым генетиком, отбывшим лагеря, умным, добрым и совершенно одиноким. У режиссерши не было квартиры, она поселилась у генетика, к его большому удовольствию. Параллельно у нее начался роман с молодым врачом, который собирался уезжать. В то же время ее

театр закрыли по идеологическим причинам. Жить ей стало не на что и нечем, врач предложил ей уехать с ним. Но как оставить генетика? Он уже совсем стар, не может за собой ухаживать. К тому же с ее стороны это не просто благотворительность. Это духовная близость двух людей разных поколений, одиноких и ненужных никому. Она решает остаться. На режиссершу роман произвел оглушительное впечатление. Она сказала писательнице, что в нем вся правда о ней и нашей жизни, что писательница проникла в такие закоулки души режиссерши, о которых она и знать не знала. Но финал ее огорчил. Она решила не поддаваться на литературную провокацию и уехать. Хотела в Америку, попала в Израиль. Звонит теперь писательнице из Иерусалима и плачет. Если бы и вправду на свете существовал этот генетик, она бы с ним осталась. Но генетик-то существует! Просто писательница свела в повести двух известных ей людей, не знакомых друг с другом.

Как же тогда быть с романом Р.? Неизвестно, какой финал он мне предуготовит. И как поступать - в соответствии с ним или вопреки ему? Интересно, что я делаю на его страницах? Шляюсь по ночному городу в поисках травки и ирландца? Или он с бунинской страстью описывает мой атласный халат и блеск глаз? По-моему, ему должно мешать все то, что он обо мне знает. Разумеется, он не преминет описать сигарету, описывающую круги между большим и указательным пальцем, яркая деталь. Нервический смешок? Нет, банально. Может, он поместит меня в тот корабль, что плыл из Германии в Сент-Луис с евреями на борту и вернулся домой ни с чем, - евреев не взяли. Не схотели их здесь тогда. И скоро снова не схочут. Договорятся. Они со всеми договаривались. Чтобы переделать меня в немецкую еврейку, Р. придется сильно попыхтеть.

2.0.0. Мать вознамерилась съездить в Россию. Что вдруг? Хочет посетить родные могилы. А тетю Этю? Свою любимую сестру, которой она не выслала отсюда ни одной посылки? Решив отъехать к родным могилам, она стала сентиментальной. Рассказывала Нику, как мы хорошо там жили, в тесноте да не в обиде, все вместе, а теперь ее все забыли. Уж ей-то жаловаться! Отдельная квартира, окна на океан. Послушать ее - так непонятно, зачем было уезжать. Соседи добрые, город чистый, продуктов хватало. Все это она говорит, чтобы досадить мне, ждет, когда я взорвусь. Но я беру пример с Ника. Он слушает ее, поедая жаркое, обгладывая тщательно куриные кости - как он напоминает своего отца! Невозмутимостью, умением пропускать мимо ушей все, что его не интересует. Говорят, у Т. набожная жена с вечной мигренью. Может, все к лучшему. Пришлось заводить драндулет и везти мать на Брайтон. Остаться у нас - ни за что. Зачем

ей эта теснота и сигаретный дым! На обратном пути завернула в Сохо. Долго крутилась, негде было запарковаться. В праздники ужасный трафик. В ателье у Д. полно советских. Авангардисты. Сейчас они в моде. Их охотно берут. Д. представил меня как прославленного диктора. Кто-то из советских божился, что слышал мой голос. Теперь не глушат даже самую безобразную радиостанцию, на которую Р. меня сосватал.

Рассказывали: Вейзберг умер, Сидур умер. Ругали совдеп. За что его любить, таких художников загнал в могилу. Я-то не знаю ни Вейзберга, ни Сидура, ни Элиота, ни Джойса, ни герметистов, ни концептуалистов. Авангардисты - концептуалисты или нет? Я - плебейка. Но иногда, спьяну, наберусь смелости и спрошу: а кто такой Сидур? К примеру. Но только спьяну и только когда в себе уверена.

Д. разглагольствовал про язвы совдепа. Любит пошуметь, но он настоящий работяга. Д. говорит: американцы щедро раздают лавры, не боятся перехвалить, а наши - об очевидном гении не скажут доброго слова. Потому что мы - дети совдепа - говорим только от лица миллионов, несем партийную ответственность за свои слова; мы представляем собой или весь континент или, при невероятной скромности, всю страну. Советские кивали. Они похожи на мужиков, которые согласно петровскому указу явились бриться. Д. - Петр I, высоченный и бритый под нуль, произносит перед ними речь о пользе безбородости, - и они согласно кивают.

Когда я уходила, Д. извинился, что не уделил мне должного внимания. Я спросила, какое это такое, должное внимание. Он захихикал. Мужчины такой народ, пусть они сто лет тому назад случайно переспали с какой-то бабой, они уже считают ее своей, мол, только снова захочу... Наплевать. Все-таки это единственное место в Нью-Йорке, куда можно завинтиться без звонка и в любой кондиции. Д. меня не раз выручал, так что я на него не в обиде. Могу и впредь припереться сюда, когда вздумается.

2.1.85. После Марченко трудно набирать А. Все правильно, но скучно. Бросила. По пути к матери зарулила в кафе. Ирландец на месте. Наверное, у него никого нет. Или ему здесь нравится? Помню, когда мы прилетели в Вену, меня поразила одна старушка. Она пришла в ночное кафе со своим бисквитом. Ела его аккуратно, ложечкой, ни с кем не разговаривала. Поела и ушла. Я спросила у приятеля К., поляка-эмигранта, зачем она пришла сюда, ночью. Он не понял вопроса. Захотела и пришла. Но зачем? Захотела и пришла, повторил он. Теперь мне это вроде бы понятно. Пока я относила матери деньги, ирландец спал в машине. Он был не совсем трезв. И чем-то опечален. Или мне показалось? Часто свое состояние переносишь на другого, но скорее всего он действительно был огорчен.

Прошлись с ним вдоль океана. Обычно здесь ветрено, но этот вечер был тишайшим. Сонный океан. В России уже снега, а здесь все цветное. Прожекторы высвечивают яркие пятна - желтый клен, серебряный клен, красный куст, не знаю, что это, - и темно-синее небо с океаном. Ирландец молчал, а я вспоминала, как прошлой осенью летела в Вашингтон через Филадельфию на малюсеньком самолете. Земля была близко, извилистая, с прожилками лесов, с волнистыми краями полей, ничего квадратно-гнездового, - и вдруг дух захватило от благодарности этой земле, ее свободному существованию. Ирландцу такого не расскажешь. Он не любит патетики. Впрочем, кто знает, какой он и что он любит? Я спросила его про Ирландию. Оказывается, он там не был. Его родители приехали в Штаты задолго до того, как он появился на свет; А как же Джойс, "Поминки по Финнегану"? Может, он выдумал, что он ирландец?

1.0.18. Звонила Э. из Вашингтона. Сказала, что разыскала Люстига, автора Перлы. В восторге. Точно такой же, как на фотографии, с шарфом, заправленным в ворот белой рубахи. Люстиг водил ее в ресторан, рассказывал про воровство в Терезине, он пацаном ловко крал и его за это все уважали. Сказал, что воровал и в Освенциме. Она еще минут пять пересказывала Люстига, - я не вслушивалась. Думала, понимает ли она, какой подарок мне ее звонок. Я-то решила, что ничего для нее не значу, так, место, где можно спать, хотя без особого комфорта. Э. уверена - мне непременно надо познакомиться с Люстигом. Этот человек способен поддержать мой дух; Может, познакомиться? Неужели она думает, что встреча может что-то изменить? Кажется, меня бы не спас и сам папа римский. Впрочем, для чего спасать? Что уж такого со мной происходит?

20.5.70. Р. в эйфории. Роман движется к развязке. Я спросила, не слишком ли он спешит. Р. сказал, что спешит не он, а текст. Он буквально рвется вон. Наводил справки о нашей минской квартире. Будто я ее ему не описывала! Все повторила: обычный сталинский дом, с большими лестницами, квартиры с высокими потолками. Три семьи, в каждой комнате по одной. Очень типично и малоинтересно. Предложила ему более романтический вариант. Квартиру нашей с Т. приятельницы в Риге. Примечательная деталь - такая узкая улица, что можно дотянуться рукой до противоположной стены. В доме напротив потрясающий персонаж - Изида. Она лежит на кровати, у открытого окна, голая, между грудями - пепельница, иногда клиенты приносили ей кофе в постель, чашку она ставила рядом с пепельницей. Монументально, но Р. не воспламенился. Его инте-

ресовал интерьер нашей квартиры. Описала: ковры кругом, - страсть матери, - портрет отца на стене в военной форме, три кровати и стол посредине, круглый, под плюшевой скатертью. Ваза с искусственными розами в центре. Это его устроило. Пусть пишет это. А может, теперь я у него буду не только жонглировать сигаретой, но лежать под портретом отца с пепельницей меж грудьми? Технические записи идут мне на пользу. Начинаю тихо ненавидеть Р.

1.0.94. Из-за нумерации не понимаю, что когда было. Срочно нужен кабалист. Тот день, когда я описывала Р. нашу квартиру и Изиду, закончился весьма плачевно. Для Р. Он примчался из Бостона, видно, выехал сразу после разговора со мной, видно, учуял что-то неладное, то есть именно то, чем я завершила предыдущую запись. У него ключи от квартиры. Мы же с ирландцем гульнули. Были в тайваньском ресторане. Ели грибной соус и маленькие шашлычки, невероятно вкусные. Выпили, само собой. Так что были навеселе, если такое применимо к ирландцу. Он всегда примерно в одной кондиции. Я, может быть, кокетничала больше обычного, хохотала, как говорит Р., зазывно. Р. встретил нас не очень, скажем, приветливо. Ирландец сел за стол, как обычно, в ожидании чая. Р. завелся с полуоборота, кричал, что я загубила не только его, но и его вещь, я пыталась утешить его: “Напротив, ты углубишь характер”; на мою издевку Р. прорычал как раненый тигр, сказал, этот твой, так его растак, и чуть не кинулся на ирландца, хотел выхватить у него из рук детектив, который тот уже две недели исправно читает, - но ирландец встал и ушел на кухню, лучше бы он ушел совсем. Но он вернулся со стаканом воды для Р. Тот выплеснул воду ирландцу в лицо, ирландец снял пиджак, встряхнул его и повесил на стул. Р. скинул пиджак на пол. Ирландец поднял пиджак и ушел в комнату, где, как считает Р., имеет право находиться только он. Я стала удерживать Р. хорошо, что Ника не было дома. Но я боялась, что он вот-вот вернется и застанет эту сцену. Ирландец тем временем высушил пиджак утюгом. Я это поняла только после, когда увидела расставленную гладильную доску, попрощался со мной и пошел к лифту. Я выбежала вслед за ним. Но он не требовал ни объяснений, ни извинений. “Не люблю Достоевского, слишком похоже на жизнь”, - сказал он, входя в лифт.

Когда я вернулась, Р. лежал на нашей постели, уткнувшись в подушку лицом. Я приподняла его за плечи. Он плакал. Он плакал, как маленький мальчик, повторяя: “Я так и знал, я так и знал”. Я легла с ним, но он отодвинулся на другой край. Тогда я ушла в гостиную. В голову лезло черт те что. Я не могла разобраться в своих чувствах. Скорее всего, мне все было противно.

Но более всего я была отвратительна сама себе. Потому что мне было страшно потерять Р. Ирландец ирландцем, но с Р. меня многое связывает. Терять страшно, даже когда умом понимаешь, что это к лучшему.

18.17.16. Р. уехал до того, как я проснулась. Посмотрела на себя в зеркало. Неужели вон та, это я? Седая, с мятым лицом, разводами туши под глазами? Какая-то старая грымза с картин Тулуз-Лотрека. Куда бы спрятаться, зарыться с головой? Напустила полную ванну воды. Под водой тело разгладилось, уже не такое противное, как в зеркале. О чем думает старая жопа? Разумеется, о первой любви. Мне было двадцать, ему - семнадцать. Я уже встречалась с Т., отцом Ника, но там ничего не было, кроме обычных отношений между людьми противоположного пола. Собственно, они и завершились потом, через полтора года, рождением Ника. Мальчик кончал десятый класс, писал стихи, поразительные, как тогда казалось в провинции, нет, вру, провинция тут ни при чем, стихи были талантливые, жаль, не осталось в памяти ни строчки, но я и классиков не помню, так что это не показатель. Сейчас мне кажется, что он был похож на юного Блока - курчавый, большелобый... Впрочем, не помню. С Блоком - неправда. Аберрация зрения. Просто хорошенький мальчик. Поэт. Мальчик знал про существование Т., он писал мне стихи в тетради, тетрадь не пропустили таможенники, во всяком случае, я их хранила; Разумеется, была весна. Тогда казалось невероятным чудом - любовь весной, какое совпадение, ай-ай-ай, но сюжет избит, исполосован ремнями литературы. Если бы можно было переделать прошлое, я бы поселила наш роман в лютую зиму. Но и зимние романы запечатлены классиками. Никуда не денешься. Значит, был прекрасный весенний день, когда впереди целое лето, трава зеленая, мелкие цветочки, голубенькие, беленькие, желтенькие. Самые первые, не знаю, как они называются, очень нежные. Я ощущала кожей или подкожей, как его влечет ко мне и как он борется с собой. Зачем, подумала я. И соблазнила его. Все произошло, как говорится, стремительно, мальчик был счастлив, а я свернулась калачиком, уткнулась головой в траву. Хотелось превратиться в улитку и чтобы кто-то наступил на панцырь и раздавил его. Мальчик меня утешал, обещал завтра жениться. Когда я развернулась, то увидела холмистый ельник, с которого мы сбегали на эту поляну, я что-то такое почувствовала, то ли страх, то ли испуг, и снова свернулась в улитку. Помню, деловито прошмыгнул муравей, огромный, как слон, за ним еще один. Мальчик курил и гладил меня по панцирю. Я все слышала - жужжание проснувшейся мошки, шорох пробивающихся сквозь землю стеблей. Мы проскитались с ним все лето

по каким-то лесам, деревням, а потом его мать сделала все, чтобы отправить его в армию. Когда он вернулся, это было страшно. Это было страшно, потому что вернулся не он. И никто никогда не разубедит меня в том, что армия - это конец. И я сказала Т.: "Мальчиков нужно увозить". Нику тогда не было и года. Выходит, я здесь благодаря поэту. Благодаря той минуте, когда я увидела его после армии. Я стала искать людей, которые собираются отъезжать. Встретилась с К. Вот уж его я точно взяла гипнозом. Мы поженились и вместе подали. Для чего, разумеется, пришлось разводиться с Т. Т. вел себя благородно, но попробуй мне возрази! Т. пришлось отказаться от Ника. Он сделал это молча. Здесь я поняла, что это за бред. Если бы мы решили с Ником эмигрировать в Канаду, Т. не нужно было бы отказываться от сына, а К. - его усыновлять. Я говорю Э. - у тебя два сына, им предстоит армия. Нет, говорить об этом - все равно что вращаться на карусели, у которой отказал стоп-кран.

18.18.18. Прилетела Э. Полна впечатлений: города внезапно вырастают на дороге, едешь - вдруг перед тобой огромный город, секунда - и его нет, а потом ты непонятно каким образом оказываешься внутри него, про выставку каких-то пенсионеров с чистым незамутненным взглядом, но не как у детей, а как у стариков, процеженным и отфильтрованным временем, про карусель, которую какой-то дедуля мастерил с семидесяти восьми до восьмидесяти шести лет, про механическое пианино в Кембридже, как пожилые люди следят за текстом старого мюзикла на вертящемся шарабане и поют, пожилые люди ее потрясают, подвижные, мобильные, будто, освободившись от работы, они снова начинают жить и даже лучше, чем раньше; про выставку Арт-Нуво из Мюнхена, чуть не прошла мимо, когда была в филадельфийском музее. А ей важна эта выставка, поскольку ее сейчас занимает мировоззрение художников Германии на сломе веков. "Представляешь, - говорила она, - входишь в музей, а там все, что ты выучила наизусть по альбомам и открыткам, - Клее, Архипенко, Шагал..."

Где уж мне представить! В Филадельфию мы ездили с Ф., запомнила вид из окна: белый небоскреб, выросший после дождя сам по себе, рядом стена с какими-то каракулями, одна стена, но не бетонная, а тонкая, загораживающая часть стройки. Сколько всего я прошляпила!

Э. сидела за столом, подперев голову обеими руками, в ее серых глазах что-то словно промелькнуло, пробежало и исчезло. В глазах, разумеется, ничего бегать не может, но я видела, что там кто-то бегал. Именно в тот момент, когда я думала, что прошляпила что-то такое важное. И Э. сказала: трудно возвращать-

ся из Парижа в гетто. Она ждала моего вопроса -при чем Париж и какое гетто. Я думала: “Сейчас она объяснит, и я пойму, что промелькнуло в ее глазах”. Не во взгляде, в нем только говорится, что что-то мелькает, а в глазах. Э. спросила, знаю ли я, что после детей, которых депортировали из Терезина в Освенцим, осталось много рукописных журналов. Откуда мне это знать? Возможно, ими пользовался Люстиг, когда писал про Перлу, или они ему были не нужны. “Так вот, - сказала Э.,- и ездила в архив Терезины и все это видела”. Глаза у Э. стали какими-то дикими, как у Кузьмы, мне почудилось, что она видит не меня, а тех детей. Тогда я спросила ее, причем все же Париж и гетто. Она ответила: “В Терезине жила девочка под псевдонимом “Мерси”, она потом погибла в Освенциме. О том, что она была, свидетельствует ее текст под названием “Мое будущее”. В нем она описывает, как после войны поедет в Париж, учиться. Видно, девочка была из очень культурной семьи. Итак, она уже в Париже, уже поступила в университет, мечтает наверстать упущенное и быстро двинуться дальше. Ее пленяет Лувр. Она часами стоит перед полотнами больших мастеров, - так она пишет, - и перечисляет: Леонардо да Винчи, Ван-Гог, Сёра. Потрясенная, выходит из Лувра, мечтает скрыться от парижского многолюдья, чтобы в одиночестве пережить всю эту красоту. Она забывает есть, но не забывает писать домой подробные письма. А потом она отрывается от страницы и видит - Бауэрплац, - место, где их часами пересчитывали на апеле. Вот, собственно, и все, - сказала Э., - большое Мерси. Когда это пересказываешь, жутко, но не так, как когда это звенит в ушах, когда это сопровождает тебя по Филадельфии и Бостону, когда с этим не можешь заснуть в университетской гостинице, когда с этим ничего нельзя поделать”.

Я возразила: "У Мерси не было выбора, и у ее родителей не было выбора”. Э. замотала головой. Она больше не может. Зацикленность добивает окончательно. Рождение ведет к смерти, смерть к рождению, из этого лабиринта нет выхода. А он наверняка есть, только мы его не знаем. Я спросила ее, видела ли она “Кукушкино гнездо”. Да, у них шел этот фильм. Она его видела. “Но, - сказала Э., - она не похожа на тех сумасшедших, которые могут выйти из дурдома, но не хотят. Ведь есть два выхода - или выйти, или попробовать изменить что-то внутри”. “Но ты помнишь, чем кончился бунт в сумасшедшем доме?” Я опять сделала Э. больно.

18.17.16. Э. заснула. Я села за работу. Не удается набирать механически. А. раздражает. Что было бы, если бы не убили Столыпина, что было бы, если бы не убили царя? Но убили Столыпина и убили царя! Бросила А., хотя близится срок сдачи.

Э. бередит душу. Скорей бы она совершила перелет из Парижа в Терезин. Дурацкая шутка.

Решила проветриться. У Ника прекрасный сон, этим он тоже пошел в Т. А я научилась исчезать бесшумно. Босиком к двери, сапоги под мышкой.

Выхожу на охоту. Запаслась на пару дней. Заглянула в кафе. Ирландца нет. Спросила у бармена, куда подевался ирландец. Тот показал мне свои роскошные белые зубы. Ответил на испанском английском, что не знает, но рассчитывает скоро его увидеть. Десять лет тому назад здесь не было испанцев, теперь они открыли бистро, лавочки и цветочный магазин.

Когда я вернулась, то застала Э. стоящей на балконе в моей дубленке. Она проснулась, не обнаружила меня дома и испугалась. Чего испугалась? Что со мной может случиться? Откуда она знает, ей стало страшно. Я предложила ей водки с апельсиновым соком. Заварила чай с фиалкой. Сомневаюсь, что фиалка успокаивает, хотя вид цветущих фиалок... В чае они расправляют свои лепестки, но цвета нет. Он утрачен, и уже одно это не может утешить.

Под воздействием водки с фиалкой Э. пустилась в рассказы о посещении школ, больниц, дурдомов Америки. Инвалиды в колясках, разъезжающие по теологискому факультету, вернули ее в российские дома инвалидов и престарелых и она завелась на полный оборот.

Дурочка, я же не покончу самоубийством от того, что в России бардак! Да ни один русский эмигрант не застрелится, если узнает, что на его родине дети не получают психиатрической помощи. Я - не связной Варшавского гетто, не Карский и никому не буду передавать эту информацию. Или она меня воспитывает? Ты, мол, сбежала для лучшей жизни, а я, мол, страдалица, кричу на весь мир о наших язвах и никто не внемлет. В дерьме не стоит копаться, из него надо вылезать, сказала бы я ей, если бы знала, как это сделать. Оно же не снаружи, оно - в нас.

0.0.0. Я на нуле. Э. примеряла юбку. Сидит как влитая. Уговорила ее на парикмахера. Тем более, что после Севера у Э. лезут волосы клоками. Стрижка укрепляет корни.

0.17.100. Парикмахерская отменяется. Вместо парикмахерской она отправилась в Нью-Йоркский университет. На какую-то лекцию. Купила ей бальзам для волос и шампунь. Не знаю, о чем она думает! Туда же нужно все, даже стиральный порошок.

Звонил Р. Роман застопорился. Я сказала, - ноу проблем, - я всегда к его услугам. Не отреагировал.

26.26.27. Уговорила Э. на еврейский ресторан в Гринвич-Вилидж. Там крутят фильмы Чарли Чаплина и дают мел рисовать на столах. Заказали специально для Э. "Оборвыша". Весь фильм смотрела не на экран, а на нее. Значит, и ее можно отвлечь от мраков, от неотступных мыслей, что делать с детьми, нанайцами и как помочь армянам. После обеда сыграли с ней в слова, пять-на-пять, на столе. Не представляла, что Э. такая азартная. Она проиграла и тотчас потребовала реванш. Я спросила Э., думает ли она о своих гагаузах, нанайцах и якутах в постели. Вопрос не ко времени - Э. не находила шестибуквенного слова. Разглядела ее глаза. Серые, с зелеными вкраплениями, но не пятнышками, а мелкими многоугольниками (слово большое, фигурки малюсенькие) или призмами, сквозь них, наверное, совершенно причудливо все преломляется. С такими глазами нужно жить на свободе.

Показывала Э. нью-йоркскую достопримечательность - кафе, где собираются гомосексуалисты. С улицы видно, как они стоят за стойками, обнявшись. На Э. кафе не произвело никакого впечатления. Я спросила Э., как она относится к сексу, или у них там на это нет времени. Не знаю, почему, я спрашивала именно у нее, именно об этом, именно этим вечером. Чтобы низвести Э. до моего примитивного уровня? Э. сказала, что она так устает в последние годы, - это лет десять, - что воспринимает это скорее как обязанность, редко иначе. Ну а кроме мужа? Э. пожала плечами. Она сказала, что здесь и там - разные установки. Здесь - на здоровую жизнь, где и разумный секс прибавляет здоровья. У нас по-другому. "Как по-другому?" - спросила я. Она ответила, что специально этим вопросом не занималась. У нее был роман до замужества, очень такой русский - долготерпение, недельные дежурства у телефона. Это ее вымотало. И больше не хочется. Да, здесь, в Корнельском университете, она познакомилась с симпатичным парнем. Он работал в Индии и на Аляске, в школе. У него тоже, как и у Э., отморожены большие пальцы ног. Живет на берегу Фингер Лейк. Холост. Дом, машина и собака Айси с Аляски. Подходящая пара! Наверняка он в нее влюбился. Э. ответила, что очень даже возможно. Но из этого ничего не проистекает. Я сказала, что любовь неразумна, и что если влюбишься, то не думаешь, что из этого проистекает. Она возразила: муж остался с детьми не для того, чтобы она крутила романы на стороне. Я сказала, что не нахожу прямой связи между этими двумя фактами. Оказывается, ее страшит раздвоенность. Я сказала, что не вижу здесь никакой раздвоенности. Мужчина, с которым спишь, делает тебя другой, Ну, не с которым только спишь - для Э. это могло прозвучать грубо, - с которым сосуществуешь, пусть временно. Это же такой соблазн: узнать другого и увидеть себя иной. Я несла чушь, Э. молчала.

Наверное, думала обо мне то, что я и есть на самом деле и чего я заслуживаю.

2.6.85. Нужно что-то сделать с собой. Я - пустота, о которую ничто не споткнется. Где-то я вычитала такие слова. Пустота не может поставить подножку. Но тело, в котором пустота обретается, может соединяться с другими. В такие мгновения возникает иллюзия наполнения тела плотью души. Сама не понимаю, что пишу. Р. молчит. С тоски набрала две трети идиотского текста А. Может, он зацикленный и вгоняет меня в транс? Я уезжала в 27 лет. Через неделю стукнет сорок. Наверное, все и там постарели, обрюзгли, облысели. Хотя Э. не очень изменилась. Но я ее помню только беременной. Что нас, девушек, не красит. Э. встретила здесь многих друзей, с которыми распрощалась на веки вечные 10-15 лет тому назад. Говорит, что это как встречи с призраками. Я для нее призрак из Минска. Призрак в квадрате, поскольку она уезжала из Минска до того, как я - в Нью-Йорк.

98.76.59. Э. собирает вещи. Сидит на чемодане, принимает тряпки и книги. Рассказывает: ездила к своей бывшей очень близкой подруге в Эмхарет. Та, когда уезжала, клялась ей - главным ее делом будет помощь тем, кто остался. Но не написала ни одного письма. Э. спросила ее причинах молчания. Подруга объяснила: ей было стыдно писать. Такие нормальные проблемы, все разрешимые. С Россией нужно рвать сразу, окончательно и бесповоротно. Иначе умрешь от мысли о тех, кто там остался. Э. сочла такое объяснение убедительным. У нее точно такое же чувство - невозможно видеть все это изобилие, невозможно спокойно жить здесь, зная, как там. Куда же она едет?!

1.8.4. Прибыл К. Чтобы повидаться с Э. Тоже старые приятели. К. - психотерапевт, а Э. интересует наука о человеке. Меня нисколько. Я зевала, в который раз слушая теорию К., остроумную и никчемную, как все, что придумывают мужчины. Суть ее в том, что нужно наслаждаться. Не ново, прямо скажем. Но почему? А вот почему: при современных способах регулирования деторождения на свет появляется лишь тот, кого запланировали. Единицы - вне плана. Мы же - продукты неосторожной любви, везунчики, мы родились благодаря запрету на аборты и полному отсутствию гигиены брака. Мы должны торжествовать - провели собственных родителей. Ни в коем случае не строить из себя жертв. Жертва - это красиво, но в нашем случае - аморально. У жертвы нет выбора. Те, кто упорно продолжает считать себя жертвой режима, плохого мужа, вредного начальника, позорят нашу гвардию случайнорожденных. Им, видите ли, стыд-

но признаться, что хорошо жить - хорошо, а плохо - плохо. Им нравятся смешанные чувства, поскольку они считают своей родиной смешанные леса.

К. растолстел, обрюзг. Его жена, американская Пульхерия Ивановна, приносит своему еврейскому Обломову булки в постель и подкладывает подушки под спину, чтобы кровь не застаивалась во время приема пациентов. Что ж, К. наконец-то реализовал свою мечту. Иногда задремывает в офисе под монотонные исповеди пациентов. Его бесит слово "проблема", проблемы на каждом шагу, их плохо берет гипноз.

И это не Америка сделала, не надо! Это - характер. Обломов в Америке на самом деле мало отличается от Обломова на родине. Разве что манерами Штольца, этаким напускным деловизмом. Я бы посадила К. на яблочную диету.

2.8.91. Они ударились в воспоминания. Как напились и Э. убежала через дорогу на кладбище. К. нашел ее сидящей на мраморной плите. Привел домой, где всегда было полно народу, и уложил спать со своим старшим братом, других мест не было. Сказал брату: не трогай Э., она и так страдает. Они были знакомы с Э. еще до меня. К. подарил всем детям Э. по электронным часам, а ей самой косметичку. Тут он попал пальцем в небо. "Хорошее было время, - вздохнул К., - но все-таки мы вовремя смылись". Еще К. вспомнил, как мы отослали в Союз фотографии с нашего балкона, с небоскребами. Народ опупел. "Но мы с Фаней и не думали никого потрясать, - "мы с Фаней", - как это прозвучало! - послали для удостоверения географических широт - вот здесь мы живем. А так вот представить, а? После наших трущоб и сталинских ящиков, а высотки, с их изысканной симметрией! Ты видела здесь хоть один небоскреб, который символизировал бы авторитарный стиль руководства?" - спросил он Э. Э. поинтересовалась, где сейчас обитает К. Он сказал, что вредная Фаня вернула его в хрущобу, правда в центре, на Манхэттене, рядом с офисом, но привыкнуть обратно, как говорят, требует социального мужества. Э. была в восторге от К. Сказала, что он единственный, кто, ну нисколько, не изменился. Возможно. Только почему эта мысль так нас тешит? Все пустотело.

36.50.2. Э. уехала. Я не смогла проводить ее из-за работы. Да, из-за работы! Мы распрощались спокойно. Не осталось сил ни на какие эмоции.

38.52.4. Я прибавила к каждой цифре по двойке, чтобы мне самой было понятно, что от той записи прошло два дня. Или два месяца? Или два года? В этом пусть разбирается будущий биограф, назначаю в биографы кабалиста. Теперь я постараюсь

описать все, что произошло в последний день. После ухода К. меня развезло. Невозможно без конца погружаться в прошлое, тем более что я не вижу в нем никакого будущего. К. ушел в полночь. После трогательных расцелуев мы спустились к соседу, которого я попросила забрать книги Э. со склада. Чемодан русских книг. Философы-идеалисты, сионисты, даже “История телесных наказаний в России”. Выпили с соседом кофе. Он набросился на Э. с расспросами. Э. - обстоятельная, но не умеет отбрехиваться. Мне надоели рассказы Э. о совдепе. Хлестаковщина. Небось Э. никогда не встречала такого внимания к своей персоне. Не податься ли в Россию? Пусть они там меня порасспрашивают о жизни эмигрантов в Америке. Это было бы поинтересней “Декамерона”. Не то, что постная эта политика, без мяса и стирального порошка. Второй раз говорю об Э. с раздражением. Сначала обозвала Хлестаковым, теперь цепляюсь к тому, что она раскидала свои вещи. Э. тяжело встречаться с призраками, мне тяжело с ними расставаться.

Я ушла. Решила лечь, чтобы встать пораньше, купить коечто для Москвы, аккуратно перепаковать ее вещи, она их просто побросала. Я оставила дверь открытой и спустилась в гараж. Села за руль. Время остановилось. Как на часах в Треблинке. Все - камуфляж: эти небоскребы, вывески, даже небо из картона. Хотя, что я придралась к небу? Мне просто хотелось точно знать, что все, абсолютно все, наша выдумка, что нас нет - ни соседа, ни меня, ни Э. Такая же выдумка, как Древняя Греция или Шумерское царство. Однако я направилась к метро, чтобы позвонить Р. из автомата. Инколлект. Если он захочет со мной говорить, то операторша нас соединит. Если нет - то нет. Никому из нас в таком случае это не будет стоить ни цента. Когда все рвется и трещит по швам, денежные отношения приобретают таинственную значимость. Все это я продумывала, пока операторша набирала номер Р. в Бостоне. И продумывала зря, телефон не отвечал. Никто никому ничего не должен. У телефона валялся все тот же бродяга. Вернулся на свое насиженное место. Мне захотелось потрогать его, живой он или это кукла из трухи? Я присела на корточки и приподняла край одеяла. Нет, этого не может быть, - подумала я. Такого просто не бывает. Под одеялом лежал мертвец, тот самый Тарзан, который несколько дней назад по моему совету уперся отсюда, лежал здесь, но он был мертв. Я позвала полицейского. Он заглянул туда, куда я, и сказал, да, мэм, это прискорбно, но вы правы. Идите, я займусь этим сам. Спасибо вам, мэм. Толстый добродушный негр-полицейский, на него вполне можно было кинуть бродягу. Я вышла из метро, дул ветер, Джорнал-сквер - открытое место, ветры волчком вьются вокруг небоскребов. Я нашла место, где потише, и закурила. Я пыталась гнать от себя это ощущение мистификации, отсутствия. Мертвый бродяга все же был не из трухи,

а из плоти, которая застыла в нем, но она же недавно еще струилась в его сосудах, иначе бы он не смог сдвинуться с места, а он пошел, укрытый с головой одеялом, в сторону платформы, значит, он был. И его тело тоже свидетельствует о том, что он был. Но что свидетельствует о том, что было Шумерское царство? Нет, мне срочно нужна была травка, иначе бы я пропала. Как назло, этого типа на углу не было. Я бросилась в кафе, если ирландец вернулся, у него наверняка можно будет разжиться. Ирландец вернулся! Я кинулась ему на шею. Я сказала, что в метро нашла мертвого бродягу, что мне нужна травка и срочно. Ирландец усадил меня за стол, снял с меня дубленку, заказал воды со льдом. Я выловила самый большой кусок льда и положила его в рот, чтобы молчать. Это было самым важным делом - молчать. Ирландец сказал, что мертвым уже не поможешь. Но неизвестно, хорошо быть мертвым или нет. Но что и живой живому не всегда может быть полезен. Наверное, если бы у меня всегда был полон рот льда, я бы гораздо больше узнала про ирландца.

Когда лед растаял, ирландец дал мне курево. Я сказала ему, что живой живому все-таки полезен. Но не всегда, - повторил ирландец. Не знаю, сколько времени мы провели с ним в кафе. Вернее, сколько прошло с того момента, когда я вышла из дому. Я объяснила ирландцу, что у меня дома советская, которая утром уезжает, и нужно ей помочь. Помочь уехать? - не понял ирландец. Я спросила его, где он был эти дни. Он сказал, - не здесь. Ничего от него не добьешься. Мы курили, пили кофе, приходили три испанские девушки в сопровождении какого-то жирняги, они тоже курили, но другое, судя по запаху. Я спросила ирландца, почему он избрал испанское кафе. Он ответил, что не нашел ирландского.

Мы вышли на улицу, еще не светало, значит, было часов пять или шесть. Что подумает Э., когда увидит меня с мужчиной под утро? Мне было все равно, я не хотела, чтобы он уходил.

Дома был переполох. Э. разбудила Ника. Ник сделал мне выговор. Э. была зареванная, она теперь уже точно была уверена, что что-то со мной случилось. Ведь я ушла, второй раз уже, не предупредив, исчезла на всю ночь. Я сказала ей, что действительно что-то случилось, наврала ей, что мы возились с мертвым бродягой, что если бы не этот джентльмен, с которым я познакомилась при удручающих, прямо скажем, обстоятельствах... Я врала при Нике, Ник посмотрел на меня с нескрываемым отвращением и ушел спать. Я кривлялась, хихикала, Э. смотрела на меня остановившимися глазами. Я сказала Э. - наверное, она теперь жалеет, что остановилась здесь. Кто я такая? Зачем она меня выбрала? Не нашлось местечка получше? В центре города, в образцово-показательной семье, спаянной, без раз-

двоенности, где ложатся спать в 10 p.m.? В конце концов я сказала Э., что курю такие специальные сигаретки, и если она желает попробовать... Я сказала ей, что всякое живое существо имеет право на всякие фокусы и плохо ему может быть и в раю. Вот всем там хорошо, а ему, видите ли, там плохо! Призраки не того цвета, бесформенные, а хочется формы, этого знака воплощенной собранности.

Э. сказала, что она ничего не понимает, ведь она не упрекала меня, просто волновалась. Вот и все. Вот и все. Ирландец дочитывал последние страницы детектива. Р. тогда умудрился облить и книгу, обложка съежилась. "Русские много страсти вкладывают в слова, - заметил ирландец, - слова им заменяют все. Знают ли они о существовании пауз".

Э. спросила, откуда он сам-то родом. Он сказал - из Голландии. Э. спросила, бывал ли он в музее Ван-Гога. Она мечтает там побывать. Ирландец, - непонятно теперь, кто он на самом деле, но все-таки скорее ирландец, - сказал, что бывал, но Ван-Гога там не видел. Э. спросила меня по-русски, не сумасшедший ли он часом. Я ей ответила, что нужно быть осторожней и выбирать слова, может он русский и прикидывается? Поскольку ирландец на этот мой пассаж не отреагировал, можно было смело заключить, что он не русский. "Как, не видели Ван-Гога?" - удивилась Э. Ирландец объяснил, что видел Ван-Гога однажды, в детстве, в плохонькой книжке с репродукциями, вот тогда он его один раз и видел. "Вы и людей так воспринимаете?" - спросила Э. "Как?" - спросил ирландец. Неужели я такая бесцветная тварь, что со мной довольно спать и помалкивать! "По первому впечатлению". - Э. с трудом подбирала английские слова. "Это не впечатление, а открытие, - возразил ирландец. - Есть разница". "Как удержать в себе ощущение открытия?" - спросила Э. Видно, ее, как и Р., уже интересовал не сам человек, а предмет беседы. Р. людей не видит вообще, он создает их на бумаге, как бы сослепу, и сам удивляется, что они у него выходят с лицами, характерами, почти живые. Почти. Я намеренно соединила Э. с Р., чтобы с ними обоими расплеваться разом. Но кто же этот ирландец, ирландец или голландец? "Не знаю", - ответил ирландец. Но не мне, а Э., на ее совершенно по-дурацки поставленный вопрос. Если б можно было удержать в себе хоть какое-то ощущение!

9.8.18. Не хватает духу на длинные записи. Звонила Э. перед отлетом из Вашингтона. Она забыла у меня кучу вещей: записную книжку, джинсы, шампунь, бальзам для волос. Попросила передать с кем-нибудь все, кроме джинсов. Их велела торжественно выкинуть. Справить по ним тризну. В голосе Э. было какое-то истерическое веселье. Я передала ей, что звонил ее друг с

обмороженными пальцами. Она сказала: “Мерси”. Она нарочно упомянула Мерси, чтобы я поняла, что она сейчас испытывает. Я поняла.

4.6.9. Рождество. Это не наш праздник. Ник ушел к друзьям. Я объяснила ему, что у православных, если он таковым себя считает... “Я себя никем не считаю, - перебил меня Ник и прибавил: - Донт вори! Хэппи Кристмас!” Пытаюсь представить Шереметьево, зиму, настоящую, не как здесь, - выходит плохо. Э., ко всему прочему, забыла тексты своих лекций. Я честно пыталась прочесть первую страницу. Какие-то цифры, диаграммы. Этого я боялась со школьной скамьи. В конце концов, надоело разбираться в процентах чукчей, нанайцев и гагаузов. Так, наверное, проходит любовь, она проходит, и все, что с ней связано, становится пустотой, о которую не споткнуться.

Разделалась с А. Отнесла готовый набор к соседу. Он поинтересовался, что слышно о советской. Забыть ее не может. А я - могу. Я научилась не привязываться к людям. Кузьма - дело другое. Честный зверь. Сказала, между прочим, что А. - бездарь. Я бы его не стала печатать. Сосед согласился. “Парень хороший, жалко обижать”. Русский альтруизм. Попросила денег вперед. После отъезда советской все прокурила. Вела такую жизнь, о которой противно рассказывать даже самой себе.

20.1.20. Р. закончил роман. Так быстро? Но уже весна. Неужели? В Америке широкая общественность не отмечает Международный день 8 Марта, только социалистки. В России я бы не проспала весну, на 8 Марта на работе преподнесли бы четыре тюльпана и пять нарциссов в комплекте. Или одни тюльпаны. Или одни нарциссы, по низшему разряду. Р. важно мое внимание. Не как персонажа, как человека с чутьем. С природным вкусом, - прибавил он, доплатив. Почему я все время чувствую себя обиженной? Если я обижена, то только тем, что не могу пробиться сквозь стену.

20.7.89. Пыталась перевести ирландцу слова Флоренского, которые только что набрала для сборника “Русские мыслители. XX век”. “Художник изображает не вещь, а жизнь вещи по своему впечатлению от нее”. Как ни крутила, вышло неуклюже и неточно. Ирландец промолчал. Он не любит определений. Его не интересуют русские мыслители. А что его интересует? “Пустота”, - сказал ирландец. “Тогда ты нашел прекрасный объект”. Ирландец согласился. Я спросила, кем он работает. Он сказал, на жизнь хватает. Я боялась, что приехал Р., и не пригласила ирландца. Когда я уходила из кафе, чувствовала спиной его взгляд. Очень спокойный.

7.8.5. Р. ждал меня дома. Как, впрочем, я и думала. С бутылкой коньяка и объемистой папкой. Какой он, Р.? Высокий, светлый, аккуратно одетый, совершенно не еврейский на вид. Не скажешь, что он из Одессы. Скорее, инженер по холодильным установкам из города Горького, приодевшийся по случаю заграницы. Тем более дико смотреть на него, когда он заводится. Словно из недр этого человека в наглаженном костюме выползает тысяча маленьких чертей, они кусаются и щипаются, но не задевают за живое. Так слоняются по поверхности и создают месс. Р. рассказывал, что в детстве у него было много игрушек, а квартирка тесная. Когда он подрос, мать подарила все его игрушки соседскому мальчику. С тех пор Р. обиделся на мать, на мальчика, который, не имея никаких на то оснований, стал обладателем богатства. Р. говорит о себе: я фрустрированный с детства. А что если ничего ничем не объяснять? Не пытаться организовать рванье в красивый орнамент? Кажется, именно это удается ирландцу.

Мы выпили за роман. “Каким бы он ни оказался, ты получил удовольствие от самого процесса”, - так я сказала ему. Реакция была стабильной: “Ты не веришь в мой талант”. А если это он прав? Но это, конечно, неправда. Так только кажется сейчас, после отъезда советской. Р. жаловался: совершенно опустошен, текст-пылесос высосал из него все внутренности. Мне следовало ему сочувствовать. Сочувствие выразилось в известной форме... Так Перла жалела старого художника. Когда Р. заснул, я ушла с романом в гостиную. Не терпелось узнать, какова жизнь вещи по впечатлению художника, то бишь Р.

1.8.800. Письмо от советской. Сплошное “Все в порядке”. Дом, дети, муж, работа. Впечатления об Америке сообщит отдельно, когда устоятся. Самым странным показался ей ирландец. Похоже, не человек, а какое-то другое явление природы, которому не подберешь названия. Р. - с амбициями, Ник добрый, К. - прелесть, Кузьма - хулиган. Ну и, конечно, она очень-очень благодарна мне за все, все, все.

Может, пустой конверт, подписанный ее рукой, порадовал бы не меньше.

7.8.6. Можно ли считать роман Р. “Послезавтра в Сан-Франциско” несуществующим? Ирландец презентовал картину - серый кот на фоне зеленых колючих кактусов. Кот смахивает на Кузьму. Спросила ирландца, чье это, он ответил: “Твое”. Может быть, он - художник?

29.68.68. Просила Р. переделать конец, придумать что-нибудь другое. Ведь он убивает этим не меня, а роман. Р. закричал: “Что это за литкружок при доме пенсионеров! Кто бы посмел

советовать графу Толстому не бросать Анну Каренину под поезд, не отправлять князя Андрея воевать, никому не приходило на ум вырывать пистолет из рук Вертера!" И все в таком духе. И тут я взвилась: "Ты мечтаешь, чтоб я сдохла, я разрушаю твой имидж!" Р. ответил, что теперь-то он видит, как он прав, тысячу раз прав. Когда он шел к финалу, то человек в нем, человек, который предостаточно знает Фаню Л., этот человек хотел сохранить Эстер, но художник воспротивился человеку, художник видел именно эту развязку и никакой другой. Но это же сентиментальная пошлость - топить в прекрасный день, в прекрасном океане неверную любовницу вместе с ее придурковатым немцем-эмигрантом. Р. зашипел, полез зачем-то в карман пальто, уж не плохо ли ему, может, он ищет валидол, - подумала я. Но просчиталась, он со всего маху запустил в меня ключом от моей квартиры. Попал по губе. Наверное, шрам так и останется, небольшой, но заметный, ничем его не замажешь.

9.10.100. Наверняка роман принесет Р. тот самый успех, которого он жаждет. В принципе, чем-то же нужно было завершить монументальное полотно об эмиграции, все классические романы завершаются естественной или насильственной смертью героев. Видно, как текст раскалывается на две части. Раскол случился в тот вечер, когда Р. увидел нас с ирландцем. Он рыдал, повторяя: "Я так и знал, я так и знал!"

После этого он принял решение - упечь Эстер в Израиль и пусть она там обнаружит свое истинное лицо. С этого места Эстер, которую он не судил, напротив, всячески выгораживал в первой части, - из жертвы превращается в фурию. Бросает ребенка, пьет, совращает набожного еврея, еще и обкрадывает его. Все пороки, какие есть в женщине, - и тут я согласна с Р., что в женщине их куда больше, - обнаруживают себя. В первой - Эстер в них как бы и не виновата: жуткая жизнь, мертвая квартира, злобная мать... С Израиля все катится в пропасть. Мудрый старик - герой Шестидневной войны - пытается образумить Эстер, эту заблудшую дочь еврейского народа, - тщетны его усилия. Конечно, Р. подарил мне Изидину пепельницу меж грудьми и кофе в постель. Кофе с пепельницей, обнаженная грудь... Герой Шестидневной войны оплакивает живую Эстер, рвет на себе волосы и посыпает их пеплом. Видя такое дело, Эстер уезжает из Израиля в Америку, где тотчас вступает в порочную связь с поляком, представителем антагонистической ментальности, при этом крутит роман с каким-то сыном немца-эмигранта из Казахстана. Сын-ублюдок, он осуждает своего отца, который вывез его в Америку, а не в Германию. К тому же он оказывается антисемитом. Тут бы Эстер порвать с ним. Но нет. Она бредит поляком и спит с немцем.

Поляк, профессор полонистики, моет посуду в Русском ресторане, по контракту, чтобы заработать валюту на семью. Он - патриот, верующий, прекрасный семьянин. Эстер расставляет силки, но не уловить ей душу католика. Она не оставит ни семьи, ни родины. Живой укор! Пример! Но Эстер неисправима. Такая тварь. Правильно Р. ее топит. В России, между прочим, я бы и не умерла красиво, один дурак позвонил бы другому дураку среди ночи - срочно нужна надпись на красной ленте черной тушью, - а здесь я тону в океане, не в луже с бензином, и не одна, а с немцем, избавляю еврейский народ от себя и от него разом. Да так долго тону-то, целых шесть страниц. Тону под пером Р.

2.1.9. Никаких планов на отпуск. Р. сообщил, что собирается в Россию. Ему прислал приглашение К.С. - известный писатель, бывший друг Р. по Одессе. Хорошо бы они улетели с матерью на одном самолете. Р.дал прочесть роман советскому издателю, который был в Бостоне, тому понравилось, попробует предложить в "Новый мир". "В таком виде?" - спросила я. Р. признался: конец того тоже не устраивает. Он предложил остановиться там, где Эстер размышляет о пустоте. "Не соглашайся, - сказала я. - К тому же в России твой роман прозвучит как призыв: "Евреи! Оставайтесь на своих местах. Видите, вам не помогает даже эмиграция!" Р. взвился - как я смею обвинять его в конъюнктуре! "Но ты же по советской указке снимешь финал", - сказала ему я. "Моим главным желанием было вывести тебя на чистую воду", - сказал Р. "Чтобы в ней и утопить", - добавила я. Нет, я этого не сказала. Я это сейчас подумала.

2.6.10. Как пробить в стене хоть крошечное отверстие? Глянуть бы, какие возможности могут еще открыться, возможности, которых не только что предположить, предугадать нельзя. Каждый понимает то, что хочет понять. Каждый достраивает образ по-своему, завершает его произвольно. А что в действительности? Или она такая же ирреальная, как небытие, только повернутая к нам, пока мы дышим? Или нужно замолчать и в тишине услышать смысл, таящийся в молчании? Ирландец сообщил, что заработал кучу денег. Предлагает слетать в Калифорнию. Только этого не хватало!

10.1.100. Жара. Сплю при открытом балконе. Дышать совершенно нечем. Ник уехал в Кливленд, к приятелю. Мы с Кузьмой ворчим и потеем. Может, слетать в Вашингтон, познакомиться с Люстигом? С тоски перечитывала дневник Перлы. В Терезине я была бы только проституткой.

67.5.9. Ирландец проявил настойчивость. Принес два билета на самолет, туда и обратно. Всего неделя. Если я откажусь, он улетит один. Сейчас сезон, отказаться можно в последнюю минуту. Штраф минимальный. Я спросила, почему в Калифорнию, а не в Гонолулу. Там тоже хороший пляж. Ирландец ответил, что в Сан-Франциско есть где жить, а в Гонолулу трудно с гостиницей. Улетаем послезавтра.

1.17.1. Не знала, брать с собой тетрадь для технических записей? Больно уж громоздкое сооружение. Но в последнюю минуту пихнула в сумку. Ирландец, даже если захочет, не прочтет. Хорошо, что он меня уговорил. С ним странно себя чувствуешь. Вроде он есть - и его нет. Может, Э. права. Это какое-то другое явление? И познание неизвестного доселе явления и есть открытие неизвестной возможности?

Я прервалась, чтобы прочесть письмо от Р. Как он меня здесь разыскал? Через Ника? А Ника через кого? Я вышла на террасу и нашла конверт. Думала - хозяину, нет - мне. Р. впал в маразм: выслал мне якобы вырезку из якобы какой-то газеты следующего содержания: "О влиянии литературы на жизнь. Р., автор известных романов, таких-то и таких-то, в своей статье приводит несколько любопытных фактов. В частности, недавно Р. подготовил к публикации новый роман "Послезавтра в Сан-Франциско" о проститутке из Советского Союза, которая после серии неудачных попыток начать новую жизнь тонет с любовником в океане на берегу Сан-Франциско. Недавно Р. получил трагическое сообщение: прототип Эстер - Фаня Л. утонула при вышеуказанных писателем Р. обстоятельствах. Незадолго до своей трагической кончины она ознакомилась с рукописью романа Р. Вот еще одно свидетельство непосредственного влияния сюжета текста на сюжет жизни". Идиотизм. Но мне стало как-то не по себе. Я побежала на пляж за ирландцем, на нашем месте его не было, тогда я стала всех подряд спрашивать, не видел ли кто такого-то мужчину, высокого, худого, с бородой, но здесь такие на каждом шагу, а примечательных черт у него нет, разве что близко посаженные глаза, одет в белые джинсы, рваные, без майки. Все советовали обратиться в полицию. Как я раньше не сообразила. Привыкла у нас спрашивать у людей и избегать ментов. Полицейские не поняли, что случилось, ну, отлучился, человек, вернется. Вот я и жду.

0.0.0. Его нет. Теперь уже и полиция задействована, и водолазы. Пока не нашли. Но ведь у Р. в романе ясно написано, что я утонула вместе с немцем-эмигрантом. Неужели он не ирландец, а немец-эмигрант из Казахстана?! Звонила Р. Проклятие,

его нет в Бостоне. Уже четвертый день. Вдруг это все козни Р.? Но я-то жива! А может, и я утонула?

18.18.18. Ирландец вернулся! Вся литература - враки! Правда, он сказал, что он не ирландец, а шотландец, но мне все равно, главное - жив. Я спросила его, где он был. Ответил - не здесь. Я сказала, что его искали водолазы и полиция. Он сказал, что когда человек не здесь, его не могут найти ни водолазы, ни полиция. Оттуда, где он был, он принес или привез огромного осетра, сказал, что будем его есть послезавтра на прощание. Почему на прощание? - спросила я. Он уезжает на родину. Я спросила, где же все-таки его родина. Он ответил, что еще не знает. Сначала нужно туда добраться.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Информация приходила к Дареллу самыми разными путями.

Можно считать, это началось, когда престарелый имам Язид Абу аль-Маари из Джидрата проснулся после беспокойной ночи и увидел яркие отблески солнечных лучей на изогнутом клинке кинжала, рукоятку которого сжимали аккуратно наманикюренные пальцы полковника.

Имам был очень стар. Всю жизнь он провел бок о бок со смертью и потому больше ничего не боялся. Он приподнялся на низком ложе, обложенном подушками, которые поддерживали его хрупкое тело, и посмотрел сквозь резную решетку балкона. Свет дал ему понять, что пришло время утренней молитвы. Город был залит белым ослепительным солнцем. С возвышенности, на которой стоял дворец имама, открывался весь Джидрат, лежащий в пологой чаше вокруг гавани, забитой танкерами, дхоу и баггалами, теснившимися в узкой полоске причалов, зажатых между раскаленной пустыней и сверкающей гладью моря. Он увидел улыбку полковника Таарифа, который, сидя в плетеном кресле, играл тонким длинным лезвием.

- Почему бы тебе сразу не убить меня? - тихо спросил имам.

- Еще не пришло время...

- Тем не менее, ты смог бы подкупить охрану.

- Это всего лишь вопрос денег, Ваша светлость.

- Если Хамам принимает от тебя взятки, значит, я больше не могу ждать от него защиты. Джидрат ско-

Эдвард
ЭРОНС

ЗАДАНИЕ ЗОРАЙЯ

ро станет твоим. И ты должен быть готов к этому.

- Скоро так и будет,- улыбаясь, согласился элегантный полковник.

- Мы одни?

- Да.

- Согласен ли с этим кади Гхерзи?

- Он согласен.

Имам сел. Отчаянно колотилось старое изношенное сердце. Из-за стен Фаиза, древней резиденции феодальных правителей Джидрата смутно доносились звуки города. Далеко в гавани гудели насосы, закачивая нефть в трюмы танкеров, которые высились у терминалов, привязанные толстыми шлангами - словно какие-то странные животные, причмокивая, сосут материнское молоко. За ними лежало раскаленное зеркало Оманского залива.

Помещение имама во дворце было высоким и прохладным; толстые древние стены обеспечивали в нем покой и тишину. Изразцовый пол был покрыт коврами. На маленькой низкой скамеечке, инкрустированной перламутром, лежал Коран имама, толстая кожа обложки была украшена крупными жемчугами. Среди разномастной мебели (персидский резной комод стоял рядом с современными столом и книжными шкафами) заметно выделялось то, чему была отдана истинная любовь старика. Его усталый взгляд с нежностью скользнул по томам поэтических сборников Хамасы*, Муаллагата и Моффадилиджата. Он смутно припомнил строки Амру-ал-Каиса, написанные пятнадцать столетий назад. На полках стояли также сочинения античных философов Кинли и Ал-Газеля, исторические труды Бухари, Ибн Халдуна и Табари. Когда годы его стали клониться к закату, имам углубился в изучение золотого века арабской литературы. Может, это было ошибкой, подумал он сейчас, настолько отгородиться от мира.

Полковник Али Таариф принадлежал к новому поколению арабов - он был решителен, энергичен и амбициозен; он поддерживал контакты с миром, омывавшим берега ислама. Имам видел перед собой стройную подтянутую фигуру полковника; гордо выпяченная челюсть отливала синевой после бриться, прямая линия рта изобличала жестокость полковника; и действительно, за спиной у него было долгое кровавое прошлое в роли начальника полиции и главы армии Джидрата. В умных темных глазах Таарифа таилась насмешка.

Старик вздохнул.

- Ты дурак, Али. Ты пожертвовал друзьями ради тщетных мечтаний о славе. Ты стал предателем и тебе предстоит поедать

---

* Хамаса - Антология произведений арабской классической поэзии VI-IX вв., где стихотворения расположены по темам.

верблюжий навоз, как и тем, кто много обещает, но кто в конце концов лишь опорочит ислам.

- Я тружусь ради вящей славы ислама, - ответил Таариф.- Ради возрождения нашей святой цели, Ваша светлость. Неужели вы будете противостоять воле Аллаха?

- Пока я спал, ты подкупил мою охрану и, подобно ползучей змее, проник в Фаиз,- сказал имам. - Теперь ты можешь убить меня.

Полковник Таариф не сводил с него взгляда.

- Где Зорайя?

- Затерялась в просторах и глубинах мира.

Имам почувствовал, что ему трудно дышать. Измятое временем лицо с большими темными глазами было полно страдания. Он был болен. Он знал - то, что живет в нем, что бы ни говорили ученые медики-хакимы, не прекратит расти, пока полностью не поглотит его. Иль Аллах, да будет на то его воля. Но, мрачно подумал он, Аллах мог бы и не торопиться, подождать еще немного. Бытие сопряжено со столь многими изменениями! Годы, отпущенные человеку,- всего лишь горсть песка, что джины пропускают меж пальцев. Ему доводилось видеть, как пастухи, обитавшие в темных шатрах пустыни, контрабандисты, погонщики верблюдов и пираты Оманского залива становились купцами, путешествующими по всему миру, а потом превращались в дряхлых развратников или фанатичных политиков. Когда тут под песками была найдена нефть, мир внезапно распахнул перед ними двери, и они стали вести себя, как дети, заполучившие в руки опасную игрушку. Воплощением новых джидратцев стал стройный, затянутый в мундир, полковник Таариф, который сейчас сидел рядом, положив ногу на ногу в блестящих сапогах и, поблескивая улыбкой под усиками, которые он отпустил в подражание тому маньяку в Каире.

Имам смотрел на полковника, который ныне стал его врагом.

- Я почитаю не то, что почитаешь ты,- тихо сказал он.- И ты поклоняешься не тому, чему поклоняюсь я. У тебя свои боги, у меня свои.

Таариф улыбнулся.

- У вас нет необходимости цитировать мне 109-ую суру, Ваша светлость. В священных хасидах Сунны также говорится: “Разность мнений среди моей общины - это знак божественного благоволения”.

Имам растерялся. Он не ожидал, что полковник Таариф настолько хорошо знаком с поучениями Магомета.

- Я должен еще раз спросить вас, Ваша светлость,- сказал полковник.- Где Зорайя?

Имам засмеялся, хотя смех его напоминал, скорее, задыхающийся кашель.

- Найди ее,- выдохнул он.- Тебе придется обыскать все просторы мира! Вот и догони ее!

- Я должен знать, где она,- настоятельно сказал полковник.

- До того, как ты начнешь?

- Да.

- До того, как ты убьешь меня?

- Может быть, теперь-то ты скончаешься.

Имам покачал головой.

- Нет. С благословения Аллаха, это произойдет не сейчас. В противном случае ты мог бы убить меня и во сне.- Откуда-то из глубин дворца доносилась монотонная мелодия н у б ы, которую выводила флейта. Кантату можно было исполнять и в инструментальной оркестровке, и для голоса, но он не слышал певца. Он повернулся к полковнику.- Так что, насколько я понимаю, ты не решишься сразу же убить меня.

- Ислам поднимется,- резко бросил полковник.- И вам, замшелым старцам, не помешать этому. Кади поведет арабов к победе в новом священном д ж и х а д е.

- Я не так стар, чтобы не понимать, как выглядит сегодняшняя война,- сказал имам.- Ты во власти дьявольских мечтаний. Ты зависишь от ложных друзей, они поставляют тебе оружие, но они же только и мечтают о том, чтобы уничтожить Коран.

Задыхаясь, он откинулся на спину. Он действительно был очень стар, борода его была как снег, и пребывание в пустыне уже в давние времена выжгло из него все жизненные силы. Он еще раз смутно попытался понять, каким же образом Таарифу удалось втереться в доверие к страже и прокрасться мимо Хамама, капитана нубийской охраны, который спал у дверей его покоев. Впрочем, теперь это не так важно.

- Я не скажу тебе, где найти Зорайю,- бросил он.- И если ты даже найдешь ее, помощи тебе она не окажет. И попробуй обыскать весь мир, чтобы обнаружить ее.

- Я найду ее куда скорее,- уверенно сказал Таариф.- И тогда прольется кровь.

Информация пришла к Дареллу из совершенно другого источника.

Определенным образом, начало ей было положено в служебном кабинете консула Т. П. ("Ти-Пи") Феннера, представлявшего интересы Соединенных Штатов в независимом имамате Джидрат на берегах Оманского залива - островке песчаных барханов и известняковых скальных пород, плававшем в море нефти. От берегов его танкеры прокладывали курс на Запад.

Типи (Тадеус Филипп) Феннер ненавидел Джидрат. Сенатор Хеншоу, который обеспечил ему этот пост, описывал Джидрат как райский оазис на берегу залива. Но Феннер ненавидел грязь и вонь Джидрата, ненавидел его богатство, нефть, шейхов в бе-

лых галабеях, разъезжающих в "кадиллаках", отделанных слоновой костью, их дворцы с кондиционированием, слуг и баб. Он ненавидел ослепительную гладь моря, пески пустыни, арабов, имама, полковника и кади. Но больше всего он терпеть не мог свою кличку Типи, которая почему-то постоянно преследовала его. Он не хотел, чтобы она как-то напоминала об индейцах Оклахомы*.

Он был толст, у него было высокое давление и в этой адской жаре он страдал от постоянно опухающих ног. Он получал какое-то извращенное удовольствие лишь от снедающей его постоянной ненависти.

Конечно, трудно было подобрать более неподходящего человека на такой пост в Джидрате - и в такое время.

На первых порах, в Вашингтоне не сомневались, что решение принято правильное. Т. П. Феннер знал нефтяное дело, как любой житель Оклахомы, где чуть ли не у каждого на заднем дворе стоит нефтяная вышка. Возмужание его пришлось на суровые времена, когда все решалось едва ли не кулачными схватками, и он знал все номера, которые приходилось откалывать в этом деле. Он так и не женился, ударившись в политику - сначала в столице штата, а потом в Вашингтоне. Он был весел, неглуп, преуспевал - так почему он не будет чувствовать себя как дома у арабов, у которых неожиданно потекли миллионы нефтедолларов в сундуки, где раньше хранились лишь жалкие бумажки, получаемые от мелочных сделок и торговли рабами в Саудовской Аравии, где правила династия Риядов? Будущее представлялось Типи более чем прекрасным. Ему не приходило в голову, что он может возненавидеть арабов с той же силой, с которой он относился к оклахомским индейцам, в свое время подавшим на него в суд за то, что он хотел оттягать у них племенные земли для поисков нефти.

По сведениям госдепартамента, поступившим два месяца назад, в Джидрате все было спокойно.

Имам Язид Абу аль-Маари правил маленьким независимым государством пусть и старческой, но уверенной рукой. Правда, здесь же пребывал и кади, неукротимый религиозный фанатик, неустанно призывавший к новой священной войне во славу ислама, не только вдохновляя жизнь в старое движение ваххабитов, которое пришло к власти в соседней Саудовской Аравии - но он шел еще дальше, обращаясь к словам шиитских пророков, призывавших к восстановлению истинного халифата под владычеством еще не объявившегося имама Халида, который придет в облике Махди, Освободителя. К тому же здесь существо-

---

* Типи - переносное жилище североамериканских индейцев: шалаш конической формы, покрытый бизоньими или олеными шкурами. - Прим. пер.

вал и полковник Таариф, глава армии и полиции, который считал себя и Насером из Египта и Касемом из Ирака; он вел опасные игры, лавируя между Америкой и Советами и плел интриги, которые могли завершиться дворцовым переворотом.

Но государственный департамент решил, что Типи по силам справиться с ситуацией.

Он ненавидел положение, в котором оказался. Пост консула США отнюдь не был связан с несложными приятными обязанностями весьма влиятельного лица, как он себе это представлял.

В его офисе, расположенном недалеко от главной базарной площади, вплоть до наступления сумерек, стояла удушающая жара. До него доносились монотонные голоса молящихся мусульман, в гипнотическом трансе повторявших з и к р ы во славу Аллаха. Он вытер платком свое круглое красное лицо, мечтая поскорее оказаться в баре отеля "Аль-Задшир", где у Мессуда, бармена, всегда была припрятана для него специальная бутылочка "Джека Даниелса". Вместо этого ему приходилось иметь дело с этим англичанином, который как бы врос в пол его кабинета.

- Да провалиться бы им всем в преисподнюю, Кентон,- сказал он,- но говорю вам: я ничего не могу тут сделать! Вы знаете здешние правила. Нельзя кидаться к имаму и жаловаться ему, что, мол, наш разведчик потерялся где-то в пустыне...

- Не потерялся,- сказал Кентон.- Я этого не говорил.

- Разве нет?

- Он был убит.

- Что?

- Я видел его тело, мистер Феннер. И хочу, чтобы вы тоже это увидели.

Феннер отрицательно замотал круглой головой.

- Я уже навидался мертвецов. Тут вообще все стоит на костях. Но, черт побери, Кентон, вы англичанин, и что вам за дело до этого?! Почему бы вам и дальше не копать свои горшки и черепки? И не лезьте со своими указаниями к консулу Соединенных Штатов, черт бы вас побрал!

Английский археолог был высок и костист, с длинным невозмутимым лицом, он, спокойно восприняв вспышку Феннера, сделал вид, что не замечает оскорблений. Пол Кентон был терпелив и сдержан. Не сдвигаясь с места, он продолжал смотреть сверху вниз на Феннера.

- Блейни был вашим человеком. Или вы мне не верите?

- Я едва знал его,- ответил Феннер.- Он тут никогда не болтался. Никогда не объяснял мне, чем занимается. У него была своя контора. Насколько мне известно, он был торговым атташе, занимался подготовкой нефтяного контракта на будущий год. Это в ы утверждаете, что он разведчик.

- Так он мне сказал,- подтвердил Кентон.- И я ему верил.

Феннер вздохнул.

- Ладно, я пошлю домой телеграмму.

- Зашифрованную, конечно.

- Вы хотите мне объяснить, как работают в консульстве?

- Я хочу, чтобы вы посмотрели на тело Блейни,- продолжал настаивать Кентон.- Он был моим другом. Мы с Эсме часто приглашали его к обеду. И он все еще лежит там.

- Почему же вы его не прихватили?

- Я думаю, что арабы тоже хотят, чтобы вы посмотрели на него.

У Феннера отвалилась челюсть.

- А вы откуда знаете?

- Я довольно давно здесь,- сказал англичанин.- Я и сам стал едва ли не арабом. Я к нему не притрагивался. Приехал прямо к вам.

Феннер закусил губу. Его светлый пиджак был измят и покрыт пятнами пота.

- Что там, по вашему мнению, случилось? Может, произошла драка?

- Нет. Его прикончили медленным, обдуманным и болезненным способом, выпустив из него всю кровь.

Феннер неохотно поднялся.

- Хорошо. Ладно. Посмотрим.

Минут через пятнадцать они уже ехали по новому, обсаженному пальмами, бульвару Баб эс-Салам, Ворота Мира, и перед ними была пустыня, заметавшая все следы. Отъехав пять миль от порта Джидрата, англичанин показал, что надо сворачивать на другую дорогу. Далеко к западу, на фоне белесоватого от жары неба, вырисовывались силуэты горо Джебель-Харад. Эта местность могла с тем же успехом располагаться и на Луне; опаляемое невыносимым жаром, тут стояло безмолвие, без следа присутствия человека.

Феннер остановил консульский джип у въезда, вылез из него, невольно дернувшись, когда его опалило жаром с двух сторон - от диска солнца сверху и сухой раскаленной почвы снизу. Рядом с тропой, по которой он поехал, подчиняясь указаниям Пола Кентона, лежали кучки свежего верблюжьего помета. Он старался глубоко не вдыхать раскаленный воздух и, опустив голову, последовал за Кентоном по извилистой тропинке.

- Кстати, чем вы тут занимаетесь? - спросил Феннер.

- Здесь неподалеку мои раскопки. В нескольких милях отсюда, у Айн Гемилха. По сути, потрясающие развалины. Мне удалось найти прямые доказательства, что существовала связь между районами Синая и пустыни Негев.

- Что заставило вас остановиться?

- Блейни был еще жив. Он кричал.- Длинное бесстрастное

лицо Кентона внезапно исказилось от ярости, которую он не мог больше сдерживать.- Когда я добрался до Джонни, он уже был мертв. Мне остается надеяться, что у вас есть его последний отчет. Он может быть очень важным.

Помявшись, Феннер неохотно согласился.

- Хорошо. Я знал, что он был кем-то вроде сыщика. И ему постоянно мерещились какие-то привидения. Эти арабы водили его за нос... А он повсюду видел происки русских и подготовку мятежа.

- Думаю, он нашел доказательства своим подозрениям. Вот он.

Исполосованное тело Блейни было распято на кремневой почве пустыни; он лежал обнаженный под безжалостным солнцем. Рот у него был открыт, и в черном провале виднелся кровавый обрубок языка. Глаза у него были выколоты. Ниже пупка висел еще один кровавый комок. Острое лезвие распороло ему живот, и через проем был вытащен желудок. Тело было покрыто письменами, вырезанными ножом.

Едва только увидев это зрелище, Феннер отвернулся и его вырвало. Наконец он заставил себя снова взглянуть на тело.

- Это не Блейни,- хрипло пролепетал он.

- Это он.

- Но... почему? - с трудом выдавил Феннер. Он забыл и о жаре, и об окружавшей их немой тишине, и о каменных стенах вади, смыкавшихся у них над головой, как пальцы железного кулака.- Почему с ним так поступили?

- Скорее всего, он что-то выяснил.

- Но что?

- Разве вы не знаете? - спросил англичанин.- Он же работал на вас. Вы же признали, что он был вашим агентом, так?

- Для вашего же собственного блага, не будьте столь умным, профессор. Означают ли что-либо эти вырезанные на его теле буквы?

- Это слова. Они гласят: “Смерть шпиону империализма!”

Феннер опять не поверил. Он уставился на изуродованное тело. Он не мог представить, что еще существует такое варварство. Его желудок снова сжало спазмой, но в нем ничего не осталось от недавнего завтрака.

- Хорошо. Я незамедлительно сообщу.

Когда сообщение пришло в Вашингтон, через госдеп оно поступило в Секцию “К” ЦРУ, после чего началась проверка электронных досье, хранившихся на Аннаполис-стрит, 20. Затем состоялась встреча между генералом Дикинсоном Макфи, главой Секции “К”, и несколькими экспертами по Ближнему Востоку. Она имела место в два часа ночи.

- Джидрат должен остаться в сфере нашего влияния,- сказал

Макфи некий седовласый человек.- И не только из-за его запасов нефти. Это важный стратегический пункт, и, что куда важнее любых возможных сокращений грузовых перевозок, с тех пор, как оттуда ушли англичане, он сделался символом всего этого региона. Если мы потеряем имамат, мы утратим куда больше. Вы слышали о кади Мухамеде Гхезри?

- Что-то вроде религиозного фанатика,- сказал Макфи.

- Вот уж верно! Мы можем потерять весь Ближний Восток, если он начнет действовать.

- Я в состоянии послать туда другого человека,- сказал Макфи. Он не мог скрыть своего раздражения. Был август, в Вашингтоне стояла жара, а он никогда не любил получать известия о смерти своих людей. Не говоря уж о том, что он любил Блейни.

Немигающие глаза его собеседника, казалось, видели весь тот хаос, который может воцариться в этом углу мира.

- Если бы мы только могли убедить вернуться принца Амра. Имам слишком стар, и дряхл. А принц где-то в Европе - как обычно, пьянствует, играет на рулетке, травит себя наркотиками... Вы знаете, что он учился в Йеле, Дикинсон?

- Нет,- сказал Макфи.- Не знаю.

- Теперь все смешалось. Да, он получил там образование. Должно быть, в свое время, довольно давно, у Амра ибн аль-Маари были друзья среди американских однокашников. И мы должны постараться убедить его вернуться в Джидрат и крепко взять в руки бразды правления. Обрести, так сказать, стальной шомпол вместо позвоночника.

Кто-то из присутствующих пробормотал:

- Это совершенно омерзительная свинья.

- Согласен. Но народ примет его.

- Он бабник, дегенерат, слабовольная личность.

- Амр - это символ власти. Джидрат охотнее пойдет за ним, чем за кади или полковником Таарифом. Кроме того, у нас есть человек, который может взять все под контроль. Амр - это единственное, что мы можем пустить в ход.

- Он бегает от одной особы,- сказал тот же человек, который назвал Амра “свиньей”.- От некой владычицы пустыни, с которой он был обручен еще в детстве.

- Да. От Зорайи. Этому скандалу несколько месяцев назад было посвящено несколько публикаций.

- Она что, разыскивает его по всей Европе?

- Похоже, что так... Вы предполагаете, нам удастся убедить ее оказать нам помощь в деле с Амром аль-Маари?

Макфи встал.

- У меня есть человек, который знает вашего принца еще по Йелю. Он же может найти для вас и Зорайю. Его зовут Сэм Дарелл.

Из-за резной решетки балкона кади Гхерзи наблюдал за толпой. Под ним покоился оазис мира и уюта, сад, в котором каменные львы поддерживали огромные чаши; с плеском били фонтаны. Ниже на узкой улочке группа жителей Джидрата слушала уличного оратора, говорившего со страстью и напором. Люди ритмично покачивались, как загипнотизированные, хором отвечая на бросаемые в их гущу вопросы, ревом выражая одобрение и издавая крики, полные страстной ненависти. Индусы из Бомбея, чьи магазинчики выходили на улицу, сразу же опустили металлические ставни и закрылись на весь день. Их б а р а с а с ы, стенды перед магазинами, были пусты.

- А л ь х а м д у л и л а х р а б а л ь а л и-м и н! - кричал уличный оратор.- Слава Аллаху, Владыке Двух Миров. Если вас ждет мученическая смерть, рай сразу же примет вас в свои объятия, благословение Аллаху!

Из комнаты с изразцовым покрытием за спиной кади к нему мягко обратился полковник Таариф:

- Мы теряем время. Как видите, все готово.

- Не совсем, не совсем, полковник...

- Общий дух не может быть более благосклонен к нам.

- Вы расшифровали послание американца?

- Все сделано, кади. У них тут ничего не получится.

- Мы должны быть уверены относительно Амра.

- Принц? Его интересует лишь мягкая ароматная женская плоть. Он полон мечтаний, как пожиратель лотоса, кади. Он перестал быть мужчиной.

- Толпа там внизу обожает его, полковник.

- Амр не вернется.

- Вы уверены?

- Уверенность не преминет появиться.

- Американцы постараются доставить принца обратно. И возможно, вместе с Зорайей. Почему вы так уверены, что этого не произойдет?

Полковник Таариф ответил просто и ясно.

- Полную уверенность дает только смерть. Она непреложна для всех людей, кади, пусть даже Коран и обещает пребывание в раю борцам за ислам. А смерть можно организовать...

Кади помолчал, разглядывая клубы горячей пыли, стоящие над толпой внизу, у базара. Его высокая сутулая фигура в черной накидке, с длинным лицом и глубоко посаженными задумчивыми глазами, говорившими о силе и уме, напряглась. Он возглавлял религиозный суд Джидрата; его слово было непререкаемо. Он был специалистом не только по истолкованию ста четырнадцати сур, составлявших Коран, он знал также и Сунны - собрание поучений, составленных мудрыми истолкователями Корана.

Мало кто знал о путешествиях, которые он совершил до и

после традиционного х а д ж а, посещения простым пилигримом Мекки, где, распростершись в пыли перед Каабой, он речитативом повторял длинные молитвы, предписанные каждому мусульманину, который надеется достичь небесного блаженства.

Ему довелось повидать мир, он знал его и чувствовал его суть. Он понимал, что никогда раньше в истории время не предоставляло таких возможностей.

В глубине души он ощущал страстную целеустремленность. Его предназначение на Земле было столь же непреложным, как лучи солнца, падающие на морскую гладь, как жар пустыни. Все будет так, как повелевает Аллах. Полковник Таариф преисполнен своих собственных амбиций; он сродни тем, кто полагается на мощь техники, на поток пропагандистских лозунгов, направленных против империалистов Запада. Все правда, все сущая правда! И не следует больше полагаться ни на англичан, которые были тут прежде, ни на американцев, которые пришли на их место - на этих международных дельцов - от них идет порча и земле, и людям.

Он помнил, каким был Джидрат в давние дни, когда верблюжьи караваны заполняли базар внизу, когда стада баранов и коз перекрывали узкие улочки, когда гавань давала приют только д а у и б а г г а л а с а м, купцам и работорговцам из-за моря, чьими стараниями рабовладельческий рынок получал дешевую рабочую силу.

Сегодня же он видел перед собой большие блестящие машины шейхов пустыни, на чьих землях была найдена нефть. Все они с феодальным почтением относились к престарелому имаму. Теперь на базарной площади стояли бок о бок верблюды и "кадиллаки". Неоновое свечение над главной мечетью Джидрата и электронные устройства, заменившие голоса муэдзинов, пять раз в день призывали правоверных к молитве.

Все это может пойти на пользу дела: Все сущее преклоняется перед целью, предписанной Аллахом.

Повернувшись, кади взглянул на полковника.

- То есть вы предполагаете, что принц Амр будет найден... и убит?

- Так надежнее.- Таариф невозмутимо пожал плечами.- Все будет организовано. Хотя, если вы решили обождать, пока не прояснится ситуация с Зорайей...

- Нельзя позволить, чтобы эта женщина вмешалась.

Таариф ухмыльнулся.

- Какая разница, если она доставит домой труп?

- Быть посему,- пробормотал кади. Он смотрел на тенистые кущи своего сада. Сухой жар дня не так чувствовался под сенью мурлыкающих водяных струй.- Тогда убей его.

- А женщину?

- Если это будет необходимо.
- А если вмешаются американцы?
- Стреляйте в любого, кого бы они ни послали!

Над переполненной базарной площадью вознесся рев среди криков, вверх взметнулись плакаты и портреты кади и полковника, тщательно выписанные в натуральную величину - они заколыхались над многоголовым чудищем с открытыми ртами, вытаращенными глазами, над тем, что представляло собой уличную толпу Джидрата.

Вздохнув, кади повернулся и покинул балкон.

В Вашингтоне в своем кабинете на Аннаполис-стрит, 20 Макфи крутил диск телефона. Это была его личная линия высшей степени защиты от подслушивания. Во время разговора он ни разу не назвал по имени собеседника на другом конце провода.

- У меня есть человек для вас,- сказал Макфи.- Я был прав. В данный момент Сэм Дарелл находится в Женеве.
- Как и принц. Это просто совпадение?
- Я вчера послал его туда.
- Отлично, Дикинсон. Мы исследуем аспекты и возможности данной ситуации, которые будут в нашем распоряжении. В ближайшее время в Джидрате все пойдет кувырком. Речь всего о нескольких днях.
- А что же считает Феннер?
- Это уже неважно. Пока мы его там оставляем. Он будет служить прикрытием, давая понять, что нас вроде бы не очень волнует то, что там происходит.
- Он может наломать дров,- гневно сказал Макфи.- Как подобная личность получила назначение в столь важный..?
- Давайте займемся вашим человеком, Дикинсон. Он получил нструкции?
- Еще нет. Но в Женеве Хэггерти. Он сможет этим заняться.
- Хорошо. Есть и еще кое-что, Дикинсон.
- Что именно, сэр?
- Постарайтесь, чтобы он остался в живых.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дарелл спал до девяти и, проснувшись, сделал два телефонных звонка. Одним из них он заказал завтрак в номер отеля “Де ла Пэ”; набирая второй, он ошибся номером. Он сидел на краю постели, любуясь панорамой Швейцарских Альп, снежные вершины которых виднелись вдали за окном его комнаты; одновременно он внимательно прислушивался к легким шорохам,

паузам и щелчкам в трубке, когда набирал второй номер. После того, как он повесил трубку, извинившись по-французски перед женщиной, ответившей ему, он уже не сомневался, что его номер прослушивается.

В этой быстроте и продуманности было что-то угрожающее. Он поразмышлял на эту тему несколько минут и решил пока ничего не предпринимать.

Постояв под душем, он оделся и отдал должное завтраку, доставленному горничной.

В Женеве стоял теплый солнечный день. Город был охвачен строительной лихорадкой. Она решительно меняла его средневековый кальвинистский облик. То и дело встречались американцы, словно только что прибывшие с Мэдисон-авеню - с головы до ног в серой фланели, с короткой стрижкой. Они перекликались голосами выпускников Плющевой Лиги - их было не меньше, чем швейцарцев. Повсюду открылись отделения американских инвестиционных компаний, производственных корпораций, банков, отделений правительственных учреждений США. В ходе недавней встречи с русскими на нейтральной почве состоялся разговор на тему о пропаганде. Заголовки в газетах гласили: "Конференция на тему о смягчении напряженности". Тем не менее, встреча за круглым столом снова послужила ареной для пропагандистских выпадов, которым она должна была положить конец.

Заканчивая вторую чашку кофе, он думал о Лондоне и о ждущей его там рутинной работе, когда зазвонил телефон.

Он аккуратно снял трубку. Это был Хэггерти.

- Сэм?

- Мне поставили клопа,- сказал Дарелл.

- О, конечно! Мы это знаем.

- Ваш человек?

- Черт побери, нет! Не тушуйся, Каджун.

- У меня нет прикрытия,- сказал Дарелл.- Чего ради я тут очутился?

- Позвони по этому номеру.- Хэггерти назвал шесть цифр.- Это таксофон.

- Только не отсюда.

- Естественно. Снаружи. Минут через десять.

Повесив трубку, Дарелл вышел.

Он был внимателен и осторожен. В тех делах, которыми он занимался, осторожность и внимательность нужно было проявлять каждый день, каждую минуту, если хочешь остаться в живых. Он служил в Секции "К" довольно давно - еще после Кореи, а до этого было Дж-2 и старое Управление стратегических служб, разведывательная работа. Дело свое он знал. Понимал он также, что это дело настолько изменило его характер, что теперь он отличается от большинства окружающих.

Если спросить у Сэма Дарелла, предан ли он своей работе, он бы рассмеялся. Тем не менее, он не умел ничего иного и не хотел заниматься ничем иным. Работа его более чем устраивала. Порой ему хотелось бросить ее, но затем он начинал понимать, что никуда ему от нее не деться. Он был меченым. На площади Дзержинского, 2 в Москве, в штаб-квартире КГБ, было собрано полное и аккуратное досье на Самуэла Каллена Дарелла. Скрытая от глаз потаенная война, в которой он участвовал и в которой потерял так много друзей, нашедших свой конец в отдаленных уголках этого мира, похоже, все продолжалась. И где бы ты ни был, смерть шла рука об руку рядом с тобой. Она появлялась чаще всего в довольно неприглядном облике: нож в спину на улочке Гонконга, удавка на марсельской набережной, внезапная граната в Алжире, колеса двухэтажного автобуса в Лондоне или просто легкий толчок сзади, когда ты стоишь на платформе парижского метро...

И такого понятия, как излишняя предосторожность, не существовало.

Дарелл был высок, с густыми черными волосами, тронутыми сединой на висках, маленькими аккуратными усиками и темно-синими глазами, менявшими свой цвет почти на черный, когда брал верх его темперамент - Дарелл родился в Луизиане. Ему было нелегко держать свою порывистость под контролем, но он понимал, что порой от этого зависит его жизнь. Он привык тщательно рассчитывать уровень допустимого риска, но и в этом случае не раз приходилось идти на неожиданные поступки, принимать инстинктивные решения, свойственные профессиональному игроку - но и к ним он был подготовлен. Что и помогало ему в тех случаях, когда другие погибали, не выполнив задания.

На нем был темно-синий пиджак в талию, несколько слишком теплый для женевского августа. Белая рубашка и темно-серый галстук не вызывали подозрений. Тем не менее, он не походил ни на бизнесмена, ни на досужего туриста. Двигался он легко и свободно, с непринужденной грацией, но бесконечные мучительные часы тренировок приучили его к мгновенной реакции. Он знал все грязные приемы из дзю-до. Он умел убивать ножом, выстрелом, большим пальцем, скатанной в трубку газетой. И что-то от этого умения сказывалось на его походке, читалось во взгляде, а он все время присматривался к окружающему миру.

Давным-давно, еще мальчиком в болотистых низменностях Луизианы он сидел в пироге, рядом со своим дедушкой Джонатаном, в тени старых лиственных деревьев и кипарисов, занимаясь рыбной ловлей, и дед преподавал ему науку охоты и азартных игр.

Старик (ему пошел уже девятый десяток) был хорошим учителем. Старый Джонатан был одним из последних азартных иг-

роков, которые промышляли на колесных пароходах, курсировавших по Миссисипи, человек с широкими плечами и прямой, как шомпол, спиной, с внимательными глазами и своеобразным взглядом на мир. Самые ранние воспоминания Дарелла были связаны со старым колесным пароходом "Три красавицы", стоявшим у грязного песчаного берега рядом с их поселением. Он стал ему родным домом после того, как умерли его родители, и ему пришлось жить в плавнях со странным стариком.

Старый Джонатан учил его фокусам с картами, костями, с револьвером и ножом. Старик знал, что значит борьба за жизнь.

За ним следили. По пятам шла команда из двух человек, и первый из них, высокий грузный швейцарец с цветущей физиономией под забавной четырехугольной шляпой подхватил его сразу, как только он покинул холл гостиницы. Вторым членом команды была женщина, которая смахивала на молодую хозяйку дома, совершающую торговый поход по магазинчикам нижней части Женевы.

Дарелл шел по набережной вдоль Роны. Было десять минут первого. Река деловито стремилась донести свои струи до широкого Женевского озера, над которым в голубом летнем небе высилась вершина Монблана, и его снежный пик блестел на солнце. Он испытал желание позволить себе аперитив на террасе кафе рядом с фонтаном, стофутовые струи которого падали в озеро. Прогулочные яхты и водные такси плыли по реке. Мосты старой части города были забиты машинами. Когда он убедился, что не может отделаться от хвоста - ни от толстого мужчины, ни от рассеянной женщины,- он просто вошел в будку таксофона на боковой улочке, отходящей от набережной, рядом с главным торговым центром.

Он набрал шестизначный номер, названный Хэггерти, и на его звонок кто-то сразу же снял трубку.

- Сэм?

- За мной хвост. Откуда он взялся?

- Понятия не имею. Чем ты занимался в Лондоне, Каджун?

- Ничем существенным. Кто играет против тебя с другой стороны?

- Коля Микельников. За Будапешт получил майора, помнишь? Он служит в русской системе безопасности.

- Вот он и пустил за мной двоих человек,- сказал Дарелл.- Может, они засекли меня еще в аэропорту? Или, может, где-то у тебя утечка?

- Не исключено,- признал Хэггерти.- Непогрешимых нет.

- Мне еще потаскать их?

- Лучше стряхни их, Сэм. Давай встретимся у "Джорджи". Помнишь, где это?

- У пьедестала Великого Дюка, в старом городе,- сказал Дарелл.- Рядом с домом, где родился Руссо.

- Черт побери, как ты запоминаешь любую мелочь?! За час уложишься?

- Времени хватит.

- Да, еще одно, Каджун. Работа спешная.

- Она всегда спешная.

Повесив трубку, он осмотрел телефонный аппарат. Ничего подозрительного. Мимо будки бурлило движение, и он видел за ее стеклом заполненные народом тротуары, такси с пассажирами, кишащие, как рой пчелами, автобусы европейских линий. Женева сохраняла нейтралитет; Швейцария упорно стояла на своем! Он подумал: а что, если сама швейцарская полиция пустила за ним того толстяка и женщину? Не исключено. Хотя сомнительно.

В поле зрения не было ни забавной шляпы, ни женщины.

Он услышал грохот приближающегося грузовика. Сквозь стекло будки он увидел, как прохожие бросились врассыпную, не обращая внимания даже на красный огонь светофора. Затем он увидел грузовик. Американского производства, тяжелая машина, которая нарушала все мыслимые правила движения. Он стремительно вывернулся из-за угла, как огромное доисторическое животное, которое расшвыривает мелочь, кишащую по бокам.

Закричала женщина.

Дарелл понял, что грузовик летит прямо на телефонную будку.

Реакция его была мгновенной и рефлекторной. Он вышиб локтем дверь таксофона, поворачиваясь лицом к грузовику. В долю секунды, что показалась ему вечностью, он подумал, что не успеет увернуться, ибо проявил фатальную небрежность. Он споткнулся об обочину, и грохот летящего грузовика едва не оглушил его. Краем глаза он еще успел увидеть приближающуюся махину красного металла, на ветровом стекле которого блестели прямые лучи полуденного солнца, скрывавшие лицо водителя. Он прыгнул с тротуара, вылетел на улицу, и за его спиной раздался грохот сминаемого алюминия и звон стекла, когда машина врезалась в будку, и та взлетела на воздух. Он получил удар в плечо, заставивший его повернуться вокруг своей оси. Взвизгнули шины, когда он на четвереньках полз в гуще уличного движения, которое единственное сейчас могло спасти его.

Грохот мгновенно стих, уступив место какофонии истерических женских воплей, гулу разгневанных голосов швейцарцев и переливам полицейских свистков.

- Вы ранены, месье? - спросил кто-то по-французски.

Подняв глаза, Дарелл увидел преисполненное озабоченности незнакомое лицо.

- Нет... Нет, благодарю вас.

- Вы должны лежать абсолютно спокойно. Просто невероятно. Могла бы произойти ужасающая трагедия. Эти американские водители просто маньяки!

- Со мной все в порядке,- сказал Дарелл. Он-то знал, что водитель был не американцем. Он с трудом поднялся. Ноги у него болели и подрагивали. Он автоматически отряхнулся.- Я в полном порядке. Благодарю вас. Должно быть, вы успели увидеть грузовик.

- Он пролетел мимо, месье. И прямо в телефонную будку! Хорошо, что вы выпрыгнули из нее, мне страшно подумать, чем бы это для вас кончилось.

Дарелл увидел, как постовой властно пробивается сквозь толпу. Он не мог себе позволить оставаться в центре внимания. Авария, конечно, была далеко не случайным происшествием. Это было явное покушение на его жизнь, и Дарелл мог только предполагать, почему Коля Микельников решил нарушить нейтралитет Швейцарии попыткой устранить его. Зачем? Может, он стал представлять для него опасность?

В соответствии с досье, которое успел просмотреть Дарелл, сам Микельников был далеко не ординарной личностью.

Так же, как в сейфах КГБ в Москве хранилось досье на Самуэла Каллена Дарелла, подобное же досье на Николая Васильевича Микельникова имелось на Аннаполис-стрит, 20, в Вашингтоне.

Майор Микельников вошел в Будапешт вместе с советскими войсками во время венгерского восстания. Он принимал участие в кровавой чистке, которая последовала за его подавлением, но главной его целью был Дарелл. Он как раз в это время с краткой миссией оказался в стране. Приказ, отданный Микельникову, гласил, что тот обязан любыми средствами выполнить задание. Дарелл серьезно помог восставшим, пребывая в самой гуще событий. Результатом было полученное Микельниковым задание: “Найти Дарелла. Устранить его. Вывести из строя или уничтожить. Закрыть досье на Сэма Дарелла”.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

У Микельникова были светло-голубые глаза, широкий большой рот и глубокий шрам, прорезавший огрубевшую кожу под губой. Волосы его были прорежены сединой, и короткий ежик их покрывал череп правильной формы. Он выделялся среди толпы туристов, сидевших за столиками кафе. При всей его сдержанности и невозмутимости чувствовалось владевшее им напряжение. Один раз взглянув на него, инстинктивно хотелось присмотреться к нему. Если вы встречали взгляд его светло-голубых глаз, сразу же появлялась потребность отвести взор. Микельникову не нравилось, когда кто-то изучал его, хотя в досье была

ссылка на то, что когда-то он короткое время был актером Большого театра.

Рядом с его столиком стояли еще три стула. На один из них опустился грузный мужчина, сразу же обратившийся к Микельникову, но тот, казалось, не слышал его. Мужчина поднялся и вышел из кафе. Дарелл гневно подошел к столику, проталкиваясь между беспечными туристами, болтающими на солнышке. С набережной, трепеща крыльями, прилетела стайка голубей, которая, опустившись было на тротуар, тут же вспорхнула. Дарелл вытащил стул из-под столика и сел рядом.

- Добрый день, Николай Васильевич,- сказал он по-русски.

Взглянув на него, Микельников ткнул пальцем в толстого соседа. Тот неловко встал и торопливо удалился. Микельников улыбнулся.

- Сэм, друг мой. Г о с п о д и н Дарелл. Сегодня утром услышал, что вы в Женеве, прилетели из Лондона рейсом "Свисэйр". Вам не кажется, что тут в Швейцарии прекрасная погода?

- На нейтральной территории как-то легче дышать - если нейтралитет в самом деле уважают.

- Швейцария не всегда выражает беспокойство, когда нарушается ее нейтралитет. Например, тут активно действует ваше ЦРУ под руководством Хэггерти.

- Твоя машина промахнулась, Коля,- сказал Дарелл.- Все было сделано очень топорно, непохоже на тебя.

Микельников улыбнулся. У него были крупные зубы, на одном из которых поблескивала коронка из нержавеющего металла. Сейчас, как ни странно, он походил на смутившуюся лошадь.

- Моя машина?

- Мы можем достаточно честно относиться друг к другу, Коля.

- Ты, похоже, рассержен. Неужели сказывается твой южный темперамент?

- Скорее всего. Но я не позволяю себе лишнего, Коля. Я удивлен и несколько обеспокоен. Ты здесь уже больше года, занимаешься своими делами. Твое начальство, должно быть, стало проявлять нетерпение. Может, на тебя оказывают давление, чтобы ты скорее покончил со мной?

- Можно сделать и такие выводы,- сказал Микельников.- Понимаешь, все это как-то странно. Не буду скрывать, что восхищаюсь тобой и уважаю тебя, Дарелл. Мне бы хотелось, чтобы мы стали друзьями.

Дарелл ждал.

- Мы могли бы составить с тобой потрясающую команду, ты и я,- добавил Микельников,- если бы совместили таланты, которыми обладает в своем деле каждый из нас.

- Ты намекаешь на то, что можешь перейти на нашу сторону?

Микельников рассмеялся. Его хриплый глухой смех нарушил мирную болтовню туристов за соседними столиками.

- Ведь и ты можешь перейти к нам, г о с п о д и н Дарелл.

- Вряд ли я буду испытывать счастье, оказавшись на площади Дзержинского, 2,- сказал Дарелл.- Организация, которая носит имя Феликса Дзержинского, не для меня. Ты, конечно же, знаешь, что этот поляк, хотя и принадлежал к большевикам старой школы, был самым кровавым мясником из всех. Ты только глянь на его послужной список: первый руководитель тайной полиции, ЧК, упырь и вурдалак, организатор массовых убийств. Из ЧК при Сталине вышло ОГПУ и НКВД, а теперь - КГБ. Знаешь ли ты настоящего Дзержинского? Знаешь ли ты, что он делал с крестьянами в районе Минска, на Украине?..

- Достаточно,- Микельников поднял крупную ладонь. Улыбка сползла с его лица.- Все зависит от точки зрения. Я понимаю, что у нас нет ничего общего.

- Нет.

- И ты никогда не присоединишься к нам?

- Ты же понимаешь, что это глупый вопрос.

- Но мне бы действительно не хотелось убивать тебя.

- У тебя и не получится,- сказал Дарелл.

- Еще как получится! Я должен. И произойдет это довольно скоро.

- Ты меня предупреждаешь?

Микельников побарабанил по столу крепкими пальцами. Он не притронулся к заказанной им тарелочке с сыром и бокалу белого вина. Опустив на глаза густые брови, он поиграл желваками на скулах, и на щеках обозначились глубокие впадины. Несколько секунд, казалось, он не знал, что ответить. Этот человек представлял собой опасность не меньшую, чем раньше. Может, еще большую, подумал Дарелл.

- Можешь считать это и предупреждением, Дарелл. Возвращайся в Лондон. Твое дело тут в Женеве - безнадежное.

- А что ты о нем знаешь? - спросил Дарелл.

- Как я предполагаю, сегодня днем Хэггерти выложит тебе все инструкции. После этого ты исчезнешь. Но я хотел бы надеяться, что ты откажешься от этого задания. Потому что оно будет означать твою гибель. Что я тебе и гарантирую.

- Таков полученный тобой приказ?

- Да.

- И ты мне рассказываешь о нем?

- Как я говорил, я уважаю тебя. Мы могли бы стать друзьями.

- Тебя расстреляют, если станет известно о твоем отношении ко мне,- сухо сказал Дарелл.

- Кто сообщит об этом в Москву? - Микельников наклонился к нему.- Если даже я когда-нибудь и всплакну по тебе, Дарелл, слез этих никто не увидит. Я не стесняюсь, когда на глаза

наворачиваются слезы. Мы понимаем друг друга. Мы так давно были врагами, что в определенном смысле нас связывают подлинные дружеские отношения... Ты был хорошим приятелем Джона Блейни, кажется?

- Блейни?

- Ладно, ладно. Ты знал его. Недавно он был послан на Ближний Восток, точнее, в Джидрат. Офицер разведслужбы при вашем консуле там, Т.П. Феннере.

- Ты ждешь, что я буду аплодировать твоей информированности?

- Нет. Ты знаешь о нас не меньше, если не больше. Но Блейни мертв. И тебя пошлют в Джидрат на его место.

Дарелл продолжал невозмутимо смотреть на него. Каменное выражение его лица не выдавало никаких чувств. Но в первый раз его охватило смутное беспокойство, ощущение серьезной опасности... может быть, на грани смертельного риска.

- Значит, это ты подрядил грузовик прикончить меня?

- Да. Я знаю, что иначе тебя не остановить,- сказал Микельников.- Мне придется дожидаться другого дня, который рано или поздно наступит. Я буду ждать, Дарелл.

- Твои хозяева, должно быть, считают мое задание исключительно важным.

- Тут наши точки зрения совпадают.- Глаза Микельникова под густыми бровями теперь заледенели, напоминая два тусклых камешка.- Прошу тебя, друг мой, возвращайся в Лондон.

- Только не сейчас.

- Скажи Хэггерти, что ты не можешь ехать в Джидрат.

Дарелл встал.

- Как и ты, Николай Васильевич, я буду сожалеть о тебе, когда ты покинешь поле боя. Спасибо за предупреждение. Но в нем нет необходимости. Я поеду в Джидрат. И тебе не удастся ни остановить меня, ни убить.

- Мне очень жаль, друг мой,- пробормотал Микельников.

- Мне тоже,- сказал Дарелл.

Микельников смотрел вслед высокой фигуре, исчезавшей в толпе на Рю Сен-Корп. Он чувствовал досаду. Перед его глазами проплывали почти забытые образы времен восставшего Будапешта. Все, что там произошло - потоки крови и страдания,- все это было исторической необходимостью. Но он не мог относиться к ней с безличным равнодушием. Он не мог быть объективным, потому что принимал в тех событиях слишком активное участие.

Конечно, все дело было в Наоми. Потеря ее по-прежнему ощущалась им как незаживающая рана, потому что он не знал, что с ней произошло. Если она погибла, поскольку он вынужден был выполнять приказ (как и полученное им теперь распо-

ряжение уничтожить Дарелла) - ну что ж, в таком случае он бы сумел положить своим терзаниям конец. Но он не знал ровно ничего, хотя, по иронии судьбы, его обязанность заключалась в том, чтобы знать все. Потерять жену и не знать с тех пор покоя - это было пыткой похуже тех, что достались на долю пленных в Будапеште. Они, по крайней мере, знали, какая судьба их ждет.

Воспоминания о Наоми захватили его. Сначала, разведав, кто он такой, она преисполнилась к нему ненависти. А потом полюбила. И опять стала испытывать к нему ненависть. Полный круг!

Где теперь Наоми? Скитается по свету, бездомной и покинутой? Он не знал. Когда он бросился спасать ее от бушевавшей вокруг ярости уничтожения, она уже исчезла.

Микельников, встряхнувшись, мысленно пришел в себя. Он снова увидел швейцарское кафе, в котором сидел, столики, яркое солнце и прохожих.

Дарелл давно ушел.

Он по мосту пересек Рону. На заснеженных пиках Монблана горело солнце. Он повернул направо по Рю де Рон. Зайдя в маленький ресторанчик, он нашел будку таксофона и набрал номер.Через секунду он уже говорил с Хэггерти.

- Да, это серьезно, Каджун. Я уже слышал о грузовике.

- Твоя система безопасности прогнила сверху донизу,- сказал Дарелл.- Я только что говорил с майором Микельниковым.

- Каджун, это лишнее. Ты должен быть у “Джорджи”.

- Просто хотел дать тебе знать, что буду там.

Хэггерти хмыкнул.

- Мною уже получен отчет о твоей встрече с майором, Каджун. Ты считаешь, что я выйду из себя, потому что ты поддерживаешь братские отношения с врагом?

- Ладно, Хэг. Я не в том настроении.

- Прости. До встречи... на которую я надеюсь.

Дареллу пришлось прибегать к самым разным уловкам, дабы убедиться, что за ним не следят. Они требовали времени и наводили тоску, но через полчаса он был абсолютно уверен в том, что остался один. Он шел по узкой улочке тринадцатого столетия Тур де Иль, а затем спустился к подножию Бастиона, оставшегося в старом городе. “Джорджи” располагался в самом низу Гран Рю, самой старой улицы древнего города, рядом с домом, где некогда родился Руссо, и Кальвин провозглашал свои доктрины. Хэггерти уже ждал его.

Стены маленького кафе были обшиты деревом; рядом со стойкой бара тянулись кабинки. Народу было мало. Хэггерти сидел, прислонившись спиной к деревянной обшивке стены. Когда подошел Дарелл, он пододвинул ему стул, не сводя глаз со входа.

- Привет, Сэм.- Дарелл кивнул.

- Ты поставил кого-нибудь снаружи?

- Двоих. Тут мы в полной безопасности,- Хэггерти ухмыльнулся.- Я знаю, насколько ты терпеть не можешь организационных мероприятий, Каджун. Но скоро тебе придется выступать в роли одинокого волка...

- Кто-нибудь наконец мне расскажет, в чем дело? Или надо ждать, пока это изложит Микельников?

- Спокойнее, Каджун. Мы все тут делаем общее дело.

- На что мы годимся, если убивают людей?!

Хэггерти нахмурился. Он был худым нервным человеком с привычкой постоянно мигать, словно в глаза ему попала пыль. На круглом столике перед ним стояла чашка горячего шоколада.

Дарелл понимал, что не стоило без нужды быть таким резким по отношению к Хэггерти. Ему не нужно было объяснять Хэггерти, как важно остаться в живым в их деле. Помолчав, он закурил и обвел взглядом кафе. Оно было в стороне от излюбленных туристами мест.

- Я удивился,- сказал он,- что ты будешь моим контактером, Хэг. Хотя твой отдел всегда занимался Ближним Востоком, Женева очень далека от Каира, Тель-Авива или Багдада.

- И от Джидрата. Мне довелось бывать там. Ты знал это, Каджун?

- Мне сказали, что Джон Блейни погиб. Ты был там, когда это случилось?

- Я обращался за помощью к этому тупоголовому болвану, который исполняет там роль консула. Типи Феннер, типичное порождение Оклахомы. Я ничего не мог сделать.

- Я никогда там не был,- сказал Дарелл,- но знаю, что это один из независимых преуспевающих имаматов, поднявшихся на нефти - там правит достаточно дикий феодальный режим патерналистского характера. Чертова дыра, где ты считаешь, что наступила прохлада, когда температура падает до ста двадцати градусов по Фаренгейту. И все это так далеко от Женевы!..

- Не так уж далеко, как тебе кажется,- сказал Хэггерти.- Я хотел остаться в Джидрате, но меня выдернули оттуда, чтобы я встретился здесь с тобой по пути домой в Нью-Йорк.- Он снова моргнул, отпил немного шоколада и, когда ставил фарфоровую чашечку на блюдце, она издала легкий звенящий звук. Большим и указательным пальцем он провел по складкам у рта. У него была маленькая, песочного цвета, арабская бородка. Кожа его обрела цвет темной бронзы, подчеркивавшей голубизну глаз.

Дарелл чувствовал, что собеседника снедает беспокойство, хотя он не очень хорошо знал Хэггерти, с которым в прошлом ему доводилось встречаться в самых разных уголках мира.

- Скорее всего, сочли, что я не подхожу для Джидрата,- со смущенным видом продолжил Хэггерти,- что мне там не спра-

виться. Феннер обладает влиянием и связями. Но он полная растяпа, Сэм. Из-за него тебя могут прикончить.

- Если я окажусь там, то буду очень осторожен.

- Да. Тебе придется туда ехать. А я домой - в Штаты. Меня ждет работа за письменным столом - выкладки и расчеты, анализ и синтез.

- Что тоже важно,- признал Дарелл.- Будешь складывать воедино кусочки и обрывки, составляя цельную картину для комитета начальников штабов, Пентагона, Белого дома и Совета Национальной Безопасности, для всех этих ребят.

- Знаю, знаю,- нетерпеливо сказал Хэггерти.- Все то же самое, и я буду чувствовать себя полным болваном. С другой стороны, не торопись сразу же с места в карьер включаться в задание. Я очень обеспокоен выяснением того, что случилось с Джоном Блейни. Понимаешь, мы были близкими друзьями. И ему досталась нелегкая смерть, Каджун.

- Это может постигнуть любого из нас,- сказал Дарелл.

Хэггерти с трудом перевел дыхание.

- Я не могу забыть обстоятельства его гибели, изложенные мне Феннером, и понимаю, что больше никуда не гожусь. Я надеюсь, тебе там поможет твой арабский, Сэм.

- Я тоже. Ты введешь меня в курс дела или мне останется руководствоваться только догадками? Судя по тому, что я читал, в Джидрате сейчас довольно напряженная обстановка. Там мешанина из религиозных фанатов, кади, полковника Таарифа, который пытается изображать из себя то ли Насера, то ли Касема,- никто не понимает, кого из них, да, наверное, и он сам не знает - и старого имама, который достаточно уважаемая литературная фигура... словом, что-то там заваривается. И это становится все яснее. Старый имам не может положить конец заварушке, так? Хотя, если ввести в строй Бого...

- Кого? - спросил Хэггерти.

- Принца Амра аль-Маари. Следующего по линии наследования. После имама.

- Бого?

- Так мы его звали в Йеле,- сказал Дарелл. Затем, посмотрев на Хэггерти, он кивнул.- Все сходится, Хэг. Поэтому я им и понадобился. Потому что я знал Бого по Йелю. В те годы, когда старый имам послал его в Америку, чтобы он приобщился к западной культуре.

- Да, так и есть. Упоминание об этом содержится в твоем досье в Секции “К”,- согласился Хэггерти.- Поэтому ты и вызываешь такой интерес.

- Как и мое досье в штаб-квартире КГБ,- мрачно сказал Дарелл.- Но вряд ли тут что-то получится.

- Ты поддерживал связи с принцем после Йеля?

- Нет.

- Тем не менее, Вашингтон считает, что ты можешь оказать на него влияние.

- Не исключено,- сказал Дарелл.- А где он?

- До прошлого вечера был здесь. В Женеве.

- Вот оно что! Значит, связывает Женеву и Джидрат именно это?!

- Совершенно верно.

- И что же, как предполагается, я должен делать? - спросил Дарелл.- Я знал Амра аль-Маари, когда ему было порядка двадцати лет. Да, мы называли его Бого, но не припоминаю, почему. И с тех пор я его не видел.

Хэггерти помрачнел.

- Он уже далеко не школьник. Я следил за его карьерой с тех пор, как в его владения перешли нефтеразработки - после того, как его отец стал жертвой покушения, а брат был убит во время племенных разборок. Твой приятель Бого, утомившись от всех этих дел, вручил бразды правления своему деду - старому имаму - и пустился во все тяжкие по следам короля Фарука, чему он и посвящает семь дней в неделю.

Дарелл кивнул.

- Когда я знал его в Йеле, он был симпатичным застенчивым мальчиком.

- Ну, с тех пор он сильно повзрослел. Ты можешь почитать о нем в воскресных приложениях - наркотики, пьянки, оргии на его ривьерской вилле, постоянное пребывание в швейцарских санаториях, чтобы прийти в себя после запоев. Там он и сейчас находится... Или был. В загородной больнице Святого Гомериуса.

- Ты считаешь, что его уже нет там?

- Во всяком случае, никому не удалось увидеться с ним. Поэтому мы и сомневаемся.- Хэггерти пригладил колючую арабскую бородку. Вид у него был утомленный.- Я бы хотел, чтобы из Джидрата убрали Феннера. Но кто-то явно испытывает симпатию к этому маленькому толстому подонку. Похоже, он закопался в эти пески по шею и собирается оставаться там навечно. И чтобы выкинуть его оттуда, требуются усилия не такого человека, как я.

- Ты так и не сказал, чем мне предстоит заниматься,- продолжал настаивать Дарелл.

- Тебе предстоит загнать стальной стержень в спину своего приятеля Бого. Дать ему пинка под зад, чтобы заставить его вести себя, как подобает настоящему мужчине - отправиться домой и навести там порядок. В соответствии с предположениями госдепа и Пентагона, если Джидрат попадет в руки племенных националистов и станет “неприсоединившимся”, подобно Каиру, или же если кади подымет там священный джихад против западных язычников, как известное “Братство мусульман”, нас ждут крупные неприятности.

- Так гласит компьютерный прогноз. Это же подсказывает и здравый смысл. В Джидрате царит патернализм худшего сорта, дополненный диким арабским национализмом. К этому же примешивается невообразимое варварство, в котором, похоже, специализируются арабы. Там могут пробиться какие угодно всходы - этот арабский имамат представляет собой в миниатюре весь арабский мир. Глиняные хижины и голод; козлы и верблюды соседствуют с дворцами, оснащенными кондиционерами, иностранными гоночными машинами и конюшнями для игры в поло. Старый имам теряет силы, и править ему осталось недолго. Кади и наш грошовый Гитлер, полковник Таариф, заключили между собой временный союз, чтобы избавиться от старика и захватить власть. Единственный, кто еще может собрать страну, это принц Амр аль-Маари, всемирно известный плейбой.

- Скорее всего, он меня и не помнит,- пробормотал Дарелл.

- Если ты сможешь напомнить ему, что он должен быть настоящим мужчиной, и заставишь вернуться домой, ситуация там успокоится. Джидратцы преданы ему. Но действовать надо быстро, Каджун. До того, как сорвет крышку и котел взорвется. А он не хочет возвращаться домой,- буркнул Хэггерти.- И я не могу упрекать сукиного сына за это. Вот это и будет твоим делом, Сэм - убедить его. Напомни ему о веселых деньках в колледже и все такое. И о Зорайе.

- Зорайе?

- О ней тоже есть данные в твоем досье. Она обручена с принцем. Кто-то говорит, что он женился на ней, когда она была совсем ребенком, но старается держаться подальше от нее. Хотя мы можем добраться до Зорайи. Мы нашли ее, когда она скрывалась где-то на Эльбе. Как мне кажется, она продолжает жить надеждой. Любит этого подонка, хотя постоянно получает от него оплеухи. Тем не менее, пожалуй, он к ней временами прислушивается. Ты знал ее, не так ли?

- Она была совсем ребенком,- сказал Дарелл, нахмурившись от усилий припомнить ее.- Как-то раз в Балтиморе, когда я заезжал туда с Бого, я ее видел...

- Если сможешь, пусти и ее в ход. Мы встречались с ней, Каджун. Она помнит тебя. И будет готова встретиться.- Хэггерти держался из последних сил.- И теперь все зависит только от тебя. Я выложил тебе все, что у меня есть. От тебя зависит, чтобы этот человек перестал быть самым большим повесой в мире, вернулся домой и навел там порядок. Если сможешь, используй девушку. Используй принца. Но только не теряй времени.

- Ясно,- сказал Дарелл.

- И я бы хотел, чтобы ты сделал кое-что для меня, Каджун.

- Да?

- Узнай, кто убил Джона Блейни.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Миновав старый район Женевы, Дарелл вернулся в свою гостиницу. Он думал о Бого, принце Амре ибн Алиде аль-Маари из Джидрата. Через четыре года из йельских стен вышел тот же дикий обитатель прустыни, получивший образование, с акцентом, приобретенным в начальной школе. Маленький человечек с лисьей мордочкой, блестящими зубами и надменной манерой держаться, проистекающей из наличия у него денег. Подобным образом он относился ко всем окружающим, если снисходил до того, чтобы замечать их. К неизменным ценностям бытия, которые простые смертные считают важными и существенными, он испытывал лишь нескрываемое презрение.

Хрупкий арабский мальчишка почему-то привязался к Самуэлю Каллену Дареллу, внуку азартного игрока с Миссисипи. Для Дарелла это было трудное время: по какой-то причине перестали поступать деньги из дома, и он отправился к Макгиверну в Ист-Хэвен, чтобы поработать у него банкометом. Он прошел отменную школу - у старого Джонатана. Дарелл стал лучшим крупье, который когда-либо работал у Макгиверна. Продолжая оставаться студентом, Дарелл порой мог позволить себе довольно рискованные эксперименты с игроками. Макгиверн огреб немало денег с его помощью. Если бы в Йеле узнали о его приработках, он был бы безжалостно выброшен из университета. Но они никогда не узнали о них.

Амр аль-Маари приходил в заведение Макгиверна в окружении старшекурсников, которые крутились вокруг принца, привлеченные его богатством, и с удовольствием пускали в ход деньги Амра, которых у того всегда было навалом. Принц уже освоил некоторые секреты покера, вечерами его просвящали соседи по спальням, но у Макгиверна собирались профессионалы, игра была быстрой, жесткой и безжалостной. Через двадцать минут принц проиграл шесть тысяч долларов.

Дарелл припомнил худую лисью мордочку и краску раздражения на впалых щеках. Всю жизнь Амра аль-Маари лишь баловали, и во что бы он ни играл, неизменно стараниями лизоблюдов вокруг одерживал победы.

Но Дарелл не испытывал жалости к нему. Он был банкометом и нуждался в этой работе. Конечно, он позволял себе коекакие шулерские трюки. У него были тонкие чувствительные пальцы. Он наизусть знал все номера, которым научил его старый Джонатан долгими жаркими днями на борту старой развалины "Три красавицы", пришвартованной в болотистом заливчике. Макгиверн не скрывал желания, чтобы Дарелл пользовался своим умением. Но принц был и без того никудышным игроком в покер, чему способствовало и его полное равнодушие к

проигрышам, ибо денег у него было более чем достаточно.

И все же в тот вечер Амр наконец взорвался.

В безмолвии помещения, почти все пространство которого занимал зеленый восьмиугольный стол, в конусе света на котором были видны только фишки, карты и руки игроков, Амр аль-Маари внезапно вскочил, издавая пронзительные хриплые проклятия по-арабски.

- Ты обманываешь меня! Я тебе сердце вырву!

И ко всеобщему изумлению, в худой руке Амра появился нож с узким изогнутым лезвием и рукояткой, украшенной драгоценными камнями. В клубах дыма под конусом света блеснула сталь. Все пришло в смятение. Полетели в сторону карты и фишки, люди старались побыстрее убраться с его дороги.

Только Дарелл не дрогнул, продолжая спокойно сидеть за столом. Он смотрел на искаженное гневом лицо и на острие кинжала у своего горла. Руки он держал на виду, плашмя положив их на стол.

- Я не обманывал тебя, Бого.

- Ты лжешь! Иначе быть не может! Я никогда не проигрывал.

- Потому что твои друзья обеспечивали тебе выигрыши,- сказал Дарелл.

- А? Что ты сказал?

- Ты отвратительно играешь в покер. Тебе нельзя и близко подходить к столу, где играют профессионалы, пока ты не усвоишь законы игры.

- Никто не смеет говорить с Амром подобным образом,- завопил принц.

- А я говорю. И буду говорить. Если никто не позаботился сказать тебе правду, Бого, это сделаю я. А теперь убери нож.

На мгновение все застыли. Араба, охваченного бурей страстей, буквально колотило. Тем не менее, он продолжал твердо держать нож. Дарелл понимал, что тот может пустить его в ход.

- Ты не боишься? - прошептал Амр.

- Конечно, боюсь. Только дураки не боятся.

- И все же ты сидишь тут и говоришь мне, что я плохой игрок? Ты осмеливаешься оскорблять меня?

- Это не оскорбление. А всего лишь совет. И чистая правда.

- Ты не врешь? Клянешься честью?

- Клянусь честью.

Лисья физиономия расплылась в жестокой ухмылке.

- А ведь я мог убить тебя. И не понес бы никакого наказания. Нет! Я слишком важная личность для вашего правосудия. Они найдут для меня какое-то извинение. Скажут, что была обыкновенная драка между студентами.

В голосе Дарелла появились жесткие нотки.

- Убери нож, Бого!

- Ты что, приказываешь мне?

- Так и есть. Спрячь нож, садись и продолжай играть. Или убирайся.

Из дымной глубины комнаты послышался голос Макгиверна.

- Господи, парень, будь осторожен! Он же дикарь в школьных штанишках...

Дарелл оказался быстрее. Движение руки было стремительным и резким. Ребром ладони он нанес сокрушительный удар по кисти Амра, сжимавшей нож. Старый Джонатан научил его, как действовать против человека, вооруженного ножом. Дарелл был быстр и точен. Лезвие полетело на стол, блеснув на зеленом сукне. Дарелл скинул его на пол и, наступив, переломил клинок. Он стоял лицом к лицу с арабским принцем.

- Прошу прощения, Бого. Но ты мне надоел.

Амр ибн Алид аль-Маари тяжело дышал. В горящих глазах светилась ненависть. Но внезапно что-то в нем изменилось. Он покачал головой и, нагнувшись, подобрал обломки ножа. Тихо засмеялся и что-то сказал по-арабски, чего Дарелл в то время не мог понять.

- Мы будем друзьями,- сказал принц Джидрата.

Дарелл беспрепятственно добрался до отеля “Де ла Пэ”. Никто за ним не следил. Портье вручил ему конверт. Лишь запершись у себя в номере, он вскрыл его. В конверте было четыре тысячи долларов в американской валюте и набор авиационных билетов - Рим-Афины-Анкара и Джидрат. Ни записки, ни пояснения, но в них не было и нужды. Он знал, что конверт поступил от Хэггерти.

К пяти часам он вывел взятый напрокат “фиат” из гаража и по шоссе вдоль берега озера направился в сторону Лозанны. Город уже зажигал огни, готовясь к ночной жизни. Обитатели Женевы, подумал Дарелл, традиции которых заложил Кальвин, чья кафедра продолжала храниться в кафедральном соборе Святого Петра, далеко ушли от строгих предписаний протестантства. Он миновал ряд изящных вилл и огромное здание Лиги Наций, напоминающее мавзолей. Мысли его вернулись к Бого и испуганной девочке, которую звали Зорайей.

Впервые он встретил Зорайю в тот вечер, когда Амр явился к нему в комнату, которую он снимал рядом с заведением Макгиверна в последние месяцы перед окончанием. Амр был явно взволнован. Его худое высокомерное лицо покрыла испарина, хотя октябрьский день в Новой Англии был прохладным.

- Сэм! Каджун! Ты можешь составить мне компанию?

- Куда? - спросил Дарелл. Стоял поздний вечер, он штудировал законы и мечтал лишь о том, чтобы добраться до постели.- У тебя что, неприятности?

- Я должен ехать в Балтимору.
- В Балтимору? Сейчас?
- Я должен повидаться с ней.
- С кем? О ком ты толкуешь?

Принц нетерпеливо принялся объяснять. Имам Язид Абу аль-Маари, его дед, прислал ему приказ. Он должен навестить Зорайю, дочь могущественного шейха, получившего образование в Англии. Мать Зорайи была англичанкой. То была часть старой феодальной политики имама - таким образом заключать политические союзы, сказал Бого. Он прятал глаза. Дарелл подумал, что он не рассказывает ему всего до конца.

- Конечно,- сказал Амр,- потом я могу иметь четырех жен. И наложниц - сколько захочу.

- Везет же тебе,- сказал Дарелл.- Ты женишься на этой Зорайе?

- Я должен увидеть ее. Я обязан повиноваться. Ты можешь поехать со мной в Балтимору?

- А как же завтрашние лекции?

- Не беспокойся,- бросил Амр.- Я все улажу.

Дарелл не сомневался, что это у него получится. Он отправился вместе с худеньким арабом, потому что Бого нуждался в присутствии друга и потому, что, несмотря на всю юношескую браваду, видно было, что тот испуган, едва ли не в отчаянии.

Они оказались в Балтиморе за час до рассвета. Частная школа для девочек была обнесена каменной стеной. Подъездная дорожка уходила за кованые металлические ворота, которые в лунном свете казались неприступными. За живой изгородью на глаза Дареллу, сидящему в машине, попала широкая лужайка, на которую глядели слепые окна классов и спален, заплетенные плющем. Попасть за ограду казалось невозможным. Медная табличка с названием школы крылась в тени, и он не разобрал, что на ней написано. Он смотрел, как Бого вылезает из машины.

- И что мы теперь будем делать?
- Ждать,- шепнул араб.- Кто-нибудь приведет ее.
- В любом случае, что ты собираешься делать?
- Поговорить с ней. Посмотреть, как она выглядит.

- Разве у тебя есть какой-то выбор в этой ситуации? Я говорю о необходимости жениться на ней, Бого.

- Пока нет. Но попробую. В данный момент правит имам Язид. Он считает меня всего лишь мальчиком, школьником. Но я не собираюсь иметь дело с невестами, которых он будет мне всучивать! - горячо затараторил Амр.

- Она может оказаться хорошенькой.
- Меня это не волнует.
- И умной.
- Кому нужен женский ум, друг мой?!

Они продолжали ждать.

Занимался рассвет, и принц продолжал мерить шагами обочину.

Наконец он подал голос.

- Вот она. Рабыня ведет ее.

- Р а б ы н я? - переспросил Дарелл.

- Не пугайся. У нас в стране есть рабство. Все правильно и законно - таков порядок вещей, как гласят Коран и заповеди Пророка.

К ним приближались две фигуры. Женщина, лицо которой было скрыто паранджой, выглядела как-то странно, ибо в это холодное октябрьское утро на ней была куртка западного покроя. Дарелл, которому выпала всего лишь роль спутника, мог лишь с любопытством наблюдать за происходящим. Его внимание было приковано к стройной фигурке рядом с закутанной женщиной. Он увидел, что на него смотрят огромные испуганные глаза. Его не покидало ощущение, что он видит ребенка, девочку лет двенадцати, которой приходится играть роль взрослой женщины.

Послышалось бормотанье на арабском; по тону можно было предположить, что идет ссора. Амр что-то говорил служанке. Та явно не хотела соглашаться, но боялась противоречить желаниям принца. Дарелл сначала удивился, каким образом Амру удалось организовать эту тайную встречу, но потом он вспомнил повелительную манеру Амра и его деньги. Так что он все понял, когда женщина постарше сделала шаг назад, а худенькая испуганная девочка направилась к машине.

- Залезай,- по-английски сказал Амр.- Пожалуйста, сядь за руль, Сэм.

- Куда ехать?

- Куда хочешь. Мы должны поговорить...

- Ну, ты избрал чертовски сложный способ свидания,- сказал Дарелл.

- Я должен узнать, что ей известно об имаме Язиде. Мне кажется, что вокруг него творится какое-то предательство, и я не хочу последним узнавать об этом, пусть даже пока я еще студент.

События эти происходили много лет назад, и, проезжая вдоль берега Женевского озера, Дарелл припоминал минуту за минутой этого странного рандеву. Любовная интрига, завязавшаяся на Ближнем Востоке, сохраняла для него аромат далеких романтических тайн, не имевших ничего общего с миром обитателей Йеля.

Девочка казалась растерянной и подавленной. Она была вся поглощена своими мыслями. Самое сильное впечатление на него произвели ее огромные влажные глаза, тонкое личико, сдержанное поведение, в котором, тем не менее, искорками проскальзывали привычка к свободе и чувство собственного достоинства.

Дарелл бесцельно ехал вдоль берега Чезапика. Это место потом, во время службы в Вашингтоне, ему пришлось досконально изучить. У гостиницы "Принц Джон" он нашел лужайку, доходившую до самой воды, где и поставил машину; он был несколько смущен выпавшей на его долю ответственностью, и ему оставалось лишь жалеть, что он не понимает доносящегося с заднего сиденья бормотания.

У девочки был тихий тонкий, как флейта, голос; сначала, пока она не оправилась от смущения, голос был еле слышен, но теперь в нем звучали гневные и удивленные нотки. Затем она надолго замолчала, даже когда Бого заговорил резко, властно и яростно, она не вступила в перепалку.

Наконец Бого открыл дверцу машины, выкарабкался из нее и остановился на дороге рядом с Дареллом, продолжавшим сидеть за рулем.

- Не знаю, что и делать,- пробормотал Амр.

- Чего ты пытаешься добиться? - спросил Дарелл.

- Эта девчонка... Она думает, что я поверю... О, ты не понимаешь, Сэм, какие у нас обычаи!

- В любом случае, что ты так переживаешь?

- Может быть, в ней слишком много английского... От ее матери, я полагаю. Она говорит, что останется верной мне, что бы ни произошло.

- Разве это плохо?

Лисья мордочка исказилась ухмылкой; в ней были видны следы слабости и злобы.

- Я отказался от нее. Когда я буду выбирать себе жен, последнее слово будет за мной. Тебе этого не понять, Сэм. Это дело моей чести.

- Во всяком случае, она еще так юна, что беспокоиться пока не о чем.

- Зорайя достаточно взрослая. В моей стране она считается зрелой женщиной, готовой к обязанностям брака.

Дарелл, привыкший иметь дело с жительницами Коннектикута, никак не мог взять в толк смысла сказанного.

- Подожди,- вдруг насупился Амр.- Я должен подумать. Я пройдусь. Сиди тут.

Вставал прекрасный чистый рассвет. Дарелл отчетливо помнил, как солнечный свет постепенно, словно поднимался занавес, заливал спокойную гладь Чезапикского озера, кричали чайки, из камышей с треском вырвались дикие утки. Над водой тянулась легкая туманная дымка, постепенно обретавшая цвет расплавленного золота. Здесь было куда теплее, чем в Коннектикуте. Дарелл закурил и поудобнее устроился за рулем, глядя на принца, который, засунув руки в карманы, брел по дороге, пока не скрылся из виду.

И тут только он обратил внимание на то, что девочка плачет.

Звуки, которые она издавала, напоминали жалобные стоны раненой птички.

Он повернулся на сиденье и увидел ее тоненькую фигурку, съежившуюся на заднем сиденье.

- Спокойнее,- неловко обратился он к ней.- Вы понимаете меня?

- Прошу прощения. Пожалуйста, не говорите Амру, что я плакала. Да, я говорю по-английски. И еще по-французски и по-испански.

- Ясно.

- Вы хороший друг Амра,- сказала она.- Он мне рассказывал о вас. Боюсь, что мы были не очень вежливы, разговаривая на языке, которого вы не понимаете.

- Вот,- сказал он.- Возьмите мой платок.

Она, как сущий ребенок, вытерла носик.

- Мне очень неудобно. Простите меня. Я... как вы это называете?.. Отвергнута. Брошена.

- Времени более чем достаточно, чтобы все еще наладилось.

- Нет, он будет настаивать. Он не поверит мне, когда я... Даже если я потом смогу доказать ему свою любовь, он не возьмет меня в жены.

- Почему?

- Потому, что он считает, будто я...

- Может, вам стоит радоваться.

- О, нет! Когда-нибудь он поймет меня,- сказала девочка.- Я буду ждать и терпеть. Когда я ему понадоблюсь, он позовет меня, и я буду готова оказаться рядом с ним.

- Вы любите Амра?

Она замолчала. В зрачках ее отражалось золото рассвета. Глянув на нее, он увидел, что в ней как-то странно совмещаются ребенок и молодая женщина - в ней была и трезвая рассудительность, и детская растерянность. Ее светлокарие, влажные глаза покрывались густыми прядями темных волос и смотрели на него грустно и серьезно.

- Вы действительно хороший друг. Амр говорил вам, что фактически я уже его жена?

- Нет.

- Это правда. Мы поженились четыре года назад.

- Но...

- Да, мне было всего восемь лет, но в моей стране так принято.- Она тихонько засмеялась.- Я помню, как Амр сидел, обложенный подушками, со стеклянными глазами, полупьяный от г а т а. Ему дали пожевать его. Он был такой смешной тогда, и я...- Она помолчала, и ее карие глаза потемнели.- Вот тогда это и случилось. Началась какая-то перестрелка, и еще до восхода солнца я попала в руки людей, которые были врагами моего отца. Три дня они держали меня в пустыне. И Амр до сих пор не

верит, что они ко мне не притронулись. Понимаете? Он считает, что опорочена его честь. И больше не хочет относиться ко мне как к родному человеку. Он не может забыть... Но я когда-нибудь надеюсь убедить его, что ничего не было.

- Значит, вы любите его,- сказал Дарелл.

- Вы благородный человек,- тихо сказала она.- И лучший друг Амра, как он мне говорил. Может быть, когда-нибудь вы проявите благородство и по отношению ко мне.

- Если мне представится такая возможность,- сказал он.

- Время придет. Я знаю. И никогда не забуду вас.- Она помолчала.- Амр любит меня. Даже сейчас он прислушивается к моим словам. Но он не может позволить себе уступить.- Она улыбнулась.- Во всяком случае, вас я не забуду, Сэм Дарелл.

Все годы, что прошли после этого рассветного утра, Дарелл помнил принца Амра аль-Маари и его девочку-жену Зорайю. Наконец он смог научить Бого играть в покер, но этим же летом Бого вернулся в Европу и поступил в Сорбонну; а еще позже маленькая арабская лисичка исчезла в водовороте мировых событий.

Впрочем, по прошествии времени Дареллу доводилось видеть худое симпатичное лицо в новостях и выпусках светской хроники, и каждый раз его острые черты все больше теряли определенность, медленно старея; легкомысленный образ жизни и надменность оставляли на нем свои следы. Говорилось, что ежегодный доход принца Амра достигает ста миллионов. На короткое время он попытался ввести в своем имамате просвещенное правление - но лишь для того, чтобы позже передать власть своему деду, имаму Язиду.

Бого так и не женился. В течение нескольких лет ему удалось извлечь свой маленький народ из темного феодального прошлого, превратив этот край из пристанища для пиратов, работорговцев, погонщиков верблюдов и пастухов в нефтяное княжество, куда получили доступ и все пороки Запада, и злобная идеология Востока.

То было время, когда стремление Зорайи оказаться рядом со своим принцем пустыни стало излюбленной темой сплетен в колонках светской жизни по всей Европе. Но изображения Зорайи никогда не появлялись рядом с Амром. Он продолжал избегать ее. Он отказывался ее видеть. Тем не менее, не прибегнул он и к столь легкому мусульманскому способу развода.

Зорайя где-то скрывалась, и фоторепортерам никак не удавалось сделать ее снимки. Для Дарелла она продолжала оставаться двенадцатилетней женщиной-ребенком в то туманное утро на берегу Чезапикского залива.

Ты никогда не сможешь вернуться туда, думал он.

Где бы Амр ни находился сегодня, он не имел ничего общего с тем выпускником Йеля, которого знал Дарелл. И чем бы ни

занимался Дарелл, который сейчас вел свой “фиат” по прекрасной швейцарской трассе к Лозанне, он был далек от своего детства в болотах Луизианы и лет, проведенных в Нью-Хэвене. Давно остались позади относительно простые дни службы в Дж-2 и в старом УСС.

Теперь он был вынужден подчиняться времени и обстоятельствам. Слишком долго, думал он, ему приходится вести войну, ту тайную войну, где тебя может ждать неожиданная смерть в самых глухих углах мира.

Так же, как его противник тут, в Женеве, майор Коля Микельников, Дарелл стал профессионалом, специалистом, несокрушимым оружием обороны, смертельно опасным механизмом нападения. Может быть, в конце концов, ему удастся заняться другими делами, думал он, если он не позволит себе той легкой мгновенной оплошности, которая погубила Джона Блейни в Джирате.

Смертельно опасной оплошности.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Больница Св. Хомериуса находилась на полпути от Лозанны в маленькой, поросшей соснами долине среди высоких отрогов Альп. В сумерках поверхность озера обрела серовато-голубой цвет. По мере того, как дорога шла все выше, порывы ветра становились холоднее, давая понять, что они срываются с высоких ледников.

Больница была небольшим частным заведением. Богатые люди со всей Европы, страдавшие самыми различными недугами, становились ее пациентами. Главное здание представляло собой большое бревенчатое шале. Остальные строения поменьше скрывались за высокими стволами сосен, повсюду вились дорожки.

На галерее шале стоял ряд шезлонгов, в которых неподвижно сидели закутанные в пледы и одеяла фигуры, словно мумии, лица которых ловили последние лучи уходящего солнца, совершая некий религиозный ритуал. Никто из них не шевелился. Тут царила полная тишина, преисполненная усталости.

Доктор Гехман Де Витт тоже выглядел усталым. Худой бородатый человек, в глазах которого светилась жадность, присущая, скорее, рэкетиру, чем врачу, он неподвижно сидел за своим письменным столом, затягиваясь сигаретой, вставленной в изящный резной мундштук. Поднявшись, едва Дарелл вошел в его кабинет, он выслушал его все с тем же утомленным видом, когда Дарелл, представившись, осведомился, может ли он увидеться с принцем Джидрата?

- Это исключено,- коротко сказал доктор Де Витт. В его английском почему-то был странный акцент уроженца Бронкса.- Пункт первый: во время пребывания здесь принц Амр не хотел никого видеть, абсолютно никого. Он отказался от всех разговоров, от всех контактов с другими пациентами, отвергал все назначения, отказывался вести себя, как разумный человек.

- Вы говорите о нем в прошедшем времени, доктор Де Витт.

- Совершенно верно. Он выбыл от нас. Сегодня утром. И скатертью дорога!

- Доктор, я хотел бы увериться, что это не очередной трюк, который принц пустил в ход, дабы избежать встреч с людьми, пока он... м-м-м... тут отдыхает. Он был бы рад увидеть меня. Я его старый друг.

- Вы не очень-то смахиваете на такого.

- Прошу прощения?

- Вроде вы не похожи на человека, который увлекается наркотиками, женщинами, алкоголем и прочими пороками, известными человечеству - хотя ваш принц, должен признать, привнес в этот набор кое-какие новинки.

Дарелл улыбнулся.

- Похоже, вы были счастливы избавиться от него.

- Так и есть, это просто животное.

- Но с толстым бумажником.

- Я никогда больше не приму его сюда. И меня не волнует, что скажут об этом. Я не хочу больше терпеть такое гнусное поведение, его приступы ипохондрии, вульгарность, нечеловеческую жестокость.

- Сомневаюсь, что он настолько плох и ужасен.

Доктор перевел дыхание.

- Я не выдам вам никаких медицинских тайн, если скажу, что принц прибыл сюда в состоянии белой горячки от злоупотребления алкоголем и наркотиками, предельно истощенный экзотическими сексуальными играми и с острым несварением желудка. Кровь его отравлена, печень увеличена, щитовидная железа практически вышла из строя. И вы говорите, что он ваш приятель, месье Дарелл?

- Был. Много лет назад.

- Значит, сегодня вы бы его не узнали.

- Может, и нет. Но я его должен увидеть.

- Здесь его нет. Если хотите, можете его искать. Он отбыл со всем своим багажом. Как только смог волочить свои толстые ноги.- Задохнувшись от возмущения, доктор Гехман Де Витт рывком открыл ящик стола, порылся в бумагах и швырнул на стол чек - сумма была эквивалентна двадцати тысячам американских долларов, которые должна была получить больница Св. Хомериуса.- Больше никогда,- шепотом сказал врач.- С меня более чем достаточно. Я не могу даже передать вам, какие ос-

корбления пришлось мне выслушать, как он относился к моим работникам во время своего пребывания здесь. Нет, он больше тут не появится!

- Значит, он уехал нынешним утром? - спросил Дарелл.

- В своей собственной машине. В "мерседесе". Он сам вел его.

- Вы знаете, куда он направился?

Доктор Гехман Де Витт отмахнулся обеими руками.

- Конечно, в Канны. На свою виллу.

В ту же ночь Дарелл добрался до Французской Ривьеры, лишь раз остановившись в небольшом пансионе рядом с франко-итальянской границей, где четыре часа поспал. Он аккуратно вел машину по альпийским горным трассам в ночные часы, поскольку помнил о задании, полученном майором Колей Микельниковым, но ничего не случилось. Расположившись отдыхать в грубоватом крестьянском домике, дававшем приют европейским туристам, он, отходя ко сну, не выпускал пистолета из рук. Тяжелую дверь он заклинил так, что никто не мог прикоснуться к ней, не разбудив его, а за окнами был крутой обрыв не меньше тридцати футов. Спал он вполглаза, но ему никто не мешал; разделив завтрак с итальянским фермером и его женой, он поболтал с ними на их диалекте, после чего, пустившись в путь, пересек французскую границу.

В Каннах он не стал тратить время, пытаясь найти место для ночлега. Созвонившись с Хэгерти, он спустился к набережной, что тянулась между пляжем и полосой дорогих отелей. Канны были забиты американцами. Сияло солнце, искрилось море, повсюду царил веселый гальский дух. Он добрался до недорогой гостиницы рядом с Ля Буриньоном и осведомился о человеке по имени Леонардо Гато. Портье сообщил, что месье Гато, как обычно, можно найти у "Мирамара". Позвонив туда, Дарелл попросил позвать месье к телефону, получил приглашение выпить и поехал на встречу с Леонардом Гато в "Кафе де Пари".

Гато был уроженцем Америки, но давно покинул страну. Его колонки о светских сплетнях на Ривьере старательно изучались всем обществом и обсуждались за столиками кафе по всему Средиземноморью, а также в аристократических клубах Рима и Парижа. Порой статьи Гато перепечатывались в Синдикате новостей Соединенных Штатов. Он был неизменно элегантен и подтянут, и все следы его происхождения из Эмпории в Канзасе давно исчезли, уступив место изысканным континентальным манерам. Порой он производил впечатление благоухающего духами управляющего салоном мод в Париже, но в его небольших глазах светились ум и проницательность, а рукопожатие при встрече с Дареллом оказалось крепким и искренним.

Он не знал, что Дарелл работает в Секции "К". Но в прошлом соответствующие службы, случалось, прибегали к услугам

Гато, и он не сомневался, что к нему время от времени будут поступать точно такие же просьбы. Он был толков, ему можно было доверять, и он поставлял надежную информацию. В ходе прошлых заданий Дареллу случалось сталкиваться с ним.

- Мой дорогой мальчик,- приветствовал его Гато.- Что заставило тебя вылезти из болот Луизианы и оказаться в этом никому не нужном великолепии?

Заказав аперитив, Дарелл с интересом стал рассматривать толпы туристов в причудливых одеяниях. О себе он предпочел не распространяться, а тихо и доверительно сообщил Гато о том, что его интересует.

- Невозможно, мой дорогой мальчик,- сразу же отрезал Гато.

- Не сомневаюсь, что Амр вспомнит меня,- сказал Дарелл,- если я смогу встретиться с ним.

- Конечно. И если он будет трезв. И не под наркотой. И не будет кувыркаться с бабами, которых ему доставляют и которых он таскает за собой всюду. Но это невозможно.- Леон Гато улыбнулся.- На кой тебе понадобилось возобновлять старое знакомство с этим варваром, Сэмуэль? Уверяю тебя, он не твой тип.

- Всего лишь ради дела, Гато. Я действую как посредник.

- Понимаю. И ты готов пойти на серьезные расходы?

- Получишь пятьсот, если сможешь обеспечить мне встречу с принцем.

- В долларах?

- Естественно.

- Эти деньги мне более чем пригодятся, друг мой Каджун,- пробормотал Гато.- Я не буду выуживать у тебя, на кого ты работаешь. И так догадываюсь. Ты, конечно, пришел к самому надежному человеку. Никто в Европе не может помочь тебе лучше, чем я, Сэмуэль.

- На что я и рассчитываю,- терпеливо сказал Дарелл.

- Ходят слухи, что принадлежащие принцу нефтяные поля будут конфискованы у него, если кади и полковник Таариф добьются своего. Но я считаю, что эти проблемы ближе дипломатам, а? - засмеялся Гато.- Во всяком случае, у Амра есть миллионы в швейцарских банках. Я не перестаю удивляться, почему добрые и благородные люди в мире всегда бедны, а те, что являют собой воплощение зла, купаются в роскоши и предаются извращенным удовольствиям?

- В свое время мы поищем причины и следствия, Гато. Где он сейчас? На своей вилле в Ментоне?

- Так говорят. Как считает граф д'Ильи, сезон был так себе, скучноватый. Амр бывал тут лишь набегами. Он обосновался на борту яхты графа. Они вышли в море, но собираются вернуться к уик-энду. Если бы я мог намекнуть об их возвращении в своей колонке в воскресном приложении...

- Никаких публикаций,- прервал его Дарелл.- Когда ты можешь свести меня с принцем?

- В этот уик-энд. Через четыре дня. Д'Ильи пригласил меня...

- Слишком поздно,- прервал его Дарелл.- Я не могу ждать четыре дня.

- Мой дорогой Сэмуэль, он в море, на борту яхты д'Ильи.

- Куда они направились?

Гато вздохнул.

- К Зорайе.

Дарелл замолчал. Солнечный свет пробивался сквозь стволы пальм, окаймлявшие бульвар; он смотрел на кишевшую вокруг толпу в ярких пляжных нарядах, видел зонтики и флажки над террасами кафе, веселые оживленные лица прохожих. Леонард Гато внезапно расплылся в каком-то тумане. Дарелл пытался понять, чьи глаза уже нашли его и держат на мушке. Он понимал, что Микельников, напрямую получающий приказы из Москвы, не собирается отступать после неудачи в Женеве. Должно быть, ситуация предельно важна, думал Дарелл, а сам он представляет опасность из-за своего потенциального влияния, которое может оказать на раздрызганного арабского принца из маленького имамата, из-за которого весь мир может встать на уши, если дела там пойдут хуже некуда. Взрыв в Джидрате положит конец этому веселому яркому миру, обсыпав его дождем смертельного пепла, после чего все погрузится во тьму...

- Да, он поплыл, чтобы встретиться с Зорайей,- снова повторил Гато.

- На Эльбу? - спросил Дарелл.

- Ах, ты знаешь об этом?

- Я знаю, что она уединенно живет там.

- Тогда отправляйся к Зорайе на Эльбу. Может быть, мы с тобой, люди западной складки, никогда не поймем их отношений. Но, похоже, что их судьбы сплетены навечно; оба они это знают и принимают. Между ними порой происходят короткие тайные встречи. Из всей публики в Каннах, которой выпала удача узнать, что принц ушел в море, только я знаю истину. Видишь, сколько я тебе выложил. Кроме того, я ведь в самом деле патриот.

- За пятьсот долларов,- напомнил ему Дарелл.

- Которые и выкладывай.- Гато небрежно пожал плечами.- Что до влияния, оказываемого Зорайей на Амра, этих штучек никто не может понять. Почему она продолжает томиться по его мятой физиономии...- Гато снова засмеялся.- Я выдам тебе одну тайну, Сэмуэль. Эмоции утомляют меня. У меня лично их нет.

- Только алчность.

- Ах, да! Правда. Я продаю слухи и соображения. Я рассказываю сказки о тайных встречах звезд, о днях, проведенных на

чьей-то яхте или на террасе уединенной виллы. Они ходят вместе, рука об руку. Говорят, она исключительно красива. Потрясающая женщина. Умная любящая женщина терпеливо ждет этого повесу, замкнувшись в средневековом уединении. В один прекрасный день, когда все станет ясно, мы познакомимся с классической любовной историей.

- Когда они встречались в последний раз? - спросил Дарелл.

- Примерно год назад, как раз, когда она уехала на Эльбу. Можешь не сомневаться, Сэмуэль - Амр направился именно туда. Информация у меня всегда точная.

- Хорошо, Гато,- Дарелл вынул бумажник и расплатился с вылощенным человечком из Эмпории, Канзас.- Большое спасибо.

- Мерси,- сказал Гато.- Не возьмешь ли на себя труд расплатиться и по счету в кафе?

Он добрался до Пьомбино, местечка на итальянском побережье, миновав Итальянскую Ривьеру. Местность была знакомой, и он уверенно вел свою маленькую машину по горной прибрежной дороге. Тем не менее, она отняла почти весь день, и Дарелл опоздал к полуденному парому, курсировавшему между материком и пологими возвышенностями Эльбы, местом ссылки императора Наполеона, которая лежала за семью милями водного пространства. Он еще раз позвонил Хэггерти по его частному номеру в Женеве.

- Уезжаю в одиночестве. Ты не услышишь обо мне, пока я не доберусь до Джидрата,- сказал он.

- Тебе предстоит долгое путешествие, Каджун. Не теряй времени. Я получил депешу из Вашингтона. Пробка готова вылететь из бутылки. Бунт может разразиться с минуты на минуту. Нам нужно, чтобы принц оказался на месте.

- Сделаю все, что в моих силах.

Он нашел небольшую гостиницу на окраине маленького промышленного городка, в воздухе которого чувствовался запах плавящегося железа, и спокойно поел в обеденном зале, наблюдая за путешественниками, которые заскакивали сюда. Ему не встретилось ни одного знакомого лица, ничего опасного, но какое-то шестое чувство грызло его. Он чувствовал, что за ним наблюдают.

Ночь он проспал в кресле сбоку от дверей номера, не выпуская оружия из рук. Воздух был густым и удушливым, отдавал испарениями металлургических заводов Пьомбино. Почему-то он напомнил ему запах горячих от летнего солнца болотистых низменностей его детства; он вспомнил тень, падавшую от лиственных деревьев и кипарисов, солнечные блики на темной воде, жужжание насекомых, дрожащие столбы горячего воздуха; его охватило ощущение, что жизнь вернулась в те края, где так легко дышится теплым летним полднем. В сонном забытье ему

приснились болотистые плавни, и утром он проснулся в испарине с головы до ног, сжимая пистолет.

Медный диск солнца сиял над Средиземным морем. Он уплатил за доставку "фиата" на остров, и утренний паром, который отошел строго по расписанию, еще до полудня привез его в гавань Портоферрайо, вместе с группами шведских и немецких туристов. Тут же были французские любители езды автостопом и итальянцы, которые собрались с материка навестить своих островных родственников.

Над водой висела туманная дымка, солнце было не в силах рассеять ее, но сама гавань выглядела более чем внушительно со своей крепостью, возведенной еще Козимо Медичи в 1552 году, чтобы отразить высадку Драгута из Триполи. Крепостные укрепления высились, подобно рисункам из волшебной книжки для детей о похождениях пиратов. Когда они высаживались, акватория Портоферрайо была забита судами, хотя большинство рыбаков ушло в море. Дарелл не торопился выводить свой "фиат", а попросил высокого худого мальчишку присмотреть за ним, пока он пройдется по городу, миновав древние флорентийские ворота, прорезанные в древней стене. Сразу же за ними тянулась космополитическая Плаца Кавур, широкая, мощеная булыжником улица, по обеим сторонам которой тянулись магазинчики и кафе на открытом воздухе. Дарелл шел под их яркими полосатыми навесами, отовсюду доносилась болтовня на дюжине языков; бросив беглый взгляд на рыночные прилавки на Пьяцца делла Република, зашел в бар "Рома", где заказал чашку капуччино.

Тот же самый толстый швейцарец, следивший за ним в Женеве, вплоть до той самой минуты, когда грузовик врезался в телефонную будку, внезапно вынырнул из толпы прохожих, вытирая раскрасневшееся лицо большим носовым платком.

Допивая кофе, Дарелл наблюдал, как толстяк описал круг по Пьяцца Кавур, даже не взглянув в его сторону. Конечно, это не было случайным совпадением.

Толстяк был в темном пиджаке, под которым торчал высокий жесткий воротничок; с собой у него был зонтик в чехле. Дарелл обратил внимание на зонтик, он ему явно не понравился. Он подумал, не входит ли в задачу толстяка привлечь к себе внимание? Огляделся и пришел к выводу, что толстяк тут был один. Швейцарец тем временем тоже зашел в бар "Рома" и обратился к официанту. Дарелл подождал, пока он уйдет, после чего наступила его очередь.

За двадцать долларов он приобрел информацию, в которой нуждался.

Расспросы касались принцессы Зорайи. Всем, конечно, было известно, что она живет на своей вилле на Золотом берегу, где продолжали обитать жители Рима и изгнанные русские аристо-

краты. Да, этим утром принц Джидрата прибыл на яхте графа д'Ильи. Он на вилле графа, которая находится в обнесенной стеной части города. Знает ли синьор, что когда-то там встречались Наполеон и графиня Валевская? Дивная старая история о романе императора... Конечно, жители Эльбы каждый год приукрашивают для туристов эти истории, но истинная правда в том...

Дарелл узнал, как добраться до виллы Зорайи и получил совет, что лучше всего ему взять с собой опытного гида.

За небольшой гонорар... нет, синьор, телефона тут нет. Что же касается джентльмена из Швейцарии - да, он интересовался принцем Джидратским. Как и все. Рассказчик закатил глаза и пожевал губами, не в силах скрыть священного ужаса. Говорят, что на вилле д'Ильи устраиваются дикие оргии. Женщин, конечно, привозят с материка. Просто позор, что бедной принцессе Зорайе приходится обитать по соседству. Словно бы принц специально старается унизить ее. Вся Эльба говорит о...

Дарелл вручил официанту еще двадцать долларов и ушел.

Швейцарец исчез.

Машина Дарелла стояла на солнцепеке, окруженная пассажирами с парома, все уже грузились для обратного путешествия в Пьомбино и дальше на материк. Высокий мальчишка добросовестно охранял "фиат". Поблагодарив его, Дарелл расплатился, проверил направление на Марчиану Альту и стал пробираться по переполненным улочкам Портоферрайо.

Стоял жаркий день. Туман поднялся с поверхности моря, но продолжал плотным покрывалом окутывать горные вершины острова, едва только покинув пределы пристани, "фиат" стал забирать в гору, оставляя за собой гавань с ее фантастической крепостью. За проливом, затянутым легкой туманной дымкой, виднелись очертания материка, которые, должно быть, точно так же представали перед Наполеоном в дни его изгнания. Дорога тянулась среди полей белых лилий, диких роз, маргариток и невысоких орхидей. Движения почти не было. Дарелл был осторожен и внимателен; минуя повозки, запряженные быками, которыми правили крестьяне в национальных костюмах, он упорно поднимался в гору. Группки оживленно болтающих смуглокожих женщин замолкали и с интересом смотрели вслед маленькой машине, карабкающейся вверх от побережья. Впереди в зарослях сосен и кипарисов, орехов и миндаля дорога делала крутой поворот к подножию горного отрога, и побережье сразу исчезло из вида, но теперь перед глазами представал весь гористый остров, встающий из моря. Повсюду, сколько видел глаз, земля была в морщинистых складках, увитых виноградными посадками и усеянных домиками пастельной расцветки, ютившимися среди каменистых уступов. А еще дальше тянулись виллы Золотого берега, розовые, зеленоватые и кремово-желтые

стены которых поднимались над песчаными полосками частных пляжей.

На одном из крутых головокружительных спусков Дарелл убедился, что толстый швейцарец следует за ним. В ста футах внизу открывался поросший сосняком поворот, который преследователь только что одолел. Открытый "мерседес" туристской модели вздымал за собой клубы пыли. В машине сидели двое. Худой - за рулем; на нем был полосатый пиджак и мятая панама из соломки. Рядом, обеспокоенно глядя вверх, размещался толстяк.

Ширина дороги оставляла место только одной машине, и каменные бордюры ограждали лишь самые опасные места. Дареллу удалось на следующем повороте снова увидеть своих преследователей. "Мерседес" покрыл уже половину разделяющего их расстояния. Подняв глаза, толстый швейцарец видел над собой "фиат". Солнце ярко освещало зеленые стекла очков, круглое красное лицо и покатые плечи.

И тут внезапно они оказались в пелене тумана.

Он затягивал высокогорную долину. У городских ворот высилась груда могучих валунов, остаток средневековой оборонительной системы. Но теперь на них сидел приходской священник, углубившийся в книгу, а поодаль болтали старик и какая-то женщина. В полосе тумана белоснежные стены домов, мимо которых проезжал Дарелл, выглядели какими-то ирреальными. Он слышал, как рев двигателя "мерседеса" эхом отдает от городских стен. Полоса тумана осталась позади, все пространство теперь уходило вниз к берегам залива Проччио.

В соответствии с объяснениями, полученными от официанта в баре "Рома", ему предстояло, миновав деревню, свернуть налево на первом же повороте. "Фиат" запрыгал по еще более узкой гравийной дороге, постепенно она поднималась сквозь заросли орешника и золотистые сосновые стволы, в проемах которых лишь кое-где далеко внизу поблескивало море.

Но ему никак не удавалось оторваться от "мерседеса".

Он знал, что вилла уже недалеко, когда внезапно увидел подходящее место, и резко затормозил "фиат", подняв облако пыли. Дорога тут расширялась, оставляя достаточно место для "мерседеса", если водитель решит продолжать движение. За краем дороги тянулся обрыв глубиной в несколько сот футов; на самом дне пропасти был ощетинившийся скалами маленький заливчик. Врываясь в его теснину, море издавало глухой рев, от которого, казалось, покачивались вершины сосен.

"Мерседес" на скорости вылетел из-за последнего поворота. Водитель и толстый пассажир одновременно увидели "фиат" Дарелла. Тот успел вылезти из машины, пристроившись за сомнительным прикрытием низкого капота своей игрушечной машины, он теперь единственно отделял его от преследовате-

лей. В руке Дарелл держал револьвер и, стоя на коленях в пыли, делал вид, что изучает правое переднее колесо "фиата".

Скрипнув гравием, "мерседес" тоже остановился.

Водитель вылез, захлопнув за собой дверцу.

- Джулиано, будь осторожен,- по-итальянски крикнул ему швейцарец.

- Сам знаю,- буркнул худой. Разминая ноги, он направился к Дареллу.- Эй, приятель! Попал в беду?

- Стой на месте,- спокойно посоветовал ему Дарелл.

Человек распростер руки.

- Но я хочу вам помочь, синьор.

- Тогда сделай шаг назад. Я тебя предупредил.

- Очень хорошо, Джулиано,- бросил швейцарец.- Действуй решительнее.

- Джулиано, шаг назад,- сказал Дарелл.- Этот человек врет тебе...

- Будет лишь чуть-чуть больно, синьор,- ухмыльнулся худой.- Всего чуть-чуть, не сравниться с той болью, что вы причинили этому джентльмену. Такие вещи тут понимают.

- Я не имею ничего общего с твоим хозяином, Джулиано.

- Он говорит, что вы причинили ему серьезные неприятности. И он хочет рассчитаться с вами.

У Дарелла пересохло во рту. Внезапно итальянец выхватил нож, металл которого блеснул в белесоватом тумане, затягивавшем дорогу. Далеко внизу волны с ревом разбивались о поросший сосняком обрывистый берег. Худой водитель придвинулся поближе, переступая мелкими шажками и улыбаясь, как танцор в кабаре. У него были белые, крупные и очень ровные зубы. На пальцах, сжимавших рукоятку ножа, поблескивало обручальное кольцо.

- Сюда, синьор,- прошептал Джулиано.- Все будет куда проще, если вы не станете сопротивляться.

Дарелл вышел из-за "фиата", держа в руке револьвер. Увидев оружие, Джулиано остановился. На лице его отразилось удивление. Он обернулся посмотреть на толстого швейцарца, но было слишком поздно. Мотор "мерседеса" взревел, и на зеленых стеклах очков швейцарца блеснуло солнце. "Мерседес" рванулся на них - на "фиат", Дарелла и жителя Эльбы с ножом.

У Дарелла еще успела мелькнуть мысль, что он должен был бы предвидеть такое развитие событий. Швейцарец, скорее всего, и раньше пускал в ход подобные приемы. Он предпочитал убивать с помощью транспортных средств. Мгновенный бросок в сторону спас Дарелла. Плечом он врезался в Джулиано, отбросив его. Тот успел вскинуть нож, нанеся ему легкую царапину. "Мерседес" проскочил мимо, отбросив хрупкий "фиат" на обочину дороги.

Дарелл выпустил три пули в оплывшую физиономию за ветровым стеклом.

Стекло разлетелось вдребезги. Лицо превратилось в кровавую массу. Со стороны "мерседеса" раздался тонкий стонущий звук, сопровождаемый треском ломающейся древесины, когда и "мерседес", и "фиат" Дарелла, соскользнув с дороги, слетели в глубокий провал.

Дареллу не представилась возможность проводить их взглядом. Итальянец с трудом поднялся на ноги, упал и сделал еще одну попытку. Лицо его было искажено страданием. Нога была сломана. Он протянул руку, тщетно моля о помощи, но, потеряв равновесие, тоже свалился вниз и исчез из виду, словно бы чья-то гигантская рука стерла его с лица земли.

Через несколько мгновений послышался звук удара, треск ломающихся веток и шорох осыпавшихся камней. После чего внизу стал слышен только привычный рокот волн. Дарелл, упавший на колени, стреляя по швейцарцу, медленно поднялся. Подойдя к краю дороги, он посмотрел вниз. Там ничего не было видно. Обе машины. И вместе с ними двое человек.

Глубоко в грудь он набрал воздуха, благоухающего сосновой смолой, туманом и солоноватым запахом моря. Ноги у него еще подрагивали. Он посмотрел на крутой поворот дороги, который недавно миновал. Никого не было видно. Высоко в синем небе висел тонкий инверсионный след эскадрильи реактивных истребителей, в тренировочном полете они направлялись к берегам Франции.

Повернувшись, Дарелл пошел вверх по склону, в том направлении, где была вилла Зорайи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В американском консульстве в Джидрате Т. П. Феннер смотрел на опущенные жалюзи окон своего кабинета и, вытирая платком красное лицо, проклинал тот день, когда позволил себя уговорить, что он, мол, в самом деле стал настоящим дипломатом. Конечно, если бы его послали в Париж, или Рим, или пусть даже в Мадрид, хотя, как истый сын Оклахомы, он не испытывал симпатии к испанцам - они были, скорее всего, родственниками мексиканцев, а те, в свою очередь, были натуральными отбросами человеческой расы, по мнению Типи. Но его послали сюда - ничего себе благодарность за всю ту наличность и голоса, что он обеспечил во время последней выборной кампании.

Полный гнева, он сидел за своим столом, чувствуя сухость в глотке и зуд в области живота. Кондиционер был бесполезен при разбитых стеклах. Кроме разрушенного окна серьезно по-

страдал сад, когда собственность США подверглась атаке дикой, воспламененной яростью толпы джидратцев. Сквозь проем разбитого стекла он видел странные пятиэтажные здания Джидрата, сложенные из известняка, напоминавшие своими стенами без окон разбомбленные города Европы после войны. Эту мрачную картину дополнял только свирепый жар солнца, потоки песка и ветер, словно дыхание ада.

Он глянул на араба, вытаскивавшего остатки стекла из рамы.

- Импши, яхомар! - гаркнул он.- Пошел вон, осел!

Араб, не поняв, чем вызвал раздражение Феннера, повернулся к нему, с другого конца кабинета престарелый имам Язид что-то тихо сказал рабочему, после чего тот поклонился и вышел. Феннер с трудом выдохнул скопившийся в легких воздух.

- Прощу прощения. Это все жара, Ваша светлость. И оскорбление, нанесенное американскому флагу, уничтожение имущества...

- Толпа вышла из-под контроля, мистер Феннер. Они вели себя, как животные, сошедшие с ума от жары. И я лично явился сюда,- сказал старик,- чтобы принести вам свои извинения, возместить ущерб.

Феннеру показалось, что он получил удар пуховой подушкой. Этот выживший из ума старик, который, казалось, интересовался только своими рукописями и изданиями Корана, умеет наносить и весомые удары. О, арабы хитры и коварны! Они знают, когда можно стукнуть исподтишка. И знают, как убивать из-за спины - ножом, в темноте. Уж в этом-то они специалисты!

Содрогнувшись, он вспомнил о бунте прошедшей ночью. Войска Язида оказались не в состоянии справиться с толпой. Все пошло вразнос: телефоны молчали, подача энергии прекратилась, и вместо закона и порядка под темным небом воцарились вопли и крики грязной толпы. Толпа правит Джидратом, горько подумал Феннер. Может, Таариф в самом деле прав. Тут нужен сильный человек, а не та старая перечница. Что понимает в этом госдеп, когда продолжает настаивать, что имаму необходимо оказывать поддержку?

- Я должен связаться с Вашингтоном,- сказал он, стараясь дать понять имаму, что с трудом сдерживает праведный гнев.- Мы не можем принять извинений, когда в нарушение всех норм и правил жизнь и имущество американцев подвергаются такому обращению.

- Да. Но я все же пришел принести вам эти самые извинения.- Старик выглядел предельно утомленным. Его глаза, окруженные складками кожи на лице старого орла, смотрели куда-то в далекое туманное прошлое.- И я снова прошу вас, чтобы Вашингтон использовал все свое влияние, чтобы убедить принца вернуться.

- Это крайне сложно.

- Для американцев это не будет сложным.

- Мы не пользуемся благосклонностью принца Амра аль-Маари,- сказал Феннер.- Кроме того, что он собой представляет, а? Вам угрожает опасность, а у вашего внука не хватает мозгов понять, что он должен вернуться, взять в руки дирижерскую палочку.

- Его надо убедить, или мы с вами потеряем все! Поверьте мне, если полковник Таариф и кади Гхезри одержат верх, для вашей страны они ничего не оставят, в чем вы сами могли убедиться прошлой ночью.

- Мы справимся с ними одной левой,- буркнул Феннер.

- Мир в наши дни стал куда сложнее. Когда тут были англичане, они, по крайней мере, поддерживали законную власть. А сегодня, если в Джидрате обвалится камень, он может заставить рухнуть небоскребы Нью-Йорка.

- Не беспокойтесь,- сказал Феннер.- Мы сами об этом позаботимся.

- Я верю, что вы это сделаете,- сухо сказал старик.

Феннер встал, провожая имама. Охрана властителя, затянутая в хаки, со снежно-белыми тюрбанами заполняла все коридоры рядом с кабинетом консула. Старик шел, еле волоча ноги, как бы борясь с утомлением.

Черт с ними со всеми, подумал Феннер. Вот что здесь надо - взвод морских пехотинцев, которые быстро поставят на место эту шваль.

Закурив сигару, он подошел к разбитому стеклу. За решеткой балкона нещадно палило полуденное солнце. Он осмотрел уничтоженный сад, забросанный грязью и отбросами, оставшимися после толпы, распевавшей тут прошлой ночью суры, а затем перевел взгляд еще дальше, на опустевшую гавань, по угловатым бетонным пирсам которой, как комки спагетти, тянулись спутанные шланги нефтепроводов. Несколько танкеров еще продолжали закачивать в свои чрева черную жидкость, словно огромные голодные доисторические животные. Дхоу и торговые корабли арабов в беспорядке грудились у набережной. Ближе к консульству вопли разносчиков кофе и еды, погонщиков верблюдов и баранов составляли ровный привычный шумовой фон.

Жуя сигару, Феннер рассматривал небольшой каботажный сухогруз, который забрел в Джидрат предыдущей ночью. И конечно же, сегодня днем он обязательно заявится со своими жалобами в консульство, словно тут могут творить чудеса!

Оказаться бы сейчас, подумал Феннер, в баре отеля "Аль-Джасир", поболтать с нефтяниками, с которыми так приятно было бы вспомнить старые добрые деньки в Техасе и Оклахоме, пропустить бы пару стопок бурбона с человеком, который понимает толк в жизни. Но у него грустное предчувствие, что раньше чем через день ему не добраться до бара.

Раздался стук в дверь, и он повернулся, не исключая возможность снова увидеть старого имама. Но это была Эсме Кентон. Англичанка, жена археолога Пола Кентона, надела белый костюм, и ее светлые выгоревшие на солнце волосы были связаны сзади простой ленточкой. Губы, в которых, казалось, не было ни капли крови, выделялись на лице бледной полоской.

- Мистер Феннер, я хочу узнать, слышали ли вы что-нибудь? - спросила она, с трудом произнося слова.

- Мадам! - Он нетерпеливо отмахнулся от нее.- Вы же видели, что тут было прошлой ночью. Полиция же занималась другими делами!

- Но вы д о л ж н ы найти моего мужа!

- Я не отвечаю за подданных Великобритании, хотя я, конечно, употреблю свое влияние. Полиция полковника Таарифа обещала произвести розыски в пустыне вокруг Айн Гемилхи.

- Таариф! - вскрикнула она.- Но ведь это он убил вашего человека Джона Блейни. Разве вы этого не знаете? А теперь, может быть, он убьет и Пола!

Феннер мог только удивиться, почему англичане пользуются репутацией сдержанной расы.

- Садитесь, мадам. Вам надо выпить.

- Мне нужен мой муж,- еле вымолвила Эсме.- Он пытался выяснить, что случилось с Блейни. Вот почему он и пропал.

У Феннера мучительно сжался желудок, когда он вспомнил, как выглядело тело Блейни, распростертое на песке и изрезанное с головы до ног.

- Мы знаем, что произошло с Джоном Блейни,- пробормотал он.

- Но не знаете, п о ч е м у,- продолжала настаивать Эсме.- И Пол пытался это выяснить. Вчера днем он ушел на раскопки и до сих пор не вернулся. Рабочие говорят, что он там и не показывался. И они все покинули нас, все до одного! Словно бы знают, что Пол мертв и работы для них больше не будет.

- Моя дорогая мадам, вы возбуждены...

- Прошу вас,- тихо сказала она.- Прошу, помогите мне.

Типи Феннер беспомощно пожал плечами. Чего, кстати, ждет от него эта бесцеремонная тридцатилетняя англичанка? Искать пропавших - это дело копов Таарифа. А вся эта чушь, что, мол, Кентон что-то знает о смерти Блейни! Все это лишь безнадежные старания использовать вес, которым тут пользуется дядюшка Сэм. От поисков большой беды не будет, подумал Феннер, но у него хватает дел и без того, чтобы поднимать шум, требуя от местных властей, чтобы профессор был найден. Может, старина нашел какие-то черепки, которые настолько заинтересовали его, что он забыл вернуться. Может, ничего более серьезного, подумал Феннер.

Он с раздражением посмотрел на Эсме Кентон.

- Вашего мужа предупреждали, чтобы он тут не вмешивался в политику. Что я теперь могу сделать?

- Вы даже не попытаетесь помочь мне? - снова прошептала она.

- Приезжает один человек. И он этим займется.

- Когда? Когда он тут будет?

Феннер снова пожал плечами.

- Не знаю. Через несколько дней.

Эсме Кентон встала. Подойдя к выбитому окну, она посмотрела на остатки сада, залитые солнцем.

- Через несколько дней,- устало вымолвила она,- все мы, может быть, станем трупами.

Минуя переполненную базарную площадь, не обращая внимания на толчки со всех сторон, она добралась до своего дома на набережной. Джидрат, казалось, был охвачен безумием, словно палящее солнце окончательно выжгло людям мозги. Она двигалась как во сне, не в силах отделаться от мыслей о Поле, и страх за его судьбу не покидал ее.

Дом стоял чуть ли не на самом берегу моря. К причалам с путаницей толстых шлангов, через которые шла закачка нефти в танкеры, вела глухая стена. На клочке земли, примыкавшей к гавани, не было ни деревца, ни травинки, ничего, кроме ящериц, греющихся на солнце, и закутанных в накидки фигур арабов-рабочих. Да, тут есть лимузины и верблюды, подумала она, дворцы и трущобы, но все отдает безумием, словно беспечному ребенку вручили капсюль и молоток.

С Полом она объездила весь мир. Семь лет их супружества были удивительно идилличны, полны тихих радостей и увлечения работой. Археолог, получивший образование в Британии, работал на Юкатане и в Малайе, а теперь вел раскопки в Джидрате, разыскивая следы набатейской культуры, которая господствовала на всем Аравийском полуострове, включая пустыни Синай и Негев, гранича с древними иудейскими племенами библейских времен. Айн Гемилха, самое многообещающее место раскопок, было только в шести милях за чертой города. Она уже дважды побывала в пустыне, но Пола там не оказалось. Арабы, трудившиеся на раскопках, разбежались, испуганные чем-то таким, о чем они не решились ей рассказать.

Эсме прошла через дом в обнесенный стеной садик на заднем дворе, воздух в котором освежали струи фонтанов и зелень олеандров. Но и его прохлада не принесла ей успокоения.

- Табиб! - коротко позвала она.

Он был здесь, суданский негр с тремя рядами татуировок на каждой щеке. Он был терпелив, сдержан и силен. Со времени появления Кентонов в Джидрате он всегда находился рядом с ними.

- Подготовь джип, хорошо, Табиб?
- Еще раз, миссис Кентон?
- Мы должны найти его,- устало сказала она.

Добраться до места раскопок было несложно. Солнце висело над горизонтом и через час должно было опуститься. Дорога пересекала вади, высохшее русло реки, по шаткому мостику, проложенному нефтяниками. Здесь не было ничего, кроме плоских возвышенностей курганов, под наносами которых покоились руины древнего города, процветавшего здесь два тысячелетия назад, во времена Христа. Боже милостивый, подумала Эсме, помоги мне найти его! Иисусе, помоги мне!

Высоко над головой в раскаленном воздухе плавали стервятники. Она сказала, что там, скорее всего, валяется дохлый верблюд или козел. Табиб остановил джип.

- Никого не видно, миссис Кентон.
- Хочу еще раз посмотреть,- сказала она.

Она стояла на осыпавшемся краю глубокого русла, высохшего за тысячу лет, что в нем не было воды. Пол аккуратно вырубил пологие ступеньки, которые по дуге спускались до самого основания вади. Там лежала груда черепков, ждущих, пока Пол будет разбирать их. Эсме прижала к губам дрожащую руку. Медленно и осторожно она спустилась по ступенькам на дно высохшего вади, скрывшись от жара солнца, и огляделась в поисках объяснения, которое может положить конец ее тревогам и дать понять, куда делся Пол.

Табиб двинулся в другом направлении; он был исполнителен, но глуповат.

Эсме постояла на дне бывшего источника. В круглом овале над головой она видела небо. У стенки колодца остались несколько лопат и кирок. Если Пол был здесь, должны найтись какие-то следы...

И тут она услышала крик Табиба. Это был сдавленный вопль, донесшийся откуда-то издалека. Как во сне. Он походил на рев животного, испытывающего невыносимую боль. И тут же оборвался, словно не звучал никогда.

Повернувшись, Эсме стала карабкаться по каменным ступенькам. Сердце у нее гулко колотилось. Выбравшись на слепящий солнечный свет, в первую секунду она ничего не смогла разобрать. Плоские барханы Айн Гемилхи лежали столь же безжизненными и пустынными, как всегда. Она никого не видела поблизости.

- Табиб! - позвала она.- Где ты?

Ее слова канули в пустоту. Но в следующее мгновение она его увидела. Он бежал, размахивая руками, оступаясь и подпрыгивая, как козел. Его белая галабея, казалось, была покрыта темными пятнами. Рот его был открыт, но имел какой-то странный вид, представляя собой темный влажный провал на искаженном ужасом лице.

Табиб издавал стоны, полные мучения. Он хрипел, кашлял и захлебывался кровью. Кровь заливала ему подбородок и, остановившись в дюжине шагов от нее, Табиб рухнул в песок.

У него был отрезан язык. Табиба швырнули на землю, о чем свидетельствовала грязь на его обычно снежно-белой галабее. И отрезали язык.

- Табиб! - закричала она.

Повернувшись, он бросился бежать, и хотя она кричала ему вслед и пыталась догнать, ей это не удалось. Он исчез в складках светло-желтых песков пустыни, и она осталась совсем одна; сердце ее так гулко колотилось в груди, что, казалось, весь мир вокруг вздрагивает.

Она повернулась лицом к опустевшему провалу раскопок.

- Есть кто-нибудь здесь? - закричала она.- Где вы? - Но вопрос ее слышало лишь ухмыляющееся светило, и она снова закричала:- Выходите, чтобы я могла вас увидеть! Вы трусы! Вы грязные свиньи! Зачем вы это сделали?

Пустыня не удостоила ответом.

В полном изнеможении она опустилась на землю и зарыдала.

Когда солнце зашло за линию горизонта и ее коснулась ночная прохлада, она поняла, что Табиб не вернется. Его заставили замолчать навсегда. Что бы он ни нашел, об этом никому не станет известно. Она медленно, еле волоча ноги, добралась до джипа и, миновав мостик, направилась обратно в Джидрат.

Полковник Таариф так же принес пышные извинения Т. П. Феннеру. Они сидели в плетеных креслах на балконе у Феннера, и опущенные жалюзи скрывали от них улицы внизу, на которых сгущались сумерки. Полковник попивал черный кофе из маленькой медной чашечки. Феннер предпочитал бурбон. Сегодня он влил его в себя не меньше кварты.

- Если бы политика правительства обрела новый характер,- ровным голосом говорил Таариф,- я мог бы вас заверить, что беспорядкам был бы положен конец. Людей раздражает правление выжившего из ума дряхлого старца. Имам Язид пережил свое время, мистер Феннер. Конечно же, ваше руководство должно понять, что новые идеи, новая кровь, молодые силы... что все это даст возможность реально управлять страной.- Помолчав, Таариф улыбнулся.- Мы будем, конечно, придерживаться строжайшего нейтралитета.

- Мы?

- Предполагается, что я войду в новое правительство,- сказал Таариф.

- Уже все обговорено, не так ли?

- Да. Мы с кади пришли к соглашению.

- Вот это мне как раз и не нравится,- буркнул Феннер. Меж расставленных коленей покоился его солидный животик.- Этот

кади Гхерзи не снимает черного балахона, когда ездит на своем белом муле. Он смахивает на банального психа. Один из этих радикалов... Фанатик, вы понимаете?

- Он исполнит свое предназначение,- сказал Таариф.

- Хм,- ответил Феннер.

- Если вы сможете убедить ваше правительство проявить к нам расположение, помочь оружием и деньгами, тогда, может быть...

- Э, нет! Мы не вмешиваемся.

- И невмешательство, если бы мы могли на него рассчитывать, было бы полезным,- пробормотал Таариф. Он встал, стройный, как хлыст, элегантный мужчина с темными глазами, гипнотизирующими толпу, подобно змее, подбирающейся к птичке.- Вы понимаете, что вспышка насилия прошлой ночью была неизбежной, толпа стала неуправляемой. Если ситуация снова осложнится, вас, конечно, предупредят. Но пока Язид продолжает править, она неминуемо возникнет снова.

- Если собственности США опять будет нанесен ущерб...

- Мы все компенсируем. Я обещаю.

- Похоже, это самое большое, что вы можете сделать,- не скрывая недовольства, пробурчал Феннер.

Полковник повернулся, собираясь уходить, но остановился, словно ему в голову пришла какая-то мысль.- Еще одно, сэр. Тот либерийский сухогруз, что вчера днем вошел в порт... Кажется, у него поломка двигателя?

- Какое отношение он имеет ко мне? - возмутился Феннер.

- Его капитан - американец. Он попросил разрешения спешно сойти на берег, чтобы увидеться с вами. Как вы знаете, мы настаиваем, чтобы его судно было обыскано на предмет контрабанды.

- Контрабанды? Вышел из строя корабельный двигатель. Он не собирался заходить в Джидрат.

- Этого мы не знаем. И должны быть начеку.

- Против чего? Вам мерещатся привидения, полковник.

- Может быть. Но вы не возражаете, если мы проведем обыск на судне?

- Я не могу возражать или разрешать такие вещи,- буркнул Феннер.

И когда полковник Таариф покинул его, он залпом допил последние капли бурбона.

Капитаном "Королевы Атлантики" был Томас Макферсон. Ему было крепко за пятьдесят; высокий и тощий, с выдубленным ветрами лицом, он был некрасив и обладал привычкой не столько курить, сколько жевать свою сигару. В торговом флоте он плавал с четырнадцати лет и знал моря, омывающие берега арабских стран, и связанные с ними опасности не хуже морщин

на своем лице. В этом рейсе он нес на борту смешанный груз из сырого каучука, специй, кофе и невыделанных кож, которые из Индонезии и Малайи должен был доставить в порты Греции и южного Средиземноморья.

У "Королевы Атлантики" водоизмещением в пять тысяч тонн, ржавый дряхлый корпус. Вот уже тридцать лет как он рассекает волны морей и океанов. Двигатель был столь же стар, то и дело он выходил из строя. Тем не менее, им крупно не повезло, что пришлось зайти в Джидрат для ремонта. Эти берега, где не раз приходилось встречать крайне жесткий прием, были хорошо знакомы Макферсону. В любом уголке мира он безошибочно чувствовал, когда политика там начинала плохо пахнуть, и он предпочел бы лечь в дрейф в море, пока Кульман, его старший механик, не наладит двигатель. Но потребовались запасные части, а в Джидрате были американцы, к которым можно было бы обратиться за помощью. Так что выбора у него не было.

Но ему не давала покоя судьба молодой женщины на борту.

У Томаса Макферсона как у капитана хлопот всегда было выше головы, но он не настолько зачерствел, чтобы причинять страдания кому-то другому. Он твердо верил в то, что все беды мира проистекают от равнодушия: большинство людей не дают себе труда приостановиться и прислушать к жалобным крикам о помощи, которые исходят от тех, кому повезло меньше.

Он испытывал искреннее сочувствие к молодой женщине.

Она представилась как Наоми Халеди. Села она на судно в Сингапуре, стройная темноволосая молодая женщина, и он еще тогда подумал, что она слишком симпатична, чтобы позволять себе путешествовать в одиночку. Но она была преисполнена деловитости, и весь ее облик давал понять, что она не любит никаких глупостей, когда попросила доставить ее в Афины или Хайфу, через Кейптаун, куда был проложен курс "Королевы Атлантики".

Она - австралийка, сказала девушка, и представляет интересы предприятия по производству поташа и цемента в Брисбене. Сейчас у нее дела в Израиле, куда она и направляется. Акцент, с которым она говорила по-английски, дал понять Макферсону, что родилась она в Европе, скорее всего, в Венгрии. И чувствовалось, что ее большие, миндалевидного разреза, глаза видели бед не меньше, чем Макферсон в море.

На борту были каюты для четырех пассажиров, но в этом рейсе оказалась только она одна. Мисс Халеди имела при себе папку, полную контрактов, она была удовлетворена столь успешной поездкой и не скрывала радости от ожидавшего ее четырехнедельного путешествия на борту "Королевы Атлантики", из Карачи через Индийский океан до Кейптауна, после чего вдоль старого Золотого берега Африки прямо в Средиземное море.

Но теперь ее ждали неприятности - и самого худшего порядка.

Как раз того сорта, которого она хотела избежать.

Макферсон как-то откровенно спросил, почему она предпочла собираться в Европу на его старом ржавом корыте, а не использовала одну из коммерческих авиалиний. Она ответила, что нуждалась в отдыхе и что раскладка времени позволяет ей взять отпуск. Данные по всем контрактам, что ей удалось заключить, уже были отправлены домой в Австралию, если не считать маловажных документов. Кроме того, у нее были нелады со здоровьем. И врач в Сингапуре рекомендовал ей морское путешествие.

Макферсон подумал, что, может, дело в нервах, хотя она показалась ему спокойной и сдержанной, когда появилась на борту. Но сейчас, спускаясь с мостика в ее каюту, он припомнил, что дважды слышал, как во время долгого утомительного путешествия от Индии она тихонько плакала за переборкой.

Он осторожно постучал в двери и после секундной паузы услышал ее настороженный и взволнованный голос:

- Кто там?

- Макферсон, мисс. Могу я поговорить с вами?

- Вы один?

- Да, мисс.

- Таможня уже на борту?

- Я думаю, они прибудут не раньше завтрашнего утра.

Дверь отворилась, и она встала на пороге, щурясь от ярких лучей солнца, слепящим светом заливавшего Джидрат. На ней было белое платье, а на плече висела сумка коричневой кожи.

- Прошу вас, заходите.

- С вами все в порядке? - Макферсон относился к ней с отцовской заботливостью.- Вы не показывались на палубе с тех пор, как мы вошли в порт, мисс Халеди.

- Лучше, если я там и не покажусь,- сдержанно сказала она.- Когда они поднимутся на борт, у вас могут быть неприятности из-за моей национальности. Меня могут задержать...

- Пока я капитан "Королевы атлантики", этого не произойдет.

- Вам ничего не удастся сделать с ними,- мягко сказала она.- Они объявят меня шпионкой - в судовом журнале значится пункт моего назначения. Они задержат ваше судно, если вы будете протестовать. Правда, я не предполагала, что поломается машина, и вам придется зайти сюда для ремонта. Но они не прислушаются к доводам здравого смысла, капитан. И вы знаете, что это так и есть. Вы полны желания помочь мне, но что вы сделаете? Я могу сказать лишь... я не хотела бы покидать ваше судно.

- Конечно, этого и не произойдет.

Она покачала головой.

- Я хочу, чтобы вы знали - я буду сопротивляться.- Открыв

сумочку, она показала ему коротkоствольный "узи". Держала она его легко и уверенно.- Если они посмеют прикоснуться ко мне, я пущу его в ход.

- Послушайте, мисс Халеди...- Он помолчал, понимая, что она отвергнет всякую попытку приукрасить правду. Она знала ее не хуже капитана. И понимала, какая судьба может ждать ее в этом городе, в котором пылают страсти. Он махнул большой жесткой ладонью.- Уберите вашу пушку. Вы же понимаете, что это не выход.

- Мне придется пустить ее в ход. Это все, что я могу сделать.

- Прежде, чем они явятся, мы что-нибудь придумаем. Может, мне удастся раздобыть английский или американский паспорт для вас, по нему вы станете судовым врачом. А я увижусь с американским консулом.

- Чего ради он будет мне помогать? - с горечью спросила она.

Макферсон не нашелся, что ответить. В каюте стояла духота. Застыв на глади залива, старое судно оказалось во власти горячих потоков воздуха, который заполнял чашу акватории.

- Мы можем тайно доставить вас на борт одного из танкеров,- предложил он.

- Они идут через Суэцкий канал. И не будут рисковать ради меня.- Она покачала головой.- Я ценю ваше желание помочь мне, но не ломайте больше голову, капитан.

Когда Макферсон вышел, она закрыла за ним дверь каюты, опустилась на койку и закурила сигарету. Руки у нее дрожали. Через открытый иллюминатор шел сухой жар пустыни, невыносимый аромат экскрементов и пряностей, качавшийся над мутными водами гавани.

Всю жизнь, думала она, я вынуждена бежать и скрываться. Я было решила, что обрела безопасность, очутившись в Австралии. Я думала, что нашла там свой дом. Но нигде нет ни покоя, ни мира. Один лишь страх вечно сопутствует существованию. После Будапешта ничего не изменилось.

Она вспомнила Будапешт, где начиналась ее артистическая карьера, отца и двух братьев. Ныне все мертвы, погибли в те ужасные минуты, когда площадь была покрыта шквальным огнем. Она видела, как это случилось. Она видела, как Коля отдал команду, сидя на БТРе, и его искаженное лицо показалось ей диким и незнакомым.

Месяцы брака с Колей, до того, как все это случилось, вспоминались ей, как детский сон. Он мог спасти и ее, и семью, думала она. Но она выходила замуж за Колю не из-за этого. Она лоюбила его - до того момента на площади.

Потом ей удалось через Вену добраться до Палермо. А потом - Сидней! Она больше не возвращалась в ту маленькую квартирку, которая служила домом ей и ее русскому мужу. Надо было все забыть и начать жизнь сначала. Но рано или поздно судьба

наложит на вас свою лапу и, смеясь в лицо, зашвырнет в горнило бед и страхов. Как вот это. В место, откуда нет спасения,- разве что с помощью смерти.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Дарелл проследовал за служанкой, скромной сдержанной женщиной с темными, как ягоды терна, глазами, по мраморной лестнице, а затем по террасе с перилами, выходившей в сторону гор. Вечер был прохладным. Гладь Средиземного моря и далекий итальянский берег были затянуты пастельной дымкой. Порывы ветра доносили звон колоколов старой деревенской церкви, поскрипывание повозок на нижней дороге, фырканье неторопливых волов и неумолчный гул моря внизу.

Вилла выглядела маленькой и скромной, не в пример своим соседям. Он заметил, что ставни были выцветшего синего цвета, а стены когда-то окрасили в желтоватый цвет, но за эти годы солнце и дожди основательно выбелили их. На террасе среди плетеной мебели его ждала Зорайя.

Он испытал неожиданное удивление. В его памяти она осталась большеглазой испуганной девочкой в рассветных лучах на берегу Чезапика, которая, склонив голову, принимала на нее поток арабских оскорблений, извергаемых студентом Йеля.

Он не знал, чего ему ждать, хотя по словам Гато, она стала подлинной красавицей. Он неподдельно изумился, когда, поднявшись, она двинулась ему навстречу, и сразу же понял, что Гато недооценил ее.

Улыбнувшись, она протянула ему руку, с таким выражением лица, которое он и сам не мог скрыть - словно они были старыми-старыми друзьями, а не просто двумя людьми, встретившимися в давние времена туманным утром далеко отсюда. Каждый из них давным-давно мог забыть о существовании другого, но он ясно видел, что она не забыла его, Дарелла,- так же, как и он хранил в памяти ее образ.

- Сэм,- тихо сказала она.- Сэм Дарелл!

- Здравствуйте, Зорайя.

- Я всегда знала, что рано или поздно мы с вами снова встретимся.

- Значит, вы помните?

- Конечно. Как и вы. Странно, не правда ли? Садитесь же,- показала она на кресло.- Как я рада видеть вас! Как вы меня нашли?

- Женщину, которая во всем мире пользуется репутацией самой загадочной, найти оказалось не так уж трудно.

Она засмеялась.

- Загадочной? Я совершенно простой человек, и во мне нет ровно ничего загадочного, мистер Дарелл. Могу я предложить вам выпить? Мы предпочитаем местное белое вино. Легкий ужин? У нас есть свежая рыба, сыр пастерелла...

- Спасибо, ничего не надо.

- Вы выглядите, словно... Вы попали в аварию?

- Это была не авария,- сказал Дарелл.- Тем не менее, моя машина свалилась в пропасть.

Легким жестом удивления она коснулась губ. На ней было индийское сари, золотые складки которого окутывали тело обаятельной, зрелой и желанной женщины. У нее были огромные глаза - чистые и отливавшие удивительным золотым цветом,- и он вспомнил серьезную девочку с широко распахнутыми ореховыми глазами. Из-под широко разведенных дуг бровей она смотрела на него внимательно и сочувственно, и теплота взгляда говорила, что их объединяет память о том утре в машине, когда они стали так близки, что даже прошедшие годы не заставили поблекнуть эти воспоминания. Словно бы они на самом деле были старыми добрыми друзьями.

Очертания фигуры она унаследовала от своей матери-англичанки. В лице ее чувствовались интеллект и сила. Подойдя к нему, она удивленно коснулась пальцем его щеки.

- Я так часто вспоминала вас... Значит, это была не дорожная авария?

- Нет. Хотя к ней имела отношение и другая машина.

- Не понимаю.

- Я приехал, чтобы кое о чем расспросить вас, Зорайя, но есть силы, которые пытались помешать нашей встрече.

- Ах, да! Политика...

- Можно и так считать.

- Я не интересуюсь политикой.

- А Амром вы интересуетесь?

- Я по-прежнему его жена,- тихо сказала она.- Он мог развестись со мной по мусульманскому обычаю, просто трижды оповестив об этом. Но он этого не сделал. И, думаю, никогда не сделает.

- То есть вы продолжаете тешить себя надеждами? Вы же знаете, каким он стал сейчас,- сказал Дарелл.- Вы его видели, когда он вернулся сюда прошлым вечером?

- Нет.

- А хотите увидеть?

- Если он пошлет за мной...- Она улыбнулась.- Думаете, что я пресмыкаюсь перед ним. Он так и не простил того ребенка, которым я была, за то, что случилось в день нашей свадьбы. Те, кто похитили меня, давно мертвы. И я могу только убеждать его, что тогда ничего не было, что я по-прежнему его жена.

- Не может быть, чтобы вы продолжали любить его,- сказал Дарелл.

- Что вы понимаете в этом!

- Прошу прощения,- он помолчал.- Я не хочу торопиться. У меня есть многое, что сказать вам, Зорайя. Хотя, может быть, у меня нет права даже на одно слово. Признаю, я был нетактичен, и вы уже рассердились на меня. Признаю, что не понимаю ни вас, ни Амра, ни того, что происходит между вами.

- И никогда не поймете.

- Вы позволите мне продолжить? Могу я изложить вам, почему я тут очутился?

- Вы сказали, что ваша машина пострадал, но это не было случайностью.

- Это лишь часть того, почему я здесь.

Она не сводила с него золотых глаз, огромных и блестящих в угасающем свете дня. Где-то в зарослях орешника, окружающего виллу, залился соловей. Дом был полон тишины и спокойствия, как бы прислушивался к ним. Ветер усилился. Затрепетавшие под его порывом складки сари тесно облепили тело молодой женщины; пряди темных волос взметнулись, словно живые, лаская ее щеки, нежно прикасаясь к губам, а маленькие легкие завитки их легли на изящные уши, в которых качались серьги с крупными жемчугами, отливавшими молочным светом в вечерних сумерках.

- Вы не первый, кто является ко мне в связи с принцем Амром,- наконец сказала она.- Ко мне приходят, рассказывая что-то об опасностях. Предупреждают о неминуемой катастрофе.

- Вы им не верите?

- Нет.

- А мне поверите? - спросил он.

Ее глаза не отрывались от лица Дарелла.

- Я готова выслушать вас.

- Но вы должны мне поверить,- продолжал настаивать он.- После меня никого больше не будет. С сегодняшнего вечера пошел отсчет времени.

- Вы настолько стремительно ворвались из прошлого, мистер Дарелл, что это пугает меня. Я сохранила о вас самые лучшие воспоминания. Вы были так добры ко мне в ту ночь, когда я была столь несчастна. С тех пор я часто вспоминала вас. Я сказала, что ждала новой встречи с вами. Но не такой, не такой...

- Простите. Мы не всегда вольны управлять нашими действиями.

- Вы, надеюсь, не думаете, что я дура? - сказала она.- Глупая женщина, преданная человеку, чьи пороки вызывают только возмущение?

- Просто я этого не понимаю,- признался он.

- Значит, вы появились тут не только как старый друг.

- Не совсем. Но, конечно, и из-за этого...

- Вас послали из-за той ночи, что была давным-давно?

- Да.

- Ваши люди излишне самонадеянны.

- Нет. Мы всего лишь пытаемся сделать то, что в наших силах.

- Ради кого? И вас не волнует, кто еще пострадает и чем это может кончиться для других?!

- Это не так. Да, меня послали потому, что в свое время я знал вас и принца. Но, похоже, я не смогу добраться до Амра. Его надежно оберегают. Поэтому я здесь. Пришел просить вас о помощи и понимании. И, может быть, действуя со мной рука об руку, вы обретете то, что ищете все эти годы, Зорайя.

- Что же именно? - с вызовом спросила она его.

Он прислушался к звукам на вилле. Она была пуста. Посмотрел на темнеющее небо, на морской берег, где поднимался прилив, на горы, тянущиеся вдоль туманной береговой полосы. Казалось, что вокруг стоит полная тишина. Но он понимал, что это не так. Он чувствовал присутствие опасности. Его не покидало ощущение, что швейцарец был далеко не единственным врагом, оказавшимся на Эльбе. Должны быть и другие! И те, кто получал приказы от Микельникова, и те, кто прибыл сюда из Джидрата в надежде удержать тут на месте принца, отупевшего от наслаждений; предаваясь порокам, он должен начисто забыть цель, ради которой рожден на свет.

Мягко и спокойно он стал объяснять примолкшей обаятельной женщине, которая внимательно слушала его. Он рассказал ей практически все, что имел право поведать. Не все, но более чем достаточно. Соображала она быстро и хорошо. Понимала, что такое шаткое равновесие силового противостояния в мире. Представляла себе, что стоит пошатнуть маленький камешек в основании, и рухнет вся горная гряда. Камешек, который нарушит покой песков Джидрата, может поднять охваченных безумием его обитателей на священную войну во имя ислама.

Наконец он изложил ей, чего бы он хотел добиться от принца.

Она молча глядела с террасы на темнеющую гладь моря. Он закурил, пытаясь представить, куда могла деться служанка из местных. Интересно, есть ли на вилле другие слуги? Он не нарушал молчания вопросами. Он не сводил глаз с женщины.

Наконец Дарелл увидел, насколько она еще юна и ранима. Тот факт, что она запомнила его и не забыла, свидетельствовал, что такие моменты, как утро в Мериленде, были для нее не часты. Она прониклась к нему странной нежностью и теплом, на что он без промедления ответил, испытав желание помочь ей, успокоить и утешить.

- А если он откажется возвращаться домой? - спросила она.

- Он потеряет все.

- И если согласится?

- Они попытаются убить его. Может, уже нынешним вечером. Сегодняшнее происшествие со мной на дороге доказало, что они знают о моем присутствии здесь, знают, с какой целью я тут оказался, и опасаются, что я добьюсь успеха.

- Они?

- Те, кто хотят на деле отринуть Джидрат от мира ислама.

- Но кади Гхезри святой человек...

- Он сходит с ума от жажды власти и ради нее готов обречь на гибель весь мир.

- А полковник Таариф?

- Он идет той же дорогой, что диктаторы в Египте и Ираке.

- Неужели все будет настолько ужасно, если Амр останется здесь и отойдет от политики?

- Может ли он забыть свой долг?

- Это всего лишь слова, и ничего больше.

- Где он будет настоящим мужчиной,- спросил Дарелл,- здесь или в Джидрате? Вы слишком долго ждали, Зорайя. Я думал, вы любите его... Причины любви и страсти не поддаются рациональному осмыслению. Вы желаете для него лишь самого лучшего. А я скажу, что ему лучше погибнуть, чем продолжать оставаться в таком состоянии.

Ее губы дрогнули.

- Пожалуй, да,- прошептала она.

- И для вас ничего не изменится. Вы будете продолжать ждать, оставаясь загадкой для всего мира, каждый день умирая, потому что до вас будут доходить известия о том, как он разрушает себя.

- Да.

- Готовы ли вы положить этому конец? Сегодня же вечером?

Она встала, хлопнула в ладоши. Золотистые складки сари с тяжелым металлическим шуршанием упали вдоль тела.

- Я ничего не боюсь. Но меня не покидает убеждение, что я не должна вмешиваться.

- Вы должны. Это ваше право. И ваша обязанность.

- После всех этих лет...

- Вы можете положить им конец. Или начать новую жизнь - для себя.

Она посмотрела на него сверху вниз.

- Амр погибнет.

- Это мы еще посмотрим!

- Я знаю. Это написано ему на роду. Он погибнет.

Дарелл помолчал.

- Но я согласна,- сказала она.- Мы покончим с этим. Я отвезу вас к нему.

- У вас нет необходимости вместе со мной являться на виллу графа. Там будут люди, поведение которых вам не стоит...

- Я знаю о них. Я поеду. Теперь я готова.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Сад наслаждений Ксанаду, подумал Дарелл, никогда не имел ничего общего с виллой графа д'Ильи на Эльбе. Тем не менее, он убедился, что в бредовых видениях Кольриджа, навеянных опиумом, в которых так ярко и красочно были описаны все виды наслаждений, не нашлось бы места бурному разгулу того вечера, когда Дарелл с Зорайей явились на виллу.

На женщине по-прежнему было ее золотое сари. Она только отряхнула пыль, севшую на ткань, пока они мчались по горной дороге. Дарелл ничего не сообщил местной полиции о происшествии. Еще успеет. Кто-нибудь обнаружит разбившиеся машины и два тела рядом с ними; он надеялся, что пока этого не случилось. Во всяком случае, пока он не оставит Эльбу за спиной.

Вилла графа д'Ильи располагалась в самом конце охраняемой горной дороги, откуда открывался вид на залив Проччио. Ниже располагался перенаселенный берег и Портоферрайо, видневшийся вдали; тянулись тщательно ухоженные террасы виноградников и заросли оливковых деревьев. Далеко в море заревом полыхало небо, освещаемое сполохами доменных печей Пьомбино.

Горы окружала высокая каменная стена, оставшаяся от древнего римского лагеря, на месте которого Медичи впоследствии возвел крепость. Во время войны, когда нацисты оккупировали остров, стена была усеяна битым стеклом и витками колючей проволоки, пущенной по верху. Остатки бетонного бункера, врезанного в склон горы, превратились в сторожку привратника.

Привратник предстал в виде грузного мужчины с револьвером на поясе. Глянув на Зорайю с Дареллом, он пробормотал:

- Подождите, пожалуйста. Вас нет в списке.

Он созвонился с главным строением, скрытым из виду за высокими стволами сосен. Через несколько секунд снова появился и, не проронив больше ни слова, с мрачным видом открыл ворота, через которые и проехал Дарелл.

Тут собралось не меньше ста гостей, прикинул он. Явно преобладали женщины. Молодых мужчин было не так много. На

глаза ему попалось несколько знакомых лиц; чувствовали они себя свободно и раскованно, но если бы стало известно об их пребывании здесь, этот факт вызвал бы возмущенные комментарии в некоторых европейских столицах. В прохладном ночном воздухе непрестанно звучала музыка. Тут и там вздымались светильники, потоки света заливали террасы и галереи, живые изгороди и тополиные аллеи завершались тенистыми тупиками, украшенными обнаженными мраморными статуями римских времен. На дорожках и аллеях сада кишело непрерывное движение.

Вокруг большого плавательного бассейна стояли люди, выпивали и закусывали, а между ними бесшумно сновали вышколенные слуги, невозмутимо взирающие на то, что делается вокруг.

А посмотреть было на что, и лучи света ничего не скрывали.

Купальщики в бассейне были совершенно обнаженными. Все это напоминало древние вакхические игры, празднества в Риме времен упадка. В компании стройных гибких девушек веселились толстяки с мертвенно-бледной кожей, и видно было, что задача девушек - ублажать гостей; здесь же присутствовали несколько грузных оплывших женщин, из темноты наблюдавших за проказами юности, которые временами вызывали у них хриплый смех, колыхавший горы их плоти.

Дарелл посмотрел на Зорайю, рядом с ним поднимавшуюся по мраморной лестнице к террасе. Она шла с гордым и невозмутимым видом, словно ее не касалось ничего из того, что происходило и справа, и слева, не обращая внимания на изумленный ропот, сопровождавший ее появление.

Двое молодых людей, оба голые, гонялись друг за другом в бассейне, повизгивая, подобно женщинам. В углу на мраморной площадке лестницы, в тени двое женщин и мужчина сплелись в какой-то немыслимой позе. Взяв Зорайю за руку, Дарелл увлек ее за собой. У нее были совершенно бледные, без кровинки, губы. Огромными глазами она невидяще смотрела перед собой.

- Принцесса?

Дарелл обернулся. Высокий араб в снежно-белой галабее, с лицом, словно высеченным из черного дерева, стоял рядом с ним.- Принцесса Зорайя...

Она присмотрелась.

- Хасан?

- Принц оповещен о вашем появлении,- по-французски сказал человек в белом.- Он приветствует вас. Он просит прощения, но вам придется подождать.

Она взглянула на Дарелла. Тот покачал головой.

- Мы не можем ждать,- сказала она.

- Прошу прощения, сэр,- сказал араб.- У ворот была допуще-

на ошибка. Вам не разрешено пребывание здесь. Вы должны покинуть дом, сэр.

- Нет,- сказала Зорайя.- Мистер Дарелл останется при мне.

- Его не имели права пропускать... Привратник не понял, допустил оплошность...

- Я старый друг принца,- сказал Дарелл.- Исключительно важно, чтобы я как можно скорее увиделся с ним.

- В данный момент он... к нему нет доступа.

- Мы понимаем,- сказала Зорайя.- Тем не менее, немедленно проведите нас к нему.

- Необходимо обыскать мистера Дарелла. Если он вооружен...

- Я вооружен,- сказал Дарелл.

- Тогда я вынужден попросить вас вручить мне ваше оружие.

Дарелл помедлил. Из высоких дверей виллы вышел официант с двумя ведерками шампанского во льду. Мимо просеменили горничные с подносами, полными закуски. От виллы в обе стороны тянулись два крыла, высокие окна которых выходили на залив Проччио далеко внизу. Продолжала звучать музыка - теперь это были звуки вальса, но ритм его был каким-то странным и рваным. Дарелл посмотрел на слугу Хасана. Тот был могуч и крепок, как бык; на его лице с грубыми рубленными чертами выделялись маленькие темные глаза. Поколебавшись, Дарелл протянул ему свой тупоносый револьвер 38-го калибра.

- Поберегите его,- сказал он.- Я хочу получить его обратно.

- Х а д р, эффенди. Вы из полиции?

- Нет.

- Могу я осведомиться, почему же, в таком случае, вы явились сюда вооруженным?

- Я всегда вооружен. Как и вы, Хасан.

На этот раз араб понимающе улыбнулся. Склонив голову, он сказал:

- Я не могу явиться к принцу вместе с вами, эффенди. Но он наверху в Розовой комнате.

- Я знаю, где он,- тихо сказала Зорайя.

Она уверенно двинулась дальше. Не подлежало сомнению, что ей доводилось и раньше бывать на вилле д'Ильи, но конечно же, в чем Дарелл был уверен, не в ходе таких вечеринок. Несколько комнат, которые они миновали, были погружены в темноту, другие же были залиты ослепительным светом. Отовсюду доносилась музыка. Из-за закрытых дверей слышались взрывы хохота и аплодисменты, перемежавшиеся восторженными воплями женщин. Всюду пахло косметикой, пищей и марихуаной. Очень высокая женщина, голая до пояса, преградила им путь на лестничной площадке. У нее были светло-голубые, почти белые глаза, а зрачки сузились до размеров булавочной головки.

- О, какая прелесть,- заговорила она по-румынски.- До чего

хорошенькая молодая особа. И вся в золоте. Кожа у тебя тоже золотая, радость моя? Дай-ка мне взглянуть.

- Прошу вас, отойдите.

- Я шокирую тебя? Это вызывает у тебя отвращение, дорогая?

- Позвольте пройти? Прошу вас.

- Я хочу тебя. Избавься от этого м у ж ч и н ы,- сказала она, не глядя на Дарелла. Она всецело была поглощена созерцанием девушки.- И немедленно.

Зорайя влепила ей оплеуху. Скуластая физиономия дернулась от удара. Зорайя нанесла его продуманно, холодно и жестко. Женщина шлепнулась на ступеньки и зарыдала. Зорайя обошла ее, как пустое место, и в сопровождении Дарелла двинулась дальше.

В салоне наверху демонстрировали живые картины. Мужчины и женщины с разгоряченными лицами напряженно наблюдали за невероятными сексуальными играми на сцене. В комнате стоял густой запах опиума. Другая музыка, тонкая и пронзительная, шла с дальнего конца широкого коридора. Холл был украшен мебелью в стиле Людовика XIV, красочными гобеленами и высокими окнами.

- Вот это и есть Розовая комната,- сказала Зорайя, остановившись у закрытых двойных дверей.- Она предназначена только для самых знатных гостей. Амр должен быть здесь, но, скорее всего, он не в том настроении, чтобы ему мешали.

- Ждать мы не можем,- сказал Дарелл.- Но мне очень неудобно, что вам пришлось из-за меня оказаться в таком месте.

- Я ничего не видела и не слышала,- сказала она.- Все окружающее для меня существует как бы в другом мире.

Дарелл распахнул двойные створки дверей и переступил порог. Золотое сари Зорайи издавало еле слышное шуршание рядом. Остановившись, она подалась назад, и он почувствовал, что она содрогнулась. Случайное прикосновение к ее телу обдало его внезапным жаром.

Никто не обернулся при их появлении. Внимание присутствующих было приковано к маленькой сцене в дальнем конце салона, на которой в луче прожектора развертывалось действо.

В полутемном помещении было примерно две дюжины зрителей, рассевшихся среди подушек и диванных валиков на полу. Над головами их плавали клубы курящихся благовоний. Из-за ширм, закрывавших оконные проемы, доносились мелодии флейты.

В комнате стояли густые запахи, происхождение которых Дарелл сначала не мог определить. Резкий душный мускусный запах, от первобытной дикости которого шли мурашки по спине; так в глухих джунглях пахнут хищники.

Зорайя перевела дыхание. И тут над небольшим возвышени-

ем в дальнем конце комнаты раздернулся занавес, и на сцену вышла огромная кошка.

Это был черный леопард. Это е г о запах царил в комнате, запах хищного самца. Все - и мужчины, и женщины - невольно содрогнулись. На угольно-черной шкуре поблескивал драгоценными камнями ошейник. Пристегнутый к нему поводок был украшен точно так же, и другой конец его был в руках у девушки.

Ее тело казалось молочно-белым на фоне черной, как плащ дьявола, шкуры животного. На ней был прозрачный хитон, позолоченные сандалии и больше ничего. Двигалась она медленно и томно, и выражение глаз давало понять, что она находится под воздействием наркотика. На губах у нее плавала рассеянная улыбка, словно тут присутствовало лишь ее тело, а сама она плавала где-то в заоблачной дали.

Музыка ускорила ритм, и девушка стала танцевать вокруг гибкого мускулистого зверя, касаясь поцелуями его лба и ушей, проводя рукой вдоль мощных спинных мышц; напряженный, как палка, хвост леопарда подергивался из стороны в сторону, порой в такт музыке.

В помещении стояла такая духота, что перехватывало дыхание.

Дарелл искал принца Амра аль-Маари. Зорайя коснулась его руки и шепнула:

- Вон там.

Первым делом он посмотрел на нее:

- С вами все в порядке?

- Я... думаю, что да.

- Может быть, вам лучше подождать снаружи.

- Нет.

Амр сидел в том месте, на которое показала ему Зорайя: обложенный подушками, на полу, среди круга увлеченных зрителей. В слабом свете Дарелл было подумал, что он ошибся: человек, который следил за плавными движениями белокурой танцовщицы и черного леопарда, практически ничем не напоминал худенького арабского юношу с лисьей мордочкой, которого он знал много лет назад. Амр аль-Маари растолстел и обрюзг, у него было расплывшееся лицо и опухшие глаза; от углов пухлого рта шли капризные складки. Тело, скрытое под темнокрасным халатом, бугрилось складками жира. Черные волосы поредели и сквозь их пряди просвечивала кожа черепа. Он сидел, скрестив ноги, всецело поглощенный действием, разворачивавшимся на сцене.

Дарелл снова посмотрел на танцовщицу и черного леопарда рядом с ней. Теперь мелодии флейты сопутствовал гипнотический ритм туземных барабанов, который постепенно убыстрялся, становясь все более тревожным по мере того, как девушка

все откровеннее дразнила черного зверя. Когда леопард внезапно поднял приплюснутую голову и в упор посмотрел на Дарелла, его зеленые глаза блеснули огнем джунглей, более ярким, чем драгоценные камни у него на ошейнике. Он обнажил клыки. Низкое рычание вырвалось из его груди, ибо он опознал в Дарелле единственного человека в комнате, своего врага. Тяжелый хвост дернулся из стороны в сторону.

Танцовщица, не обращая внимания на грозящую опасность, рассмеялась и прижалась к гибкому мускулистому боку животного. Копна светлых волос свесилась ей на одно плечо. Прозрачный хитон скользнул на пол, и она осталась совершенно обнаженной, извиваясь в такт барабанной дроби, пока флейта продолжала тянуть свою хрипловатую протяжную мелодию. Аудитория вздохнула в голос, когда движение хищника заставило откачнуться нежное белое тело, и ткнув мордой танцовщицу, он поднял могучую лапу.

В то же мгновение он выпустил когти, острые и блестящие.

Резкий запах огромной возбужденной кошки заполнил помещение.

Девушка с вызовом крикнула на него, издала мяукающий звук и стала быстрыми движениями гладить кошку, пока та не пришла в яростное возбуждение. Танцовщица продолжала стоять вплотную к ней, покачиваясь и извиваясь. Кто-то в комнате не смог удержаться от сдавленного стона. Женщина с краю издала нервный смешок.

Дарелл смотрел на Зорайю. Глаза ее были закрыты. На лице было спокойное сдержанное выражение.

Он перевел взгляд на принца Амра аль-Маари. Тот сидел с отупевшими от наркотика выпученными глазами. Крикнув что-то по-арабски, чего Дарелл не расслышал, он кинул на сцену звякнувший металлом кошелек. Блондинка продолжала дразняще изгибаться перед зверем.

Ритм барабанной дроби не смолкал. Звенели литавры. Стонала флейта.

Леопард прыгнул на девушку.

Из груди всех присутствующих вырвался длинный вздох... Все были преисполнены ожидания крови и страсти. Все помещение было погружено в темноту, кроме неестественно ярко освещенных фигур зверя и девушки. Коготь леопарда провел кроваво-красную полосу по белой коже бедра. Кровь блеснула ослепительным пурпуром. Девушка, казалось, не чувствовала боли; закинув голову и изогнувшись всем телом, она невидяще смотрела в пространство.

Зашуршала портьера, закрывавшая боковую стенку помещения. Из-за нее внезапно появился человек в черном и рядом с ним тут же встал еще один.

У обоих в руках было автоматическое оружие.

Инстинктивно они отшатнулись от девушки и леопарда на сцене, прежде чем, повернувшись, стали искать среди зрителей принца Амра.

И это замешательство убийц предоставило Дареллу возможность для мгновенной контратаки.

Его предупреждающий вскрик, как ударом хлыста, нарушил гипнотическое оцепенение, в котором слились музыка, наркотики и зрелище.

Ближайший из двух неожиданных гостей был в десятке шагов, второй стоял чуть поодаль.

Первый готов был выстрелить, когда тело Дарелла, вытянувшись в воздухе, пересекало разделявшее их пространство. Он успел, дотянувшись, нанести удар по дулу, и очередь врезалась в потолок, раскрошив хрустальные канделябры и проделав ряд черных отверстий в лепнине.

Закричали женщины. Взревел леопард. Зрители, охваченные паникой, сбивая друг друга с ног, кинулись во все стороны в поисках спасения.

Первый из убийц явно не ожидал столкновения с Дареллом. Они предполагали, что неожиданное появление окажет на всех парализующее действие. В долю мгновения Дарелл зажал захватом кисть руки с оружием и резко вывернул ее, что вызвало крик боли у человека, когда с хрустом сломались кости запястья, и автоматический пистолет, выпав из ослабевших пальцев, скользнул по паркету. Дарелл нанес всего один удар и увидел, как смуглый араб с искаженным лицом рухнул на пол, отлетев к драпировкам, скрывавшим террасу, через которую и проникли убийцы; тут Дарелл повернулся ко второму.

Тот держал свой автомат навскидку, ища взглядом принца Амра, чтобы уложить его наверняка. Он был невысок и коренаст, со смуглым лицом, широкими ноздрями и плотно сжатыми губами; лихорадочный блеск глаз говорил, что он представляет собой серьезную опасность.

Принц приподнялся, пытаясь выбраться из толпы вокруг платформы, на которой только что были девушка с леопардом.

И тут погас свет.

На мгновение воцарилась тишина, но затем снова разразились вопли ужаса, заглушавшие топот бегущих ног. Зазвенело стекло. Высоким голосом завопила какая-то женщина.

Дарелл, отчаянно пробивавшийся сквозь толпу ко второму вооруженному человеку, ощутил рядом резкий запах зверя. Его горячее дыхание коснулось лица Дарелла. Скользнуло гибкое мощное тело, совершенная машина убийства. Полный ярости и раздражения, оторванный от близости танцовщицы, он искал источник бед, скользя меж сгрудившихся тел. До второго убийцы он успел добраться раньше Дарелла. Раздался вопль невыра-

зимого ужаса, за которым послышался стон, когда леопард запустил клыки и когти в горло жертвы.

Дарелл остановился и повернулся в темноте.

- Я здесь,- из-за спины у него сказала Зорайя.

- А где принц?

- У стенки. По другую сторону комнаты. Там я видела его в последний раз. Его лицо... Какой на нем был ужас!..

- И не без оснований,- сказал Дарелл.- Они же пришли за его жизнью.

Подобрав оружие, что выронил убийца, свободной рукой он повлек за собой девушку. Леопард, удовлетворив свою жажду убийства, прошмыгнул к какой-то двери. Зажегся свет, и Дарелл ясно увидел хищника.

Он стоял рядом со вторым убийцей, повернувшись мордой к сгрудившейся толпе. Хвост у него подергивался. Зверь обнажил окровавленные клыки. Араб, истекая кровью, с вырванным горлом, лежал под его тяжелой лапой. Черный хищник, казалось, готов был прыгнуть на толпу, отпрянувшую от него.

Дарелл вскинул автомат и нажал на спусковой крючок. Очередь кровавой строчкой прошла по гибкому телу зверя и сбила его с ног. Хрипя и задыхаясь, он вскочил и двинулся к Дареллу. Тот снова выстрелил. От грохота выстрелов, казалось, качнулись стены. Зарычав, зверь вскинулся, царапая когтями воздух, и тяжело рухнул на тело своей жертвы.

В тесном помещении, забитом людьми, запахло порохом. В ушах у присутствующих звенели автоматные очереди. Снова воцарилось молчание потрясения. Дарелл бросил взгляд на сцену. Обнаженная танцовщица продолжала лежать на возвышении, бессмысленно глядя в потолок. Видимо, она так и не поняла, жива ли? Или уже умерла? Дарелл искал принца Амра.

- Вон там,- подсказала Зорайя. У нее был спокойный голос. Взгляд ее светло-янтарных глаз был устремлен в сторону принца. Амр уже был готов нырнуть за портьеру, прикрывавшую вход в комнату.

- Вперед! - рявкнул Дарелл.

Вместе с ней он кинулся к портьере, огибая салон по периметру. Царило всеобщее смятение: истерически вопили не только женщины, но и кое-кто из мужчин. Остальные гости, плескавшиеся в бассейне и разгуливавшие по саду, толпились на дорожках под домом.

- Амр! - крикнул Дарелл, а затем.- Бого! - в надежде, что звук старого прозвища заставит остановиться бегущего человека. Но Амр лишь прибавил шагу. Дарелл оставил Зорайю за собой. В нем рос панический страх, потому что он не знал, сколько еще человек было в составе группы, имевшей задание найти и убить принца. Теперь он не мог позволить этому свершиться. И если

он будет достаточно быстр, то кошмар этой ночи может оказаться полезным.

Успев перехватить принца Амра в конце коридора, он рывком распахнул первую же дверь и бесцеремонно зашвырнул того в комнату, скрыв от глаз толпы.

- Кто... я требую...

- Заткнись и слушай,- сказал Дарелл. Они оказались в спальне, под балдахином на возвышении стояла широкая кровать, в изголовье вишневого дерева которой был вырезан родовой герб графов д'Ильи. На другой балкон, нависавший над бассейном, выходила высокая стеклянная дверь. Из-за его спины показалась вошедшая в комнату Зорайя. Амр, охваченный ужасом, перевел взгляд в ее сторону, и его глаза расширились.

- Ты? Как ты здесь оказалась?

- Послушай своего друга, Амр,- сказала она.- Прошу тебя.

- Моего друга? Да я не знаю этого человека...

- Я Сэм Дарелл,- прервал он его.- И ты должен помнить меня.

- Дарелл? Каджун? Но ты... Откуда ты здесь взялся, да еще в такую минуту? - Внезапный ужас исказил его оплывшее лицо.- Ты один из этих убийц? Это ты привел их сюда?

- Не будь идиотом,- резко бросила Зорайя.- Говорю тебе, он твой друг. Может быть, единственный человек в мире, которого ты сейчас можешь так назвать.

- Нет, нет, не может быть, это не совпадение. Ты хочешь убить меня,- бормотанье Амра перешло в пронзительный вопль. Повернувшись, он попытался пройти к дверям спальни, погруженной в полумрак. Дарелл без труда перехватил его. Его терпение внезапно сменилось раздражением. Он не стал лишать себя удовольствия сделать то, что ему страстно хотелось с первых же минут пребывания на этой вилле.

Без подготовки, он от души врезал по лисьей физиономии. Темные глаза, в которых метался ужас, тупо уставились на него, а потом закатились под лоб.

Дарелл успел подхватить тело принца Амра аль-Маари прежде, чем тот рухнул на пол.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Дарелл приподнял потерявшего сознание Амра и взвалил его себе на плечо. Оружие он протянул Зорайе, та осторожно взяла автомат. Тело Амра было тяжелое, обмякшее. Выбравшись на террасу со своей ношей, Дарелл несколько мгновений наблюдал царившую среди гостей сумятицу внизу и прислушивался к крикам и возгласам. Гостей собирали в одно место люди в темных

деловых костюмах - по всей видимости, частная охрана. Еще несколько таких же охранников бегом огибали виллу с тыла. Дарелл направился в темную пустую комнату в дальнем конце галереи, остановился там. Женщина держалась вплотную к нему. Он слышал, как Зорайя переводила дыхание у него за спиной.

- Тут есть черный ход, Зорайя?

- Что ты собираешься делать? - в свою очередь спросила она.

- Добраться до леса. Оставаться в этом доме небезопасно. Они могут предпринять еще одну попытку перехватить Амра. Те двое, которых мы видели, действовали не в одиночку. И если мы сейчас не унесем ноги отсюда, то окажемся в ловушке. Я думаю, охрана оставила свои посты по другую сторону виллы. У нас есть шанс выбраться. Мы не можем полагаться на помощь полиции.

- Ты прав. И не будь тебя тут вечером...

- Может, явившись на Эльбу, я и притащил за собой.

- Нет, я понимаю, насколько важен Амр, - сказала она. - Не случайно кади Гхерзи и полковник Таариф так хотят добраться до него. Амр звонил мне прошлым вечером: он пытается понять, что делать. Он доверяет мне, но... Он не может противостоять своим искушениям. В ее голосе слышалась горечь. Идем за мной. Я покажу, как выбраться отсюда.

В полутемных коридорах виллы ее фигура плыла впереди. Дарелл почувствовал, как Амр, висящий у него на плече, дернулся. Когда он придет в себя, с ним тут же придется убедительно поговорить.

Через заднюю дверь они прошли в маленькие садик, окруженный штакетником. Статуи, залитые лунным светом, отливали матовой белизной. После душной атмосферы дома он с удовольствием вдохнул свежий сосновый запах и солоноватые ароматы моря.

- Там есть воротца, - сказала Зорайя. - Минутку.

Он был прав относительно охраны. На этой стороне виллы никого не было видно. Паника среди гостей заставила охранников переместиться на другую сторону. Но скоро они вернутся.

Завтра, мрачно подумал Дарелл, полиции будет чем тут интересоваться. Репутация графа д,Ильи серьезно пострадает, когда на страницы прессы выплеснется вся эта грязная скандальная история.

Он быстро следовал за Зорайей по узкой тропке, что вилась среди живой изгороди, внезапно они оказались в густых зарослях. Тропа среди сосен круто уходила вниз.

- Главная дорога как раз под нами, сказала женщина. - Но мы должны преодолеть каменную стенку впереди. Амр очень тяжел?

- Во всяком случае, далеко не тот, каким был, - улыбнулся Дарелл. - Можем ли мы спуститься каким-то иным путем, не

выходя на автотрассу?

- Только несколько козьих троп в виноградниках.

- Вот ими мы и воспользуемся. Меньше опасности.

Шли они в молчании. Зорайя плотно закуталась в золотистое сари. Сияние луны мелькавшей между стволами, помогало им не сбиться с дороги. Впереди замаячила каменная стена, окружавшая владение графа д,Ильи. Дарее остановился. Он обливался потом под весом своей неподвижной ноши.

- Можешь перелезть через стену, - спросил он свою спутницу.

- Если ты отвернешься. Мое сари...

Человек, висящий на плече Дарелла, глубоко вздохнул. Этот звук дал понять, что Амр пришел в себя, и он стал ерзать, пытаясь встать на ноги.

- Вы оба говорите, - по-английски прохрипел Амр, - так, словно моя особа представляет какую-то ценность. Почему вы стараетесь спасти ее? Ей-богу бросьте меня здесь. Я не желаю, чтобы вы беспокоились.

Дарелл позволил невысокому полному человеку соскользнуть с его плеча. Амр сразу же распростерся на покрове из сосновых иголок, устилающих почву. Дарелл прислонил его к каменной стене, преградившей им путь. - Говори тише, Бого, а то тебе перережут глотку. Ты хоть понимаешь, что произошло? Убийцы, проникшие в дом, действовали не в одиночку.

- Я вижу только тебя и бедную Зорайю.

- В следующий раз ты вообще никого не успеешь увидеть. В следующий раз они не промахнутся.

- Откуда ты взялся, Каджун? Я не могу прийти в себя от изумления...

- Меня послали сюда, чтобы помочь тебе.

- Я слышал, что ты работаешь в разведке.

- Да. Почти.

- Тебя послали, чтобы спасти меня? Или чтобы убить?

- Чтобы доставить тебя домой.

Амр снова вздохнул. У него был вялых безвольный рот.

- В таком случае, убей меня на месте. Можешь приступать. Это будет проще и быстрее, а результат тот же самый.

- Нет.

- Я не вернусь домой.

- Думаю, что смогу убедить тебя, - сказал Дарелл.

- А я думаю, что нет. Можешь удалиться. Я приказываю тебе освободить меня.

- Ты пойдешь с нами, - сказал Дарелл, - если даже мне придется еще раз оглушить тебя и тащить на себе. Выбирай! Но ты никуда от нас не денешься.

- От Зорайи? Наконец-то ей удалось похитить меня. И она собирается утащить меня в свое гнездышко после всех этих бес-

плодных преследований? - Принц Амр внезапно выпрямился, и его круглое лицо отвердело от гнева. - Чушь какая-то. Сегодня вечером я должен быть с Тарией, танцовщицей. Понимаешь, какие-то новые ощущения. Сначала с леопардом, а потом с принцем. - Он снова вздохнул, и голова у него качнулась. - Так трудно теперь стало обретать какие-то новые эмоции, ничто уже не может развеселить меня.

- Я для тебе кое-что придумал, - мрачно сказал Дарелл.

- Да? И что же?

- Наконец тебе придется вести себя, как мужчине. Это очень новые и очень хорошие эмоции, поверь мне!

Зорайя без посторонней помощи одолела стену и с другой стороны тихо сказала, что все чисто. Дарелл не был в этом так уверен. Ему показалось, что где-то хрустнула ветка, словно кто-то неслышно крался за ними. Подождав несколько секунд, он приказал Амру лезть через стенку.

- Но это унизительно для моего достоинства, - возразил Амр.

- Ты сам перелезешь, или тебя перекинуть?

- Каджун, скажи мне правду... Откуда ты свалился?

- Из твоего прошлого, - сказал Дарелл. - А теперь лезь, и живо!

- Если ты посмеешь ударить кого-то из аль-Маари, наказанием будет смерть.

- Значит, я уже заслужил это наказание, Бого. Когда-то давным давно в заведении Макгиверна, помнишь? И еще сегодня вечером. Давай, вали через стенку. Зорайя ждет.

- Минутку. - Принц помялся. В его темных глазах, глядящих в лицо Дареллу, отражался лунный свет. Рот у него был приоткрыт. - К тому же, боюсь, я себя плохо чувствую.

- Плохо себя чувствовать будешь потом. Ты что, хуже женщины - стенку одолеть не сможешь?

- Я перелезу. Но выражаю протест.

Дареллу пришлось помочь ему. У Амра были слабые и вялые мышцы. Дыхание вырывалось у него короткими всхлипами. Он со стоном перевалился по другую сторону, откуда сразу же послышался быстрый шепот Зорайи. Преодолев препятствие одним прыжком, Дарелл остановился, настороженно присматриваясь к окружающему их лесу.

Он оказался прав. В сплетении теней он уловил легкое, еле заметное, движение тех, кто преследовал их. Он посмотрел вперед, куда уходил горный склон. Там тянулось пустое дорожное полотно, залитое лунным светом. По крайней мере, оно таковым казалось. Но он сомневался, стоит ли ему довериться.

Потребовалось пятнадцать минут, чтобы спуститься по склону напрямую. С изгибов автотрассы сверху и снизу временами доносились звуки проезжавших машин, и в воздухе стояло сия-

ние огней виллы д'Ильи. Спуск был довольно крут, и порой приходилось кубарем лететь меж кустов или напарываться на неожиданную живую изгородь. Каждый раз, спотыкаясь и падая, принц или хихикал, или разражался ругательствами. И каждый раз Дарелл и Зорайя помогали ему подняться.

Выбравшись на обочину дороги, он рухнул на колени и остался в таком положении.

- Вставай, - сказал Дарелл.

- Не могу.

- Хочешь тут умереть?

- Если на то будет воля Аллаха, я умру.

- И ты готов опустить руки, как слабое и ничтожное создание? - хрипло спросил Дарелл.

- Не надо, - пробормотала Зорайя. - Прошу тебя.

Амр поднял к ним вою круглую, расплывшуюся физиономию. Залитая потом и покрытая грязью, она была искажена страданием. Последние остатки сил он потратил на спуск с горы.

- Куда мы бежим? И почему?

- Существует заговор: тебя хотят убить, чтобы ты не мог вернуться на родину.

- Кто хочет убить меня? Я ничего не делал, кроме того, что тратил деньги и понемногу умирал каждый день.

- Пока мы не знаем в точности, кто стоит за этим. Скорее всего, полковник Таариф опасается, что ты вернешься в Джидрат и займешь престол имама Язида. Ты представляешь опасность, потому что все еще пользуешься любовью жителей Джидрата. Они уверены, что ты вернешься, дабы помочь им.

- Ба! Этот сброд! - с отвращением выдохнул Амр. - Эти грязные феооахи... Пустынные блохи! Поедатели верблюжьего навоза!

- Это твой народ, - сказал Дарелл.

- Предатели. Капиталисты. Красные. Да меня не волнуют их свары! Я и сам знаю, чем интересоваться.

- Наркотиками? Бабами?

- Почему бы и нет?

- Может, потому, что Аллах родил тебя мужчиной; и не просто обыкновенным человеком, а аль-Маари, принцем Джидрата.

- Я уже далек от религии.

- Посмотрим, - сказал Дарелл. - А теперь вставай.

- Но тут мы в полной безопасности. Поди пригони машину, - сказал Амр.

- Мы будем идти. И не по дороге. Мы...

Дарелл услышал, как скрипят на поворотах по гравию шины спускающегося автомобиля. Он ехал, не включая фар, приглушив двигатель. Но когда он появился из-за поворота, предательски вспыхнули красные тормозные огоньки, блеснув среди сосновых стволов.

- Вниз!

Тесно прижавшись друг к другу, они сползли по покрытому сосновыми иглами склону к обочине дороги. Машина оказалась “лянчией”. Дарелл осторожно приподнял голову пытаясь рассмотреть пассажиров в салоне. Он убедился, что их не меньше трех. На переднем видении в неверном свете приборной доски он различил два незнакомых ему лица, еще один смутной тенью вырисовывался на заднем сиденье.

В то же мгновение, не успел Дарелл остановить его, принц Амр выбрался наверх.

- Это граф! - закричал он. - Мой друг д’Ильи! Он поможет...

- Стой, болван!

Но он опоздал. “Лянчиа резко остановилась, и принца по-итальянски окликнул чей-то хриплый голос. Амр уже поднялся во весь рост, когда раздался первый выстрел. Дарелл прыгнул и, сбив с ног, заставил Амра отлететь на другую сторону дороги. Он не успел ничего сказать Зорайе. Еще несколько торопливых выстрелов прозвучали вслед - пули со свистом рвали воздух над их головами, когда они катились под откос с другого края дороги, Амр был потрясен невероятным открытием, что его друг, граф д’Ильи - предатель. Наконец-то инстинкт заставил Амра кинуться подальше от этого места, спасая свою жизнь.

С шумом захлопнулись дверцы машины и наступила тишина. Они оказались во фруктовом саду на широкой террасе, врезанной в склон горы; деревья стояли тут в геометрическом порядке, образуя ровные аллеи, залитые лунным светом. Дернувшись с места, Амр споткнулся, упал и снова поднялся.

- Стоять! - раздался крик откуда-то сзади.

У Дарелла по-прежнему был при себе автомат. Он крикнул Амру и Зорайе, чтобы они уходили, а затем повернулся лицом к нависающему сверху откосу дороги. Он увидел на его краю движение темных фигур, которые осторожно спускались к саду. Легко нажав на курок, он послал очередь над их головами. Тени мгновенно залегли. Повернувшись, Дарелл сам пустился в бегство.

Сад кончался невысокой каменной стенкой, за которой тянулась еще одна терраса внизу, отданная под виноградник. Отчетливее стал слышен звук волн, разбивающихся о скалы в маленькой пещерке. Сквозь виноградник к фермерскому дому, виднеющемуся невдалеке, тянулась тропка. Дом был погружен в темноту. Сзади не раздавалось ни звука. Похоже, что преследователи сразу же отказались от погони.

Зорайя, рядом с которой уже вышагивал Дарелл, споткнулась, и он поддержал ее. Она прислонилась к нему, мучительно стараясь перевести дыхание.

- Не знаю, хватит ли у меня сил идти дальше. Мои ноги... - Она потеряла сандалии и теперь шла босиком.

Дарелл посмотрел на Амра. Принц сидел на земле, опустив

голову на грудь, а его помощь рассчитывать не приходится, подумал Дарелл. Он с отчаянием огляделся. Внезапно раздался звук ожившего двигателя: машина стала спускаться. Наверное, преследователи решили, что проще загнать их, пользуясь автомашиной. Проще и безопаснее.

- Куда идти? - спросила Зорайя. - Вряд ли в моем доме нам удастся спрятаться.

- Да.

- Тут поблизости есть пляж. Говорят, это было излюбленное место прогулок Наполеона и Валевской. Он довольно уединенный, хотя днем там много туристов.

- Ты сможешь добраться до него?

Она посмотрела на ферму.

- Или, может быть, в этом амбаре...

- Его могут обыскать. На пляже безопаснее.

- Доберусь, - решительно сказала она.

Они двинулись дальше.

На них несколько раз гавкнул пес, когда они проходили мимо фермы, но он был привязан и не представлял опасности. Тем не менее, его лай выдает их присутствие, подумал Дарелл. Он поторопил девушку и Амра. Она знала дорогу. Еще ряд террас, полей, фруктовых садов и виноградников, еще одна ферма, чья-то вилла, погруженная в темноту, после чего им пришлось снова пересекать дорогу. На этот раз они подождали пока не обрели полную уверенность, что никто не увидит, - и даже теперь они старались двигаться, переходя из тени в тень; принц еле волочил ноги, тяжело дыша открытым ртом.

На пляже, в небольшом гроте, под сенью сосновых крон располагался каменный домик. Вокруг стояла полная темнота, если не считать свечения от морской глади, озаренной лунным сиянием. Волны с легким шорохом накатывались на жесткий прибрежный песок. Остановившись, Дарелл позволил Амру и девушке опуститься на землю - передохнуть. Он сам был в легкой испарине. Часы показывали десять. Теперь им надо было искать способ как скорее выбраться с Эльбы. Завтра можно использовать паром на Пьомбино...

- Тут безопасно? - спросила Зорайя.

- Думаю, что да. - Он вытащил из пачки сигарету и прикурил.

В мгновенной вспышке спички он увидел, что в лице ее уже нет того напряжения, которое читалось на нем раньше. Словно бы приготовившись к непрестанной гонке, она была занята лишь тем, чтобы восстановить силы - и мышечные, и интеллектуальные. Он испытал мгновенный прилив сочувствия к ней и уважения за ее мужество, что так далеко завело ее.

- В чем дело? - спросила она. - Почему вы так смотрите на меня?

- Я вспоминаю вас, когда вы были ребенком, и мы впервые встретились на рассвете, давным давно.

- Я и тогда не была ребенком, - возразила она.

- Вам было всего двенадцать лет.

- Но я не была ребенком, - повторила она. - Я вас тоже помню. На какое-то время вы заставили меня забыть мои обязанности и мое предназначение в жизни.

- Не понимаю.

- Я рождена, чтобы стать женой принца Амра аль-Маари из Джидрата. Чтобы растить его сыновей, наследников трона. Это древняя и гордая семья. Ее корни уходят ко временам Пророка. И меня воспитали в убеждении, что и мое тело, и мой ум предназначены лишь для продолжения этой линии. Принц Амр - последний мужчина в роду аль-Маари. И я предназначена ему.

- Это все феодальные представления...

- Да. Но моя страна продолжает оставаться феодальной, что бы ни привнесло в нее открытие нефтяных залежей. Что заставит меня изменить эти представления, Дарелл? Я знаю смысл своей жизни.

- Вы сказали, что как-то забыли о своих обязанностях.

Она улыбнулась. В ее янтарных глазах блеснула веселая умная искорка.

- Да. Понимаете, я... я влюбилась в вас, Дарелл.

- И вы еще говорите, что не были тогда ребенком? - улыбнулся он.

- Нет, я была женщиной. Такой же, как сегодня. Это было так давно, но я ничего не забыла, верно ведь? И я сразу же узнала вас.

Он не нашелся, что сказать, а она, улыбнувшись, рассмеялась, словно вспомнив что-то. Она сидела на твердом песке, подтянув к подбородку колени. Золотое сари было разорвано в нескольких местах, но и эти обрывки смотрятся на ней как королевская мантия, подумал Дарелл. Лунный свет играл на ее темных волосах и отражался в глазах.

- Я думаю, не было ли ошибкой снова увидеться с вами? - наконец сказала она. - Я не задавала никаких вопросов. Я сразу же доверилась вам и отправилась на виллу д,Ильи, где увидела то, на что, клянусь вам, никогда не позволила бы себе смотреть.

- Забудьте! - оборвал он ее.

- Не могу. Я увидела Амра. И сейчас вижу его перед собой. - Повернув голову, она бросила взгляд на принца. В полном изнеможении он лежал на песке лицом вниз. Если даже он и слышал их разговор, то не подавал виду. Голос молодой женщины отвердел. - Я смотрю на вас, а потому вижу его и вспоминаю, что я испытала к вам, давным давно. И думаю, что совершила ошибку.

- Зорайя...

- Потому что снова полюбила вас, - тихо сказала она.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Каменный домик на пляже был пуст, и они улеглись поспать на его полу из каменных плит. Дарелл прилег у входа, не выпуская оружия из рук. Их могли тут выследить и накрыть, думал он. Врага всегда надо воспринимать более умным, более опасным, чем он может быть на самом деле. Очень мало времени для отдыха и практически не оставалось возможности подумать над словами Зорайи и над тем, что они означали, а также на пользу или во вред могут пойти эти осложнения, если ему доведется с ними иметь дело.

С принца нельзя спускать глаз как минимум ближайшие двадцать четыре часа, пока из него не выветрится воздействие наркотиков и потрясение от едва не увенчавшейся успехом попытки покушения на его жизнь. Только тогда с ним можно будет разговаривать. Хотя привычка общаться при помощи приказов и капризных требований плюс еще самолюбование не облегчат эту задачу. К тому времени, прикинул Дарелл, они уже будут в относительной безопасности.

Сидя в темноте, он смотрел, как угасало серебряное свечение на поверхности моря по мере того, как луна опускалась за горы Эльбы. Его поразила мысль, что полтора столетия назад вот тут мог сидеть Наполеон, и перед его глазами была та же земля и то же море и что с тех пор тут практически ничего не изменилось. Он попытался понять, какие мысли приходили императору в голову во время заключения, когда он видел перед своими глазами итальянский берег и понимал, что видит руины своей империи и своей славы. Скорее всего, тут у него созрели замыслы Ста дней, закончившиеся битвой при Ватерлоо и ссылкой на острой Святой Елены. Во время пребывания здесь Наполеон был обрюзгшим и раздражительным, продолжал вести себя с величием, которое было предметом шуток для обитателей Эльбы, ибо они видели, как завоеватели приходят и уходят, еще со времен этрусков, римлян и Медичи - и вплоть до нацистов.

Мир мало изменился со времен Наполеона, думал Дарелл. Сколь бы кратко ни было пребывание человека на Земле, всегда находится такой, кто пытается потрясти этот мир, обрекая на смерть и страдания миллионы тех, кто стоит у него на пути. А вот море остается все таким же, все так же катит оно свои волны приливами и отливами, и Луна все так же заливает серебряным прозрачным светом горы и долины Земли.

Но сегодня понятие вечности обрело иное измерение. Сегодня ни горы, ни мор не служат больше символами вечности. В руках у человека оказалось самое страшное оружие уничтожения, которое может положить конец миру. Приняв неверное

решение, он может уничтожить всю нашу Вселенную - стоит только появиться новому Наполеону-завоевателю.

Дарелл наблюдал, как на тропу, по которой они добирались сюда, стали ложиться черные угловатые тени от окрестных возвышенностей. Все было тихо. Ничто не вызывало тревоги.

Да ее и не должно быть, подумал он. Эльба небольшой остров, изрезанный горными складками, но жизнь тут идет с предельной неизменностью. Они не могут вечно скрываться на острове. Покинуть же его можно только с помощью парома.

А его, конечно же, будут держать под наблюдением.

- Дарелл?

Повернувшись, он увидел, что в дверях домика стоит Амр.

- Я хотел бы поговорить с тобой, - сказал арабский принц.

- Иди сюда и садись рядом.

- Спасибо. Скажи мне правду. Ты в самом деле оказался тут, чтобы спасти мою жизнь?

- Да.

- Вы хотите потом использовать меня?

- Да.

- Чтобы в конце концов, когда я сделаю то, ради чего ты прибыл за мной, меня убили?

- Может и так случится. Но я надеюсь, этого не произойдет.

- Да. Надеешься. - Амр беззвучно перевел дыхание. - Что ж, ты остался честным человеком, Каджун. Но я никогда не умел играть в покер так хорошо, как ты. И никогда не смогу понять, что делается в головах таких, как ты. Мы в свое время были друзьями и все же мы были мало знакомыми друг с другом. И я вряд ли мог понимать тебя так, как бы мне хотелось.

- Садись, - снова сказал Дарелл.

Амр расположился на песке рядом с ним. Слегка застонав, он сказал:

- Должен сообщить тебе, что я ранен.

- Как?

- Думаю, что пулей. Вбок. Сначала я даже ничего не почувствовал. Почти не было боли. А потом... когда мы оказались здесь... началось кровотечение. Сквозная рана в бок. Забавно, не правда ли? Я слышал, что люди иногда даже не ощущают ранение. Это... теперь мне плохо. Я думаю, тебе стоило бы знать... мне нужен врач.

При первых же словах Амра Дарелл очутился рядом с ним, стоя на коленях, он осторожно разорвал промокшую от крови тонкую шелковую ткань. Амр жалобно застонал.

- Осторожнее, прошу тебя!

- А так болит?

- Еще бы! Я настаиваю, чтобы меня отправили к врачу.

- Да ты только что ее расцарапал, - сказал Дарелл. - Рана свежая.

- Но все равно поражена моя плоть, я страдаю и, прошу тебя, доставь меня к врачу!

- Ты хоть понимаешь, что с тобой будет, если убийцы снова найдут тебя?

- Мне больно! Как ты бесчеловечен! Я тебе приказываю...

- Заткнись, Бого, - сказал Дарелл. - Может, настанет день, когда ты накажешь меня за неподчинение. Но сейчас командую я. И мне есть о чем подумать, кроме как о твоей шкуре. Например, о Зорайе...

- Женщина меня не интересует. Я требую от тебя...

- Заткнись, - снова сказал Дарелл. - Я тебя перевяжу. Кровотечение прекратилось. Пуля прошла навылет сквозь мягкие ткани. Через неделю все заживет. Хотя, готов признать, что довольно бесполезно. Завтра тебе будет еще хуже. Но это куда лучше, чем лежать хладным трупом.

- Ты ждешь от меня благодарности?

- Я спасаю тебя не ради благодарности. Я хочу, чтобы ты вместе со мной вернулся в Джидрат. Я хочу, чтобы ты понял, какая на тебе лежит ответственность, и чтобы ты остановил полковника Таарифа и кади. Иначе они могут поставить с ног на голову весь мусульманский мир.

- Это чье мнение? - тихо спросил Амр.

Дарелл невольно взглянул на него. Каким бы порокам он ни предавался, как бы они ни отразились на его внешнем облике, разложение не сказалось на его звериной сообразительности. Дарелл усмехнулся, и Амр сказал:

- Ты считаешь, что заняв трон, я буду марионеткой Запада?

- Нет. Зная тебя, могу сказать с уверенностью: этого не будет.

- Я не даю тебе никаких гарантий и не обещаю никаких уступок.

- Честная сделка - это единственное, что нам надо.

- Я если я войду в контакт с твоими врагами на другой стороне?

- Мы знаем тебя и готовы пойти на риск.

- С кем еще, кроме меня, ты мог бы затеять такую игру? С таким, как я, воплощением всех пороков, распущенным и развратным?

- Нет людей, которые были бы воплощением всех пороков.

- Это я, - сказал Амр. - В таковом качестве я и известен. - Он горько рассмеялся. - Я делаю карьеру в качестве исчадия ада. Ты его знаешь? Мусульмане, арабский мир - все должны подчиняться воле Аллаха. Я же никому и ничему не подчиняюсь. Знаешь ли ты пять обязанностей, которые ислам налагает на правоверного? Он должен совершать намаз пять раз в день; щедро подавать милостыню; соблюдать пост в рамадан; совершить хадж в Мекку; и последнее - хоть раз в жизни правоверный должен с

полной убежденностью и без малейших сомнений сказать: "Нет Бога кроме Бога, а Магомет - пророк его". Я делал все, кроме последнего. Хотя я и произносил эти слова, я не понимал и не принимал их. Один раз, когда у меня похитили Зорайю, опорочив мою честь, и я знал, что потерял ее как свою суженую, я упал на колени в пустыне и плакал, и пытался осознать эти слова и принять их, подчинившись воле Аллаха. Я оставался в пустыне день, ночь и еще один день, снова и снова повторяя эти слова, пока глаза мои не ослепли от солнца, а язык не опух от жажды. - У него было прервался голос, и Амр вздохнул. - Но я так и не смог принять их. И поверить.

- Может, такой день и придет к тебе, Бого, - помолчав, сказал Дарелл. он накладывал последние витки грубоватой, но надежной повязки, стягивающей пухлую расплывшуюся грудь. - Сойдет. Завтра я раздобуду тебе немного пенициллина, чтобы не было воспаления. А пока Зорайя поухаживает за тобой.

- Не хочу, чтобы Зорайя за мной ухаживала.

- Почему же? Я уверен, что она справится.

- Я слышал, что она тебе говорила. Вы оба думали, что я лежу в беспамятстве от усталости - что в самом деле было бы, если бы не боль от раны. Я слышал, как она тебе признавалась в любви.

- Это ничего не значит.

- Ты так думаешь?

Дарелл помолчал.

- Почему ты не можешь понять ее, Бого? Или же в таком случае, почему бы не развестись с ней и не дать ей свободу?

- Весь мир задает тот ж самый вопрос. Все очень просто. Я отвечаю на него, но мне никто не верит. Я люблю получать удовольствие, но сомневаюсь, что испытываю желание явить на свет сына из своего семени, который станет наследником трона. Понимаешь, я знаю, что представляю собой. И мне нравится быть таким, какой я есть. А ты думаешь, что тебе удастся изменить меня, Каджун?

- Попытаюсь.

- Потому что это твоя работа? Или твой долг?

- Может быть. И может быть, в силу еще одной незначительной причины.

- Какой же?

- Когда-то мы были друзьями, - сказал Дарелл.

Амраль-Маари погрузился в молчание. Как и Дарелл, он не сводил глаз с темной пелены моря. Близилась полночь. В каменном домике спала молодая женщина. Дарелл с полной серьезностью говорил больше часа, но не был уверен, возымели ли его слова какое-то воздействие. Ему казалось, что они проваливались куда-то в пустоту и воспринимались, как бессмысленное сотрясение воздуха; словно этот человек, которому он ста-

рался внушить мужество и чувство политической ответственности, не представлял собой ничего, кроме отупевшего создания, для которого важны лишь свои суетные желания.

Он не получил ни ответа, ни обещания сотрудничества. Ни согласия Амра вернуться в Джидрат, переняв под свою руку трон старого имама Язида.

У него было ощущение, что вся его энергия ушла впустую, а запас аргументов канул в пропасть. Пока он говорил, принц со страдальческим лицом рассматривал свою рану, жаловался, что давит повязка, просил пить, обсуждал анатомические достоинства блондинки, которая танцевала с леопардом и хмыкал, вспоминая панику, воцарившуюся среди гостей. Тонкое лисье личико, запомнившееся Дареллу, теперь оплыло, округлилося и обмякло. Глаза, в которых в свое время светились гордость и надменность, теперь стали хитрыми и мутными.

Дарелл ждал. Он сказал все, что должен был сказать, стараясь придать своим словам максимальную убежденность. Но он даже не знаю, слышал ли его Амр.

Он припомнил ту ночь в плавнях, когда он охотился с Амадео Таллиаферо, своим соседом; Таллиаферо сломал ногу, и Дареллу пришлось убеждать его, что надо собрать все силы, чтобы добраться до дома через болота, рой москитов, доводивших их до сумасшествия; они должны преодолеть все страхи и опасности, подстерегающие их в темноте в заболоченной дельте. Они были тогда мальчишками. Дарелл говорил и говорил боясь остановиться, потому что ему нужно было слышать звук собственного голоса, и Таллиаферо тоже было необходимо слушать его слова, чтобы, подчиняясь им, не сдаваться. Они могли и утонуть, и заблудиться в болотистых зарослях, или завязнуть в зыбучих песках.

Он попытался вспомнить, что же такое он говорил Амадео. Да он нес все, что угодно. О тайнах женщиня6 о широком мире, которые живут с ними по соседству. О своем дедушке Джонатане и о старых временах на Миссисипи, когда еще Джонатан был мальчишкой, когда по обоим берегам широкой реки росли пышные заросли, мимо которых каждый день неторопливо проплывали колесные пароходы, гордые своей белизной, а не эта ржавая громадина, которая, приткнувшись к болотистому берегу, служит домом Сэму Дареллу и его старому деду. И наконец, пока он разговаривал с Таллиаферо, они выбрались на твердую почву, по которой добрались до дороги, где их уже ждало спасение. Все это время Таллиаферо почти лежал на нем, оберегая треснувшую кость, а он тащил его, и лишь потом Дарелл понял, что другу помогал держаться лишь звук его голоса, а не иссякающая сила мышц.

Но он истратил на Бого вест запас слов, И сказать что-то еще был просто не в силах. И наконец, когда он окончательно замолчал, аль-Маари подал голос:

- Ты так много мне выдал, что мне трудно все осознать. И вообще все это так неожиданно.

- Время у тебя есть. Может, нам придется пробыть здесь весь день.

- Они хотят убить меня, чтобы не дать мне вернуться домой?

- Пуля должна была тебя убить.

- И ты можешь доставить меня в Джидрат?

- Да.

- А потом?

- Потом ты будешь действовать сам.

Амр двусмысленно ухмыльнулся.

- В Джидрате я смогу удовлетворить свое чувство мести, а, Дарелл?

- Мести?

- Конечно. Ведь ты меня оскорбил. Я прикажу расстрелять тебя за то, что ты так отнесся ко мне. Как ты думаешь - смогу я отдать такой приказ?

- Не знаю, - сказал Дарелл. - Скорее всего, сможешь.

- Да, смогу. Посмотрим. Но теперь ты сможешь меня спасти?

- Если ты этого хочешь.

- Естественно, любому хочется жить.

- Значит, тебе придется делать все, что я скажу.

- До Джидрата?

- До Джидрата.

Амр снова погрузился в молчание. В кронах сосен шумел ветер. Ночной воздух потеплел. Высоко над головой проплыли огоньки воздушного лайнера, может быть, рейса Рим-Париж. Мир, в котором он существовал, казался далеким и нереальным.

- Я ослаб, Дарелл. Я потворствовал своим страстям и разрушил себя. Если я буду продолжать вести такую жизнь, мои враги успокоятся, поняв, что я не представляю для них опасности. Если я откажусь ехать, если я расстанусь с тобой, то буду в безопасности. Они узнают, что я отказался от твоих услуг, что я не буду играть в твои игры.

- Да, если они тебе поверят.

_ А почему бы им не поверить?

- Они не будут ждать возможности задать тебе вопросы. Как они не ждали этим вечером. Они купили твоего приятеля, графа д'Ильи. Его вилла оказалась для тебя смертельной ловушкой.

- Потому что они знали о твоем появлении! - возразил принц. - Только поэтому.

- Верно. В противном случае, они бы всего лишь подняли бы тебя на смех. Потворствуя твоим порокам, они бы убедились, что роду аль-Амаари пришел конец. В своем сегодняшнем состоянии ты ни для кого, кроме себя самого, не представляешь опасности. Я все тебе выложил, - сказал Дарелл6 - и больше сказать мне нечего.

- Но я ведь трус, Дарелл, - промолвил Амр.

- Временами все мы испытываем страх,

- Если я последую за тобой, то только из чувства протеста. И я не могу обещать тебе, что откажусь от мести, когда мы достигнем дома. Ты слишком силен. Меня это оскорбляет. Посмотрим, как пойдут дела, когда я окажусь дома. Я хочу убедиться, будешь ли ты стонать и плакать, моля о снисхождении. Явившись сюда, ты загнал меня в ловушку, и теперь у меня нет выбора. В противном случае, они могли бы оставить меня в покое. Так что ты мой враг, так же, как и они. Понятно, что стоит между нами?

- Да. Мы враги. И друзья.

- И еще. Я не буду помогать тебе, - сказал Амр. - Я готов умереть здесь, если так сложатся обстоятельства. Если я пойму, что мне это не под силу - то, чего ты от меня требуешь.

- Ты не умрешь, - сказал Дарелл. - Первым погибну я.

- Из-за меня? - засмеялся принц.

- Это моя работа.

- Как ты должен презирать меня?

- Да, - сказал Дарелл. - Пока что так оно и есть!

Зорайя проснулась еще до рассвета, и вслед за ней они пробрались к домику рыбака, жена которого служила горничной на ее вилле. Ему принадлежало небольшое рыболовецкое суденышко. Дарелл выплатил ему некоторую сумму из денег, что в Женеве вручил ему на расходы Хэггерти. Рыбак, добравшись до Портоферрайо, пригнал свое судно к тому месту на берегу, где они его ждали. Он рассказал что в городе царит возбуждение, связанное с происшествием на вилле д,Ильи. Дарелл выплатил ему такую же сумму за то, чтобы он забыл все, что слышал, и большую часть дня они добирались не до рыбных угодий, а вдоль побережья на юг, к Осетии, портопункту под Римом.

Радио сообщило о загадочной “трагедии” с графом д,Ильи и об исчезновении принца Амра аль-Маари, наследника трона Джидрата.

В Осетии Зорайя купила для себя одежду, а Дарелл рука об руку с Амром окунулся в курортную атмосферу Кони-Айленда, когда поглощал с ним ужин, после чего они втиснулись в вагон пригородного поезда, преполненный говорливыми вспотевшими римлянами - после отдыха на пляже они возвращались домой в Рим.

Оказавшись в городе, Дарелл снова позвонил Хэггерти. В холле “Эксцельсиор-отеля” посыльном ему были вручены визы с авиационными билетами. Еще до нового восхода луны они уже поднялись в воздух, направляясь на восток по маршруту Афины - Анкара-Карачи.

Насколько он успел удостовериться, за ними никто не следил и никто из их попутчиков не вызывал подозрений.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Наступил рассвет, но Наоми Халеди, пассажирка “Королевы Атлантики”, так и не уснула. Медный диск солнца вставал из моря над Джадратом, и она слышала шумы просыпающегося города, словно бы ворчал огромный разбуженный зверь.

О начале волнений дал знать мощный глухой взрыв. Гул его прокатился над гаванью, словно хлопок в великанские ладони, и Наоми, медленно поднявшись с койки, посмотрела в иллюминатор. В том смятении, в котором она находилась, ей на мгновение показалось, что она вернулась в Будапешт, когда туда ворвались советские танки. Она вспомнила, как пулеметы кромсали толпу, в которой были ее отец и братья, но эта картина тут же исчезла. Языки пламени яростно метались над цилиндрами нефтехранилища, озаряя сполохами рассветное небо. Затем раздалась серия взрывов поменьше, когда стали взлетать в небо другие нефтехранилища. В зловещих отсветах пламени Наоми видела, как стали оживать танкеры, стоящие под закачкой. Они отключили подающие трубы и были в полной готовности обрубить швартовые и тут же уйти в море.

В каюте было душно, а медная оковка иллюминатора накалилась так, что к ней нельзя было прикоснуться, ибо старому сухогрузу некуда было укрыться от испепеляющего жара дня. Наоми не решалась открыть дверь каюты. Ночью она слышала голоса пограничного наряда и гортанные приказы на арабском таможенника, требовавшего предъявить судовые документы команды. Макферсон тщетно протестовал. По металлической палубе продолжали шлепать босые ноги и постоянно подрагивала дверь за соседней переборкой.

Она поднялась, прижимая руки к горлу, чувствуя, как от знакомого страха колотится сердце. У нее перехватывало дыхание. По трапу, ведущему от капитанской каюты прозвучали шаги, другой голос, в котором она сразу же узнала привычку к холодной властности, назвал ее по имени.

- Мисс Халеди?

Она застыла в полумраке каюты - молча, не в силах ответить. Прозвучал голос Макферсона.

- Оставьте мою пассажирку в покое. Все ее документы в порядке.

- Я должен проверить их, сэр.

- Женщина больна. И я не хочу, чтобы ее беспокоили.

- Ясно... Можете ли вы сообщить мне, какой она национальности?

Макферсон ответил без промедления.

- Англичанка. Женщина представляет интересы фирмы из Шеффилда, которая занимается бизнесом в Сингапуре и Малайе. Она воспользовалась моим сундуком, чтобы совершить морское путешествие для поправки здоровья.

- Похоже, вы прекрасно осведомлены об этой молодой особе, сэр.

- Просто я стараюсь проявлять вежливость, полковник Таариф.

- Вежливость - достоинство, которое не всегда можно себе позволить. Ходят слухи, что в Джидрат пытаются проникнуть шпионы и диверсанты. Вражеские соглядатаи, подрывные элементы, угрожающие государству. И вы понимаете, мы должны принимать меры предосторожности. Не всегда удается сдерживать ярость толпы.

- Только, если это отвечает вашим целям, - едко заметил Макферсон.

Наоми подумала, что разговор у дверей ее каюты велся специально для нее. Содрогаясь она присела на край койки. Ну почему она такая трусиха? В Европе тысячи ее соотечественников шли на смерть. Почему бы и ей не обрести силы, чтобы сопротивляться? Она надеялась найти их в Австралии, начав там новую жизнь и забыв Колю после того, как она кинула обручальное кольцо в воды Эгейского моря. Но он продолжал оставаться с ней, жестокая загадка, мучительная ее любовь.

Никогда в жизни она не прибегала к насилию. Когда ее отец и братья погибли под шквалом пулеметного огня, открытого по приказу Коли, она, вернувшись в их квартиру с единственной мыслью - застрелить его, когда он появится. Но оказалась не в состоянии совершить задуманное. Вместо этого она исчезла, испарилась из Будапешта, чтобы начать новую жизнь и заново обрести себя. Но скрыться ей не удалось.

Она почувствовала, что утреннее солнце припекает ей спину. В воздухе стоял кислый металлический привкус. Ночью над нефтяными полями полыхали языки пламени, которые днем сменились густыми клубами черного дыма, поднимавшимися в белосоватое небо. То и дело она слышала в городе разрывы гранат. А над грязной мутной водой гавани разносились вопли беснующейся толпы.

Скопище людей в Джидрате вело себя подобно животному, которого пробудили ото сна резким толчком. То и дело со стороны белоснежного дворца Фаиза, крепости на холме, ад городом, доносились спорадические пулеметные очереди. Капитан Макферсон сказал ей, что там находится резиденция правителя Джидрата имама Язиды аль-Маари. Время от времени королевская гвардия вступала в перестрелку с мятежниками, пытающимися прорваться к воротам дворца. В грохот разрывов вплета-

лись строчки автоматных очередей и ружейных выстрелов. В иллюминатор Наоми видела, как по берегу залива, подобно уродливым коричневым насекомым, ползут два танка, разворачиваясь, чтобы проследовать по узким улочкам старого города. Над их башнями развивались бело-зеленые стяги имама. Вслед за исчезновением танков раздался глухой грохот орудийных выстрелов.

Наоми дернулась, когда кто-то решительно постучал в ее дверь. Она затаила дыхание. Ей не хотелось подавать голос. И тут, не веря своим ушам, она услышала женский голос, называвший ее по имени.

- Мисс Халеди! - В голосе слышался заметный английский акцент. - Пожалуйста, впустите меня. Я миссис Эсме Кентон. Вы там? Поскорее, прошу вас.

Наоми отодвинула запор, и стройная женщина в белом платье, торопливо переступив порог, закрыла дверь и прислонилась к ней, глядя на Наоми.

- Я пришла, чтобы помочь вам, - сказала Эсме Кентон. - Долго объясняться нет времени. На рассвете меня навестил Макферсон. И попросил помочь вам. Мы решили, что не дадим полковнику Таарифу добраться до вас, дорогая.

- Полковнику, Таарифу?

- Главе военной полиции. Прошлой ночью он вместе с кади Гхери начал весь этот ужас, который вы слышите. Он знает, что вы на борту. И что вы направляетесь в Израиль. Прошлым вечером была взломана каюта Макферсона и похищен его судовой журнал. В него, естественно, были внесены ваши фамилии, национальность и номер паспорта.

- В таком случае меня арестуют, - ровным голосом сказала Наоми.

- Да. Как шпионку. Это вы понимаете? Они используют вас, девочка. Если воодушевление толпы начнет иссякать, они явятся за вами, водрузят, например, вас открытый грузовик и повезут по всему городу, как свидетельство терпимого отношения имама к врагам ислама.

- Откуда вы это знаете?

- Я достаточно долго живу здесь. Слишком долго, - горько сказала Эсме. - Пока вас держат в запасе, девочка. Поэтому я и пришла за вами - пока еще есть время. Я доставляю вас на берег.

- На берег? Нет, нет, я не могу...

- Куда безопаснее, чем в этой банке. Если в ближайшие двадцать четыре часа нам удастся избежать лап Таарифа, дела еще могут пойти на лад.

Наоми растерянно взглянула на Эсме Кентон. Высокая женщина была в мучительном напряжении, словно ей с огромным трудом удавалось сохранять внешнее спокойствие.

- У вас хватит и других бед, миссис Кентон, - тихо сказала

Наоми, сама удивившись своим словам. - И я не могу обременять вас еще и своими проблемами.

- Все дело в моем муже, - сказала Эсме. - Я думаю, они убили его. Он исчез три дня назад, и я не могу найти никого, кто бы мог помочь мне в розысках. Тем не менее, как позволить вам оставаться здесь, девочка? Вы хотите что-нибудь взять с собой? Может, нам придется скрываться два дня или три, как я считаю, пока не установится какой-нибудь порядок вещей, кто бы ни одержал верх.

- Я... могу идти, как есть. Но не уверены?

Сейчас или никогда. Пока в городе царит суматоха.

- Хорошо, - внезапно решилась Наоми. - Дожидаясь здесь, я чувствую себя, словно в ловушке, поскольку они знают, где найти меня. Я... я вам очень признательна.

- В таком случае, поторопитесь, вот и все. Мы остановимся в "Аль-Задшире". В этой гостинице всего несколько иностранцев, но мы решили, что это лучшее место, где можно пересидеть, пока тут выйдет пар. У нефтяников есть свои укрытия в пустыне. Но никто из нас не может пока добраться до них, поскольку на дорогах выставлены заслоны, к сожалению. Так что мы останемся в "Аль-Задшире". Хорошо?

Наоми выдавила дрожащую улыбку и кивнула. Ею владел такой страх, что она чувствовала физическое недомогание и справлялась с ним лишь огромным усилием. Ей казалось, что ночные кошмары, которые преследовали ее после Будапешта, превратились в реальность. Едва ли не физически она ощущала, как обезумевшая толпа рвет на куски ее плоть.

Полковник Таариф с удовлетворением прислушался к реву уличной толпы. Затем он приказал рабу-негру прикрыть за ним дверь и по холодной темной лестнице спустился во внутренний сад к дому кади Гхерзи. Он оказался в другом мире: позади осталось жаркое дыхание городских улиц, забитых вопящими грязными людьми; он больше не слышал вспышек пулеметного огня и воя сирен. Началось! Это было самым главным. Первый шаг был сделан. Может, несколько раньше, чем планировалось, но замыслы Аллаха не всегда поддаются разумению.

Его спутник, майор Николай Микельников, благополучно приземлившийся сегодня в аэропорту, следовал за ним. На длинном усталом лице русского невозможно было ничего прочесть. Изысканная роскошь апартаментов кади, его сада с цветущим жасмином и бугенвиллями, мягкое журчание фонтанов, казалось, не произвели никакого впечатления на Микельникова, чье лицо продолжало оставаться невозмутимой застывшей маской.

Кади стоял, подобно высокой черной птице на платформе, заваленной подушками в дальнем конце сада. На столике рядом в кожаных инкрустированных переплетах покоились массивные

тома Корана и Сунны. Мальчик-прислужник в белоснежной галабее, отдав поклон, удалился. Длинная черная мантия и такой же тюрбан с зеленой перевязью, указывавшей, что кади совершил хадж в Мекку, мрачным ночным видением вырисовывались на фоне ширмы с резьбой из слоновой кости. Несколько мгновений Таариф с настороженностью присматривался к ширме, не испытывая желания, чтобы его застигли врасплох соглядатаи или охрана кади. В следующее мгновение его потрясло сомнение - его, образованность которого не позволяла ему вслепую принимать ортодоксальность ислама: а может, в самом деле, этот человек в черном станет М а х д и, который сегодня поведет правоверных в истинный рай.

Они вежливо отдали друг другу традиционное арабское приветствие, коснувшись пальцами лба, губ и сердца.

- Это человек, который поможет нам, - сказал Таариф. На его узком лице застыла улыбка, обнажившая ряд ровных блестящих зубов под аккуратными усиками. - Он только что прилетел из Багдада как глава миссии, которая будет осуществлять поставки оружия, а также заниматься переоборудованием нефтяных полей. Кроме того, кади, у него есть планы создания новой оросительной системы и остальных сооружений, проекты которых мы обсуждали. Это майор Николай Микельников.

- Стервятники пустыни всегда знают, где пахнет падалью, - сказал Гхерзи. - Они плавают высоко в небе, описывая зловещие круги, что всегда служит плохой приметой грядущих смертей. - Ястребиное лицо с крупным носом и глазами фанатика гневно уставилось на Таарифа. Он говорил по-арабски. - Быстро он прибыл. Он понимает меня?

- Понимаю, - сказал Микельников. Улыбнувшись, он поклонился. - Я постараюсь, чтобы вы как можно быстрее изменили свое представление обо мне.

- Вы доставили оружие для воинов ислама?

- Груз уже в пути. Часть его мы сможем доставить по воздуху. Судно прибудет через три дня.

- Но утром уже началась революция. Если дела плохо сложатся для нас, груз опоздает. Мы не можем ждать. Нам известно, что возвращается принц Амр аль-Маари. И мы должны как можно скорее одержать победу - или нас ничего не ждет.

- Это-то понятно, - подтвердил Николай.

- Полковник Таариф сказал мне, какую цену лично вы запросили. Американец, который явится с принцем, - он ваш.

- С вашего разрешения, кади.

- Бисмаллах! Жизнь человека ничего не стоит пред лицом всемогущего Аллаха, да будет на то его милость.

- Значит, мы договорились, кади?

- Давайте посмотрим, как идет сражение. Сюда, - сказал кади.

Он зашел за ширму, где как с облегчением заметил Таариф,

никого не было. С балкона открывался вид на толпу беснующуюся на улицах и площадях города. Большая часть купцов получила заблаговременное предостережение, и металлические ставни оберегали их запасы, а уличные лотки были пусты.

Этот квартал города - ближайший к заливу и гавани - вне всякого сомнения, был в руках сил кади, воспламененных призывами к новому великому Джихаду, священной войне, которая возродит мощь и славу ислама, если будет на то воля Аллаха. Но гвардия имама по-прежнему держала под своим контролем склоны, ведущие к Фаизу. Тем не менее, думал Гхерзи, имам Язид стар и слаб, он всецело погружен в поэзию и философию былых времен. Джидратцы - маленький народ. Лишь семя на ниве Аллаха.

Глядя на столбы дыма, которые поднимались со взорванных нефтяных вышек за городом, кади чувствовал, как его воспламеняют святые голоса, побуждающие неустанно служить великой цели, достижению которой была посвящена вся его жизнь. Оставалось только сожалеть что приходится использовать для нее полковника Таарифа., этого жалкого подобия других диктаторов, а также этого крупного неуклюжего иностранца с печальными глазами. В наши дни приходится обмениваться рукопожатиями с врагом и улыбаться ему за черным кофе, чтобы строить планы достижения взаимных целей. Но когда придет время, голос кади громом, который потрясет мир, прозвучит со всех минаретов всех мечетей мира ислама...

Видя перед собой то же самое зрелище, полковник Тaариф наметанным глазом военного следил за продвижением танков по узким улочкам, ведущим к Фаизу. Он пытался скрыть свою тревогу насчет того, как развертываются события. Ярость толпы так и не достигла достаточного накала, сопровождаемого необузданным насилием. Он понимал их. Он мог возбуждать страсти этого сброда, игра на его эмоциях, как пальцы музыканта перебирают отверстия н у б ы. Он, конечно, платил уличным агитаторам и части офицеров, которые присоединились к восстанию в надежде получить повышение в знании, когда дворец имама превратился в пыль. Но главным оружием революции была толпа. А ее страсти были опасны, даже обоюдоостры, Если подхлестывать ее словами, призывами и обещаниями, она может ответить яростным ревом и пойдет крушить все на пути. Но пока им так и не удалось преодолеть оборону Фаиза, и если дела и дальше будут развиваться таким образом, толпа начнет испытывать раздражение и с непостоянством безголового животного обрушится на тех, кто взывал ее страсти к жизни.

Таариф знал, что этого не должно произойти. У него в руках была еще и австралийская путешественница. В случае необходимости он может пустить ее в ход, распространив предварительно слухи о шпионах, затем он предъявит ее как доказатель-

ство, как смертельного врага ислама, проникшего в Джадрат попустительством выжившего из ума имама Язида. И думая о таком ходе, Таариф почувствовал себя более уверенно...

Майора Микельникова не интересовали события на городских улицах. Он не спал сорок восемь часов и отчаянно нуждался в отдыхе. Но он не мог решиться заснуть. Он уже дважды не справился с заданием. И не мог позволить себе еще раз потерпеть неудачу. Когда он вспомнил о Дарелле, волна раздражения смывала усталость.

Может быть, думал он, дело в том, что сам ты - не профессиональный убийца. Всю свою жизнь он посвятил работе в разведке, чувствуя, что плоды его трудов хоть в какой-то мере идут на пользу Родине. Но хладнокровное убийство человека - не в горячке боя, а в сооруженной ловушке, - это совсем другое. И никакие доводы рассудка не могли убедить его, что эта сумрачная война контрразведок сравнима с открытым сражением.

Москва проявляла нетерпение. Пока ему так и не удалось предотвратить встречу Дарелла с принцем. Он не смог устранить Дарелла. Печальный результат, подумал Микельников. И достаточно опасный и для дела, и для него самого.

За провал человек может заплатить жизнью. Это было ясно и понятно. В сталинские времена расчет был коротким. Сегодня мучения могут длиться долго, их, возможно, заменят человеческим" наказанием. Его могут загнать куда-нибудь в медвежий угол, поручат выполнять идиотские отупляющие обязанности и, что хуже всего, он будет лишен возможности продолжать поиски Наоми, своей жены.

Если бы только раз удалось увидеть ее, думалось ему, он бы постарался объяснить ей, как все случилось. Не то, что он искал бы себе оправдание. Но если бы только он мог рассказать ей, как любит ее, попросить прощения за то, что ему пришлось сделать под неумолимым грузом военного приказа - что же, тогда он может позволить себе и умереть. Хоть раз снова увидеть ее лицо; взять на руки, как он любил носить ее, - это была мечта, которую он не мог воплотить. Должно быть, она погибла. И все же он продолжал искать ее и спрашивать у всех, у кого только мог, куда бы его ни заносила жизнь...

А теперь он оказался здесь, и скоро тут будет Дарелл, и снова перед ним возникнет необходимость убить его. Он восхищался Дареллом и по-своему даже люблю его. Из тех кто встречались ему, он бы предпочел иметь другом именно Дарелла. Может, потому, что они были похожи: считаясь врагами, сталкиваясь с теми же самыми опасностями, с теми же угрызениями совести и, может, даже с теми же печалями.

Тем не менее, Дареллу придется умереть.
И пути из тупика не было. Или Дарелл, или Микельников.
Николай поднял глаза к небу. Уже наступил полдень.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Синие солнце, моря и небо, казалось, плавило все краски мира в пекле адского горнила. У моря и неба не было ни концов, ни начал. Они сливались друг с другом в невообразимой дали. Дхоу вздымалось и падало на пологих волнах, бегущих к берегу, на который они выбрасывали нефтяную пленку. Вокруг ничего не было видно, потому что воздух дрожал и колебался, словно его поддували из плавильного горна. Сверху раскаленный шар солнца поливал нестерпимым жаром опустошенный мир. Н и к х о д а лодочник, сказал:

- Это дыхание Аллаха, эффенди. По Его повелению может снова прийти ветер Абдурахман был высок и широкоплеч, с выдубленным лицом. Он был бородат, силен и гол по пояс. Хозяин двухматчтовой дхоу, он походил на тутошних лодочников, которые сохранили свой неизменный облик с давних времен. - Да, скоро может прийти ветер. Наверное, к вечеру.

- Чем скорее, тем лучше, сказал Дарелл.

- Как на то будет милость Аллаха. Кто возьмется предсказать время, когда Аллах решит уничтожить то, что возвел? Он воздал воды, солнце и пустыню - до мельчайшей песчинки - и каждую каплю воды. Он призвал спокойствие в этот мир. И он же сделает ветер.

- Ты обещал, что нам понадобится не больше дня, чтобы добраться до берега Джидрата.

- Да, хозяин. Если будет на толя Аллаха. Я повторяю это! - кивнул лодочник.

Дхоу благоухала самыми разными запахами. Поскрипывая и постанывая всеми своими сочленениями, она покачивалась на пологих волнах пылающего моря. На корме, под полосатым навесом, устроившись на подушках, принц Амр отпил глоток воды и, тяжело дыша, растянулся на матах. На нем были только шорты, и его расплывшееся бледное тело обливалось потом, подрагивая при каждом ударе сердца, как туша. Повязка на ране казалась относительно чистой. Дарелл перебрался с носа поближе к нему и присел на корточки в тени, отбрасываемой пологом. Тут было, впрочем, тоже душно.

- Как ты себя чувствуешь. Бого?

- В данный момент я счастлив. И знаешь, почему? - прошептал Амр. - Потому что я лежу здесь и мечтаю о том, что сделаю с тобой. Каджун, за то, что ты втянул меня во все это. Скоро я

обрету возможность отплатить тебе за все! Я был счастлив там, где пребывал. У меня не было никаких политических амбиций. Что я делаю для этой паршивой старой галоше, с этим грязным вонючим ее хозяином? Когда я смогу, Каджун, я выколю тебе глаза и вырежу язык. Я кастрирую тебя. Я тебя...

- Что я могу сейчас для тебя сделать? - вздохнув, спросил Дарелл.

- Доставь ко мне смерть и вручи ей меня, как подарок. Ослепи меня, чтобы я не видел это кошмарное зрелище. И снова я тебя спрашиваю - что я здесь делаю?

- Мы добираемся до дома, - сказал Дарелл.

- Там началось восстание. Вчера ты слышал радио из Карачи. Слишком поздно.

- Не для тебя.

- На родине меня ждет смерть.

- Нет, если ты предстанешь перед своим народом.

- И для этого слишком поздно. Поздно по времени, поздно для меня. Что я собой представляю, Каджун? Я меньше, чем мужчина, как ты сказал. И это правда. Разве меня будут слушать? Ты сошел с ума!

- Они пойдут за тобой, если ты обратишься к ним.

- Я не испытываю никакого желания быть имамом Джидрата Амром аль-Маари.

- В этом твое предназначение, - сказал Дарелл.

Амр лишь издал стон и отполз от него подальше. Дарелл поднял глаза к горизонту. Гранитные утесы, известняковые и базальтовые скалы Южной Аравии, плавали в горячей дымке, представая далекими сонными видениями. Он вытер пот с лица. Дхоу продолжала стонать и потрескивать, качаясь на волнах. Плолотняные паруса обвисли. Лодка лежала в дрейфе.

Крупная фигура Абдурахмана, сидевшего у румпеля, покачивалась. Он что-то шептал в сонной дремоте. Посреди судна оборванная команда, смахивавшая на пиратскую, развела костер в огромном черепашьем панцире, который служил жаровней. Еще живой ягненок жалобно блеял, как бы догадываясь, что скоро его разделают и зажарят на угольях.

Казалось, в море существовали из живых существ только акулы. Они описывали круги вокруг суденышка, их острые треугольные плавники, вздымая белые барашки, терпеливо и неустанно разрезали гладь моря.

Приземлившись в Карачи, они на поезде а потом в грузовике добрались до маленького порта на побережье Залива, отсюда до Джидрата оставалось всего шестьдесят миль.

Утром сообщения по радио были полны взволнованных повествований о боях в Джидрате: грабежи, пожары, уличные стычки, попытка захватить Фаиз. Зорайя нашла лодочника и судно, договорилась обо всем, расплатившись долларами Дарелла. Дру-

гого надежного пути попасть в Джидрат не было. Аэропорт, скорее всего, закрыт и под охраной. Ходили слухи, что несколько европейцев оказались в заключении в гостинице “Аль-Задшир”, и им угрожает расправа возбужденной толпы. Но теперь, когда они уже несколько часов находились в море без радио, до них не доходило никаких известий.

Зорайя выбралась из кубрика. На ней была белая рубашка, черная юбка, а свои густые черные волосы она подвязала ленточкой. Она смахивала скорее на англичанку, чем на арабскую женщину. Ее удивительные янтарные глаза скользнули по огромной фигуре лодочника, дремавшего на румпеле, на мгновение остановились на Амре, а затем она перевела взгляд на Дарелла. Он подошел к ней. Из кокпита внезапно донесся взрыв визгливой ссоры между матросами. Зорайя облокотилась на фальшборт. Вид у нее был утомленный.

- Как ты, в порядке? - спросил Дарелл.

- Я бы хотела, чтобы ты был не столь задумчивым, - сказала она. - Мне и без того нелегко.

- Ты поспала?

- Нет. Мы приближаемся к порту?

- Ждем ветра, дрейфуем. - Он показал на голые скалы и пески лежащего в отдалении берега. Уже доносился шум колотившегося о скалы прибоя; волны - от рифов откатывались назад. Высаживаться здесь было довольно опасно. - Ты поговорила с Амром еще раз?

Она пожала плечами.

- Он полон жалости к самому себе. Никакие мои слова не могут сделать из него мужчину, которого ты хочешь в нем увидеть, Дарелл. Я боюсь за тебя. Если он выживет то расправится с тобой. Если выживет.

- Я притащил его сюда ради него же самого и его народа.

- Он должен обрести в себе стальной стержень, которого нет и следа. И может быть никогда и не было.

- Но ты продолжаешь хранить ему верность, - уточнил Дарелл.

- Да, верность. Я знаю свое предназначение. Но верность не означает любви.

- Ты же по-прежнему любишь его?

- Не будем об этом, - тихо сказала Зорайя. - Я в растерянности. Мир перевернулся, и я падаю вместе с ним, ничего не понимая. Я не знаю, прав ли ты в своих планах относительно Амра. Теперь, может быть, мы уже запоздали.

- Зорайя, если ты появишься вместе с ним в Джидрате...

- Он хочет, чтобы я была рядом.

- И если ты сможешь убедить его, народ его поддержит. Что и требуется...

- Требуется вам...

- В Джидрате идет та же борьба, что и во всем мире, - спокойно сказал Дарелл. - И в данный момент она имеет очень важное значение. Завтра, может быть, о ней забудут.

- Да. Если Амра убьют...

- Поговори с ним, Зорайя. Убеди его, чтобы он к тебе прислушался.

- Бесполезно.

- Надо попытаться, - сказал Дарелл.

Она пересекла палубу и, сев рядом с Амром под навесом, начала разговаривать с ним. Он не смотрел на нее. Он потягивал один из кальянов Абдурахмана и глядел в море. Спустя какое-то время она встала и, подойдя к борту, начала разглядывать акул, описывающих поодаль круги.

К двум часам стоял все тот же мертвый штиль. Дхоу оказалась ближе к берегу, подгоняемая волнами, и рев прибоя теперь сделался громче; были видны даже брызги, разбивавшиеся о рифы волн. Команда покончила с трапезой и опасливо следила за берегом. Шкипер огромным идолом застыл, держа румпель. Зорайя опять села рядом с Амром, погрузилась в молчание.

Дарелл первым уловил шум двигателя другого судна. Над маслянистой поверхностью моря поднималась легкая туманная дымка горячего воздуха, за пеленой которой трудно было что-то разобрать. Затем и шкипер услышал биение чужого двигателя, и отдал короткую резкую команду своему экипажу. Матросы стали расползаться по судну. Из горячей пелены показалось другое дхоу - оно шло на дизеле, спустив паруса и под форштевнем стояли два пенных крыла.

От другого судна потянуло специфическим запахом. Дарелл считал, что в этом столетии его уже не удастся почувствовать: запах множества человеческих тел, скученных под палубой. Несчастные, закованные в цепи рабы. Абдурахман потянулся к отполированной ручке ревуна, и тот выдал резкий звук, понесшийся над морем. Другое дхоу легло в дрейф в пятидесяти ярдах от них.

Дарелл подошел к огромному хозяину дхоу.

- Работорговцы?

- Мы не задаем им вопросов, эффенди. Капитаном ходит мой брат. - Ухмыльнувшись, Абдурахман почесал всклокоченную бороду. - Здесь в территориальных водах Джидрата все законно. Он нам поможет. Он доставит вас в деревню Аль-Мурра, где живет род наших отцов. Там он разгружается. Естественно, вы должны будете ничего не видеть и ни на что не обратить внимание.

Дарелл следил, как второе дхоу подошло и стало с ними борт о борт. С одного судна на другое был переброшен буксирный канат. Запах от скученной массы рабов был невыносим: из трюмов слышался постоянный стон и плач. Зорайя стояла рядом с

Дареллом. У нее были белые бескровные губы.

- Простите, что вам пришлось это увидеть.

- Я знаю, что тут существует рабовладение, - сказал Дарелл.

- Мы должны будем попытаться отменить его, но оно приносит большие доходы. Племенные шейхи внутри страны, у которых нет залежей нефти, просто восстанут, если лишатся права быть посредниками при торговле рабами.

Буксирный конец натянулся, и работорговое судно снялось с места. Голое каменистое побережье приближалось на глазах. Через двадцать минут характер береговой линии изменился: стал виден ряд пещерок и впадин, врезанных в каменную поверхность скал, в глубь которых уходили узкие глубокие вади. Амр пришел в себя и приглушенным голосом заговорил со шкипером. Дарелл отметил, что тот отвечал ему коротко и уважительно. Принц Джидрата пересек раскаленную солнцем палубу, чтобы оказаться рядом с Дареллом м Зорайей.

- Через несколько минут мы высадимся на берег, - сказал Амр. - В деревушке Аль-Мурра обычно делают остановку караваны, которые через Руб-аль-хали направляются в Рияд, в Саудовскую Аравию. В наши дни верблюдов заменили грузовики, так что для нас найдется транспорт. Из Аль-Мурры до Джидрата таким образом можно добраться за двадцать минут. После высадки трудностей не должно быть - правда, если местного шейха не обеспокоит, что глаза западного человека увидят, чем он занимается. К этому с давних времен относятся довольно чувствительно.

- Лодочник, похоже, твой человек, - сказал Дарелл. - Обитатели Аль-Мурры тоже верны тебе, Амр?

Тот как-то странно улыбнулся.

- Я почти и забыл, что это такое - слепая покорность. Когда мы окажемся на берегу, Дарелл, ты больше не будешь отдавать приказы. Командовать буду я.

- Как скажешь.

- И вполне возможно, - мрачно сказал Амр, - что я прикажу убить тебя. За то унижение, которое я испытал.

- Я учту эту возможность.

- Сам понимаешь, у меня нет особых оснований любить тебя. Но твою судьбу я решу позже. Теперь мы должны высадиться.

Насколько Дарелл видел, на берегу не было ни пирса, ни причальной стенки. Только проем в скалах, за которым тянулась долина вади; пространство раскрошенной щебенки и песков, выжженных безжалостным солнцем. Вдоль ближайшего участка берега стояла полоса белой пены, выдававшей наличие рифов у прохода. Работорговое судно увеличило скорость, и буксирный конец, натянувшись, задрожал. Палуба встала под углом. Форштевень, подбрасываемый волной из-под кормы переднего дхоу, стал описывать круги в воздухе, и Дарелл увидел

проход в базальтовых скалах впереди, достаточный, чтобы пропустить их корабли. Они быстро, с безошибочной точностью, проскользнули в него. Впереди, несколько левее от того места, где начинались вади, лежал плоский участок, усеянный осколками рифов. Они прошли мимо зазубренных каменных красных клыков. Рифы создавали впечатление, что путника приветствует пасть дьявола. С судна работорговцев донесся сдавленный вопль ужаса.

Его владелец рванулся вперед, полосуя своих людей короткой плеткой, чтобы они скорее подбирали буксирный конец. Затем его гигантская задыхающаяся фигура налегла на ремпель. Судно Дарелла качалось на волнах, которые поднимало рабовладельческое дхоу. Оно, шедшее на дизеле, подалось назад и потеряло скорость, но их кораблик продолжал скользить вперед. Высокая волна кинула их на берег и с грохотом разбилась, окатив людей пеной с головы до ног. Им угрожала опасность разбиться под ударами прибойных волн.

- Иль Алла! - рявкнул Абдурахман. На его мощном торсе узлами вздулись мышцы. Мачта затрещала. Истрепанный парус лег жесткими складками просоленной парусины. В следующий момент палуба дрогнула, когда киль коснулся каменистого дна. Еще два мощных толчка, длинный стонущий звук и наконец они застыли на месте.

Дарелл помог Зорайе перебраться на берег. Амр продолжал не обращать на нее внимания. Сильно промокнув, они пересекли полосу лимонно-зеленой воды, недалеко от судна работорговцев, которое отошло за линию рифов. Команды оживленно перекликались друг с другом, обмениваясь возбужденными замечаниями. Преодолев полосу прибоя, Дарелл вытащил за собой Зорайю, наблюдая за выбирающимся на берег принцем Амром. Он высился на плечах Абдурахмана, словно лодочник был всего лишь вьючным животным.

Через минуту все оказались на берегу.

И тут же на них обрушилась палящая жара. Вокруг стояла мертвая тишина.

Дарелл видел, что лодочник осторожно присматривается к крутым каменистым откосам, спускающимся к бухточке. На коже обильно выступал пот. Волны горячего воздуха струились по скалам, как водопад. Все было тихо и спокойно. В воздухе чувствовался кисловатый металлический запах. Доставившее их судно, подрабатывая мотором, тихо двигалось вдоль берега.

- Вот тут место встречи, - буркнул Абдурахман. - Я не сомневаюсь, что мои браться из Аль-Мурры на месте. Но почему они не показываются?

- Может из-за меня, - предположил Дарелл.

- Или из-за женщины.

Дарелл посмотрел на Зорайю. Она отошла в тень, падавшую

от огромного каменного валуна и осталась стоять в ней. Как ни странно, рядом с ней тут же расположился Амр. Абдурахман ухватил предплечье Дарелла стальными пальцами.

- Вот. Вот и Аль-Мурра.

Бесшумно, словно бы ниоткуда, подобно взлохмаченным охотничьим псам, стали появляться его соплеменники: сначала один, потом другой, затем еще и еще, они спускались и соскальзывали по уступам скал, пользуясь десятком еле заметных тропок. У многих из них головы были обмотаны лохмотьями тюрбанов, из-под которых на плечи падали сальные черные волосы. На них были накидки, сандалии, грязные плащи. Кое-кто носил старые береты английской армии. Вооружение у них было самое разномастное - от длинноствольных ружей до пистолетов-пулеметов "Стен". У всех за пояс были заткнуты кинжалы. Скапливаясь возле устья вади, они стали выглядеть довольно опасным сборищем, поведение которого предсказать было невозможно.

- Никто не может предугадать, на что способны Аль-Мурра, - прошептал лодочник. - Не шевелитесь. Вы боитесь?

- Еще нет, - сказал Дарелл.

- А стоит. Это было бы куда умнее.

С судна работорговцев раздался оклик, на который от жителей Аль-Мурры поступил быстрый короткий ответ. Кто-то выстрелил из ружья в воздух. Одинокое эхо гулко отдалось в чаше высоких скал, окружающих бухточку. С высокого берега вади донесся лязг подъехавшей машины, и появилось несколько дряхлых грузовиков, которые кренились и подскакивали на неровностях почвы. По всей видимости, им предстояло загружаться живым товаром - бедняг ждали муки и страдания в Судане и в песках Сахары.

Из кабины первого грузовика донесся дикий вопль, и машина вылетела на пляж перед ними, из нее выскочили двое вооруженных мужчин, которые стали что-то вопить, обращаясь к шкиперу. Затем появился третий, с белоснежной бородой в аккуратном белом плаще. Старик, по всей видимости, был шейхом этого поселения. Посмотрев на Дарелла, он гортанным голосом задал вопрос Абдурахману, который, несмотря на свой рост, раболепно съежился. Опустившись на колени, он показал на неподвижную фигуру принца Амра, сказал, кто он такой и уткнулся головой в пыль.

Внезапно наступило полное молчание.

Повернувшись, соплеменники Абдурахмана уставились на принца.

Старый шейх изумленно втянул в себя воздух и, обойдя распростертую фигуру лодочника, направился к принцу. Дареллу показалось, что Амр, тот юноша, которого он давным давно знал в Йеле, неузнаваемо изменился, стараясь стряхнуть с себя следы минувших лет. Казалось, что, распрямив плечи, он стал как-то

выше, когда старый белобородый шейх, склонившись перед ним, пробормотал древнее арабское приветствие.

- Валлахи! Да будет мир тебе, с благословения Аллаха.

- И с тобой тоже, друг моего отца, - ответил Амр.

- Ибн Ибрагим помнит святую клятву, - сказал старик. - Приказывай нам, и мы последуем за тобой.

- Настал час, - сказал Амр.

И снова что-то еле заметно изменилось в атмосфере прокаленного солнцем участка берега. С борта дхоу, курсирующей неподалеку, донесся приветственный крик. Ибн Ибрагим стал о чем-то быстро расспрашивать принца. Амр кивал. На судне откинулись люки и на несчастных, сгрудившихся в трюме, посыпались проклятия и приказы быстрее пошевеливаться. Через минуту на палубу стали подниматься черные и коричневые люди, мужчина, женщины и дети, которые, еле прикрытые своими лохмотьями, изумленно озирались под палящим солнцем.

Хрустя щебенкой, Амр подошел к нему, и Дарелл оглянулся. Амр шел в кольце возбужденных аль-мурраитов с их разнообразным оружием. Резкий приказ белобородого старца - и полдюжины его соплеменников, ухмыляясь, сомкнулись вокруг Дарелла. У них были плохие зубы% выщербленные и поломанные. Они страдали от трахомы, и у некоторых один глаз был затянут пленкой бельма. Их гладкие грязные волосы длинными прядями падали из-под лохмотьев тюрбанов. Тем не менее, все они были жилистыми и крепкими. Чувствовалось, что человеческая жизнь не представляет для них никакой ценности.

- Каджун, вот мы и в моей стране, - сказал Амр. - Ты помнишь, что я обещал тебе. Ты предпочел пропустить мимо ушей мои слова. Я не хотел возвращаться. Но ты силой заставил меня.

- В противном случае тебя бы убили еще на Эльбе.

- Но меня не убили. Ты воспользовался тем, что я на какое-то время впал в панику. Ты заставил меня вернуться. Но теперь все переменилось, а? Ты совершил ошибку. Мы не собираемся играть тут в покер. За нашими играми следит весь мир. Пусть для тебя я жалкий образец человеческой личности, но т у т власть принадлежит мне, и я понимаю, что означает Джидрат для всего мира. Боюсь, ты поставил не на ту лошадь.

- Скажи мне четко и ясно, что ты имеешь в виду, Амр.

- Ты притащил меня сюда, чтобы я плясал под дудку Вашингтона, да? А я всегда предпочитал сам делать выбор в такого рода делах. Ты помнишь, что сегодня в Джидрате началась революция?

- Да.

- И ты хочешь, чтобы я навел порядок и следовал твоим указаниям?

- Поступай так, как ты считаешь правильным, Амр, - сказал Дарелл. - Ты знаешь, что я имею в виду.

- Неужто? Я распутник и негодяй, соблазнитель женщин, наркоман, ненасытный охотник за удовольствиями.

- Это не совсем так.

- Не совсем? Но так считает весь мир. Как и ты. И не лги мне. Я обещал, что посчитаюсь с тобой за то, как ты со мной обращался. С моей королевской персоной. И первым делом я арестовываю тебя, как врага государства.

- Не будь идиотом, - сказал Дарелл.

Принц Амр нанес ему пощечину. Среди его соплеменников прошел шепоток. Высокий парень с крючковатым носом сделал шаг вперед и вскинул ружье, собираясь вышибить у Дарелла мозги. Зорайя вскрикнула. Взглянув на нее, принц рассмеялся.

- Твоя очередь придет потом. Меня тошнит от тебя. Тошнит от твоих преследований. От твоих советом и надежд. - Повернувшись, он отдал приказ застывшим в ожидании альт-морраитам. Дарелл почувствовал, что ему заламывают руки за спину. Он стал было сопротивляться, но тут же успокоился. Сейчас сопротивление ничего не даст. Их слишком много. И если даже он вырвется, бежать ему некуда. Обернувшись к Амру, он увидел злобный прищур его глаз, всю извращенную жестокость этого человека.

И на секунду Дареллу показалось, что он сделал последнюю и самую большую ошибку в жизни.

Зорайя снова вскрикнула. Он хотел вырваться из круга аль-мураистов, которые подталкивали его прикладами, но руки слишком крепко держали. Удар прикладом по плечу заставил его упасть на колени. Он попытался приподняться. Сквозь жаркий туман, застилающий глаза, он видел, что принц Амр, ухмыляясь, смотрит на него. Его лицо было искажено гримасой злобного торжества. И тут на затылок Дареллу обрушился еще один удар. Он рухнул лицом вниз, раскаленные камни обожгли ему щеку, и все провалилось в темную воронку небытия.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В душной комнате отеля “Аль-Задшир” было невыносимо душно. Эсме Кентон стояла у окна и смотрела на девушку, спавшую в ее постели. Наоми спала крепко. Эсме не сомневалась, что лишь предельные душевное и физическое изнеможение может сейчас заставить человека погрузить в сон. Но она была рада, что Наоми представилась возможность отдохнуть. Силы ей понадобятся потом, и чем меньше она будет думать о своих делах, тем лучше.

Эсме с мучительной тоской вспомнила Пола. Эти часы без него были невыносимы, словно ей внезапно ампутировали ка-

кую-то часть тела. Ей не хватало его, и она испытывала страдание при одной мысли о нем, хотя все время повторяла себе, что он не мог погибнуть. Тем не менее, она понимала, что надежд практически не осталось. Слишком много времени прошло, и у нее нет никаких известий. Если Пола застал неожиданный самум, что ж, он может и выжить, но только если успел в полной готовности встретить его порывы.

Глухой рокот мин, под обстрелом которых находились армейские укрепления под Фаизом, заставили ее снова повернуться к окну. День уже кончался. Небо стало обретать светло-охряную окраску, и солнце огромным сияющим пятном склонялось к западу. Исход сражения, шедшего уже много часов подряд, оставался неясным. Никто в гостинице не знал, что происходит за ее пределами. Даже Т.П. Феннер, американский консул, сидящий тут с самого утра, понимал, что любому иностранцу слишком опасно в такое время показываться на улицах Джидрата.

Среди прочих обитателей гостиницы тут оставалось всего несколько слуг, греческая пара, двое бизнесменов из Бомбея и аргентинец. Капитан Макферсон сидел в баре с Феннером. К полудню в холле разместился армейский капитан со взводом возбужденных солдат. Это были мятежники. Иностранцам они приказали оставаться в своих номерах. Последующие распоряжения, было сказано, поступят, когда ситуация прояснится.

“Аль-Задшир” строился на рубеже столетий, когда владения имама Язиды были протекторами Британии. Отель располагался неподалеку от центральной базарной площади. С плоской крыши гостиницы, где из-под тентов еще не убрали столики для европейских гостей, открывался вид на гавань, на окружающие ее каменистые возвышенности, подступающие из пустыни. За столиками могло разместиться не больше двадцати постояльцев.

Эсме внезапно вспомнила русского, майора Микельниова, который появился тут, пока Наоми спала. Русский пришел с Таарифом, тот дал понять, что обитателям гостиницы ничего не угрожает. И тут же они ушли. Не подлежит сомнению, поняла Эсме, что ограничения, наложенные на иностранцев, к н е м у не относятся.

От внезапного разрыва гранаты с потолка посыпалась пыль. Во сне у Наоми было спокойное разгладившееся лицо, но от грохота оно внезапно исказилось. К щекам прилипли влажные завитки темных волос. Не просыпаясь, она снова опустилась на подушку.

Затарахтел пулемет. Небо постепенно заволакивали черные клубы дыма от горящего танкера. Раздался тихий осторожный стук в дверь.

Эсме стремительно повернулась и по изразцовым плиткам пола вышла в прихожую. Внизу в холле, где собралось большин-

ство постояльцев, все было спокойно, и поэтому она без опаски открыла дверь.

- А, это вы, Мессуд...

Этот человек был барменом в “Аль-Задшире”. Он часто обслуживал их с Полом. Волосы у него растрепались, а белый жилет покрылся грязью.

- Мисс Кентон, - с запинкой произнес он, - я к вашим услугам.

- Что вам надо, Мессуд?

Человек бросил взгляд на спящую девушку и почесал длинный нос.

- Меня послали за вами, - пожал он плечами. - Чтобы отвезти вас к вашему мужу.

Его слова поразили ее так, что она задохнулась, как от удара под ложечку. Ее потрясла мысль, что надежды ее оправдываются.

- Мой муж? Пол? Вы знаете его? Конечно же, знаете! Он жив?

- Да, мисс Кентон.

- Вы уверены в этом? - прошептала она.

- Будь Аллах мне свидетель, я только что расстался с ним. - Мессуд вскинул палец перед носом. - На улицах опасно, но у меня есть красный грузовик - “форд”, которым он обычно пользовался. Понимаете? Я отвезу вас.

- Где он? В городе?

- Нет, леди... Но недалеко. Тут поблизости.

Мессуд выглядел как-то странно. Может, причиной тому было возбуждение от уличных боев, свидетелем которых ему довелось стать. У него удивительно густые брови, подумала она. Облизывая губы, он не сводил с нее глаз.

- И вы заплатите мне сто американских долларов, - сказал он.

- Сто... - Эсме запнулась. - Но у меня нет с собой такой суммы. Во всяком случае, не сейчас...

- А сколько у вас есть? - откровенно спросил он.

Она в сомнении отвернулась. Наоми Халеди продолжала спать. Это к лучшему. Ее охватила сумасшедшая надежда, полная готовность вложить в длинные узкие ладони араба все, что у нее есть. В сумочке она нашла десять фунтов и еще несколько рупий. Это было все, что там имелось - не считая маленького револьвера 28-го калибра с перламутровой ручкой, который когда-то подарил ей Пол; это было давно, в другой жизни... На Юкатане, насколько ей помнилось. Она не позволить Мессуду видеть оружие. С револьвером она ощущала себя в безопасности.

- Вот, - сказал она, вручая ему деньги. - Все, что у меня есть.

Араб молча принял их. Он посмотрел на спящую Наоми.

- Ваша подруга может отправиться с нами, - неожиданно предложил он.

- Нет, она должна оставаться здесь. Сами видите, что делается на улицах, - Эсме почувствовала неловкость. - Как это получилось, что вы что-то знаете о моем муже, и у вас оказался его грузовик? Почему именно вы беретесь доставить меня к нему?

- Поездка может быть опасной, леди. - Мессуд как-то странно ухмыльнулся. - Но я знаю путь из города, там дорога не охраняется.

- Только скажите мне, все ли с ним в порядке? - взмолилась Эсме.

- О, да, леди. Он в полном порядке.

- Тогда двинулись до того, как она проснется, - сказала Эсме, кивая в сторону Наоми.

Склонив голову, Мессуд вышел. Он не оборачивался, дабы проверить, последовала ли она за ним. Эсме помедлила на пороге. У нее гулко билось сердце. Стоит ли разбудить Наоми? Девушке надо хоть что-то объяснить. Эсме сама не знала, вернется ли она в "Аль-Задшир" или ей придется остаться с Полом, и вообще, что с ними будет. На языке у нее крутились и другие вопросы, но Мессуд уже спускался по черной лестнице в дальнем конце притихшего душного коридора. На базарной площади неподалеку разорвалась еще одна граната. Ясно было, что Мессуд не будет дожидаться, пока она задаст ему остальные вопросы. Но он здешний бармен, всегда был неизменно вежлив, и они с Полом хорошо знали его.

Повернувшись, она направилась к лестнице и стала спускаться. Отель был практически пуст, и она никого не встретила по пути. Дневавшие тут солдаты и остальные гости - все собрались в переднем холле. Мессуд оставил приоткрытой дверь кухни, и они миновали ее.

- Минутку. Прошу вас. Можете ли вы мне рассказать что-то еще?

- Потом, потом, леди, - сказал Мессуд. - Ждать дальше опасно. Мне приказали доставить вас. Это все, что я могу сообщить.

Она проследовала за высоким арабом через опустевшую кухню, где еще сохранялись запахи стряпни, и через короткий коридорчик они вышли на узкую улочку. Из-под ног у нее вывернулся тощий пес. Она заторопилась за Мессудом.

- Скорее. Вот сюда.

Они прошли какую-то пустую комнату, в которой стояла керосинка, шаткий столик, два деревянных стула и лежали два молитвенных коврика. Через прихожую, открыв еще одни двери, они перешли на другую улицу. Где-то плакал ребенок. Поблизости никого не было видно.

Все будет в порядке, говорила она себе. Почему кто-то должен ее обманывать? Во всяком случае, в сумочке у нее револь-

вер. И Мессуд, несмотря на свою экстравагантную внешность, совершенно безобиден и полон желания помочь.

Она увидела знакомый потрепанный красный "форд", и ее снова охватило волнение. Да, это была машина Пола! Она стояла перед маленьким магазином, металлические ставни лавки были опущены. Казалось, что весь город вымер. Тишина сделалась всепоглащающей. Улица была достаточно широкой, чтобы пропустить мимо своих выбеленных стен, вдоль которых почти над головой нависали балкончики и галерейки, машину. Она влезла в кабину рядом с Мессудом.

- А как же патрули, танки? - спросила она.

- Все они атакуют Фаиз, дворец имама. Мы в относительной безопасности.

Мессуд замешкался, накидывая грязную белую галабею поверх своей измятой куртки. Когда он надвинул на глаза рваный тюрбан, то полностью преобразился. Теперь он ничем не отличался от прочих арабов на улицах.

Он резко рванул с места и, не притормаживая, свернул за угол. Эсме по-прежнему не могла задавать ему никакие вопросы. Мессуд так гнал машину, что она думала лишь о том, как бы не вылететь из нее. То и дело их заволакивали клубы едкого черного дыма горящей нефти, от которых она заходилась в кашле.

Один раз они чуть не врезались в перегородивший проезд танк. Он стоял под домом, на крыше которого были навалены мешки с песком. На радиоантене танка колыхался бело-зеленый вымпел имама. Пушка грохнула, выпустив снаряд. Горячий ветер осыпал их горстью пепла. Угол дома с треском обнажился. Деревянная дранка отлетела вместе с кусками штукатурки, из-за стен его послышались крики. Мессуд тут же сдал назад, и они выбрались на другую улочку до того, как их заметил экипаж танка.

Там лежали несколько распростертых тел. Мессуд гнал прямо, не обращая внимания, покрывают ли белые галабеи мертвых или только раненых. Машину кидало из стороны в сторону. Неподалеку пылал магазин, а на следующем перекрестке путь им преградила груда обломков. Мессуд тихо выругался сквозь зубы и снова двинулся в объезд.

- Ваш муж ждет вас, миссис Кентон.

- Теперь я в этом уже не уверена, - сказала Эсме.

- Будь Аллах мне свидетелем...

- Хорошо, я вам доверяю.

Они проехали около мили к западу, по вымершему бульвару. Затем Мессуд свернул на узкую улочку, извивавшуюся между захудалыми домишками, и внезапно вылетел на кремнистую почву пустыни. Машина так задребезжала на ухабистой дороге, что, казалось вот-вот развалится на части. Этот путь трудно во-

обще назвать дорогой, мрачно подумала Эсме, отчаянно вцепившись в поручень кабины. Но все неважно. Она спешит к Полу. Скоро она увидит его. Все будет в порядке. Все хорошо.

Она никак не могла понять, куда они направляются. Город оказывался то сзади, то под ними. Расплавленная гладь моря исчезла, когда они пересекли узкое вади, врезанное в другое вади, повернули на север.

Мессуд не спуская глаз с дороги, начал мурлыкать песенку на каком-то странном диалекте. Слов она не понимала, но голос у него был неестественно высоким, и в нем звучали металлические нотки.

- Скоро мы будем на месте? - спросила она.

Он не ответил. Он продолжал петь.

Наконец они очутились у подножия высокого известнякового утеса, спускавшиеся отроги которого образовали углубление неправильной формы. У Эсме было появилась смутная надежда, что, попетляв по пустыне, они в конце концов выберутся к Айн Гемильхе, к месту раскопок Пола, подъехав к ней с другой стороны. Но уверенности у нее не было. Мессуд остановил машину. Вокруг клубилась пыль. Солнце опускалось за высокий утес. Застоявшийся воздух отдавал железистым привкусом.

- Нам придется подняться, - сказал Мессуд. - Пошли.

Она выпрыгнула из машины и огляделась.

- Мы далеко от раскопок, Мессуд?

- Не очень, леди. Мы заедем туда на обратном пути.

Она кивнула, обрадованная, что чувство направления ее не подвело. Но прежде чем она могла спросить что-то еще, Мессуд, как козел, стал карабкаться наверх, и подол белой галабеи обвивался вокруг полосатых брюк бармена. Когда галабея распахивалась, Эсме, следуя за ним, видела, что брюки у него подвязаны красной веревкой и что из-под мятого жакета высовывается подол рубашки в полоску. Со своими пышными усами в подражание иракскому Кассему и длинным кривым носом он выглядел взволнованным и смешным. Из-под его крупных ступней поднималась пыль. Наконец Мессуд выбрался к узкой тропке, которая вела к ближайшей скале.

Складки камня, казалось, таили в себе испепеляющий жар дня. Слава Богу, скоро будет вечер, и температура немного спадет, думала она. Уж лучше зябкий холод ночи в пустыне, чем эта удушливая жара.

Мессул торопился так, словно кто-то подгонял его. Споткнувшись, Эсме потеряла сандалию и остановилась натянуть ее. Она изумилась, увидев, на какую высоту они поднялись над руслом вади. Маленькая машина, стоявшая в тени внизу, была еле видна. Из-под подошвы отпрянула в сторону ящерка, и она цыкнула на нее, пока пыталась надеть сандалию.

- Подождите меня! - охрипшим от усталости голосом позвала Эсме.

Но Мессуд продолжал спешить. Ей показалось, что она слышит, как он издал короткий смешок.

На ней была белая льняная юбка, блузка и короткая плотная куртка. Свои светлые волосы она завязала ленточкой. "Должно быть, я произвожу страшно испуганное впечатление", - внезапно подумала она. Что Пол подумает, увидев, как я, спотыкаясь спешу за этим арабом? Две ночи без сна, мучительные переживания, а теперь дикая спешка за барменом из "Аль-Задшира" непонятно куда!

В первый раз после исчезновения Пола ее беспокойство уступило место естественному возмущению в его адрес за то, что он так перепугал ее, исчезнув без предупреждения.

Тропа резко оборвалась на вершине утеса. Мессуд повернулся лицом к ней, преградив путь. Он стоял неподвижно, втянув в плечи узкую голову.

- Мы на месте, миссис Кентон. Ваш муж в пещере.

Она увидела темный провал в красноватой плоскости скалы. Тропа перед ней расширялась в небольшую площадку.

- Тогда пропустите меня, - сказала она.

Она прошла мимо него, почувствовав едкий запах чужого пота. Внезапно она с удивлением подумала, как Мессуд, правоверный мусульманин, может работать в баре. Истинный мусульманин не должен даже прикасаться к алкоголю. Не говоря уж о том, чтобы пить. Но она предположила, что необходимость обслуживать других людей не затрагивает его религиозных чувств.

Вход в пещеру был темен и узок, но внутри она увидела свет керосиновой лампы. У нее внезапно сжалось сердце от мрачного предчувствия. Прежде чем она успела повернуть назад, у входа в пещеру появился другой араб. Невысокий человечек с огромным животом и толстыми ногами, по всей видимости, страдал каким-то почечным заболеванием. Он вперевалку подошел к ней. На нем были холщовые брюки, кроссовки и рубашка, как у Мессуда. Он был совершенно лыс. В руках он держал новенький автомат, только что извлеченный из упаковки, и на нем еще была видна заводская смазка. Перевязь с дополнительными обоймами висела через плечо.

Она прошла мимо него.

- Пол! Пол, где ты?

Она почувствовала грубый толчок в спину и сделала шаг вперед, едва не свалившись на толстого араба. Он захохотал, а Мессуд фыркнул. Это он, Мессуд, втолкнул ее в пещеру. Прежде чем она успела возмутиться, Мессуд сказал:

- Иди, смотри на своего мужа, английская леди. Смотри на него долго, потом будем разговаривать.

Эсме с трудом перевела дыхание и двинулась вглубь пещеры.

Здесь стоял запах экскрементов, сгнившей пищи, золы, углей и чего-то еще непередаваемо отвратительного. Вдоль стены, к которой прислонился старый деревянный стол с шипевшей на нем керосиновой лампой, лежало полдюжины соломенных матрасов. Два пустых ящика из-под боеприпасов служили стульями. Пока она не заметила никого кроме Мессуда и его толстого приятеля. Но теперь они замолчали, и она повернулась взглянуть на них. Мессуд ухмылялся. Другой кивал лысой головой. Они давали ей понять, что она должна двинуться дальше, выйдя из полосы света.

- Пол! - снова позвала она.

Ее голос отдался странным эхом. Стиснув сумочку, она обошла вокруг стола, чтобы свет не мешал ей.

И наконец она увидела Пола, своего мужа.

Он лежал распятым - и обнаженным - на полу. На худых мышцах его груди и живота были вырезаны какие-то странные знаки. Подтеки крови засыхали, оставляя темные следы. У ног натекла темная лужа крови, и она не могла заставить себя взглянуть туда. Не сводила глаз с его лица. Он мертв, решила она. Веки у него были сомкнуты, рот полуоткрыт и из него, как у мертвеца, вываливался язык.

Но тут он набрал в грудь воздуха и, повернув лицо в ее сторону, открыл глаза. Одно ухо у него было отрезано. Как странно, подумала она, на баковой поверхности головы осталось лишь небольшое темное отверстие.

И тут он прохрипел:

- О, Боже мой, Эсме!

Она испытала желание провалиться в забытье, чтобы не видеть этого чудовищного зрелища. Она покачнулась, с трудом удерживаясь на ногах, но не позволила себе потерять сознание. За спиной раздалось фырканье Мессуда.

- Ваш муж не хочет разговаривать с вами, миссис Кентон. Это его первые слова с тех пор, как он стал нашим гостем.

Она слышала Мессуда, но толком не понимала, о чем тот говорит. Она не могла оторвать глаз от Пола - невозможно было видеть его в таком страшном виде; кисти и щиколотки его были привязаны к кольям, вбитым в грязный земляной пол пещеры. Он закрыл глаза. Он был небрит, и щеки и скулы были обметаны густой щетиной, пронизанной сединой, которую она никогда раньше не замечала у него. В тени его лицо казалось изможденным. Она видела, как спазмами дергалось у него горло, когда он сглатывал. Она опустилась на колени рядом с ним.

- Пол! Пол! - Ей хотелось заплакать. - Что произошло?

- О, Господи... я пленник... прости...

- Почему? Из-за чего?

- Блейни.

- Из-за Блейни? - Эти слова были бессмысленны для нее. Имя было из какого-то далекого, забытого прошлого. И тут она вспомнила. - Ох... Ты имеешь в виду Джона Блейни. Американца. Специалиста по экономике.

- Не экономиста... шпиона, - прошептал Пол! - Они... убили его. Мессуд... с напарником. Слушай, Эсме... Болит. Я не могу...

- Прошу тебя, Пол.

- Выяснил, почему... убили Джона... Что-то спрятанное. Они хотели узнать... Мессуд... получает приказы от полковника Таарифа.

Ей показалось, что она сходит с ума.

- Таарифа? Он был з д е с ь? Он это сделал? Но ведь он столько раз обедал у нас...

- Да.

- Пол, я... Я этого не выдержу. - Она прошептала, содрогаясь. - Они с тобой... как с Джоном...

- Они... убьют меня.

- Пол, нет!

- Да, Эсме, да!

- Почему не рассказать им то, что они хотят узнать? - заплакала она. Он покачал головой. - Теперь и я здесь, Пол. Они и меня убьют?

- Не знаю... О, Господи, Эсме... Они будут пытаться заставить меня... Они примутся за тебя, - с хрипом выдохнул он.

Грубая рука резко опустилась на ее плечо, и она, стоя на коленях, повернулась, едва не потеряв равновесие. Сердце у нее упало. Ее колотило с головы до ног. Мессуд улыбался, стоя над ней. И тут она вспомнила о небольшом револьвере в сумочке. Она по-прежнему сжимала ее в руках. Эсме знала, как пользоваться оружием. Прилив сумасшедшей надежды едва не оглушил ее - так гулко заколотилось сердце.

Она посмотрела на Пола. Глаза его были закрыты. Она не могла вытереть полоску слез стекавших к той черной дыре на голове, где когда-то было ухо. На его лицо легла печать смерти. Со мной все кончено, говорил его вид. Она каким-то образом увидела, как кто-то - не Мессуд ли, который смешивал им коктейли в “Аль-Задшире”, - острым концом ножа вырезал на теле Пола каббалистические знаки. Его обручальное кольцо - из толстого золота - исчезло. Кто взял его? Мкссуд? И что они сделали с пальцами Пола?

Она понимала, что сходит с ума.

Ее стало колотить, что было совершенно лишним, ибо в таком состоянии она не может быстрым и точным движением выхватить револьвер из сумочки. Но она не могла справиться с сотрясавшей ее дрожью. Мессуд, который склонился к ней, когда она стояла на коленях над Полом, ухмыльнулся, глядя на нее сверху вниз.

- Вы еще успеете поговорить со своим мужем, леди. Мы хотим знать, где кади Гхерзи хранит тайные запасы оружия?

- Оружия?

- Ваш муж все понимает. Сначала их нашел Блейни, и кади убил его. Затем ваш муж был настолько глуп, что стал расспрашивать о них. Он все знает, английская леди. Мы должны выяснить, где кади прячет то оружие, которое хочет пустить в ход против верной своему долгу армии.

- Вы хотите сказать - против полковника Таарифа?

- Да, леди. Мы истинные патриоты. - Мессуд засмеялся. - Джидрат для джидратцев! Долой западных империалистов! Покончить с капиталистическими кровопийцами!

Толстый араб зашелся тонким, как у женщины, смехом. Мессуд высморкался, и Эсме инстинктивно отпрянула. Толстый араб произнес несколько слов на диалекте, которого она не понимала. В руке у него был тонкий узкий нож. Значит, это он делал все эти ужасные вещи с Полом. Его она должна застрелить первым. Затем Мессуда. После чего она вынесет Пола отсюда, доставит его в больницу, к врачам...

Мессуд ударил ее. Пощечина заставила ее, едва не потеряв создание, упасть ничком на Пола. Она придавила его раны, и он застонал.

Этот вскрик Пола, давший понять о боли, которую он испытывает, заставил ее действовать столь резко и стремительно.

Отброшенная ударом, она уронила сумочку. Она видела, что та отлетела в сторону. Она подтянула ее к себе, стараясь сделать вид, что этот жест характерен для слабой испуганной женщины. Синяя ленточка, державшая волосы, распустилась, и светлые пряди упали ей на лицо. Она с трудом переводила дыхание. Ей казалось, что в легкие не попадает воздух. У нее кружилась голова. Но она наконец дотянулась до сумочки! Сквозь тонкую ткань она чувствовала тяжесть оружия.

Вот теперь! - подумала она.

Она приподнялась на колени, и Мессуд хрипло обругал ее по-арабски. Склонившись над сумочкой, она открыла ее, прижимая к животу, и запустила туда руку в поисках своего оружия 28-го калибра. Пальцы у нее были онемевшими и неуклюжими. Едва только она извлекла револьвер, как дернулась от удара по спине; удар был таким мощным, что она отлетела в сторону и рухнула плашмя. Револьвер вылетел из ее невольно разжавшихся пальцев. Она смутно почувствовала, что ее пинают ногами. Боль была мучительной. Все содержимое сумочки вывалилось на пол пещеры: компакт-пудра, губная помада, кошелек для мелочи, платок и револьвер.

Оружие блеснуло в свете, падающем от керосиновой лампы, которая продолжала шипеть и потрескивать на столе.

Толстый араб издал предостерегающий вскрик. Она попыта-

лась схватить револьвер, но едва дотянулась до него, как Мессуд пяткой прижал ее конвульсивно сжавшиеся пальцы, резкая боль пронзила ее от кости до плеча, спазмой сжала желудок. Она вскрикнула. Пинком он отправил оружие подальше - под стол, где оно и осталось лежать. Затем склонившись, он запустил пальцы в ее длинные волосы и оттянул голову назад, обнажив беззащитное горло.

- Хотела отколоть шуточку с Мессудом?

Она задыхалась. Ей хотелось умереть от того, что она потерпела неудачу. В своей попытке помочь Полу она оказалась столь беспомощной, столь неуклюжей.

И теперь она полностью в их власти.

Мессуд отшвырнул ее. Рухнув на пол, она задохнулась, тщетно пытаясь втянуть воздух7 Мессуд и его толстый приятель что-то торопливо стали обсуждать, тихими голосами. Подняв глаза, Эсме увидела, что Пол смотрит на нее. Он еле заметно улыбался, его хриплый шепот был полон боли и страдания.

- Хорошая попытка... моя дорогая.

- Пол, молю тебя! Я все испортила. Ради меня, Пол, скажи им все, что они хотят знать.

- Слишком многие... погибнут... если я это сделаю.

- Неважно! Я люблю тебя. Я хочу жить с тобой, как и раньше. Пожалуйста, скажи Мессуду все, что ему надо. Ради меня, Пол! Прошу тебя.

Он медленно покачал головой.

- Не могу, - прошептал он.

- Пол, милый мой, Пол...

- Моя... работа, - наконец прошептал он.

- Работа? Работа? - ничего не понимая, выдавила она. - Но ты же ученый, ты же археолог. Ты же интересуешься историей, давно прошедшим прошлым. Политика не имеет с ним нечего общего.

Он кивнул.

- Нет... моя работа. Моя настоящая работа...

Она видела перед собой истерзанное тело своего мужа.

- Что? Что ты говоришь?

- Моя работа тут... в Айн Гремильхе... Да, она настоящая. Но несколько лет назад... пришли из Форин-офиса. С тех пор я работаю на них. Отчеты... все было бессмысленно. Пока я не начал с Блейни... здесь в Джидрате... - Его почти не было слышно.

- Ты на самом деле работал с Джоном? - спросила она.

Он с трудом кивнул.

- И тогда они... убили его. Кади. Втайне от Таарифа. - Голос его на мгновение окреп. - И теперь Таариф и его новое "Братство"... Отчаянно ищет, где Гхерзи прячет оружие.

- Так скажи им, - торопливо бросила она. - Прошу тебя, скажи им, и они нас отпустят.

- Нет, - шепнул он.

- Но почему нет? Мы не можем нанести им урон.

- Нет... Можем. Мы... все равно знаем. Так что... бесполезно. - Он смотрел на нее глазами полными страдания. Дыхание с хрипом вырывалось из его губ. - Ты же не... не хочешь чтобы я в самом деле сказал им, Эсме, не так ли?

- Я трусиха. И ты для меня самый главный человек в мире, дорогой. Я боюсь не за себя... хотя и за себя тоже. Мне трудно изображать героиню, Пол. Меня трясет от страха. Но есть ты, Пол. Ты верен долгу и все такое, да, но...

- Нас ничего не спасет, - прошептал. - Вот идет Мессуд.

Нагнувшись, Мессуд отшвырнул ее от истерзанного тела Пола. Придерживал он ее левой рукой, а в правой у него был нож. Второй араб, присев на корточки, блестящими глазами наблюдал за ней. Мессуд задал Полу вопрос. Тот отрицательно покачал головой. Мессуд нанес ему удар ногой и яростно крикнул что-то. Пол не ответил. Внезапно Мессуд воткнул нож в верхнюю часть бедра Пола и распластал ему мышцы сверху донизу. Эсме показалось, что она слышит, как нож с хрустом прошел по кости. Брызнула кровь. Мессуд извлек нож и снова задал вопрос. Толстый араб расхохотался.

Эсме была готова потерять сознание, но вместо этого из горла у нее вырвался вопль.

Повернувшись, Мессуд уставился на нее широко открытыми немигающими глазами. Просто невозможно было себе представить, что когда-то она знала этого человека в роли услужливого и ловкого бармена в "Аль-Задшире". - Уговорите своего мужа, миссис Кентон, - сказал он.

- Нет, - прошептала она.

Он ухватился за воротник ее рубашки и рывком разорвал ее. Она попыталась избежать его рук, но, навалившись на нее, он сорвал с нее юбку и лифчик. Толстый араб встал, его оплывшая физиономия сразу же обмякла, преисполнившись молчаливого ожидания. Эсме чувствовала на своем тебе грубые руки Мессуда.

- Повернись задом, английская леди.

Она поднялась на ноги и голой застыла перед двумя арабами. Впрочем, это было неважно. Они с интересом рассматривали ее. Она не взглянула на Пола. Она не знала, жив ли он или уже умер.

Мессуд медленно и аккуратно разделся, тоже оставшись голым. У него было худое костистое тело, усеянное пятнами прыщей. Он двинулся к ней, а когда она попыталась отпрянуть за стол, перехватил ее и с силой ударил о каменную стенку пещеры. Ей перехватило горло. Всем весом он навалился на нее, и она чуть не задохнулась от его зловонного возбужденного дыхания. Она лежала голая, лицом к полу, а над ней громоздился

Мессуд. Второй араб тонко выкрикнул что-то. Эсме попыталась отвернуть голову в сторону. Она видела вход в пещеру. За ним клубилась темнота. Когда успела спуститься ночь?

Она подавила готовый вырваться стон. Его грязные уничтожили и раздавили ее. От араба несло потом и прогорклым салом. Она попыталась рукой сдавить его глотку, но пальцы лишь скользнули по коже; Мессуд, похоже, даже не обратил на нее внимания. Но тут другой араб внезапно предостерегающе вскрикнул, Месссуд приподнялся над ней, и она увидела, что Пол каким-то образом высвободил одну руку. Извиваясь на грязном полу, он смог дотянуться до куска кремня, и с неожиданной силой швырнул его в Мессуда.

Со странным мягким чмокающим звуком камень врезался Мессуду в левый глаз, и она увидела, как глазное яблоко практически вывалилось из глазницы. Острый кремневый осколок был пущен на редкость точно. Завопив, Мессуд вскочил, схватился за нож. Пол попытался высвободить другую руку, но Мессуд сел на него верхом, а толстяк придавил к земле голову и грудь Пола. Мессуд короткими резкими тычками яростно стал погружать нож в тело Пола. По лицу Мессуда текла кровь из пустой глазницы, рядом с которой на нитках нервов висел глаз. У Пола дергались и содрогались длинные ноги. Из-под него ручьями текла кровь. Мессуд продолжал терзать ножом тело Пола. Эсме увидела, как дрогнув, замерли ноги Пола, и поняла, что он мертв.

Немного погодя, толстый араб встал и тоже взгромоздился на нее. Она пыталась сопротивляться, но все было бесполезно.

То, что последовало потом, казалось, длилось бесконечно.

Какой-то частью сознания она продолжала удивляться, почему ее окружает столь темная и беззвездная ночь.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Дарелл проснулся от холода, принесенного ночным воздухом пустыни. Его окружало полное безмолвие. Грузовик, в который, связав по рукам и ногам, его швырнули аль-мурраиты, стоял неподвижно. Пока избитый до бессознательного состояния, он валялся в кузове, грузовик ехал несколько часов, то и дело останавливаясь и снова снимаясь с места. Путешествие в сопровождении трех остальных машин было неторопливым. Они не придерживались какого-то определенного пути, что дало бы ему возможность определить, куда направляется кортеж. Впрочем, в любом случае глазу не на чем было остановиться. Неловко приподнявшись, он смог выглянуть из-под хлопающего на ветру брезентового полога. Но вокруг не было ничего, кроме пыльной пустыни, ему попадались на глаза лишь соплеменники

Амра, бредущие рядом с машиной, которая двигалась со скоростью пешехода.

Один из них, вооруженный, сидел у заднего борта в машине Дарелла. Сэм не имел представления о том, что случилось с Зорайей. Она - где-то впереди, предположил он, с Ибн-Ибрагимом, старым шейхом. Единственное, что ему оставалось, когда он пришел в себя, это устроиться поудобнее и ждать окончания пути.

Наконец грузовик остановился. Дарелл не был уверен, что они прибыли к конечной цели. Вооруженный человек у заднего борта выпрыгнул из машины и куда-то ушел, слышался лишь его глухой гортанный голос, споривший с другими. Он предположил, что какая-нибудь из машин сломалась, и теперь обсуждают, что делать, ибо решение надо принимать как можно скорее. Надвигался самум.

Перекатившись на бок, Дарелл сел. Руки были связаны за спиной, а лодыжки обматывал кожаный ремень. Голова у него болела. Он мучительно страдал от жажды. Казалось, вся влага из тела испарилась от жара пустыни. Но никому не пришло в голову предложить ему воды.

Внезапный порыв ветра рванул полог. Он услышал, как кто-то неподалеку закричал, как взревел двигатель. Из-под полога ему почти ничего не было видно. Он понял, что спустилась ночь, и решил немного поспать. Он уже давно освоил искусство расслабляться и отдыхать при первой возможности и теперь пытался собрать все силы для того, что должно будет последовать.

Повернувшись в другую сторону, он смог увидеть смутно различимый в лунном свете ландшафт пустыни. Машины остановились среди выщербленных скал, между зубьями которых тут и там виднелись языки песка. Снова рванул порыв ветра, песок заворошил ему глаза, захрустел во рту. Откинувшись назад, он попытался найти другое положение на полу кузова.

Снова стали раздаваться крики и проклятия на арабском, гул моторов и визжание буксующих колес. Стонущий ветер продолжать трепать брезентовый полог, после чего снова затих. Он увидел, что свет луны померк, словно бы кто-то затянул небо кисеей.

Шел самум.

Ему нужно было определить, сколько времени. Часы у него украли. Ему хотелось закурить. И еще бы воды! И - поесть...

Он попытался оценить и проанализировать ситуацию, но в задаче было слишком много неизвестных, чтобы он мог взять хоть что-то за основу. Он мрачно вспомнил, как изменилось отношение Амра к нему - тот вел себя, как злобное избалованное дитя. Надо было ожидать такого поворота событий, поверить в угрозы расправиться с ним за то, что Амр считал оскорблением своего достоинства. Или, может быть, Вашингтон в

самом деле допустил крупнейшую ошибку, решив, что политические взгляды принца заставят его стать на сторону Запада. Скорее всего, информация, поступившая в Вашингтон, была полностью неверна. Амр был далеко не в том развалившемся состоянии, каким его любила описывать мировая пресса. Взгляд, случайно брошенный на лицо принца, дал понять Дареллу, что тот предстал в совершенно ином свете. Под складками мягкой плоти оказывается, была жесткая сердцевина. И кое-какая сила, и ирония. А вроде бы давным давно они должны были умереть в этом человеке.

Все это абсолютно не соответствовало описанию и оценке ситуации, которые Дарелл получил от Хэггерти. Вашингтон преподнес ему неприятный сюрприз. Беда в том, думал Дарелл, что надо было бы заметить эти скрытые черточки в Бого куда раньше; тогда он был бы настороже и воспринимал бы его угрозы куда серьезнее. А теперь складывалась нелепая ситуация: его доставит в Джидрат человек, чьими стараниями эта маленькая, но исключительно важная страна выйдет из орбиты влияния Запада.

Через несколько минут на них обрушился самум. Он ударил по лагерю с чудовищной силой. Точно взвыла одновременно тысяча дьяволов. Рев и шипение летящих туч песка заглушали все остальные звуки. Грузовик дребезжал и качался под порывами ветра. Песок пробивался под брезентовый тент, длинными полосами вытягиваясь на дощатом полу кузова, он забивал глаза и резал щеки, проникал в рот и ноздри. Дарелл не мог дышать. Он лежал у борта машины, скрючившись, пытаясь прикрывать лицо, чтобы легкие могли втянуть хоть немного воздуха. Но его усилия почти не приносили успеха.

С ветром пришел и режущий холод, заставивший его съежиться. Крики обитателей Аль-Мурры заглушались ревом самума. Рядом с машиной никого не было. Он подумал, не бросили ли его тут, поскольку все остальные были заняты поисками убежища, или, может быть, просто забыли о своем пленнике.

Он попытался как-то справиться с путами. Ничего не получилось. Он зашелся в кашле. Глаза были засыпаны песком и он еле проморгался. От завывания и ударов самума грузовик раскачивался. Летящие с шипением струи песка обдирали краску и полировали обнажившийся металл. Он снова закашлялся, чувствуя, что его ноги тонут в наносах песка, забивавшего машину. Его чуть было не охватила паника. Усилием воли он переборол ее. Ярость песчаной бури давала понять, что долго она не продлится. Но во всяком случае она успеет похоронить их всех, и в своем беспомощном состоянии он просто задохнется.

Он попытался понять, куда скрылись люди, пленившие его.

Крикнул, но песок тут же забил открытый рот, и захрустел на зубах; больше он не мог выдавить ни звука. Подобравшись полз-

ком к борту, он сделал попытку перетереть ремень о металлический крюк, которым крепился брезент. В секундное затишье между порывами ветра он расслышал чьи-то стоны и смятение, царившее среди людей старого шейха.

Кто-то стал царапаться у заднего борта.

- Дарелл?

Он рывком сел, прислушавшись. От головы вытянувшейся колонны доносились крики и дребезжание двигателей; моторы пытались завести. Стояла ночная тьма, и он ничего не видел перед собой. Затем откинулся задний клапан полога, и кто-то, облаченный в темную арабскую накидку, влез в машину. Он почувствовал слабый запах духов.

- Зорайя, как...

- Тише. Не шевелись. У меня с собой нож и револьвер для тебя.

- Но ты же не можешь...

- Я не могу оставить тебя в таком состоянии. Они собираются убить тебя. Разве ты этого не понимаешь? Далеко во внутренней части страны, в пустыне, они чувствуют себя в полной безопасности и не откажут себе в небольшом развлечении. Я слышала, как они это обсуждали. - Она сделала паузу. Он смутно различил ее лицо, когда она опустилась на колени рядом с ним в кузове. - И случилось самое ужасное.

- Что?

- Аль-Мурра не собиралась хранить верность Амру. Он попался на удочку. Они принадлежат к движению кади Гхерзи, и Ибн-Ибрагим ожидает получить солидное вознаграждение, когда убьет вас обоих - и тебя, и Амра.

- На побережье все выглядело совсем по-другому.

- Они просто взяли дурака.

- Откуда ты это все узнала?

- Меня предупредил Абдурахман, лодочник. Его люди верны Амру.

- Хорошо. Он нам пригодится.

Девушка склонилась над ним, и по ее нежному телу прошла дрожь, когда она стала возиться с его связанными руками и ногами. Через мгновение ремни с легким треском расползлись, и руки получили свободу. Затем настал черед лодыжек. Не поднимаясь с колен, он стал старательно массировать кисти. Она всунула ему в руки револьвер. Ее лицо расплылось перед ним правильным светлым овалом. Пряди волос касались его щеки.

- А что с Амром?

- Абдурахман принесет его.

- Принесет?

- Они... Они все потешались над Амром. И это... это было просто ужасно. Он потребовал пищи, и они с таким подчеркнутым вниманием стали обсуждать его, но все время покатыва-

лись со смеху, потому что воспринимали происходящее, как колоссальную шутку. Он ничего не понимал. Он даже не мог себе представить, что происходит. Когда один из них специально споткнулся и пролил на него кофе, Амр вскочил и ударил араба, который это сделал, - думая что они продолжают преклоняться перед ним, что он по-прежнему принц аль-Маари, который был столь неловок, что позволил себе пролить кофе на его королевскую персону. - Девушка помолчала и продолжала, не скрывая горечи. - Ибн-Ибрагим спросил его, какое наказание он хотел бы определить арабу, молить о снисхождении просить Амра отказаться от кары и отпустить его с миром. А я уже чувствовала: что-то не так - как в Абдурахман - потому что они хихикали и перешучивались за спиной Амра. Когда Амр отказался снизойти к просьбам, Инб-Ибрагим внезапно толкнул Амра и вручил одному из своих людей хлыст. И наказание свершилось - но над самим принцем Амром.

Дарелл дернулся.

- Двадцать плетей? - прошептал он.

- Да.

- И потом?

- Мне и Абдурахману позволили позаботиться о нем, чтобы он остался жив, чтобы они еще могли вволю поиздеваться над ним. Но это еще не самое худшее, что случилось с Амром. Хуже всего - то, в какое состояние пришел его дух, когда он увидел, что не является больше "принцем" де Аль-Мурры.

- Могу себе представить, - тихо сказал Дарелл.

- Нет. Нет, ты не можешь. Это невозможно представить! Он... Он ведет себя так, словно в нем все умерло. Он ничего не говорит. Смотрит куда-то в пространство и ничего не видит. Он помнит только унижение, которому подвергли его королевское достоинство эти грязные завывающие дикари. По сравнению с этим двадцать плетей ничего не значат.

- Где сейчас Амр?

- Добирается сюда. Моряк поддерживает его. Пока длится самум, у нас есть единственная возможность для бегства. Мы можем использовать этот грузовик.

Ветер взвыл с новой силой, нанося удар по машине и качнув ее. Дарелл спрыгнул через задний борт и, подняв руки, принял в них девушку. Впереди, где располагалась голова колонны Ибрагима, стояло слабое свечение. Обогнув машину, они подобрались к кабине. Водитель оставил ее, решив, по всей видимости, переждать самум в компании друзей. Ветровое стекло было занесено песком. Дарелл очистил его. Повернувшись, он увидел огромную фигуру моряка, который нес на руках Амра.

- В кузов, - приказал он.

- Да, эффенди. Вы поведете машину?

Дарелл посмотрел на Зорайю, которая кивнула в ответ.

- Мы сможем найти укрытие в развалинах Айн Гемильхи, - сказал она. - Я представляю, где мы находимся. До них всего несколько миль. Но мы должны спешить.

Лодочник с Амром на руках подошел к заднему борту, а Дарелл влез в кабину рядом с Зорайя. Ему показалось, что он слышал какие-то отдаленные крики, но ветер так завывал, что он не был в это уверен. В голове колонны замелькали огоньки, словно к ним бежали люди. Дарелл нажал на стартер, услышав, как зарычал мотор, и эти мгновения показались ему вечностью. Наконец двигатель взревел. Он переключил передачу, и они сразу же рванулись вперед. Ему пришлось включить фары. В свете двух прожекторов он ничего не видел перед собой, кроме крутящейся пелены песка, летящего на них. Тем не менее, это было лучше, чем находиться в непроглядной темноте.

- Поехали, - сказала девушка. - Пока еще они не кинулись за нами. Через несколько минут ты выберешься на дорогу, и мы сможем оторваться от них. Я буду тебе показывать путь.

Дарелл попытался взглянуть назад, чтобы убедиться, не преследуют ли их, но за машиной не было ничего, кроме крутящегося мрака.

Грузовик дернулся, мотор закашлялся и машина снова рванулась. Им пришлось дважды притормаживать, когда ярость самума превосходила все пределы. Ветер был так силен, что они не могли даже вылезти из кабины и, заглянув в кузов, посмотреть, как себя чувствует Амр. Когда они остановились вторично, Дарелл выключил фары и в полной темноте остался сидеть рядом с девушкой. Песок с шипением обтекал металлические двери кабины, пробиваясь во все щели.

- Скоро все кончится, - сказала девушка.

Она сидела вплотную к нему. В пустыне стоял зыбкий холод. Ветер сотрясал тяжелый грузовик, он ломился в окно, пытаясь добраться до путников.

- Что ты теперь собираешься делать? - спросила Зорайя у сосредоточенного Дарелла.

- Пока еще не знаю.

- Ты был так уверен, что джидратцы последуют за Амром, когда ты доставишь его на родину. Но сам видишь, что произошло.

- Род Аль-Мурра всегда хранил верность клину Амра?

Она помолчала.

- Нет. Нет, не всегда.

Какая-то нотка в ее голосе заставила его спросил:

- В чем дело, Зорайя? О чем ты думаешь?

- Я вспоминаю, как меня похитили в день моей свадьбы. Я была так счастлива, когда вышла замуж за Амра, - прошептала она. - Ты знаешь, что мне было только восемь лет, но тут при-

няты ранние браки, и мы знали, чего ждать от жизни. А потом, в долю мгновения все изменилось, жизнь моя рухнула, мне пришлось скитаться бездомной, и Амр отказал мне в своей любви.

- Вы оба были тогда всего лишь детьми.

- Ребенок в пустыне не может слишком долго оставаться таковым. Все вокруг знали о моем будущем предназначении и о моей будущей жизни - пока не явились эти люди, не началась стрельба, после чего меня схватили и увели в пустыню, где продержали, чтобы получить за меня выкуп. И после всего этого Амр отказался видеть меня. Он думает, что я была обесчестена. Но это неправда! Неправда это! - с силой бросила молодая женщина. - Они не прикоснулись ко мне. И все же он даже не выслушал меня. И по-прежнему не слушает.

- Дело, по-твоему, в межплеменных раздорах? - спросил Дарелл.

- Да. Аль-Мурра и семья аль-Маари с давних пор враждовали. Когда меня вернули, Инб-Ибрагим поклялся в вечной верности Амру. Но ты же видишь, чего сегодня стоят эти клятвы.

Дарелл сидел, застыв все в той же позе.

- То есть в день свадьбы тебя похитили аль-мурраиты?

- Да. А что?

- А то, что они... Испытание ничего не доказало, - задумчиво пробормотал он. - Это еще не доказывает, что народ Джидрата отверг принца.

Она погрузилась в долгое молчание. Дарелл чувствовал, как она дрожит, когда холодные порывы ветра кидали в машину горсти печка.

- А что с тобой будет, Дарелл, если ты проиграешь? - спросила она шепотом. - Как ты должен ненавидеть Амра за то, что он сделал с тобой. Как гнусно и глупо все это было! Ненавидеть человека за то, что он пытается помочь тебе и спасти. Я была не в себе; мне хотелось и рыдать, и кинуться на него. Когда я увидела, как ты лежишь, а все эти из Аль-Мурры готовы убить тебя, - а Амр просто наблюдал, полный желания, чтобы все так и случилось, лишь из-за того, что рисковал своей жизнью, дабы помочь ему вернуться на землю, где он родился...

- Я всего лишь делаю свою работу.

- Это было больше, чем просто работа, - возразила она. - Гораздо больше. Ты воспринимаешь свое понятие долга так же, как я свои должные надежды. Оба мы при этом не слишком искренни перед собой. Всю жизнь я провела в каком-то призрачном сне - со дня свадьбы. А ты... ты волевой, добрый и сильный и якобы во имя долга делаешь вещи, которые мог бы и не делать.

Он ничего не ответил.

- Мы не доживем до завтрашнего заката, - шепнула Зорайя. - То, что ты хочешь сделать, безнадежно.

- Нет.

- Если бы Амр был мужчиной, если бы у него были хоть какие-то силы...

- Я еще не бросил заниматься этим делом.

Он увидел, как она рывком повернулась к нему на жестком сидении.

- Обними меня, - сказала она. - Мне холодно.

Он нежно пригнул ее к себе. Ее колотило. Она невольно содрогнулась и подняла к нему лицо, а он поцеловал ее. Сначала губы ее были холодными и подрагивали. Она заговорила, касаясь его рта.

- Я не хотела говорить тебе, что завтра мы можем умереть. Прости. Я знаю, что это может случиться, но сейчас я не хочу думать об этом. Сейчас во всем мире нет ни одной живой души, кроме тебя и меня... Вот здесь, в этом темном закутке, вокруг которого ветер и песок...

- Зорайя...

- Нет, пусть мой сон продлиться еще немного. Он вот-вот кончится. Похоже, я вся жизнь провела в этом сне. И будь я поумнее, я бы давным давно заставила себя увидеть, что представляет собой Амр. Я должна была взглянуть в лицо правде, которая давно жила в моем сердце.

- Мы не умрем завтра, - сказал Дарелл. Но он сам верил в свои слова.

- Нет, нам не удастся скрыться от них. Но прошу тебя. Скажи мне что-нибудь, - шептала она. - Скажи мне правду хоть в эту минуту. Ты в самом деле всегда помнил меня? Все эти годы ты в самом деле думал обо мне и помнил то утро, когда привез Амра ко мне на Чезапик?

- Да, - соврал он. - Я никогда не забывал тебя.

- Я полюбила тебя еще там, - продолжала шептать она. - Наверно, потому, что всегда любила тебя. Это очень глупо?

- Нет. Но ведь ты была всегда верна Амру.

- Амр и сейчас - мое предназначение. Любовь же - это совсем другое!

- Тебе было всего двенадцать...

- Да. Всего двенадцать, но это уже немало, - сказала она.

Им овладела глубокая грусть. Он прижал ее к себе. Не было возможности перекинуть мостик через пропасть между двумя мирами, разделявшую их. В Зорайе шла отчаянная борьба между кровью ее английских предков и арабского отца, между тем, к чему ее готовили и чему она инстинктивно подчинялась и духом западного мира, где она провела в изгнании столько лет. Между ними лежали и годы. Он не знал, какие слова сказать ей, что могло бы утешить ее. Слова ничего не значили - как завывание ветра или груды песка, погребавшие их машину, и молчание в тесной кабине становилось все более напряженным и полным страдания.

Он снова поцеловал ее, и на этот раз губы у нее были теплыми и требовательными. Он почувствовал, как Зорайя всем телом приникла к нему, страстно желая его, готовая издать стон отчаяния перед ликом неизбежной судьбы, которая, как она считала, ждала их на рассвете.

Может, она и права, подумал он. В давние времена он учил Амра взвешивать и рассчитывать свои ходы за карточным столом. Умный игрок знает, как остановиться и положить конец неудачам, когда чувствует слабость в руках и понимает, что судьба отвернулась от него. Из козырей у Дарелла теперь был лишь Амр, но слишком слабый, полностью раздавленный тем, что случилось с ним, когда аль-мурраиты, как раба, исполосовали его плетьми, бросив на песок пустыни. Как он мог надеяться, что завтра этот человек выпрямится во весь рост и обретет власть над обезумевшими толпами, творящими революцию в Джидрате?! Это принцу было не под силу, просить его было бесполезно. Ах, сейчас бы иметь хоть какое-то представление о ситуации в городе! Что с ними случится, когда наступит рассвет? Неужели Зорайя права, и завтра их всех ждет смерть.

Он привлек девушку к себе и почувствовал влагу ее слез на своей щеке. Ветер продолжал завывать, песок бил в окна, и ночь сомкнула над ними свой полог.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Ветер пустыни нес над морем тучи взбаламученного песка, завывал над крышами Джидрата. К десяти часа утра бои и стычки прекратились, все живое стало искать укрытия от жалящих струй песка. Порывы ветра прорывались во все щели и проемы дворца Фаиз, вздымали портьеры и занавески, переворачивали легкую мебель и опрокидывали ширмы, свистя в оконных рамах и покрывая налетом песка блестящий паркет.

Имам Язид не спал. В его годы сон приходит с трудом, думал он, не говоря уж о том, что этот вечер разительно отличается от всех прочих. Он был свидетелем войн и восстаний в пустыне, когда в эти пески ступила нога “инглизи”, и племена годами вели партизанскую войну против завоевателей.

Тогда ему было свойственно честолюбие, амбиции. Аль-Маари были древним родом, испокон веков они правили Джидратом. Имам тогда был молод и силен, в битвах он проложил себе дорогу к Фаизу, захватил дворец и возглавил правительство.

Он напряженно думал, лежа на диване в своих покоях и прислушиваясь к свисту и завываниям ветра из пустыни. Теперь он был стар и утомлен. Он вспомнил, сколько у него было сражений с англичанами. И еще - свадьбу Амра и Зорайи, предательство рода Аль-Мурра, тех, кто похитил юную новобрачную. С

тех пор Амр и изменился. Он давно оставил надежду, что Амр, вернется домой и будет править умно и милостиво.

В размышлениях Язид обратился к истории португальцев, появившихся в Аравии в четырнадцатом столетии и задержавшихся тут на целых два века. Они были свидетелями разрушительных войн между суннитами и шиитами, двумя направлениями ислама, первым подъемом ваххабитов и рода Ибн Саудов, которые привели к подобию цивилизации подчинившиеся им племена.

Когда-нибудь, молился Язид, придет Махди, и все наладится в мире ислама. Но только не кади Гхерзи претендовать на эту роль, заносчивому стервятнику в черной мантии, перед которым преклоняют колена люди, когда он выезжает на своем белом муле, делая вид, что живет в смирении и бедности, а на самом деле утопает в роскоши...

Старик вздохнул и вышел на балкон, чтобы взглянуть на город, над которым спускалась ночь самума. Он не обращал внимания ни на холодный ветер, ни на жгучие укусы песка. За спиной были его книги. Читать их сейчас бессмысленно, думал он, пока беснуется толпа, и дворцовая стража с трудом отражает яростные атаки на Фаиз. Он не мог найти утешения в философии Аль Газела или Кинди; ничего не могло прийти ему на помощь и из исторических повествований Ибн Батуты и Масуди. Тяжелые тома в кожаных переплетах не давали ответа на его вопросы. Он сделал попытку читать придворную поэзию восьмого века, которая процветала во времена багдатского халифата - Абу аль-Атайо и Абу Нувайса. Но их размеренные каденции не воспринимались под грохот орудий, когда клубы удушливого дыма плыли над городом.

Слишком поздно... Завтра на рассвете наступит конец.

Старик не боялся темноты, в которую погрузится город. Он вообще не знал страха, разве что тот, который всегда жил в нем. Он с трудом дышал, у него лихорадочно билось сердце, силы покидали его.

Он сделал много ошибок. Воспламененная толпа не понимала лозунгов, которые она скандировала. Тут жили в нищете, бедности и грязи. Получая деньги за нефть от Запада он строил школы и больницы, стараясь убедиться, что никто не страдает, не в силах получить желаемое.

Но этого было недостаточно.

Мир менялся, и его народ не мог поспеть за изменениями. В чем же дело? Где кроется ответ? Он знал цену лживым обещаниям русских - это напоминало поведение тигра, который только и ждет момента вцепиться в горло своей жертве. И Запад, думал старик, струсив и лицемерен.

Джидратцы должны обрести будущее в самих себе. Процесс этот пойдет медленно и болезненно. Надежда достигнуть счас-

тья одним прыжком, путем пожарищ и разрушений во имя призрачного равенства - все это утопия! Народ должен получить образование, почувствовать достоинство, а это придет только со временем, и с новыми поколениями.

Стало светать.

Он мог бы попытаться отбросить толпу, но гвардия была утомлена, ее мучила необходимость стрелять в своих же соплеменников. К утру ворота будут взломаны, и толпа потоком хлынет в древний Фаиз. Он вспомнил стены дворца, которые сейчас скрывала темнота. От главных ворот, извиваясь, вверх вела широкая дорожка, окаймленная пальмами и зеленью, оазис зелени в известняковых скалах.

Он уже видел грязную возбужденную толпу, вопящую от ненависти.

Он встретит ее у Баб эс-Салам. Ворот Мира, там, прямо в воротах. Он встретит ее лицом к лицу и скажет им всю правду. Они же его дети - все до одного. И они послушаются его! Они увидят, что перед ними стоит их имам, и они остановятся, и он будет говорить с ними и положит всему конец.

Больше ничего он не мог сделать.

Размышляя об этом и прислушиваясь к ветру, который выл и свистел вокруг дворца, он наконец почувствовал укусы холодного ночного воздуха и неторопливо вернулся в свои покои. Он не отошел ко сну. Он взял Коран с ночного столика и медленно стал перечитывать его.

Ветер, казалось, подхватывал священные слова, плывшие перед его глазами, и уносил их в ночную тьму...

В отеле "Аль-Задшир" Наоми Халеди лежала, глядя в непроглядную ночь. Она проснулась уже несколько часов назад. Ее мучили голод и жажда, но она боялась покинуть комнату, куда привела ее Эсме Кентон.

Почему она так долго спала? Помнится, англичанка дала ей легкое снотворное и наказала хорошо отдохнуть. При том изнеможении, в котором пребывала Наоми, таблетка произвела сокрушительное воздействие. Но теперь она окончательно проснулась и, глядя широко открытыми глазами в высокий, спрятанный в темноте потолок, не понимала, как она могла забыть об угрожающей ей опасности.

Где миссис Кентон? Она не оставила ни записки, ни одного слова. Никто не пытался войти в комнату с тех пор, как она проснулась, и в гулких коридорах гостиницы стояла тишина.

Если Эсме не появится, что ей делать? Ведь тут она в ловушке! Тайной полиции Таарифа нетрудно будет найти ее, пусть даже по всему Джидрату идут бои.

Думать о побеге бессмысленно. И бесполезно на что-то надеяться.

Тем не менее, страха она больше не испытывала. Сердце в

груди билось ровно и спокойно. Сколько раз она вот так ждала Колю в тайном убежище в Будапеште? Они вели себя подобно любовникам, хотя у обоих были обручальные кольца. Все кончено. Все.

Она больше не воспринимала Николая Микельникова как чудовище, по приказу которого в тот день убили на площади ее доброго милого отца. Слушая дикие завывания ветра над городом, она обретала какое-то новое понимание. Все они были загнаны в угол - все до одного, - как бы ни старались выбраться. Первый яростный прилив ненависти к Коле пошел ей на пользу, придав сил через все границы добраться до Австралии.

Домой, подумала она. Да, там теперь был ее дом. Где она преисполнилась духом пионеров, которые шли сюда на край света и преображали его любовно и терпеливо, и после них он расцветал, как в давние времена, по утверждениям Библии, страна, откуда вышли ее предки.

Она больше не испытывала ненависти к Коле. Она помнила только, как он любил ее. Завтра, подумала она, прислушиваясь к ветру, всему придет конец, и решила, что Коля останется в ее памяти только как муж и нежный любовник. Лучше пусть так...

В комнате гостиницы прямо под ней, нимало не подозревая, как она близка от него, майор Николай Микельников в одежде лежал на диване, тоже вспоминая Будапешт, и прошлое - и думал о будущем.

Он тоже слушал порывы ветра, и хотя это был ветер пустыни, несущий с собой тучи жалящего песка, он вспоминал снежные равнины под Москвой, по которым наступали нацисты, и перед его глазами плыли сцены боев в ту стылую зиму не берегу какой-то речушки.

Вроде бы все было в далеком прошлом. И все же это было частью и сегодняшнего дня. Он думал о всех смертях, что прошли через его жизнь, о войнах, которые так и не кончились для него, и о людях, которых он знал и которые сейчас истлевали в могилах. Все кануло, все прошло прахом.

Как исчезла и Наоми, оставив его в одиночестве и тоске.

Затем он стал думать о предстоящих завтра делах, когда кончится самум. Каким-то образом во всей этой непонятной сумятицы ему необходимо было найти Дарелла, американского агента. И как-то он должен убить его.

Убить или быть убитым. Таково было правило, закон, по которому жили те, кому приходилось существовать рука об руку со смертью.

Он коснулся холодного ствола своего “Токарева”, лежащего рядом. Оружие было готово к бою. И ждало. Он все должен сделать сам, никому не доверяясь. В противном случае, он никогда не сможет вернуться домой. Начальство вынесет ему без-

оговорочный приговор. А он слишком много отдал, чтобы сдаваться.

Пока он еще не знал, как выполнит задание. Но оно должно быть выполнено. Он верил в свои силы и в свои способности.

Слушая ветер, он вспоминал дождь на улицах Будапешта, и приказ, отданный ему генералом Муровым. Он хотел что-то возразить, но генерал отказался слушать его. Он только фыркнул. Нельзя расстреливать невинных людей на улицах и площадях прекрасного города над Дунаем? Какая чушь! Врагов нужно уничтожать - хороший враг это мертвый враг!

- Я знаю, что у тебя там любимая женщина, - сказал Муров. - Маленькая евреечка, а? Симпатичная актрисулька, с которой ты встречаешься?

- Товарищ генерал, мне не хотелось бы обсуждать...

- Небольшое расслабление идет только на пользу. Мужчина должен иметь возможность отдохнуть. Ведь пока у тебя нет ни жены, ни семьи. Ты был еще так молод во время войны. Пусть говорят, что угодно... Да и вряд ли кто-то будет осуждать тебя, Коля, хотя стоило бы баб выбирать более продуманно.

Он хотел сказать Мурову, что женился на Наоми. Но тогда все уж точно пошло бы прахом. Сейчас - самый неподходящий момент, - когда на улицах бушует восстание и по всей Венгрии поднимается революция. Невозможно было представить, как могут драться эти люди: с камнями и палками молодые мальчишки вспрыгивали на проходящие мимо танки и бросали из-за углов самодельные гранаты. Невероятно!

Как они нас не навидят, думал Коля. Почему?

Теперь он знал, почему. После Будапешта ему доверили выполнение заданий на Западе. Он читал свободную прессу и наконец понял, что тут делают Советы. Все было не то, неправильно. Но как правильно?! Этого он не знал. И решил просто выполнять приказы. В противном случае, думал он, нас быстро перебьют и раздавят. Другого выхода он не видел.

Вспомнилась встреча с Дареллом в Женеве, три дня назад. До чего мы с ним похожи, думал майор Микельников.

Он попытался представить себе, каково ему будет, когда он убьет Дарелла. А ведь придется это сделать, решил он.

Часть солдат спала, другие бродили по холлам отеля “Аль-Задшир”. Они маялись без дела, и ветер беспокоил их. Иностранные гости, сидевшие по своим номерам, такого беспокойства не испытывали. Только сумасшедший может позволить себе выскользнуть из старого охраняемого “Аль-Задшира”. В городе толпа фанатиков разорвет любого европейца на куски. Нет, сидя здесь, не о чем беспокоиться.

Бар был слабо освещен, и Т.П. Феннер, американский консул, потребовал новую бутылку бурбона, собственноручно сняв ее с полки; он удивился, куда в такой день делся Мессуд? Фен-

нера беспокоило состояние консульского здания, но Таариф заверил его, что покушения на собственность Соединенных Штатов больше не будут иметь места. Завтра предпримут последнюю атаку на Фаиз, а затем восстановятся закон и порядок.

Феннер был потрясен до глубины души жестоким насилием. Грабежи, пожары и подчеркнуто бездействующая полиция, которая лишь ухмылялась, когда толпа врывалась в магазины, убивала людей; и еще - дымы пожарищ, застилавшие небо над городом, словом, все это просто потрясало; он не мог отделаться от ощущения нереальности происходящего, спасение было только в бутылке бурбона.

Он понимал, что потерял работу.

Можно вернуться домой, в квартиру, подумал он, но все же лучше оставаться в "Аль-Задшире", ибо теперь он не очень доверял своим арабским слугам. Он не хотел оставаться один, опасаясь, что ветер пустыни может содрать с него не только одежду, но и кожу, явив миру во всей наготе.

Он был до жути перепуган.

Очередная бутылка с бурбоном тоже не помогала. Он уже выпил так много, что в обычных обстоятельствах давно должен был бы вырубиться. Но на этот раз бурбон вызывал в нем только холод и ощущение одиночества.

Ему казалось, что в недавнем прошлом он совершил целый ряд ошибок, но он не мог четко осознать, в чем они заключались. Он всего лишь делал свое дело, не так ли? Соблюдал все свои обязанности по отношению к США, будучи тут консулом, так? Неужели его ошибкой служит то, что эти дикие люди не испытывают никакого уважения к западным ценностям? Только что они орали: "Смерть инглизи!" и тут же, не переводя дыхания, вопят: "Смерть американцам!"

Он никогда не представлял, в какие бездны насилия и ненависти может погрузиться этот город на берегу прекрасного залива.

Ему казалось, что революция против него лично. Против непосредственно Т.П. Феннера - его тела, его душевных свойств и качеств характера. Они с удовольствием разорвали бы его на куски. Он объект их исступления.

И он не мог понять, почему.

Он сделал еще один основательный глоток прямо из бутылки, которой обзавелся в баре "Аль-Задшира". Никого из обслуги не было видно. Все они исчезли, смешавшись с толпами на улицах. Выпив, он вытер рот и вздохнул. Сердце частило. Он подрагивал от холода. Тишина в городе была обманчивой. Два часа ночи, и самум согнал всю революцию. Ему бы хотелось, чтобы самум никогда не стихал. Но он не мог обманывать себя. Он понимал, что с рассветом, когда песчаная буря утихнет, опять разверзнется жерло кромешного ада.

- Мистер Феннер!

Вцепившись в бутылку, он резко повернулся, и на его лице отразился страх. Он увидел перед собой полковника Таарифа. Тот выглядел утомленным. Его надменное лицо с острыми резкими чертами было усталым из-за минувших неудач: в течение дня не удалось добиться поставленных целей.

- Мистер Фаннер? Я хотел бы обменяться с вами парой слов.

- Пожалуйста. К вашим услугам, полковник.

- Хорошо ли вы себя чувствуете, мистер Феннер? Вид у вас совсем больной.

- Нет, со мной все в порядке. Просто великолепно! Я себя тут отлично чувствую.

- Да... Вот о чем я хотел поговорить - о капитане Макферсоне, который вчера заходил в ваш офис.

- Кто?

- Макферсон, - терпеливо повторил Таариф. - С “Королевы Атлантики”.

- Ах, этот... Я ничем не могу ему помочь. Боюсь, он расстался со мной весьма неудовлетворенным.

- Знаю. Но он просил вас предоставить убежище одной еврейке, австралийской подданной, которая была пассажиркой на его судне, не так ли?

- Конечно, но как я могу позволить себе такие вещи?! - сказал Феннер. Он хотел успокоить Таарифа. Тот был явно встревожен. Лицо его было как-то странно напряжено. Этой публике нельзя доверять, подумал Феннер. Будут улыбаться, но тут же пырнут ножом в спину. - Вы же знаете, консульство не могло и н е д о л ж н о заниматься ничем подобным.

- Да. И что потом сделал капитан Макферсон?

- Что он сделал? Понятия не имею.

- Думаю, что имеете, - столь же терпеливо повторил Таариф. Он говорил, словно полицейский, который знает свое дело. Копы всегда остаются копами, подумал Феннер, но этот не может навести порядок даже в своем городе. Черт побери, это именно так. Он услышал слова Таарифа. - Вы послали Макферти искать где-нибудь помощи и содействия этой бабе, не так ли? Вы изъявили желание помочь этой шпионке!

- Ох, да бросьте! Я даже не знал, что она шпионка... Такая молодая женщина, как...

- Мое дело - разведка, мистер Феннер. Конечно же, она шпионка. И вы тоже безусловно, это знали. Я полагаю, что и поломка на судне, и заход в порт Джидрат - все это отнюдь не совпадение, не простая случайность. Вам известно, что ее уже нет на борту?

- Понятия не имею об этом. А где она?

- Вот это вы должны мне объяснить.

- Я? Почему именно я?

- Вам стоит подумать... Вы должны помочь мне. Куда напра-

вился Макферсон, покинув ваш кабинет? Вы же что-то подсказали ему, не так ли?

- Я... я действительно упоминал о миссис Кентон, - запнулся Феннер.

- Ага.

- Нет, в самом деле, эта женщина не может представлять такой уж опасности.

- Вы ничего не знаете об этом, мистер Феннер! Я же говорю, что она исключительно опасна. И считаю, что мы должны как можно скорее найти ее. Значит, Макферсон встретился с Эсме Кентон?

- Да.

- И она отправилась на судно за девушкой?

- Может быть.

- После чего доставила девушку на берег, не так ли?

У Феннера пересох рот и запершило в глотке. Потянувшись за бутылкой, он увидел, что потемневшие глаза Таарифа внимательно наблюдают за ним, и внезапно отдернул пальцы, чего-то устыдившись. Черт побери, подумал он. Да что со мной происходит? У него урчал желудок и колотилось сердце, когда Таариф улыбнулся ему.

- Понимаете ли, полковник, и вы можете мне помочь. Я должен послать сообщение моему правительству. В Вашингтоне хотели бы знать...

- Использование всех каналов связи, кроме "Радио Джидрата" запрещено.

- Да? А я думал, что лишь одно сообщение...

- Когда тут восстановится порядок. Когда снова будут введены в действие законы и утвердится безопасность. Завтра, мистер Феннер. Я просто хотел бы убедиться, что вы в самом деле послали капитана к миссис Эсме Кентон. Это многое объясняет.

- В самом деле? - удивился Феннер.

- Где сейчас миссис Кентон? Вам это известно?

- Предполагаю, что в своем номере.

- Как? Вы видели, как она заходила в "Аль-Задшир?

- Э-э...

Таариф ждал.

Феннер ничего не сказал. Лицо его побагровело.

- Ну? - спросил Таариф, спокойно переведя дыхание. - Она была одна, мистер Феннер?

- Не знаю.

- Вы же видели ее своими глазами.

- М-да... Да.

- Та женщина была с ней?

- Я не очень приглядывался, - пробормотал Феннер. - И вообще, не думал на эту тему.

- Была ли австралийка с мисс Кентон?

- С ней была какая-то женщина. Понятия не имею, кто она.

- Понятно. Благодарю вас.

Стройный элегантный араб в форме отошел от него, и Феннер посмотрел ему вслед. Теперь Таариф был еще более подтянут, чем когда вошел в бар, и держался он куда увереннее. Что за чертовщина, растерянно подумал Феннер. Что я ему сказал такого? Да ничего. Может, эта баба в самом деле шпионка? Во всяком случае, к нему это не относится. Никоим образом.

Таариф исчез. Феннер потянулся за бутылкой и плеснул еще одну порцию бурбона в стакан. Держал он его обеими руками, потому что они тряслись, и желудок сжимался спазмой.

Теперь он хотел, чтобы этот проклятый ветер наконец прекратился.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Самум кончился за час до рассвета, и его ярость унеслась в сторону Аравийского моря; крутящиеся облака раскаленного песка исчезли в темноте. Появились звезды. Воздух стал спокоен и холоден. Лунный свет освещал рябь возникших барханов, каменистые плато, черные провалы ущелий.

Дарелл примостился возле самой дверцы кабины. Ветер навалил перед капотом пологую, песчаную дюну, уровень которой доходил до высоты рулевого колеса. Потребовалось несколько серьезных усилий, чтобы откопать дверцу и выбраться наружу. Зорайя последовала за ним. Лицо у нее было спокойным. На щеках не осталось и следа слез.

- Ты знаешь, где мы находимся? - спросил он ее.

- Рядом с Айн Гемильской. Я вижу очертания вон того утеса, - сказала она, указывая пальцем.

Он оглянулся на ту дорогу, что они оставили за собой. На гладких залысинах песка в лунном свете не было и следа их шин.

- А что Аль-Мурра?

- Им не удастся настигнуть нас.

- Ты уверена в этом?

- Они посчитали, что мы мертвы. Погребены самумом.

Он обошел грузовик сзади, утопая в мягком песке, который забил все пространство под кузовом; в нем скрывались ступицы колес. Дарелл попытался понять, смогут ли они выбраться отсюда, пусть даже мотор и заведется, но решил заняться этой проблемой попозже.

- Эффенди!

Он увидел моряка. Абдурахман, откинув брезентовый полог, который защищал их от песка, выкарабкался из машины. Со своей густой щетиной в тюрбане и с голым торсом он выглядел довольно устрашающе.

- Эффенди, слава Аллаху, вы живы?

- Да, - сказал Дарелл. - Сравнительно жив... А принц?

Шкипер пожал плечами.

- Я сделал для него все, что мог. Его спина, иссеченная плетью, кровоточит. Он болен.

- Болен? Что ты имеешь в виду?

Великан опять пожал плечами.

- Он не хочет разговаривать с мой.

- Почему?

- Убедитесь сами, эффенди.

Дарелл откинул брезентовый полог. Лунный свет упал на тело, сжавшееся в углу. Амр аль-Маари сидел на полу кузова, скрестив ноги и положив руки на колени, невидящими глазами глядя в пространство. На мгновение Дареллу показалось, что маленький человек даже не дышит. Прошедшие двадцать четыре часа произвели в нем разительную перемену, заставив потерять значительную часть веса; лицо Амра осунулось, и в нем появились острые лисьи черточки, запомнившиеся Дареллу еще с давних времен.

- Бого, - сказал он. - В чем дело?

Амр не шевелился.

- Тебе плохо? - спросил Дарелл.

- Да, - прошептал Амр.

- Держись! Сегодня у тебя будет врач...

- Мое сердце больше не служит мне. Ты ничего не сможешь для меня сделать, Сэм. Сегодня я умру.

- Чушь. Сегодня ты вместе со мной вернешься в Джидрат и восстановить там свою власть.

Амр не шевельнулся и не ответил.

- Ты слышишь меня, Бого?

- Я слышу. Меня подвергли бичеванию как раба, и они смеялись надо мной, над принцем Амром аль-Маари. Они издевались надо мной, а я вел себя, как дурак. - Амр вздохнул.

- Все мы делаем время от времени ошибки.

- Вся моя жизнь была ошибкой.

- На то воля Аллаха.

- Я не могу считать себя истинным правоверным. И теперь нет мне утешения.

- Ты голоден? - спросил Дарелл. - Хочешь пить?

- Нет, не беспокойся из-за меня, Каджун.

- Ты по-прежнемуостаешься моим врагом? Или ты снова мой друг?

Амр не ответил.

Дарелл попытался снять с места грузовик. Тот не пошевелился. Мотор отчаянно рычал несколько минут, но ничего не изменилось. Ему казалось, что пространства пустыни держат их на месте огромной ледяной рукой. Когда взойдет солнце, им будет грозить большая опасность. Наступит палящая жара. Если

они останутся здесь, солнце просто убьет их, решив все проблемы.

- Как далеко мы от Джидрата? - спросил он.

- В нескольких милях, - ответила Зорайя. - В шести или семи.

- Можем мы добраться пешком?

- Времени потребуется немного. Но только не днем.

- Мы должны идти, - сказал Дарелл.

- Я попытаюсь, - сказала она. - Но Амр не пойдет с нами.

- Это мы еще посмотрим, - сказал Дарелл.

Он подошел к заднему борту. Моряк сидел на песке рядом. Заглянув под полог, Дарелл убедился, что Амр не сдвинулся с места. Он по-прежнему бессмысленно глядел прямо перед собой, раздавленный позором, не желающий жить.

- Идем, Бого. Нам пора двигаться.

- В Джидрат?

- Да. К твоему деду, к имаму.

- И когда мы окажемся там? Я же не дойду...

- Ты будешь делать то, что должен делать. А теперь вылезай из машины.

- Я бы предпочел умереть здесь.

- А вот я не хочу умирать, - сказал Дарелл. - Как и Зорайя! Ты хочешь умереть именно так? Хочешь остаться один в пустыне без всякой помощи?

Чуть повернув голову, Амр долго смотрел на Дарелла.

- Она тебя любит, - наконец шепнул он.

- Нет.

- Она любит тебя. Теперь она уже не моя.

- Она всегда была твоей. Всегда. И до того, как вы поженились, и потом. И даже тогда, когда Аль-Мурра захватили ее, она продолжала оставаться твоей. Почему ты ей не веришь?

- Она тебе это говорила?

- И больше того.

- Я хочу... я хочу знать правду... и поверить...

- Спроси ее снова. Теперь тебя покинула лишняя гордость. Она была унижена, Бого. Может, это и к лучшему. Может, теперь ты поймешь, что такое человеческое существо, каково быть простым смертным.

- Да. Я познал боль. И унижение. И скорбь.

- И страх?

- Нет.

- А любовь?

- Я всегда любил ее, - тихо сказал Амр.

Он выкарабкался из грузовика.

Но едва он ступил на землю, как она дрогнула от страшного взрыва.

Примерно в четверти мили от них стоял высокий гладкий утес, ясно видимый в лунном свете, заливавшем пустыню. Он рассыпался в прах после взрыва.

Дарелл, который стоял лицом в ту сторону, увидел первый добела раскаленный выброс пламени.

Он не знал ни источника взрыва, ни того, что было его причиной.

Основательный участок скалистой почвы просто взлетел в небо едва ли не одним куском. Полыхнуло полотнище пламени. Раздалась серия более мелких взрывов, словно последние аккорды какой-то безумной симфонии. Каменное крошево затмило лик луны, а потом по всей округе с грохотом разлетелись осколки - долго еще затихал низкий грозный рокот, потрясший их, как удар гигатского кулака.

Порыв ветра и тучи песка швырнули их на землю. Последовавшим взрывам, казалось никогда не придет конец. Их грохот сотрясал замерзшую в ночи пустыню. Вокруг них дождем сыпались камни, гулко шлепались в песок.

Голоса Дарелла не было слышно в этом грохоте, и он потянул за собой Зорайю и Амра под прикрытие грузовика.

Шкиперу не повезло.

Осколок, величиной с хорошую дыню, с зазубренными краями ударил ему в затылок. Не успев удивиться треску и грохоту раздираемой земли, он, испытывая мучительную боль, упал головой вперед; его огромное тело, дергаясь и сотрясаясь, рухнуло рядом с грузовиком. Он умер, не успев коснуться земли.

Дарелл, вжимаясь в почву, ждал, когда стихнет грохот. Это не могло длиться долго, хотя казалось, что прошла вечность.

Когда воцарилась странная глубокая тишина, он посмотрел на Зорайю.

- Ты в порядке?

- Да. Но что...

- Взрыв склада боеприпасов и снаряжения. Ничто иное не может быть.

- В скале?

- Там, скорее всего, были какие-то пещеры. - Он посмотрел на Амра. - Как ты? Тебя не ранило?

Амр не отрывал взгляда от пустыни.

- Кто-то идет, - сказал он. - Женщина.

Прошло нескончаемо долгое время, и Эсме наконец вспомнила о револьвере. Она не знала, сколько прошло часов после того, как ей явилась эта мысль. Но даже тогда - она поняла, что смотрит на свое крохотное оружие 28-го калибра с перламутровой рукояткой, смешной механизм, который давным-давно вручил ей По, - револьвер не имел для нее смысла.

Он лежал под столом на полу пещеры, куда швырнул ее Мессуд, когда она потерпела неудачу в попытке спасти Пола.

Она чувствовала холод. Нестерпимый холод. Толстый араб с огромным животом наконец оставил ее в покое. Он сидел у вхо-

да в пещеру, глядя на бушевавший самум. Она долго слушала завывания ветра, не понимая, что это такое. Ей казалось, что и рев ветра, и свист летящего песка - что все это существует у нее где-то внутри, в голове, ибо мучительно болело все тело, потому что они были грубы и жестоки с ней, обдуманно и сознательно терзая ее. Мессуд оттащил ее в сторону после толстого, а потом, хрипя и задыхаясь, с окровавленной глазницей потерял сознание.

Она чувствовала, как его костистое угловатое тело придавило ей спину. Долгое время она лежала недвижно. Толстый араб, расположившийся у входа в пещеру, окликнул Мессуда, но его голос еле слышен сквозь рев и завывание песчаной бури.

Она лежала и ждала. Только раз позволила себе повернуть голову и посмотреть на тело Пола. Затем отвернулась и больше не смотрела в ту сторону.

Буря уже подходила к концу, когда она поймала себя на том, что не спускает глаз с брошенного оружия. Оно было заряжено. И лежало примерно в четырех футах.

Но с тем же успехом оно могло быть и за миллионы миль, потому что распростертое тело Мессуда, потерявшего сознание, продолжало давить ей спину. Кровоточить он перестал, но его кровь, стягивая кожу, засохла на ее обнаженных ногах. Со всхлипом втянув в себя воздух, он застонал. Звуки, которые он издавал, повторялись в размеренном гипнотическом ритме. Второй араб, не обращая внимания на то, что делалось внутри пещеры, целиком был поглощен созерцанием самума.

Она пошевелила левой рукой, той, что была ближе к столу. Еще немного. Дюйм. Еще дюйм. Мессуд продолжал стонать. Она старалась не шевелиться, дабы Мессуд не очнулся. Она понимала, что когда он придет в себя и осознает, что у него нет одного глаза... что ж тогда он убьет ее.

Она должна успеть первой покончить с ним.

Ею владело полное спокойствие. Боль, терзавшая ее тело снаружи и внутри существовала как-то отдельно от нее. Рука обладала своей собственной жизнью, медленно подбираясь к револьверу.

Керосиновая лампа на столе зашипела, и ей показалось, что она вот-вот потухнет; но затем язычок пламени окреп и выпрямился, озаряя пещеру дымным пламенем.

Теперь ее рука была полностью вытянута и скрылась под столом. Предстояло лишь распрямить кисть и разжать пальцы. Все же револьвер был слишком далеко. Она не могла дотянуться до него. Мессуд застонал и пошевелился. Она чуть приподняла бедра, держа его на весу и еще на несколько дюймов подползла к столу.

Не хватает. Она сделала еще одну попытку.

Мессуд сполз с нее и, стукнувшись головой о твердый ка-

менный пол пещеры, с громким стенанием пришел в себя. Приподняв голову, он уставился на нее, и она увидела невыразимый ужас, застывший в выбитом глазе, и выражение, с которым глядел на нее другой глаз. И тут она, рванувшись, схватила револьвер и зажала его в ладонях.

Мессуд издал предостерегающий крик, но она уже успела откатиться от него, держа револьвер и, не вставая, нажала на курок. Она видела, как пуля пошла ему в лицо, и на щеке, как бы по волшебству, появилось маленькое черное отверстие. Она снова и снова нажимала курок. Мессуда отбросило от нее, и его тело содрогнулось. Но она не сделала попытки приблизиться к нему.

Толстый араб вскочил на ноги, тупо озираясь.

В обойме 28-го калибра было восемь патронов. Три из них она израсходовала на Мессуда. Две пули, тут же выпустила в толстяка, чувствуя себя совершенно спокойной и собранной, когда всадила ему одну пулю в живот, а другую в голову. Она знала, что толстяк мертв, еще до того, как он рухнул на пол.

Мессуд продолжал стонать на полу.

Эсме медленно поднялась на ноги. Теперь она снова была сильной, и голова у нее прояснилась. Она пересекла пещеру, подойдя к Мессуду и опустилась рядом с ним на колени, держа оружие в руке.

- Мессуд, ты меня слышишь?

- Да, английская леди. Помоги мне, английская леди.

- Хорошо, Мессуд.

Она встала, надела туфли, вернулась и сколько было сил ударила ногой араба в пах. Он взвыл. Тогда, приложив дуло к его уху, она нажала курок и разнесла Мессуду череп.

Она не считала это актом милосердия.

Теперь она обрела уверенность. Она четко знала, что ей теперь делать. Подобрав сорванную и разодранную одежду, она быстро, но аккуратно оделась. Она выглянула наружу. Да, ветер стих. Самум кончился. Прежде чем оставить пещеру, она оглянулась только раз.

- Прощай, дорогой мой Пол, - шепнула она.

И затем вышла.

По не успел ей сказать, где находится хранилище боеприпасов, но она и так знала. Он даже не должен был ей говорить. Оно могло находиться только в одном месте - там, где велись раскопки; в новой расщелине, которую он обнаружил на прошлой неделе и о которой умолчал. Когда она попыталась проникнуть в расщелину, то обнаружила, что вход завален крупными камнями. Она располагалась недалеко от Айн Гемильки.

Там Пол и нашел эти боеприпасы.

По тропке она спустилась со скалы в узкое ущелье вади, где стоял "форд"- пикап. Она удивилась, увидев, что он по-прежне-

му на месте, хотя не было причин, по которым он должен был исчезнуть. Тем не менее, скорее всего, ночью Мессуд собирался уехать отсюда с кем-то другим. Не с Эсме Кентон.

Ей не потребовалось много времени на дальнейшие действия.

Вади укрыл машину от песчаных заносов. Завести ее не представляло сложностей. По положению Луны над горизонтом она поняла, что скоро наступит рассвет. Но это было совершенно неважно. Задним ходом выбравшись из вади, она стала спускаться по дороге и через несколько минут оказалась на месте. Под сидением в кабине она нашла фонарик. Машина стояла около источника. Взяв фонарик, она стала спускаться по ступеням ко дну колодца, откуда небо было видно только как небольшой светлеющий овал.

Она стала растаскивать камни, которыми Пол завалил вход в расщелину. Из-под обломанных ногтей сочилась кровь, но она не чувствовала боли.

За проемом тянулся туннель, вырубленный в толще скалы две тысячи лет назад предшественниками набатеев, которые и возвели стены вокруг поселения Айн Гемилька. То была обычная и продуманная практика в те давние дни - обеспечить надежный доступ к запасам воды в военные времена, когда город мог оказаться в осаде.

Оружие было сложено здесь, в туннеле, он вел к вершине древнего холма. Луч ее фонарика скользнул по ящикам с боеприпасами, гранатами, снарядами, брусками динамита, ружьями, автоматами, набитыми обоймами и пулеметными лентами. Более чем достаточно, чтобы кади мог преподнести сюрприз своему союзнику, полковнику Таарифу, когда придет время начать джидад против всего мира.

- Ну что ж, Эсме, - вслух сказала она, - давай расплатимся по всем счетам.

Издав тихий смешок, она принялась камнем сбивать крышку с одного из ящиков. В нем лежали гранаты. Взяв одну из них, она внимательно рассмотрела ее, убедившись, что все в порядке. Пол как-то взял на себя труд познакомить ее с этими штуками, когда они нашли в Сахаре оставленный после войны склад военного снаряжения.

Она прошла дальше по туннелю, откуда открывался проход ко дну колодца, где, укрывшись за поворотом, выдернула чеку из гранаты и кинула ее в туннель, тут же упав ничком и прижавшись к жесткому холодному покрову высохшего источника.

...Когда грохот взрывов затих, земля перестала содрогаться и прекратился камнепад, она поднялась и стала карабкаться по ступеням наверх.

“Форд” превратился в груду металлолома. Но теперь это было

неважно, и, двинувшись вдоль дороги, она вдруг увидела перед собой машину, двух мужчин рядом с ней. - Дарелла и Амра - и девушку.

Первые жемчужные отсветы рассвета коснулись восточной стороны неба, когда Эсме Кентон подошла к ним и рассказала, что с ней случилось, и что она сделала.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Полковник Таариф кончил разговаривать со своими помощниками, когда первые лучи рассвета коснулись задымленного неба. Он встретился с ними в кафе "Османии". Его собеседники не были армейскими офицерами, присоединившимися к мятежу, у тех непоколебимость Фаиза вызывала опасении, что он потерпел неудачу; Таариф собрал на инструктаж городским горлопанов, к услугам которых прибегал лишь в редких случаях. Это были типичные отбросы городского дня: профессиональные уличные агитаторы, крикуны, знание, как, швыряя камни, можно воспламенить толпу. Для них специально сочинили лозунги - против империализма, угнетении, эксплуатации и т. д.

Слушая, они молча кивали. Двое из них позевывали, ибо вчера им достался нелегкий день. Таариф сказал, что всех прикончат, если они потерпят неудачу. Много лет назад, когда Таариф учился в Англии в Оксфорде, его как-то пригласили на типичный английский уик-энд, включающий в себя и охоту на лис. И ему хотелось объяснить этой зловещей публике, что представляет собой лисья охота; как кавалькада всадников гонит лису от одного ее укрытия до другого, пока наконец не получают возможность задушить добычу. Объяснить этого он им не сможет, нет. Но он старался изо всех сил, втолковывая задачу.

Однако его люди все поняли. И сказали, что будут наготове.

Затем он вернулся к себе по пустым улицам, которые еще спала, утомившись вчерашними событиями. Скоро все начнется снова. Зверь восстанет, и войска, пока еще тоже спящие, начнут подниматься зевая, почесываясь и за чашечкой черного кофе поглядывать на громаду Фаиза, высившегося над Джидратом прикидывая, кого сегодня из них Аллах призовет в свои райские кущи.

Снова бодрый и уверенный в себе, он вернулся в "Ль-Задшир". Единственное, чего ему, конечно, недоставало - Это сообщения от Мессуда. Но он не сомневался, что Мессуд выяснит у англичанина и его жены, где скрыто кади. И после этого будущее станет ясным и понятным.

Но не подлежало сомнению, что, если не случится чего-то экстраординарного, способного заново возбудить ярость толпы,

Фаиз будет представлять для него постоянную угрозу - пока не удастся ворваться в него.

Он зашел в "Аль-Задшир", заметив спящих солдат взвода, что огранял иностранцев, поднялся на второй этаж и требовательно на второй этаж и требовательно постучал в дверь Наоми Халеди.

Она сидела на раю кровати у открытого окна. Утренние сумерки и прохладный воздух были обманчивы. Скоро вернется палящий жар Аравии, от которого станет труднее дышать, будут гореть легкие, отчаянно колотиться сердце, плавиться мозги. Когда раздался стук в дверь, она медленно поднялась, прижав руки к горлу.

- Эсме? - шепнула она.

Стук повторился, и ручка двери завертелась.

- Кто там? - спросила она.

- Откройте, мисс Халеди! - прозвучал на английским. - Не стоит скрываться. Я ваш друг. Верьте мне, - со всей убежденностью сказал Таариф. - Друг. Я пришел чтобы помочь вам.

Она отбросила зажигалку...

- Вы должны были оставаться на судне, - сказал Таариф. - Там было бы для вас безопаснее.

- Вы... вас беспокоит угрожающая мне опасность?

- Слишком долго объяснять, - сказал Таариф. - Вы должны понимать здешнюю ситуацию. Идет революция. Люди не должны отвлекаться на выяснение того, зачем вы в Джидрате.

- Я ни для кого не представляю угрозы. Я все лишь пассажирка судна, и вы это знаете.

- Конечно, знаю.

Она недоверчиво посмотрела на стройного подтянутого офицера. Таариф улыбнулся, блеснув безукоризненными белыми зубами.

- Это какой-то трюк? - спросила она. У нее перехватило дыхание. Она была в ловушке. Случилось самое худшее, что могло ее ждать, и она была не в силах поверить, что ее так просто и легко захватили в этой комнате. - Да?

- Почему вы считаете, что мы исчадия ада, только и жаждущие вашей крови? Кроме того, вы ведь всего лишь женщина. Ваше присутствие здесь не представляет никакой угрозы. Но уличная толпа может решить... - Он пожал плечами. - Вот почему я и пришел один. Вы сами можете убедиться, что со мной никого нет.

- Я арестована?

- Нет.

- Не понимая, почему...

- Понять нетрудно. Я бы хотел, чтобы вы вернулись на судно, подальше с глаз, чтобы у вас не было никаких сложностей.

- Я... я даже не знаю, что и ответить, - прошептала она.

- Идемте со мной, - сказал он.

- Куда?

- Вас не должны видеть солдаты в холле. Во дворе гостиницы у меня машина. Мы можем выбраться этим путем.

Расслабившись, она почувствовала облегчение. Какое-то мгновение она еще колебалась, с трудом веря, что этот вежливый человек и есть то самое чудовище, от которого она, полная страхов, скрывалась. Она осмотрелась.

- Я должна оставить записку Эсме Кентон.

- Я сам ей все объясню.

У Таарифа были веселые блестящие глаза. Она не могла понять, почему он все время улыбается.

- Вы же знаете, - сказала она, - что я здесь совершенно случайно.

- Знаю. Хотя это очень трудно объяснить народу. К сожалению. Но таков облик мира, в котором нам приходится жить. В глубине души я совершенно мирный человек. Сам по себе я готов дружить с кем угодно. Понимаете? - Он выразительно пожал плечами. - Как у солдата и главы национальной полиции, у меня есть определенные официальные обязанности. Но когда я могу себе позволить, я мягок и снисходителен. Как сейчас. Прошу вас, поторопитесь.

- Да, конечно.

- Вы хотите взять с собой что-нибудь?

Она прихватила сумочку. Ее вес напомнил, что в ней лежит "узи". Держала она ее легко и небрежно.

- Только это.

- Хорошо. Двинулись.

Она прошла за ним по пустому коридору и, спустившись по черной лестнице, оказалась на кухне "Аль-Задшира". Она не знала, что по этому же пути несколько часов назад следовала и Эсме Кентон.

Кухня была пуста. Сегодня делать в ней было нечего. Она торопливо миновала ее, следуя за высокой фигурой полковника. Слишком хорошо, чтобы быть правдой, подумала она. С трудом верится. Я спасена. Теперь уж со мной ничего не случится. Не о чем больше беспокоиться. Не о чем!

Наступал рассвет. Тем не менее, и улочка, ступеньки которой вели под сводчатый проем, где домики местных жителей стояли вплотную друг к другу, а балкончики нависали над головами, была в прохладной тени.

Вслед за Таарифом она поднялась по ступенькам под арку.

На каменной лестничной площадке, за которой тянулась улица, стояли четверо или пятеро человек.

В своих рваных белых галабеях выглядели они довольно зловеще. Вооружены они были самым разнообразным оружием. Преградив им путь, они неотрывно смотрели на нее.

Таариф остановился. Он улыбался.

- Подождите, - сказал он.

Наоми приостановилась, ожидая, что Таариф прикажет этим людям пропустить ее. Несколько мгновений ничего не происходило. Затем один из арабов выступил вперед и что-то крикнул. Его голос отдался пронзительным эхом в узкой улочке.

- Не можете ли вы... - начала Наоми.

- Израели! - закричал араб. - Убить шпионку!

Что-то толкнуло ее в спину. Споткнувшись, она едва не упала, но Таариф поддержал ее. Он еще раз подтолкнул ее и беззвучно рассмеялся.

- Беги! - крикнул он.

Мгновение она стояла, не понимая его слов. В легких не хватало дыхания. Она ощутила легкую боль от внезапного удара Таарифа.

- Беги! - снова крикнул он. - Вон туда!

Арабы подбирались к ней, издавая вопли. Наоми, как прикованная, стояла в тени. Таариф показал ей на узкую щель между двумя домами. Издав нетерпеливое восклицание, он выхватил пистолет и снова подтолкнул ее.

Ни о чем больше не раздумывая, она кинулась бежать.

В то мгновение, когда она рванулась с места, арабы уже были почти рядом. Их вопли раздавались у нее за спиной. Ничего не понимая, не представляя, что ее просто подставили и для чего это было сделано, Наоми кинулась бежать.

Кошмар превратился в реальность.

Все было организовано как нельзя более тщательно. Люди Таарифа хорошо справились с заданием.

Город уже пробуждался к новой вспышке насилия. Солнце поднималось над горизонтом, уходящим далеко в море. Его первые лучи жаром опалили дома и улочки Джидрата. Где-то далеко раздался взрыв гранаты, как первая нота продолжения дьявольской симфонии. Далекое эхо разрыва еще несколько секунд висело в воздухе, и его затихающий отзвук был продолжен серией орудийных выстрелов. Из садов Фаиза по небу потянулся дымок. Сухой треск пулеметов вплелся в какофонию звуков. И словно проснувшийся гигант, улицы и площади снова заполняться толпами: сначала по одному и по двое, а потом, сливаясь в небольшие вооруженные группы, готовые жечь, грабить и убивать. Звуки, исходящие из гущи людей, напоминали низкое грозное рычание. Тут и там раздавались пронзительные крики, стоны боли, возгласы торжества. Один за другим вспыхивали пожары - и скоро полыхало в полудюжине мест. Город, разминая мышцы и содрогаясь, пробуждался к новой волне насилия.

Полковник Таариф не сомневался, что организованная им охота на лису сегодня принесет окончательный успех его плану.

Первой мыслью Наоми было как-то вернуться в отел "Аль-Задшир". Там были и другие европейцы. Люди, которые могли помочь, оказать ей цивилизованное содействие или, по крайней мере, стать свидетелями того, что с ней собираются сделать. Она смутно представляла себе развитие событий.

Но улочка, на которую Таариф вывел ее, поворачивала в сторону от гостиницы. Добравшись до конца проулка, она остановилась, ослепленная сиянием солнечного света, которым была залита маленькая базарная площадь. Все витрины были закрыты ставнями, прилавки опустели. Никого не было видно. Она оглянулась. Группа преследователей была уже недалеко. Когда они увидели, что она смотрит на них, они тоже приостановились.

- Убить шпионку! - крикнул один из них. - Смерть ей!

Этот крик заставил ее снова пуститься в бегство. Она попыталась свернуть направо по выщербленной брусчатке площади, чтобы, описав круг, вернуться к "Аль-Зажширу". Но словно внезапно появившись из-под земли, другая группа арабов перекрывала вход в улицу, куда она стремилась попасть.

Ей оставалось, задыхаясь, бежать только вперед.

От удушающей жары у нее кружилась голова. Повернувшись, она кинулась в другую сторону.

Они перекрывали ей пути отступления. Наоми прибавила шагу, кидаясь то в одну улицу, то в другую. Ею давно владела паника. Споткнувшись, она растянулась, в уличной грязи. Из темной дыры дверного проема появилась какая-то женщина и уставилась на нее, стоящую на четвереньках. Закутанная до самых глаз в паранжу и успела подняться на ноги. Женщина послала ей вслед несколько визгливых проклятий.

В порт, решила она. С набережной - на судно.

Макферсон сможет для нее что-нибудь сделать.

- О, Господи, - молила она, - приди мне на помощь.

Она свернула налево в сторону порта. Теперь за ней гналось уже куда больше народу толпа, как живой организм, росла и ширилась, преследуя ее. Каким-то чудом улица впереди оказалась пустынна. Она увидела далеко впереди отблеск воды, мелькнувшей между двумя домами, и припустилась еще быстрее, хотя легкие невыносимо жгло.

Споткнувшись, она снова упала.

Одежда ее была разодрана. Поднявшись, она не могла найти сумочку с оружием. О, Господи! Куда она ее дела? Как это случилось? Она отчаянно стала оглядываться. Если придется, нужно пустить в ход оружие. В крайнем случае, хотя для самой себя. Да, именно так! Это будет лучше всего.

Но ей не попались на глаза ни оружие, ни кожаная сумка. Орущая масса людей в грязных галабеях вывернула из-за угла и,

увидев ее, торжествующе завопила. Повернувшись, она снова бросилась бежать.

Левая нога болела. Упав, она сильно ободрала ее о брусчатку. К счастью, обувь была на плоской подошве, и шнурки были плотно завязаны.

Спустившись по другой улице, она внезапно увидела ту же группу из шести человек, преградивших ей путь к порту.

"Как это могло случиться?" - успела подумать она. Ее загоняли. Ее специально гнали этим путем, как дикое животное, за которым идет охота.

Это был ночной кошмар.

Рванувшись, она снова упала, поднялась и опять побежала. Улица шла кверху, уводя ее от порта и от гостиницы. Все выше и выше в глубь города, куда вел ряд каменных маршей плоских ступеней. Это показалось ей спасением! Она должна убраться с улиц. Спрятаться. Где? Где-нибудь. Где же? Да где угодно.

Укрытие!

Она оглянулась в поисках приоткрытой двери, прохода... Толпа, завывая, бежала за ней. Странно, что они еще не догнали ее. Неважно. Вперед! Искать место спасения.

Где оно?

Она была совершенно одинока в этом городе, жаждавшем ее крови. Бежать, падать и снова бежать. Руки ее кровоточили. Платье было порвано. Дыхание с трудом вырывалось из горла, и ей казалось, что легкие готовы разорваться. В груди невыносимо жгло и болело.

Она увидела открытую дверь.

И кинулась в нее.

Темнота ослепила. Перед глазами плясали и дергались зеленые круги. Она ничего не видела, только почувствовала под ногами ступеньки, пахнущие экскрементами и мочой; откуда-то доносился тяжелый запах жареной баранины. Она взглянула вверх. На лестнице стоял мужчина. Он был огромен и высок. В руке его блестел нож. Видно было, что он в некоторой растерянности: склонив на бок яйцевидную бритую голову, он прислушивался к приближающимся воплям толпы.

- Помогите мне, - простонала она. Она не понимала, что обращается к нему по-венгерски. - Прошу вас, помогите...

Мужчина ворчливо ответил по-арабски. Она не поняла его. Но поняла смысл его улыбки. Он стал спускаться к ней с поднятым ножом.

Вскрикнув, она снова вылетела на горячую раскаленную улицу.

Сколько ей еще бежать? Впереди была слышна стрельба. Хотя в ушах гулко пульсировала кровь, она различала отрывистые хлопки ружей, короткие очереди легких пулеметов, глухие разрывы. Она промчалась мимо группы одетых в хаки солдат, кото-

рые удивленно встретив ее, что-то прокричали вслед, а затем, недоумевая, повернулись к толпе ее преследователей. Один из солдат, вскочив на парапет из мешков с песком схватил ее за руку. Увернувшись от него, Наоми снова упала. Платье разорвалось еще больше. Она увидела лицо солдата - молодое и симпатичное, ничего не понимающего. Он служил в регулярной армии, но его взвод носил черные повязки мятежников - это были люди кади или Таарифа, осаждающие стены дворца.

Фаиз высился прямо впереди.

Она увидела залитую солнцем площадь и широкую улицу, которая вела к мощным средневековым укреплениям. Высокие ворота закрыты. Со стен шла ответная стрельба: том продолжала сопротивляться гвардия имама, растерянная и испуганная ожиданием того, что принесет второй день сражения.

Бежать больше было некуда. Она направилась прямо к закрытым воротам.

Пули крошили плиточное покрытие площади у ее ног. Она снова обернулась.

Толпа увидела, что она кинулась искать спасение через площадь, за которой поднимались ворота Баб эс-Салама, основные ворота дворца Фаиза, через которые предполагалось вломиться во дворец. Напор толпы был непреодолим. Те, кто пали вчера на площади, пытаясь взломать ворота, уже были забыты в жажде нового кровопролития, которое продуманно организовали люди Таарифа: они гнали ее перед собой, и за ней следовал рев возбужденной толпы. В этом состоянии атакующих уже было не остановить.

Преследователи увидели, что она бежит, пытаясь найти убежище во дворце имама. Она была на полпути между двумя противоборствующими силами - тоненькая фигурка в изодранном белом платье, с резвевающимися темными волосами, с лицом, покрытым грязью, и испуганными глазами. Сама того не желая, она привела завывающую толпу к воротам дворца.

Стражники имама на стенах увидели ее и увидели толпу. Площадь затопила людской толпой, требовавший крови.

Бросая оружие, защитники дворца стали спускаться со стен.

Добравшись до ворот, Наоми остановилась.

Она были закрыты.

Тогда она повернулась лицом к толпе, вглядываясь в искаженные физиономии по ту сторону широкой площади, окруженной разрушительными домами и сломанными стволами деревьев.

Дальше бежать ей было некуда. Все пути были отрезаны.

Пусть теперь они меня убьют, подумала она.

Но только побыстрее.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Коля Микельников увидел ее, не сразу поверил своим глазам.

Проснувшись на рассвете, он в легком сером летнем костюме и соломенной панаме, прикрывавшей его коротко стриженные волосы, тронутые сединой, спустился позавтракать в бар "Аль-Задшира". Его длинное скуластое лицо, было, как всегда замкнуто, когда он присоединился к другим европейцам, поглощавшим незамысловатую трапезу. Они знали, что их сосед русский. Каким образом это стало им известно, он не задумывался, наверное, разболтали солдаты. Впрочем, это было неважно - если не считать того, что другие европейцы, углубленные в свои собственные заботы, не разговаривали с ним и даже не удостоили кивка. На их лицах лежала печать тревоги, и все они оборвали разговоры при появлении Микельникова.

Они смотрят на меня, словно прокаженный с улиц Джидрата, подумал он. Они проклинали меня за то, что здесь происходит.

Но это лишь в какой-то мере отвечало истине.

Затем он встретился с полковником Таарифом, который был в особенно веселом и приподнятом настроении. Штурм Фаиза начнется через несколько минут, сообщил он. Они могут наблюдать за ним с крыши одного из зданий, выходящих на площадь к Баб эс-Саламу. Эту будет интересно! Ведь майор, конечно же, участвовал во второй мировой войне; он был под Сталинградом; так что он разбирается в тактике уличных боев и оценит способ, которым предполагается ворваться в ворота.

При фронтальном штурме их ждут тяжелые потери, подумал Коля. Хватит ли у мятежников отваги, чтобы под огнем пересечь площадь?

О, у них будет прикрытие, небрежно сказал Тaариф. Атаку поведет сам народ.

Они поднялись на крышу одного из зданий, выходящих к площади, где им предстояло ждать развития событий. Солнце невыносимо припекало спину и затылок Коли. Нужно было стоять под прикрытием парапета, под которым тянулась широкая площадь и где их не могли достать выстрелы снайперов со стен Фаиза. В городе занимались новые пожары, над кварталами тянулся дым. Пахнет, словно горят кучи мусора, подумал Коля.

Между тем, когда из боковой улочки на широкую площадь выбежала Наоми, Коля узнал ее не сразу.

Когда ночь подходила к концу, она ушла из его снов.

Вскинув брови, он обратился к Таарифу за объяснением и тут увидел, как за беглянкой на площадь хлынула толпа.

- Это израильская шпионка, - вежливо сказал Таариф. - Я послал людей, чтобы они гнали ее в эту сторону. Теперь их ни-

чего не остановит. Они просто сходят с ума от жажды пустить ей кровь. И никакие пули с Фаиза не остановит их, пока они не ворвутся в пределы его стен.

Коля не узнал Наоми до той секунды, когда, прижавшись спиной к высоким створкам ворот Баб эс-Салама, она повернулась лицом к толпе, рвущейся к ней и желающей предать ее смерти.

Она заметно оторвалась от преследователей. Площадь была не меньше сотни ярдов, и она оказалась у ворот за несколько секунд до того, как возбужденные люди стали высыпать на ее пространство, подобно реке, прорвавшей запруду.

Затрещал пулемет, и людской прилив, дрогнув, остановился.

Вот тут-то он и узнал ее.

Стоя у парапета, он ясно видел лицо Наоми, ужас, перекосивший ее щеки, огромные глаза. Увидел ее порванную одежду, грязь и ссадины, оставленные падениями. Он увидел, что загнанное животное добровольно прекратило сопротивляться, не в силах противостоять своре убийц, загнавших ее в угол.

А их хозяин, полковник Таариф, сказал:

- Эта женщина, Наоми Халеди, прибыла из...

Коля все же не мог отделаться от сомнений по поводу того, что открылось его глазам. Долгие годы работы подготовили его к встрече с неожиданностями. Он изо всех сил крикнул:

- Наоми!

Девушка стояла с распростертыми руками, прижавшись спиной к высоким воротам, которые стали для нее ловушкой. Она повернула голову в ту сторону, откуда донесся крик. Она не видела его, стоявшего на крыше соседнего здания. Но рот у нее был открыт, и Микельников видел, как тяжело вздымается ее грудь.

Опять затарахтел пулемет. Толпа замерла.

- Остановите их, - сказал Микельников. Он не узнавал звука собственного голоса. - Остановите их, полковник!

- Но я не понимаю...

На крыше они были лишь вдвоем, Коля выхватил свой "Токарев". Таариф увидел оружие в руке русского, но вид револьвера вызвал у него лишь удивление.

- Это вы сделали? Вы организовали?

- Конечно. Это был самый разумный ход. Если толпа сейчас рванется...

Коля выстрелил прямо в его раскрытый рот. Вторая пуля вошла в грудь Таарифа на дюйм левее грудины, точно под аккуратно выглаженным клапаном мундира, с тремя рядами орденских колодок. Пуля прошла навылет через сердце и легкие Таарифа и вышла из-под лопатки.

Таариф рухнул на крышу уже мертвым.

Коля кинулся вниз. На крышу уже спешили другие - адъю-

танты Таарифа и офицеры, которые присоединились к мятежникам. Ошеломление заставило их застыть на месте. Увидев ступеньки, по которым они поднимались, Коля прыгнул; его длинные ноги подрагивали и часть пути он, споткнувшись, пролетел кувырком, но заставил себя одолеть следующий марш более внимательно.

В руке он держал пистолет.

Он вылетел из здания на площадь, платные агитаторы Таарифа, которые прекрасно справились со своей задачей, гоня девушку этим путем, как псы, преследующие кролика, не обратили внимания на одинокие выстрелы, которые донеслись до их слуха, и внезапные вопли, что стали слышны с крыши.

Они знали свои обязанности и исправно выполняли их.

- Крови! - вопили они, и толпа издавая грозное рычание, двинулась через площадь к одинокой маленькой фигурке, прижавшейся к тяжелым створкам ворот Баб эс-Салам, Ворот Мира.

Именно тогда последние гвардейцы имама, побросав оружие, покинули стены, поняв, что сопротивление безопасно.

Оказавшись на залитой солнцем площади, Коля попал в скопление людей с дикими возбужденными глазами. Он стал с мощью и неукротимостью быка прокладывать путь среди них и наконец его тяжелая мускулистая фигура пробилась в первые ряды.

Он кинулся к Наоми, выкликая ее имя.

Он увидел, как она изумленно повернулась к нему. Он увидел, как расширились ее глаза, как приоткрылись дрогнувшие губы, и понял, что сейчас с них сорвется его имя, но не услышал его, потому что все заглушал рев толпы за спиной.

Он оказался рядом с ней за несколько секунд до того, как поток людей бросился через площадь.

У него осталось время только, чтобы рвануться к Наоми, прикрывая ее, обхватить за ее плечи и вскинуть навстречу толпе оружие.

Все было бессмысленно.

Он видел их искаженные лица и понимал, что ничего, ровным счетом ничего - ни угрозы, ни приказы, ни сама смерть - не может остановить ревущую толпу, несшуюся на них. И тут случилось чудо - тяжелые створки ворот Баб эс-Салам приоткрылись...

Едва только первые лучи солнца коснулись морской глади, из которой оно поднималось, имам Язид приступил к совершению утреннего намаза. Старые суставы с трудом подчинялись ему, когда он сохранял коленопреклоненное положение, повернувшись лицом к северо-западу, где располагалась Мекка и священный камень Клаба. Он медленно стал произносить слова молитвы, вдумываясь в смысл каждой фразы, с преклонением и

покорностью и добавляя моления за своих врагов, чтобы им вышло счастье оказаться по правую руку Аллаха.

Фаиз был пуст.

Слуги покинули его - и те, кто оставался ему верен, и те, которых подкупили. Не осталось и его охраны, если не считать нескольких человек из его личной гвардии, продолжавших стоять на стенах, что выходили к площади внизу. Не важно! Он знал, что ему предстоит сделать в этот день. Он старый человек, и за плечами у него остались долгие годы. Может быть, он слишком зажился на этом свете.

Он слышал, как растет и крепнет рев собравшихся у ворот Баб эс-Салама и, накинув белый плащ, неторопливо двинулся в ту сторону; патриарх, которому подобает именно такая походка и такое одеяние, словно он был живым воплощением Пророка. Он лишь раз бросил взгляд на полки с книгами по философии историческими трудами - все они прославляли ислам - и попрощался с ними, с каждой в отдельности и со всеми вместе, помня их все и зная, что драгоценные кожаные переплеты их важны лишь тем, насколько западают в сердце людей скрытые под ними строки.

С собой он взял только Коран, прижав его толстый том к худой груди.

Длинная дорожка, обсаженная цветами, была скрыта в тени пальм. Тут и там, на зелени орошаемых газонов валялись осколки снарядов. Но это ничего не значило. Ровным счетом ничего. Он был благодарен и за то, что тень дает ему укрытие, пока он спускается по склону холма, направляясь к воротам, за которыми лежал город его народа.

Больше ничего ему не оставалось, думал он. Слишком поздно.

Он тоже услышал выстрелы на крыше одного из зданий, с трех сторон окаймляющих площадь. Но не обратил на них внимания. Людей было слишком много. Четвертую сторону площади замыкала стена дворца, в которую были врезаны Ворота Мира, Баб эс-Салам. С другой стороны площади были еще одни Ворота Мира, часть старой стены, возведенной португальцами четыре столетия тому назад. Они знаменовали то время, когда ислам достиг предельного величия, но Запад отверг его, и он превратился в секту, медленно теряя свое значение в сонных грезах Махди, который придет и спасет всех.

Нет всеобщего спасения, спокойно думал старик, если каждый человек сам не будет думать о своей душе.

И ничья сила не может прийти ему на помощь! По мудрости и милости Аллаха, каждый человек должен сам помогать себе.

Он увидел, как солдаты, последние из его гвардии, торопливо спускались со стен, проламываются сквозь кусты, стараясь спастись. Под стенами густо росли вперемежку олеандры с гра-

натами, оливками и лимонными деревьями, образуя миниатюрные джунгли у ворот Баб эс-Салам.

Ворота были закрыты, но из-за них он слышал гомон и вопли своего народа.

Запорный механизм был на электрической тяге, энергия подавалась от отдельного генератора из дворца Фаиз и с ее помощью сдвигались рычаги, запирающие ворота. Имам Язид нажал кнопку в караульной будке - теперь она была пуста - и, отступил на шаг назад, наблюдая, как медленно стали приоткрываться створки.

Он стоял в полном одиночестве, и за его спиной тянулась широкая дорожка. Он увидел в проеме, как какой-то иностранец, обнимавший за плечи странную женщину, проскользнул в щель, глядя на нее, как на чудо. Они кинулись бежать во дворец и исчезли из виду среди густых посадок.

Он даже не посмотрел им вслед.

Он увидел толпу, как одну гигантскую волну, лица ревущим потоком клубились перед ним. На всех был только один рот. И из него рвался вопль ненависти и ярости.

На мгновение старику показалось, что у него остановилось сердце. Левой рукой он плотнее прижал к груди тяжелый Коран и вскинул правую руку.

- Дети мои! - возвал он.

Толпа остановилась. Наступило молчание.

- Дети мои! - повторил имам.

В первых рядах стоял человек, которому полковник Таариф пообещал сто серебряных рупей, если день завершится успехом. Он был лучшим агитатором, самым хитрым и умным из этих уличных ораторов. Он страстно хотел получить обещанные ему деньги. Он еще не знал, что Таариф мертв.

- Смерть инглизи! - завопил он.

- Смерть иностранным империалистам! - кричал он.

- Смерть израильской шпионке, - издал он пронзительный крик. - Имам укрывает ее!

Имам не понял, что тот вопит. Он увидел, что толпа двинулась вперед, толкаясь и вопя от восторга, потому что ворота наконец открылись, битва завершилась победой, и дворец лежал перед ними в ожидании их жадных грабительских рук.

Имам покачнулся от удара в голову. Его поразил брошенный кем-то камень. Он обмяк, чувствуя, как сразу же померк свет дня. Лицо его стало влажным. Он коснулся его пальцами, удивившись, какие у него старые, скрюченные коричневые суставы - и какой ярко-красный может быть кровь старика.

Толпа захлестнула его. Сначала в ход пошли кулаки, камни и даже зубы. Потом появились ножи. Имам старался не выпускать Коран. Он не хотел, чтобы священную книгу попирали в пыли босые ноги. Он испытал резкую боль, и тут пришла тьма.

В ее гуще он увидел отблеск света и понял, что это блестят клинки кинжалов.

Они исполосовали тело старика, расчленив его. Удивительно, сколько в нем было крови. Они распороли ему живот и попытались отрезать голову, но это не получилось, и тогда кто-то накинул канат на зубцы над воротами и кто-то еще привязал к другому концу ступни ног безжизненного тела, и, когда толпа подтянула веревку, тело имама Язиды аль-Маари, покачиваясь, вознеслось высоко над их головами, в своем белом плаще, который стал сплошь красным, и его размозженная голова клочьями плоти свесилась с плеч. Плащ его упал вниз, и худое стариковское тело осталось висеть под жгучими лучами солнца Джидрата.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Фаиз был возведен на плоской вершине высокого холма, под которым простирался город. Его стены были построены в шестнадцатом столетии в правление имама Саджида аль-Маари с помощью португальцев, завоевавших имамат. Португальские инженеры возвели фортифакационные сооружения, позаботившись особенно укрепить часть стены, обращенной к городу. Они так же оборудовали площадь перед Фаизом так, чтобы она находилась под обстрелом с укреплений ворот Боб эс-Салам. Отвесные базальтовые утесы охраняли дворец от нападения с другой стороны, хотя тут и там по крутым откосам тянулись еле заметные козьи тропы. В одном месте с тыльной стороны, как раз напротив главных ворот, дворец был украшен башней оборонительного бастиона, возведенного как раз на краю пропасти. Поскольку взять штурмом это укрепление было невозможно, охранялось оно довольно небрежно. К нему вела лишь обрывистая козья тропа, которой и воспользовались Дарелл, Амр и Зорайя, чтобы пробраться в Фаиз.

После рассвета они шли меньше часа вдоль подножья плоскогорья Джебел Харад и выбрались на трассу, ведущую к нефтеразработкам.

Дарелл с молчаливым сочувствием выслушал историю Эсме Кентон. Теперь он знал ответ на загадку смерти Джона Блейни. Один из безымянных убийц кади Гхерзи сделал свое дело, и досье Блейни можно закрывать. Он слышал, как Эсме рассказывала о судьбе своего слуги Иабиба, который, должно быть, столкнулся с Мессудом в Айе Гемильхе и подвергся нападению; ему отрезали язык и, обезумев от боли и ужаса, он убежал в пустыню, где, скорее всего, и встретил свою смерть.

Когда англичанка кончила рассказ, он сказал:

- Вы считаете, что сможете вернуться с нами в Джидрат?

- Да. Я уже пришла в себя.

- Вы уверены?

- Я иду с вами, - сказала Эсме.

Он видел, что она полна молчаливой уверенности, которая помогает ей держаться. Больше она не стала рассказывать - ни о судьбе своего мужа, ни о подробностях того, что случилось с ней в пещере.

Когда они вышли на трассу, солнце уже стояло высоко над горизонтом, оглушая их жаром. Дорога представляла собой бетонную ленточку, которая вилась из города до нефтяных разработок, где американские и английские инженеры нашли себе укрытие во время мятежа.

Им сопутствовала удача. Они не прошли по дороге и пяти минут, когда навстречу попались два джипа, в которых сидели четверо мужчин. Это были американцы. Заметив, что американцы воспринимают их маленькую компанию с нескрываемым удивлением, Дарелл дал им сигнал остановиться. Услышав, что в соответствии с полученными указаниями они должны держаться как можно дальше от города, Дарелл попросил одолжить один из джипов. Они решили, что он сошел с ума. Предложили сигареты, несколько блоков из неприкосновенного запаса и термос с кофе. Эсме молча ела, пока Дарелл осматривал джип. Амр продолжал молчать - он сидел на корточках в тени одной из машин, ничего не видя перед собой, отрешенный от всего происходящего. Рубцы на его спине продолжали болеть, шрамы, оставленные в душе, были менее заметны, но выражение его глаз было достаточно красноречивым.

Дарелл одолжил заряженный “кольт” 45-го калибра у одного из американцев, который смотрел на него так, словно имел дело с живым трупом. Он приказал Эсме отправиться в лагерь вместе с американцами. Она было отказалась, но потом все же втиснулась в переполненную машину.

В джипе они быстро добрались до предместий Джидрата. Некоторые дома и улицы, выжженные жестоким солнцем, были пусты. Никто не пытался остановить их. Через несколько минут Дарелл, повинуясь указаниям Зорайи, привел машину к подножию горной гряды. Они нашли козью тропу, карабкавшуюся по отвесному склону черного камня на вершину холма, где стоял Фаиз.

Основные ворота дворца располагались в полумиле от них, и они слышали с той стороны отдаленный рев толпы. Но старое португальское укрепление, и сам дворец у них над головами не подавали признаков жизни.

Амр заговорил в первый раз, и у него был на удивление спокойный голос.

- Чего ты от меня хочешь, Каджун?

- Мы поднимаемся наверх, чтобы помочь твоему деду.

- Это бесполезно...

- Чего мы не знаем, пока не попытаемся.

- Ты видел, как со мной обошлись в Аль-Мурре. Как я могу это забыть? Следуя за тобой, я найду лишь свою смерть.

- Аль-Мурра всегда была заклятым врагом твоего рода. И клятва верности, которую они дали, не стоит того, чтобы ее уважали.

- Они высекли меня, как раба. Как скота!

- Ты сам напросился, - спокойно сказал Дарелл. - Могло быть и хуже. Я знаю, ты проклинаешь меня за то, что я притащил тебя сюда. Но неужели ты в самом деле боишься умереть?

- Теперь нет, - сказал Амр.

- Твой дед не ведает страха. Неужели ты слабее этого старика?

Амр вскинул голову, и его тусклые безжизненные глаза в первый раз блеснули.

- Язид - добрый мягкий старик. Он не понимает, какие чудовища правят сегодняшним миром. Это смелость неведения.

- Думаю, что нет. Хотя тебе лучше знать.

Амр встал. Он окинул взглядом высившуюся над ними базальтовую скалу и стены дворца над ней. Заглушенный рев толпы, клубившийся по другую сторону, стал громче, когда его принес порыв ветра. Амр передернулся. За прошедшие сутки его круглое лицо осунулось и побледнело, словно пустыни его родины выпарили плоть. Губы дрогнули. Он был непредсказуемым и непонятным созданием, и Дарелл подумал о том, сможет ли он когда-нибудь понять араба.

- Быть по сему, - сказал Амр. - Я иду с тобой.

Рука об руку они стали карабкаться по тропе, ведущей к воротам. Рядом с караулкой, которая теперь опустела, был небольшой проход. Ворота, сквозь которые сбежала охрана, продолжали оставаться открытыми. Миновав их, они насторожились; толпа, атаковавшая дворец с другой стороны внезапно смолкла. Они не знали, что в этот момент имам Язид открыл ворота перед своими детьми.

- Почему здесь никого нету? - спросила Зорайя. - Куда все делись?

Их шаги по изразцовым плиткам отдавались гулким эхом в помещениях дворца. Они следовали за Амром. Навстречу им никто не попадался. Никто не пытался напасть на них.

Они миновали торжественный банкетный зал, где за столами на приеме могло рассесться до ста человек, что часто бывало в прошлом, - и вышли в сад с фруктовыми деревьями. Дарелл держал в руке позаимствованный “кольт”. Амр прибавил шагу. В прохладных внутренних помещениях не так чувствовался жар солнца. Амр поднялся по лестнице и через широкий коридор двинулся в переднюю часть здания.

Ярость штурмующих вспыхнула с новой силой. Слышались полные бесчеловечной жестокости крики из толпы. Амр смертельно побледнел.

- Язид! - крикнул он. - Дед?

Вслед за Амром они оказались в спальне старого имама. Его книги и наргиле лежали нетронутыми в полном порядке. Не было видно никого из слуг. За высокой резной индейской ширмой тянулся небольшой балкончик. Тяжело переводя дыхание, Амр остановился. Лицо его было залито потом.

- Почему они так вопят там снаружи? Все должно быть кончено. Охрана сбежала. Почему они не являются грабить и жечь? - Он затравленно посмотрел на Дарелла. - Видишь, мы проиграли. Сегодня Таариф одержал победу. Через несколько минут они будут здесь и убьют нас.

Дарелл вышел на балкон. У него был какой-то странный голос, когда он вернулся в комнату.

- Посмотри туда, - сказал он.

- Куда?

- В сторону ворот. Твой дед пытался остановить их.

Амр не отрывал глаз от Дарелла. Он набрал воздуха в грудь.

- Я не хочу смотреть. Я хочу... - он взглянул на Зорайю. - Не знаю, чего я хочу. Почему ты заставил меня вернуться сюда? - внезапно закричал он.

Его слова эхом разнеслись по пустому дворцу, залитому потоками солнечного света.

- Посмотри на своего деда! - хрипло проговорил Дарелл.

Медленно и неохотно Амр вышел на балкон и замер, глядя в сторону Баб эс-Салама. Лицо у него осунулось и потемнело. Одной рукой он вцепился в ширму. Он сразу стал маленьким и несчастным. Дарелл не проронил больше ни слова. Зорайя смотрела на обширные лужайки перед дворцом, на ухоженные сады и живые изгороди, на кущи деревьев, на цветы вдоль выложенных мрамором дорожек, что тянулись от старых массивных ворот. Она видела, что ворота распахнуты, что вокруг них клубится толпа и лишь потом увидела обнаженное тело имама Язида, захлестнутое петлей за ногу, покачивавшегося в воздухе. Она лишь тихо вскрикнула и замолчала. Ее огромные янтарные глаза остановились на Дарелле, а потом она перевела взгляд на принца и встала рядом с Амром.

- Он был один, - прошептала она. - Он пытался остановить их.

В голосе Амра слышалось мучительное страдание.

- Да. И вот... вот что они с ним сделали.

- Спускаемся, - резко бросил Дарелл.

- Что?

- Неужели ты сделаешь меньше, чем пытался сделать старик?

Но Амр, казалось, не слышал. Он опустился на колени, и его глаза видели то, что Дареллу не дано было увидеть.

Сначала он не понял слов, которые Амр обращал к себе, когда глядел на беснующийся сброд и висящее над Воротами Мира

тело своего деда. Но наконец до него дошло. Это была средневековая молитва.

- Да не преклонюсь я перед другим владыкой, и не взгляну ни на чей другой лик, и да не предамся никакому иному создателю всего сущего, и нет мне советников кроме тебя... - Слова застревали в горле Амра, но он справился со спазмой, и его голос опять обрел ясность. - Нет Бога кроме Бона, и Магомет пророк его.

Встав, Амр посмотрел на Дарелла, как-то странно улыбаясь.

- Как-то я говорил тебе, мой друг, что никогда не мог произносить этих слов с полной убежденностью. Но вот теперь я их произнес, в первый раз полностью понимая и абсолютно принимая. - Он помолчал. - Ты идешь со мной?

- Да.

- А ты, Зорайя?

Она посмотрела на него широко раскрытыми светло-коричневыми глазами.

- Да, Амр. Я всегда буду рядом с тобой. Ты в самом деле хочешь, чтобы я была?

- Да. Я в самом деле хочу.

- Тогда я пойду с тобой.

Много позже Дарелл часто вспоминал и пытался понять то, что случилось в следующие минуты. Но уже трудно восстановить в деталях это утро на берегах Аравии, выходивших к раскаленным пескам на берегу моря и к пылающему городу. Он пытался вспомнить и толпу, и ярость, которая воспламенила и принца, и Зорайю, и его, опалив их жарким, как из горна, дыханием, когда они пошли по широкой дороге, что вела из Фаиза к Баб эс-Саламу. Перед глазами у него неизменно представали искаженные лица люди, что прыгали, танцевали, как марионетки, которых кто-то дергал за ниточки ненависти. Тут и там среди тех, кто кишел в воротах, попадались и те, глаза которых выдавали смущение, ужас, а порой и стыд, но таких он почти не мог вспомнить.

Он чувствовал, как в нем самом поднимается страх, когда под жарким солнцем он шел на толпу, которая в немом изумлении взирала на три приближающиеся к ним фигуры. А пока они шли, над городом занималось зарево пожаров.

Он не стыдился своего страха. Только дурак не ощущает его. Но он шел рядом с Амром, между ними была женщина, и наконец Амр остановить их, и в одиночестве сделал несколько шагов.

Над толпой воцарилось молчание.

Все ожидающе повернулись к принцу Джидрата.

Кто-то выкрикнул имя Амра, и оно, подобно волне, стало перекатываться по толпе, залитой кровью, раскатываясь ревом,

когда дошло до тех, кто еще по-прежнему давился на площади перед дворцом. И криками вернулось к ним.

И затем снова воцарилось молчание.

Слова Амра падали в это молчание, как камни в темную воду.

Его арабский был спокойным, гортанным и мощным. Амр полностью преобразился. Он стал выше и стройнее, вернув себе королевское достоинство. Но гнева в его голосе не было. Слова его были полны горечи и силы.

Он призвал толпу разойтись по домам.

Он сказал, что вернулся, дабы взять имамат под свою руку. Он сказал, что никогда больше не покинет Джидрат.

Он сказал, что раз и навсегда установит в Джидрате мир, полный справедливости и благополучия, когда позор недавних преступлений будет смыт временем.

Он сказал почти все.

Но события развивались своим чередом. Платные агитаторы Таарифа еще не знали, что их хозяин мертв. Человек, который первым бросил камень в голову старого имама, решил, что однажды сработавшая тактика принесет ему успех вторично. Он нагнулся, подобрав камень, и выпрямился, готовый швырнуть его.

Дарелл немедленно выстрелил. Тяжелый грохот "кольта" 45-го калибра был словно точка, поставленная в конце речи Амра.

Агитатор рухнул без звука.

- Идите по домам, - еще раз сказал Амр. - Аллах простит вас и защитит...

Все застыло в состоянии неустойчивого равновесия. В отсутствие лидера, не зная, что Таариф уже мертв, уличная толпа и солдаты, примкнувшие к мятежникам, не видели никого, кто мог бы снова воспламенить их и бросить вперед. Те, что стояли в воротах, подались назад. Прокатился гул и рокот. Толпа мялась. Но вдруг она стала раздаваться по сторонам, образуя проход. В нем появился человек, одетый в черное и сидящий на белом муле. Это был кади Гхерзи.

Он не смотрел ни направо, ни налево, как раз под окровавленными останками тела имама, он слез с мула. Подол его черного плаща скользнул в пыли. Зеленая повязка тюрбана, гласившая, что он исполнил священную обязанность для каждого православного - совершил хадж в Мекку - ярко блеснула на солнце.

Его лицо было лицом поверженного орла.

Залитый солнечным светом, он замер перед принцем Амром и сказал:

- Мне доложили, что полковник Таариф мертв. Мои люди растеряны.

- И твое оружие взорвано, - коротко добавил Амр.

- Да. Посланец доложил мне и об этом.

Амр бросил высокому человеку, облаченному в черные одежды:
- Ты арестован по обвинению в государственной измене.

Кади склонил голову. В глазах его была покорность судьбе, готовность подчиниться ходу событий, над которыми человек не властен.

- Да будет на то воля Аллаха, - сказал он.

И люди стали расходиться по домам.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Революция испустила дух, как воздушный шарик, проколотый булавкой. Но на совести майора Николая Микельникова еще оставалась одна обязанность. У него было при себе оружие, и тут рядом находился Дарелл. Даже присутствие Наоми не могло его заставить забыть об этом долге. Привычка к дисциплине была так неукоснительно вбита в его голову, что он просто не мог вести себя по-иному.

Появление Наоми было чудом. Как и то, что они оба остались в живых. Спас их имам. Его появление у ворот, замешательство, в которое он было привел возбужденную толпу, а затем вспышка ярости, с которой она убивала его, вздернув окровавленные останки над воротами Баб эс-Салам, - все это дало Наоми и Коле возможность укрыться в густых зарослях олеандров в саду Фаиза.

Пока у них не было времени обменяться даже несколькими словами. Укрывшись, они стали свидетелями всего, что происходило вокруг. Несколько раз толпа почти вплотную приближалась к ним, укрывшимся под густым зеленым покровом. Над их головами и вокруг были слышны пронзительные вопли джидратцев.

Коля приготовился к смерти. Он даже не спросил Наоми, каким образом она появилась неизвестно откуда в этом месте, где он меньше всего предполагал увидеть ее. Теперь он знал, что она прибыла из Австралии, и что Таариф предполагал использовать ее присутствие - заставить толпу броситься на штурм Фаиза, а услышав, что Наоми была в “Аль-Задшире”, ему оставалось только проклинать свою невнимательность, ибо он понимал, какие часы ужаса она пережила будучи совсем неподалеку от него.

Простила ли она его?.. Когда он сам не мог найти себе прощения...

В те минуты, когда Наоми, дрожа, бежала рядом с ним в зарослях кустарника, когда смерть витала над их головами, чудо ее появления было так велико, что он даже не мог его осознать. Ирония судьбы, думал он, понимая, что в любой момент их мо-

гут обнаружить, и тогда он разрядит всю обойму своего "Токарева" в любого, кто окажется рядом с ним, и все кончится, еще не успев начаться.

Он мог только шептать имя Наоми и улыбаться, подбадривая ее, видя рядом с собой ее широко открытые глаза.

Затем появился Амр и Микельников стал свидетелем всего, что произошло. В эти минуты он не мог выстрелить в Дарелла. Мысль о том, что последует за его выстрелом, о новой вспышке насилия, которое тут же охватит толпу и которая представит немедленную страшную опасность для Наоми, заставила его опустить оружие.

Прошло несколько томительных минут, прежде чем они почувствовали себя в безопасности. Но как только Наоми стала приподниматься, он с силой уложил ее обратно на густой покров листьев в их укрытии. Наоми изумленно посмотрела на него. Он понимал насколько она растеряна, какая в ней происходит внутренняя борьба. Большой сильной рукой он нежно коснулся ее исцарапанной щеки и прикрыл полуобнаженную грудь обрывками платья. Наоми, казалось, не обращала внимания на то, в каком она виде.

- Коля? - прошептала она. - Это в самом деле ты?

- Да. Разве не чудо?

- Но откуда ты взялся?

Он коротко рассказал ей.

- А ты?

Она поведала ему о плавании в Джидрат на борту "Королевы Атлантики". Как в поисках спасения скрылась из Будапешта и добралась до Вены, а оттуда вместе с другими беженцами до Рима и наконец покинула Европу навсегда.

- Теперь у меня есть квартира в Брисбене, - сказала она. Эти слова ничего не означали, они просто заполняли пропасть в пространстве и времени, что пролегла между ними. - Австралия - прекрасная страна. У меня отличная работа. И я обрела там счастье.

- Понимаю. Ты вернешься иуда?

Она вспомнила недавно владевший ею ужас.

- Если удастся выбраться.

- Теперь все можно устроить.

- Что ж, - сказала она, - если удастся, я вернусь в Брисбен.

- Наоми...

- нет, - сказала она.

- Неужели ты никогда так и не простишь меня?

- Как я могу?

- Если бы ты не исчезла, я пришел бы к тебе на помощь. Я искал тебя повсюду, во всех городах, где мне приходилось бывать, я кидался за каждой женщиной с черными волосами и твоей фигурой и при каждом очередном разочаровании чувствовал, что гибну.

- Может, так было бы лучше.

- Посмотри на меня, Наоми. - Она подняла на него глаза. Он в упор смотрел на нее. Но губы его дрожали. - Мы по-прежнему муж и жена, Наоми?

- Конечно. Ведь мы не разводились.

- Значит, ты остаешься моей женой?

- Для тебя это ничего не значит.

- Твой отец и твои братья...

- Я запретила себе думать об этом.

- И все же ты так ненавидишь меня?

- У меня нет к тебе ненависти. Прошлой ночью, когда я лежала и думала, что жить мне осталось недолго, я перестала испытывать к тебе ненависть, Коля. Я хотела помнить только о том, как у нас с тобой все было, как прекрасно ты относился ко мне, как мы любили друг друга.

- Я по-прежнему люблю тебя, - сказал он.

- Ты убил их, - сказала она, имея в виду своего отца и братьев.

Он ничего не ответил. Он не искал себе оправданий в том, что был вынужден выполнять приказ, дабы избежать расстрела на месте, после чего приказ выполнил бы кто-нибудь другой. Он не мог рассказать ей, как протестовал против планов генерала Мурова. Ничто не могло помочь ему.

- Значит, все кончено? - прошептал он.

- Ты не понимаешь. Я простила тебя, - сказала она. - Но это ничего не значит. Разве ты изменился? Разве ты не поступил бы точно так же, окажись мы снова в той ситуации? Разве не так?

- Не знаю. - В тени, падавшей от крон олеандров, у него было грустное и сумрачное лицо. Он думал о Дарелле, о тех обязанностях, которые ему предстоит выполнить. Когда всему этому придет конец? Когда машина государства оставит его в покое, чтобы он мог почувствовать себя человеком? - Не знаю, - повторил он.

На пустой дорожке, ведущей от ворот Баб эс-Салам показался Дарелл. Он шел один, медленно и устало, опустив руки. Он искал их, Колю и Наоми. Он слышал об австралийской девушке и о русском, которые исчезли, когда имам открыл ворота.

Микельниов понял, что Дарелл разыскивает его.

Он встал, держа в руке “Токарев”.

- Дарелл, - окликнул он.

Дарелл наконец увидел его. Руки он держал опущенными. Он был под прицелом оружия Микельникова. Лицо его было залито солнцем, и он спокойно ждал.

- Коля, - закричала Наоми, - что ты делаешь?

- Не встревай! Это касается только меня и его.

- Но он же спас нас, Коля! Спрячь револьвер!..

- Я должен сделать свою работу, - мучительно борясь со словами, застрявшими у него в горле, выдавил Микельников, - Ты понимаешь, в каком я положении? Я то мне никогда не вернуться домой!

- Правильно. В противном случае они убьют тебя, - сказал Дарелл. - Люди, на которых ты работаешь, случается ведут себя подобным образом. И ты все еще жаждешь оставаться с ними?

- Да. Я не испытываю желания скитаться одиноким и бездомным, как... как...

Он смотрел на Наоми.

Внезапно рванувшись, Наоми продралась сквозь заросли кустарника и встала рядом с американцем. На ее бледном лице светились глаза.

- Тогда убивай нас обоих, - сказала она. - Раз ты ни на что другое не способен, Коля. Я тоже была одинокой и бездомной. Так что убей меня, как ты убил моего отца и моих братьев! - Микельников не отводил от нее взгляда. Высокий и сильный человек, он был готов исполнить свой долг, его готовили к этому всю жизнь.

Дарелл ждал. Он понимал, что бессмысленно даже пытаться выхватить оружие. Он не понимал, что происходит между женщиной и этим русским. Оставалось только стоять под жгучим солнцем и удивляться.

- Наоми! - прошептал Коля. - Я никогда не смогу вернуться, если я...

- Вернуться к чему? - спросила она.

- Я... я не знаю.

- Если ты любишь меня, Коля, оставайся со мной!

- С тобой?

- Да!

- Я там не нужен, - сказал он. - Меня не примут.

- Нет примут7 Да! М н е ты нужен. Поэтому тебя и примут.

Майлор Николай Микельников стоял на пороге, за которым решалась его судьба. Он мог сделать шаг в любую сторону. Посмотрев на Наоми и Дарелла, он увидел, что они не боятся. Он видел выражение ее глаз. В них была мольба и надежда. Но не о себе. Она молилась о нем. О нем и, может быть, о новой жизни. Если он сделает шаг вперед, он никогда не вернется к старому. Ему придется навечно связать свою судьбу с ее народом. Он подумал, что, может быть, это будет не так уж и плохо. Может, там я найду себе место, подумал он. Сил и ума у него хватит. Он будет заниматься полезным делом. Будет строить новую жизнь. Искать новые дороги для тех многих, которым выпала на долю судьба Наоми.

Он вдруг засмеялся, отбросил оружие в сторону. "Токарев" отлетел в пыль и грязь у Ворот Мира.

Дарелл нагнулся, поднял его.

- Оставь! Пусть лежит там, - сказал Коля. - Я покончил с прошлым.

- Хотел бы, - сказал Дарелл, - последовать и я твоему примеру.

К вечеру в городе воцарилась тишина и спокойствие. Пожары были потушены. Базары ожили, металлические ставни магазинов исчезли, продавцы, рассевшиеся у своих лотков, попивали горячий сладкий чай и отчаянно торговались.

В Фаиз вернулись слуги, и охрана, проведя развод, разошлась по местам; солдаты подражали четкому маршу гвардии Букингемского дворца - как их в предыдущие годы вымуштровали английские инструкторы.

Снова пошла нефть. Танкеры в заливе походили на странных морских животных, которые оседали все ниже и ниже, принимая в свои чрева сотни тысяч тонн нефти. Солнце опускалось за Джебел Харад, и с моря поддувал холодный ветерок.

Дарелл вспомнил, что погибший моряк называл ветер дыханием Бога.

Порывы ветра обдували Фаиз и залетали в помещение, где он сидел за кофе вместе с Амром и Зорайей. С восточной стороны города поднимался в небо первый лайнер из аэропорта, возобновившего свою работу; огромная серебряная рыба описала в небе круг над Джидратом и взяла курс на запад.

- Значит, она по-прежнему любят друг друга? - спросила Зорайя.

- Да, - ответил Дарелл.

- Что же до тебя, друг мой, - отрывисто сказал Амр, - я дарую тебе свою личную благодарность - и ничего больше. Ты понимаешь? Ни тебе, ни твоему правительству я ничего не обещаю. Ни особых благодеяний, ни особых привилегий. Джидрат будет соблюдать нейтралитет. То, что случилось здесь, - это не зараза, занесенная откуда-то извне. Нет, болезнь гнездится в нас самих. Нам придется многому учиться, многое делать и меняться, прежде чем мы получим право идти в ногу со всем остальным миром. И я могу помочь своим соплеменникам. Весь остаток жизни я посвящу этим заботам. Прошлое будет для меня всего лишь сном, который прошел.

- Никто не просит от вас больше, чем справедливость и благородство для всех, имам Амр, - почтительно сказал Дарелл. Он перевел взгляд на Зорайю. - А вы?

Она ничего не ответила.

- Она моя жена, - сказал Амр. - И она останется со мной.

- Да будет на то воля Аллаха, - сказал Дарелл.

Порывы холодного ветра залетали в разбитое окно консульства Соединенных Штатов. Т.П. Феннер кончил говорить по радиотелефону связь по которому осуществлялась через Карачи. Он представил полный отчет о подавленном мятеже в Джидрате. Говорил долго и убедительно, и то, что услышал в ответ, наполняло его восторгом.

Во-первых, его деятельность за последние сорок восемь часов была оценена самым высшим образом. Ему было приказано

как можно быстрее связаться с новым имамом, выразив ему поддержку и объявив, что новый режим получит немедленное признание. После этого ему останется лишь ждать своего преемника, который уде направляется из Малайи, чтобы сменить его.

Т.П. Феннер получил повышение по службе.

Он вздохнул, испытывая удовольствие, и потянулся за бутылкой бурбона, стоящей на письменном столе. Он хмыкнул. В Париже ему доведется испытать вкус прекрасного старого бренди, решил он. И это будет далеко не самая сложная из его обязанностей.

Да, он испытывал полное удовольствие от деятельности Т.П. Феннера. Сообщение, которое он передал по радиотелефону, может, было несколько приукрашенным, но он сам верил в свою версию событий. А кто может толком доказать, что на самом деле происходило в этом сумасшедшем городе прошлой ночью? Никто. Он находился на своем посту в консульстве, пока снова не воцарились мир и покой.

Никаких хлопот!

И он получил повышение.

Любой успех, решил он, приходит к тому, кто умеет ждать.

Перевел с английского Ил. ПОЛОЦК

Леонид
ЖУХОВИЦКИЙ

ЕСЛИ ВСТАТЬ НА МОЮ СОБАКУ

Я всегда любил смотреть иностранную хронику, всякие там кинопутешествия. И поэтому, конечно, знал, как выглядит Эйфелева башня, или лондонский Сити, или Женевское озеро. Но их цвет представлял себе плохо, даже знаменитый квартал красных фонарей в Амстердаме был для меня серым, потому что телевизор у меня стоял старенький, черно-белый. И уж тем более я не мог вообразить, что все эти города с загадочно звучащими именами будут иметь хоть какое-то отношение к моей очень скромной и в общем-то тоже серой судьбе. Не мог я себе такое вообразить...

Я не сразу понял, что именно мне не нравится.

В общем-то, все было как всегда: пятница, конец рабочего дня, скучные двери конторы, откуда нас, наверное, скоро выгонят - кому нужна третьеразрядная архитектурная мастерская, когда никто ничего не строит, а если и строит, то не по нашим проектам. Потом - пиво в стоячке с мужиками, часовой треп ни о чем. Потом - "Вечерка", купленная в киоске, давка в метро. Теперь вот предстояла давка в трамвае. Домой не тянуло, но и кроме дома деваться было вроде бы некуда. В субботу и воскресенье не предстояло ничего. Старый черно-белый телик надоел до полной обрыдлости, на новый денег не предвиделось, да и не пенсионер все же, чтобы вечер за вечером убаюкивать себя чужими странами, женщинами и сплетнями. В тридцать пять надо

жить, а не глядеть по ящику, как живут другие. Надо - вот только... Съисть-то он съисть, да хто ж ему дасть?

Короче, пятница как пятница. И не просто определить, откуда взялось и почему нарастает ощущение неудобства.

На остановке народу было много, но не толпа - видимо, трамвай недавно отошел. В стороне светилась коммерческая стекляшка. Вяло и словно бы позевывая, я направился к ней. Сигареты, водка, прозрачное бабье белье, толстая и красивая бутылка коньяка ценой как раз в мою месячную зарплату... Скользнув взглядом по убогому шику, я обернулся и постарался вправду зевнуть. А парень, интересовавшийся той же бутылкой, что и я, чуть отодвинулся к жестянкам датского пива.

Неудобство локализовалось. Он, этот парень. Именно он. Глупо, но иных резонов для беспокойства у меня не было.

Парень был помоложе меня, лет, наверное, тридцати. Первое, что замечалось, - кепочка, серая, в серую же, только потемней, клетку. Куртка под импорт, какой-нибудь подольский кооператив, такие называют спортивными, хотя носит их кто попало. Все остальное было так же безлико, как и у меня, как у любого, кто живет на зарплату. Парень как парень, таких в Москве миллион.

Я его не знал, точно не знал, но вот кепочка в клетку почему-то примелькалась. Уже видел ее, по крайней мере сегодня - и в автобусе видел, и в метро, и, похоже, в перерыв, когда ходили с Володькой в "Гастроном" за чаем. Да, кажется, видел - мы стояли в бакалею, а он у молочного прилавка.

Конечно, мог быть и просто случай - ну, совпала дорога, не я же один в громадной Москве езжу с "Павелецкой" на "Сокол". Скорей всего, случай и есть.

Трамвая все не было. Я, будто отчаявшись дождаться, быстро пошел к троллейбусной остановке. И тут же, словно мы резинкой связаны, дернулся малый в кепочке - видно, и ему пригорело изменить надоевший маршрут. Я вернулся к рельсам - и серая кепочка, описав ту же дугу, двинулась к старому, но надежному виду городского транспорта.

Явно и даже не слишком прячась, парень следил за мной.

В общем-то это был бред. Следить за мной? Анекдот. Самый натуральный анекдот.

Кстати, похожий анекдот как раз и существует, я его очень люблю. Мимо таверны в каком-то Техасе проезжает на лошади всадник весь в черном, с ружьем за спиной. Приезжий спрашивает: "Кто это?" Хозяин равнодушно смотрит вслед всаднику: "Вон тот? Это неуловимый Джо". - "А что же его никто не ловит?" - "А кому он на хрен нужен?"

Так вот неуловимый Джо - это я.

Тридцать пять лет, ни денег, ни карьеры, ни перспектив. Приятели есть, даже друзей парочка, во всяком случае, если и

пью иногда, то не один. Завистников не имею, поскольку завидовать нечему. Враги? И этого не удостоился: для вражды нужен хоть какой-нибудь повод. Что есть, так это квартира, четырнадцать метров с сидячей ванной - досталась в качестве компенсации после семейного кораблекрушения, когда родители разбежались по своим новым жизням, швырнув мне, как спасательный плотик, это пристанище в соседнем дворе. Еще по-божески поступили, могли и просто на улицу.

Месть? А за что мне мстить? Я человек мирный, зла никому не желаю, а если бы и пожелал... Ни для добра, ни для зла никаких особых возможностей у меня не имеется.

Однако мой преследователь в серой кепочке был тут, рядом, вот он, не сон и не миф: расположился чуть поодаль, смотрел как бы и не на меня, но краем глаза и на меня. И - ни разу не отвернулся.

Как это у них в книжках называется? Вести? Пасти?

У входа в метро стоял милиционер. Подойти? Но что я скажу?

Впрочем...

Я подошел к милиционеру и, кивнув в сторону остановки, спросил, ходит трамвай или, может, отменили. Постовой тоже глянул в сторону остановки, чего мне и надо было: пусть этот, в кепке, думает, что разговор о нем. Милицией нынче и детей не напугаешь, это так,- но ведь и не помешает.

Парень в кепочке, однако, исчез, затаился за спинами. Ну и хрен с ним. Пусть тоже тревожится, не мне одному.

Постовой сказал, что трамвай ходит, вроде никаких ЧП. Я возразил, что вот уже минут двадцать стою, а его все нет, странновато. Представитель порядка объяснил, что всяко бывает. При этом мы глядели в сторону остановки, будто кого высматривали. Понт был дешевый, но я почувствовал себя уверенней и, когда трамвай все же появился, бросился к нему решительно, не озираясь. Чего бояться-то?

В трамвае было тесно. И все же минуты через полторы я опять заметил серую кепку. Малый протискивался сквозь толчею прямо ко мне. Встал у плеча, сбоку, пробормотав вполне дружественно, то ли сам себе, то ли даже мне:

- Ну, толпень...

Так мы и стояли все мои четыре остановки.

А может, просто педераст, пришло мне в голову совсем уж неожиданное объяснение. Да нет, вряд ли. Тогда чего бы он стал выслеживать полдня.

Выбор у меня был маленький: сойти на своей остановке или пилить дальше. Но дальше - куда? До конечной? А там назад? И что? Да ничего, разве что станет поздней да темней.

Кстати, темновато было уже и сейчас. Не ночь, но близко к тому.

На остановке вышло человек десять. Малый словно приклеился ко мне и уже не делал вид, что пути совпали случайно. Я шел к дому, больше было некуда.

Чего ему надо?

Людской ручеек истончился и пропал вовсе, теперь нас шло двое, я и этот позади. Я остановился, пропуская его вперед. Но и он остановился. До дома оставалось метров двести, вести его туда я вовсе не хотел: и темный двор, и темный подъезд не лучшие места для выяснений отношений.

Теперь мы стояли лицом к лицу, он меня разглядывал, я его. Ростом он был с меня, не выше, просто покрепче и половчей, и хоть мышцы его пока что не были напряжены, чувствовалось, что в своем теле он уверен. Куда больше, чем я в своем.

- Закурить нету? - спросил малый.

Фраза была уж такая банальная! Но, видно, не очень и старался.

- Не курю, - сказал я дружелюбно и развел руками.

Я решил так и держаться - дружелюбно, будто ничего особого не происходило, просто потолкались в одном трамвае.

Меня вдруг осенило: я понял, почему он за мной таскался. Ни почему! Просто принял за другого. Кто-то был нужен, но не я. То ли похож, то ли не на того показали.

- Здоровее будешь, - похвалил малый, после чего произнес совсем бессмысленную фразу: - Ну чего, читаем потихоньку?

- Что читаем? - не понял я.

- Больно много любопытных развелось, - сказал малый.

- Ты меня с кем-то путаешь, - усмехнулся я, - я, может, и любопытный, но чужого ничего не читаю.

- Все разбогатеть хотят, - вновь обобщил мой собеседник.

- Ну я-то не разбогатею.

- Вот и я так думаю, - согласился он, причем в голосе была не резкая, но уж очень уверенная угроза.

- Послушай, - сказал я, - ну чего ты за мной следишь? Тебе другой нужен.

- Какой другой?

- Я-то откуда знаю?

- Другой, значит, да? А ты ни при чем?

- А при чем? Что я, украл, ограбил?

- Не грабил, значит, да?

Разговор шел тупой, дебильный, смысла в нем не было никакого. Может, этот малый чего и хотел, но я-то точно не хотел от него ничего. Однако он пренебрежительно бросал свои бессмысленные фразы, а я отвечал на каждую. На каждую его фразу отвечал.

Причина была простая: он чувствовал свою силу, а я свою слабость. Я не знал, нож у него в кармане или пистолет, или просто он боксер, каратист, самбист, или за углом дома таится

еще кто-то, придающий ему уверенность - ничего такого я не знал. Но кожей понимал, что в драке, если начнется, мне рассчитывать не на что. Поэтому он мог хамить, а мне приходилось быть вежливым.

И еще имелась причина: у него была какая-то цель, он знал, чего хотел, а я хотел только одного - чтобы он от меня отвязался.

- А я вообще никогда не грабил, - сказал я, словно оправдываясь. Но за что? Я был как зритель, которого нахальный клоун вытащил за руку на манеж и дурачит на виду у публики.

- Никогда, значит? - с издевкой усомнился он.

- Слушай, ты меня с кем-то спутал, - опять сказал я, запоздало пытаясь сохранить хоть остатки достоинства.

- У нас не путают, - лениво возразил он. И вдруг, быстрым умелым движением вскинув руку, шлепнул меня по щеке. Не сильно, нет. Просто зафиксировал разницу в положении.

Вот это он зря сделал. Очень зря. Я же его ничем не обидел.

- Ты чего? - вскрикнул я. Фраза вышла глупая, но другой на язык не подвернулось.

- Балуюсь, - сказал он и опять намахнулся - не ударить, а так, попугать. И хоть я это понял, голова рефлекторно дернулась.

В этот момент я уже мало чего соображал. Нож у него или пистолет, разницы не было. Мозг мой работал стремительно, но лишь в одном направлении, остальное значения не имело.

Малый снова намахнулся, ловко, умело, спортивно - и вновь голова моя дернулась.

- Т-ты ч-чего?

Он так - и я так. Хочет, чтобы боялся, буду бояться.

Я даже заикался от страха. И в глазах был ужас. И руки тряслись.

- Читаем, значит? - опять задал он свой дурацкий вопрос,но теперь в голосе была злоба, и я почувствовал, что сейчас ударит по-настоящему. Однако я не отшатнулся - наоборот, вытянул шею вперед, уставясь ему за спину, даже рот разинул от удивления.

Он тоже обернулся.

Тут я ему и врезал.

Я дрался в своей жизни не так уж много, в основном в школьные времена, и большим специалистом по этой части не был. Но один раз попасть носком ботинка в коленную чашечку - на это меня хватило. Малый вскрикнул, согнулся от боли, и я изо всех сил двинул ему сбоку в скулу. Его повело в сторону, он бы, может, и так упал, а я еще помог вторым ударом.

Это ему было за пощечину.

Но тут злость моя прошла, а страх вернулся, и я что было сил рванул к дому. Я не знал, быстро он поднимается или нет. А ведь мне предстояло не только добраться до квартиры, но и от-

крыть дверь, как-никак два замка, если руки не дрожат.

Мой дом, кирпичный, восьмиэтажный, был построен почти замкнутым квадратом, лишь один просвет на все про все - и для людей, и для машин. В этом просвете я чуть притормозил и оглянулся. Малый медленно приподнимался. Может, он и видел, куда я бегу, но я юркнул в подъезд прежде, чем он показался во дворе.

Лифт был внизу. Я нажал кнопку своего шестого. Дверь отворил быстро и так же быстро закрыл изнутри, на оба замка. Внизу, в подъезде, не хлопнуло и не скрипнуло, вряд ли этот подонок заметил, куда я нырнул.

Я прошел в комнату, машинально зажег свет и тут же погасил. Успел он разглядеть, какое окно мигнуло?

Из-за шторки я глянул вниз. Никого. Вроде никого. Может, прячется за машинами; за трансформаторной будкой, за мусорными баками?

Бред...

Хотелось есть. Но кухня тоже выходила во двор. Впрочем, света снаружи, из чужих окон, хватило, чтобы вскипятить чайник, нарезать хлеб и достать из холодильника вареную колбасу, самую хреновую, зато и самую дешевую из всех, что лежат в нашем магазине.

Поел. Снова глянул в окно.

Да нет, вроде пусто.

Вообще-то дурака свалял. Как первоклассник - сразу к дому. Кто мешал рвануть в следующий двор, там проходным подъездом в переулок, обежать кругом.

А, ладно. Чего я себе морочу голову. Ну, пристал какой-то ублюдок. Может, просто искал приключений, есть такие артисты, для хохмы могут человека убить, развлекаются за чужой счет. В институте в соседней группе была такая мразь - с год занимался карате, а потом даже на дискотеку ходил не потанцевать, а самоутвердиться. Небось и этот из таких. В другой раз будет поосторожней.

Прежде чем ложиться, я опять глянул в окно - сторожась, из-за занавески. Да нет, пусто. Никого.

Я лег. Сна, к сожалению, не было ни в одном глазу. Зажег лампу над кроватью и читал часа полтора. О происшедшем больше не думал. Мало ли психов на свете?

Разбудил меня телефонный звонок. Я нащупал трубку:

- Алло!

Молчание.

- Говорите!

Молчание.

- Перезвоните, не слышно.

Я положил трубку, зажег лампу. Четверть седьмого. Рановато. Так рано мне не звонят.

Полежал минут пятнадцать - никто не перезванивал. Может, номером ошиблись? Ну и черт с ним. Высплюсь, а уж там покумекаю, что к чему.

Снова я проснулся около десяти и опять от звонка. И опять трубка молчала. Это мне, надо сказать, уже всерьез не понравилось.

Похоже, кто-то проверял, дома я или нет.

Я поставил себе кофе, сделал яичницу, к сожалению, из одного яйца, больше не было. Хлеб зачерствел, но в черством хлебе есть свой кайф, как, впрочем, в любой еде.

Вымыл посуду, кинул в сушку. И, словно вспомнив что-то, подошел к окну.

Во дворе было довольно людно. Две бабуси с колясками сидели на лавочке у трансформаторной будки. Девочка лет десяти бежала через двор. Гражданин в шляпе вышел из подъезда напротив и хорошим мужским шагом двинулся к выходу на улицу, а оттуда, навстречу ему, прошла женщина с авоськой.

Все.

Я успокоился. Ну, звонят. Не думать же об этом всю оставшуюся жизнь. Бог даст, само прояснится.

Часов в двенадцать был еще звонок. Молчание.

Может, телефон барахлит.

Я звякнул Антону, попросил перезвонить. Нет, все работало - и он меня слышал, и я его. Никаких проблем. Антон спросил, что собираюсь делать. Сказал, сбегаю в магазин, а дальше планов нет. Договорились потом перезвониться. Найдется третий, сгоняем в преферанс.

Я уже накинул куртку и взял авоську, когда вновь позвонили. Поднял трубку - молчание. За окном был день, суббота, людные улицы. Страха я не ощущал, одно раздражение. Я спросил резко:

- Чего надо?

Неожиданно трубка ответила женским голосом:

- Мужичок, а мужичок...

От сердца отлегло. Всего-то и делов. А я уж напридумывал...

- Ну чего? - спросил я вполне дружелюбно.

- Трахнуться хочешь? - прозвучало из трубки. И смех, глуховатый, как бы в сторону.

- Смотря с кем, - ответил я, не слишком удивившись.

- Да хоть со мной.

Голос мне знаком не был.

- А ты какая?

- Горбатая, - сказала женщина и вновь засмеялась.

- Тогда приходи, - сказал я весело, - как раз в моем вкусе.

А не удивился я вот почему. В нашей конторе подобные разговоры шли постоянно и не означали ничего - так, гимнастика языка, свидетельство непринужденности атмосферы и сближе-

ния полов. Тексты выдавались и покруче, матерная речь прочно вошла в обиходную. Мне этот взлет эмансипации не нравился, но кто я такой, чтобы учить жить других?

- Тебя как звать-то? - спросили оттуда.

- Вася, - это веселое имя первым пришло на ум, - а ты кто?

- Я-то? - Она помедлила и засмеялась вновь - ох, и смешливая девушка. - Дуня.

Так мы потрепались еще немного: она сказала, чтобы расстилал кровать, а я - чтобы не надевала трусиков. Откуда она узнала мой телефон, спрашивать не стал, все равно соврет.

Потом она сказала то ли мне, то ли еще кому-то:

- Ты смотри, выходит, человек хороший.

Я подтвердил, что да, хороший.

И вдруг она проговорила совсем другим тоном, серьезно:

- А хороший, так сиди сегодня дома.

- В каком смысле? - не понял я.

- На улицу не выходи.

- Почему?

- Целей будешь. Не выходи на улицу.

Опять бред.Полный бред. Но в незнакомом женском голосе было вполне серьезное сочувствие.

- Слушай, - спросил я не сразу, - а в чем дело? А?

- В чем, в чем... Это тебе знать, в чем.

- Да не знаю я ничего!

- Так уж и не знаешь?

- Ну, честное слово.

Мы ни слова не сказали о сути, но я чувствовал, что говорим об одном и том же.

- Чего ты натворил?

- Да ничего я не творил! Никому никакого зла не сделал.

- Так не бывает, - сказала она и вздохнула. - В общем, пока что сиди дома и не высовывайся. Понял?

- Понял, - ответил я.

- Вот и сиди.

Почему я сразу ей не поверил? Не знаю. Наверное, сработали не столько слова, сколько сочувственная интонация.

- У меня даже хлеба нет, - сказал я растерянно.

- Дом большой?

- Мой, что ли?

- Ну не мой же, - с досадой бросила Дуня, или как ее там.

- Нормальный. Восемь этажей.

- Вот и попроси, пусть жрачку принесут.

- Кто принесет?

- Ну не я же.

- И долго мне сидеть?

- Как получится.

На этой тюремной фразе кончать разговор не хотелось, и я

вернулся к ее первым дурашливым фразам:

- А трахаться когда же будем?

- Останешься живой, успеем, - сказала она.

- Слушай, а лет тебе сколько?

- Сто, - сказала она и засмеялась. Очень веселая попалась собеседница.

- Нет, правда?

- Ну, двадцать. А тебе?

- Старый уже. Тридцать пять.

- В самом соку, - хмыкнула она.

- А ты вообще-то...

Гудки, гудки...

Кто она? Что она?

Вновь подошел к окну, глянул. Нет, все спокойно.

Подумав, однако же, залез на подоконник, как сумел, высунулся в форточку. И опять зазнобило.

Вот оно! На кирпичной приступке у соседнего подъезда сидел с газеткой крупный молодой мужик. Лицом, между прочим, к моему подъезду. Сверху мне были видны только широкие массивные плечи, объемистые ноги и кепка. Серая. Похоже, в клетку.

Я пригляделся. Ну да, в клетку.

Мужик был не тот, которому я вчера двинул в колено, покрупней, сильно покрупней.

Форма, что ли, у них такая? И у кого - у них?

Я слез с подоконника, сел на лежанку и сидел тупо минут пятнадцать. Это был полный бред, но за время со вчерашнего вечера я к нему привык и воспринимал как данность. Следят. Почему-то следят. И некогда разбираться, кто следит и почему - главное просто уцелеть в этом абсурде.

Я снова залез на подоконник. Тот, на приступочке, даже позы не сменил. Я смотрел сверху на его кепочку. Чего ему надо?

Убить меня. Но за что?

Нет, искать логику в абсурде было бесполезно;

Я опять подумал про милицию. Телефон под рукой, ноль-два, а там скажут, к кому конкретно обратиться. Но что я скажу?

Следят? А где доказательства? Может, человек просто сидит, газетку читает. Ну, подойдут, спросят, проверят документы. Не предъявит же он членский билет какой-нибудь там мафии! А за серую кепочку не посадят, это точно. Так что они уедут, а он останется. Или придет другой, уже не в кепочке. Не поставят же у подъезда троих ментов охранять мое спокойствие.

Внизу, в нашем подъезде, хлопнула дверь, кто-то вышел. Потом стало видно - мужчина с портфелем. Малый в кепочке прошел за ним десяток быстрых шагов и, догнав, что-то сказал. Тот остановился, достал зажигалочку. Мой сторож не спеша закурил и вернулся к себе на приступочку.

Тут моя мысль опять заработала молниеносно.

Дверь! Прежде всего дверь. Вроде крепкая, дощатая, года два назад еще укрепили, ходили по дому такие умельцы, загоняли в стену железные штыри и брали за это полсотни, по нынешним временам даром. Все укрепили, и я укрепил. Слава богу!

Я, конечно, понимал, что эта броня ни от чего не предохранит, понимал, что те, кто захочет дверь выломать, сделают это без труда, и ничем от них не защитишься. Но я все же положил на ящик для обуви топорик для рубки мяса и два длинных кухонных ножа. Автомат бы сюда! Да где там - автоматы у нас только для власти да для мафии...

Теперь надо было кому-то звонить насчет еды. Ксанке? Бабу втягивать не хотелось, тем более такую трусливую. Дюшки нет в Москве, да и тоже баба.

Кому?

Выбор в общем-то был небольшой: Антоха и Федулкин. Антон был умней и надежней, зато Федулкин авантюрист: чем нелепей ситуация, тем для него больший кайф. Я позвонил Федулкину, но телефон не ответил. Перезвонил - опять молчок. Тогда набрал Антона.

Я сразу же спросил:

- Можешь забежать, не откладывая?

- А что случилось?

- Потом объясню.

- Но мы же на вечер договаривались?

- Все изменилось. Так можешь?

- Если надо, могу.

- Купи по дороге хлеба и вообще побольше жратвы.

- Гости, что ли?

- Нет.

- А тогда почему...

- Потом объясню. Теперь слушай внимательно. Лифтом поднимись на восьмой этаж, оттуда тихонько спустишься. Не звони, просто поскребись, я буду ждать. Если кто спросит куда, скажи, в сто двенадцатую, к Ревуновым.

- Старик, что за тайны? - возмутился Антон.

- Потом объясню. Только запомни - это все очень серьезно. Никто не должен видеть, что ты ко мне. Если кто сунется с тобой в лифт, лучше не езжай, сделай вид, что передумал. А потом перезвони мне.

- В подполье ушел? - раздраженно поинтересовался он.

- Потом объясню.

Я ждал Антоху часа полтора. И почти все это время провел у окна, за занавеской. Мне повезло: я увидел, как здоровенный малый в серой кепочке идет со двора, к проходу между домами, помахивая газеткой.

Неужели конец наваждению?

Да нет, рано обрадовался. Из-за трансформаторной будки появился высокий парень в толстом свитере и пошел навстречу. Они не остановились, похоже, и словом не перемолвились, но я увидел, как газета перешла из ладони в ладонь, будто эстафетная палочка. Так что читателей в нашем дворе не убыло.

С Антохой вышло удачно. При двух авоськах он смотрелся типичным отцом семейства, безропотным добытчиком, тратящим полсубботы на магазины, пока жена, умотанная за неделю, стирает, варит или купает детей... Он сработал точно по инструкции: я слышал, как дверца лифта хлопнула на последнем этаже, а вот ко мне он прокрался, как босой индеец.

Я сразу запер дверь на оба замка. Антоха надел тапочки, прошел за мной на кухню и спросил:

- Ты хоть объясни, кто я - шпион или контрразведчик?

- Старик, сам бы смеялся, но...

Видно, рожа у меня была выразительная. Антон сел к окну на табуретку.

- Ну, давай.

Я стал рассказывать, не пропуская подробностей, поскольку не знал, какая из них важна. По сути, рассказывал не только Антону, но и самому себе, запинаясь, останавливаясь, пытаясь осмыслить происходящее и хоть приблизительно понять, что за ним стоит. Ведь должно что-то стоять.

Увы, ничего не прояснилось.

Впрочем, на себя я не слишком надеялся, больше на Антоху.

Антона я знал со школы, да и потом наша компания долго держалась, по крайней мере, на все праздники киряли коллективом. Дальше, однако, начались женитьбы, дети, у кого-то пошла карьера - школьное братство подтаивало с разных сторон, пока однажды мы с Антохой не обнаружили, что в трезвой будничной реальности у нас обоих только и есть, что мы оба, а больше никого.

Приятели были, появлялись и новые, а вот друзей так и не прибыло, разве что Федулкин, но частично и с оговорками.

У Антона была хорошая голова, он хвастался, что в отличие от меня мыслит логически, и охотно давал советы, почти всегда хорошие. Окончил он автодорожный, но зарабатывал репетиторством в кооперативе и утверждал, что это работа творческая.

- Ну? - спросил я.

Антоха задумался, но ненадолго.

- Давай логически. Сперва только факты. Итак, за тобой следят, это факт. Знают твой телефон - почти факт. Какая-то баба тебе сочувствует... Впрочем, это уже не факт, это предположение.

- А зачем иначе звонила? - возразил я, мне было жаль расставаться с таинственной доброхоткой.

- Ну, допустим, тебя решили зачем-то запугать. Тогда ее зво-

нок деталь плана. Ведь что она практически сказала? Сиди дома, а то убьют.

- Но зачем меня запугивать?

Антон пожал плечами.

- Откуда я знаю? Я ведь сразу сказал - пока только предположение. Итак, следят... Стоп! Она ведь спросила, как тебя зовут, да?

- Спросила.

- Странно. Следят, знают, где живешь, знают телефон - а имя нет? Пожалуй, она и в самом деле не с ними.

- А не могли специально, для правдоподобия? Если, как ты сказал, хотят запугать.

Он задумался буквально на секунду.

- Слишком заковыристо. К чему им эти сложности? Ну назови она по имени, и что? Меньше испугался бы? Наоборот, больше. Что, не так?

Я согласился - так.

- Того, в кепке, в первый раз увидел вчера?

Я кивнул.

- Точно?

- Абсолютно.

- Значит, в какой-то из последних дней что-то произошло... Ладно, давай-ка сперва поищем причину. Тебя преследуют, это факт. У преследования должна быть причина... Как думаешь, этот топтун еще там?

Я полез на подоконник. Новый топтун, долговязый, в свитере, обретался на той же приступочке с той же газетой, впрочем, газета могла быть и не та.

- Сидит, - проинформировал я.

Антоха кивнул рассеянно - он был здорово озадачен.

- Преследовать можно ради денег, - сказал он, - но с тобой это отпадает. Политика?

- Это уж точно нет.

- КГБ?

- На черта я им сдался?

- Вот и я так думаю, - согласился Антон. - Хотят ограбить?

Эту версию мы даже не стали обсуждать, грабить меня и нищий побрезгует.

- Остаются бабы, - заключил Антон, - тут и надо искать. Между прочим, вполне достойный повод и для слежки, и для мести. Как у тебя с бабами в последнее время?

- Как всегда.

- Новые были?

- Увы. Уже четыре месяца те же самые.

- Замужние?

- Их всего-то три, и все холостячки. Ксанку знаешь, остальные от случая к случаю.

- Версия номер один, - сказал Антоха и начертил пальцем в воздухе единицу, - ревность. Представь: у той же Ксанки возник хахаль. Скажем, мафиози. Ну и решил на всякий случай за ней последить. А потом и за тобой. Можешь исключить?

- В принципе, конечно, не могу...

В принципе я не мог - как, впрочем, не мог и представить трусиху Ксанку роковой любовью романтического мафиози. Хотя, с другой стороны, в мафию заносит всяких.

- Ну, допустим, - принял я, - одна версия. А вторая?

- Вторая? - Он пошевелил губами. - Вторая, кстати, вполне реальная - ты кому-то сильно мешаешь. И тебя хотят нейтрализовать. Скажем, запугать. Чтобы не совался, куда не следует.

- А куда я суюсь?

- Куда-нибудь ведь суешься. Все куда-нибудь суются.

Его логическое мышление мне порядком надоело, и я возразил:

- Все суются, а я не суюсь.

- На митинги таскался?

- Был тогда, на антифашистском. Кстати, вместе с тобой.

- Вот видишь!

- Там полмиллиона было.

Обычно Антон в спорах был упрям до занудливости, но тут неожиданно легко уступил:

- Ты прав - все возможно и все не убедительно. Обе версии висят. Значит, есть четвертая.

В голосе его было скрытое торжество и я спросил с надеждой:

- Какая?

Антон усмехнулся и сказал:

- Старик, это Федулкин.

-Федулкин? - изумился я.

- Именно, - подтвердил он.

- Почему ты так считаешь?

Это я не спорил, а просто спросил.

- А кто еще? - снова усмехнулся Антоха.

Я задумался. Аргумент был сильный. Чушь, бессмыслица, бред - это была типичная манера Федулкина. Не факт, что все затеял он, но вполне мог быть и он.

Мне Федулкин был скорей приятель, а Антохе почти друг. Когда-то они вместе поступили в институт. Антон его закончил, а Федулкина выгнали. Его и дальше выгоняли отовсюду, куда бы он ни проникал, иногда через три дня, иногда через год, а дольше он не держался. Федулкин был романтик, авантюрист, искатель истины, борец за... Впрочем, мне трудно найти идею, за которую он хоть неделю да не боролся. Он был женат раза четыре, а может, семь, а может, двенадцать - во всяком случае, не меньше дюжины дам в разное время претендовали на его

надежную мужскую руку. Федулкин вовсе не был бабником, просто он с готовностью женился на всякой, которая настаивала. Благотворительная идея сделать из Федулкина человека быстро себя изживала, и, если новая супруга успевала унести ноги до третьего аборта, можно было считать, что ей здорово повезло. При этом Федулкин был малый добрый и щедрый, всегда готовый отдать последнее. К сожалению, у него, как правило, не было последнего, как и предпоследнего, как и первого, - в его панельной конуре валялось по углам лишь совершенно бросовое имущество, забытое в панике удиравшими женами. Спал он на тюфяке, которым побрезговал бы породистый пес, ел в гостях, гладить штаны считал преступной тратой единственной жизни, полы в промежутках между женами не подметались. В силу всех этих причин считалось, что Федулкин человек самобытный и талантливый. Отчасти, наверное, так оно и было. Но, к сожалению, сам он полагал, что его талант имеет совершенно конкретную направленность, а именно литературную - и вот это было сущим бедствием для знакомых. Единственной собственной вещью Федулкина была пишущая машинка, на которой он сочинял и размножал то, что называл когда новеллой, когда триллером, когда сразу бестселлером. Пачки машинописи он растаскивал по знакомым, а потом в самый неподходящий момент являлся и требовал похвал. Таскался он и по журналам, но завистники редакторы не хотели печатать. Писал он все: романы, статьи, пьесы, все, кроме стихов, - но когда я в период брака приводил в его берлогу левых девочек, я аттестовал хозяина именно как поэта, чтобы федулкинский бардак сошел за поэтический беспорядок.

И еще была у нашего приятеля тревожная черта: он полагал себя человеком остроумным и время от времени устраивал сложные, тупые, порой опасные розыгрыши, которые важно называл хепенингами.

Словом, скучно с Федулкиным не было...

- А ведь в самом деле, - сказал я с надеждой. Имя Федулкина объясняло все.

Антон вытянул палец.

- Помнишь ту его теорию?

- Какую? - наморщил я лоб, ибо теорий у Федулкина хватало.

- Насчет искусства, что все должно быть документально? Ну, точно по жизни. А если такой жизни, как надо, нет, надо ее сперва сконструировать, а уж потом изобразить с присущим ему талантом... Ну помнишь, в Мневниках, когда портвейн хлестали?

Я пожал плечами. Тогда в Мневниках была симпатичная вечеринка, мне понравилась девочка, к сожалению, ничего не вышло - но весь вечер я был слишком занят, чтобы вникать в теории Федулкина.

- Короче, он так говорил. А все, что сейчас происходит, типичная конструкция. Напугать и посмотреть, как будешь реагировать.

- И телефонная девка из конструкции?

Тут он ухмыльнулся:

- Боюсь, что да.

- Вот это жаль.

Теперь, когда что-то было ясно, ко мне вернулось ощущение жизни во всей ее полноте.

- Он давно у тебя был?

- С неделю. Роман оставил.

- Роман?

- Может, повесть, я не заглядывал. Хотя придется. Ему ведь, гаду, мало, что похвалят, ему еще надо изложить, что особо потрясло.

- У меня тоже лежит нетленное творение,- вздохнул Антоха, - в такой красивой папке... Я уж думал нетленку похвалить, а папку конфисковать.

- Похвали повыразительней, он про папку и не вспомнит.

Мы посмеялись. Я взял федулкинскую рукопись - она так и лежала, где он положил, в кухне на подоконнике, - откинул оберточный лист. Заглавие было - "Хроника эксперимента". Я прочел вслух начальные строчки:

- "Они говорят, надо изучать жизнь, и тогда, мол, будешь хорошо писать. Какая пошлая дурость! Как можно жизнь изучать, разве это математика? Надо не изучать, а ЖИТЬ! Именно ЖИТЬ! Только то, что ты испытал на себе, ты сумеешь талантливо, то есть правдиво и красочно, описать. Да, да, да! И если ты пишешь роман из жизни убийц, ты обязан убивать, а если из жизни насильников, ты обязан насиловать. Разумеется, я говорю фигурально, ибо "гений и злодейство - две вещи не совместные". Но надо создавать ситуации, близкие к твоей теме и идее, действовать по принципу хепенинга - тогда и твое творчество будет наполнено живым дыханием жизни..."

- Стилист! - сказал Антон.

Я прочел еще абзац:

- "Данная рукопись всего лишь заготовка. Но я буду писать свою хронику в полную мощь, как будто эта книга у меня последняя, я буду стараться зафиксировать не только свои действия и действия других людей, но и переживания, мысли и чувства, ибо они тоже составляют жизнь, и только то, что пережито, способно волновать миллионы людей".

- На тысячи не согласен, - сказал Антоха, - замах-то, а?

- Классик, - согласился я и отложил рукопись.

Он взял у меня федулкинское творение и начал листать, хмыкая и покачивая головой.

- Полная мощь? - спросил я.

- А как же! Сюжет - не оторвешься.

- Что там?

- Выясняет имя собаки.

- Агата Кристи, - похвалил я.

Тут опять позвонили. Я взял трубку.

Молчание.

- Жертва эксперимента слушает, - сказал я. Трубка не ответила, и я успокоил молчаливого собеседника: - Подопытный кролик здоров, чего и вам желает.

Гудки.

- Шекспир чертов, - сказал я, - проверяет. Эх, жаль, надо было вида не подавать, включиться в хепенинг.

Антон придвинул аппарат к себе, набрал номер.

- Не отвечает, - сказал он, - наверное, не из дома.

Я, вспомнив, вновь взобрался на подоконник, выглянул. Малый сидел на месте. Я опять ощутил что-то вроде беспокойства. Ну, розыгрыш. Но что-то уж больно продолжительный. Ведь не платит же Федулкин этим амбалам! А задаром кто сейчас станет губить рабочий день?

Тем не менее Антоху я проинформировал весело:

- Сидит!

- Хепенинг! - отозвался Антон. Видимо, он думал о том же, о чем и я. - Помнишь, он в спортзале ночным сторожем работал?

- Так его же выгнали.

- Ну и что? Федулкина не знаешь? Отовсюду гонят, но везде любят. А уж начнет уговаривать, с его-то напором...

Федулкинский напор мы оба знали.

Теперь нам самим было любопытно, как поведет себя тот у подъезда, если мы просто выйдем и, допустим, двинем в центр. У Федулкина свой эксперимент, а у нас будет свой.

- Стоп, - сказал вдруг Антоха, - минуту. Я знаю, где он. Помнишь Нинку, светленькую, пончик такой? Он у нее уже недели две кантуется.

- Позвони.

- Номер не помню, где-то на бумажке записал... Ладно, как пойду, загляну, она же за квартал от меня... Ну чего - в центр?

Я сказал, что расхотелось. Вообще-то причина была другая: а вдруг эта девка позвонит. Уж больно голосишко был своеобразный, что-то есть. Велела сидеть дома - надо сидеть. Я подумал, что хорошо бы ее сегодня зазвать на ночь. После всех волнений - в самый раз. Ведь обещала - будешь живой, трахнемся. А я как раз живой.

Мы сыграли пару партий в шахматишки, попили чаю, и Антон ушел, пообещав сразу звякнуть из дому. Прежде чем его выпустить, я все же прислушался - но на лестничной площадке не было никого. В окно я видел, как Антоха вышел из подъезда и скрылся в проходе - малый в свитере лишь лениво глянул ему вослед.

Хепенинг...

Дуня, или как ее там, позвонила через час с чем-нибудь.

- Живой?

- Как видишь. Вот только...

- Чего? - спросила она с легкой тревогой.

- Скучаю. Пришла бы повеселила.

- Еще духарится, - сказала она опять как бы не мне, а кому-то рядом. Может, как раз Федулкину?

- Так придешь? - спросил я.

В ответ последовало указание:

- Сиди и не высовывайся.

- А я чего делаю? Сижу, жду тебя, сама обещала... Да, кстати, Федулкин далеко?

- Кто? - удивленно прозвучало в трубке.

Удивление это не значило ничего, и я повторил как ни в чем не бывало:

- Федулкин.

- Крыша поехала, - объяснила Дуня кому-то рядом, и лишь потом посоветовала мне: - Знаешь что, Вася. Не ищи приключений, они тебя сами найдут.

- А меня обижать не за что, - возразил я. - Я Федулкина всегда хвалил.

- Да пошел ты со своим Федулкиным! - взорвалась она, но вдруг быстро проговорила: - Ладно, потом.

И вновь из трубки пошли гудки.

Вскоре опять позвонили - но теперь на мое “алло” никто не ответил. Я снова глянул с подоконника вниз. У соседнего подъезда никого не было. Оглядел сверху двор - он был абсолютно безгрешен, ни одной опасной фигуры. Похоже, игра кончилась.

Мне вдруг стало удивительно легко. Все-таки эта глупость нервы потрепала. Черт бы их всех побрал с их хепенингами, суки, юмористы за чужой счет.

Опять позвонили. Я пару раз сказал “алло” и уже хотел класть трубку, но оказалось, Антон.

- Все в норме? - спросил он. Голос был странный, словно бы пустой, никакого выражения.

- Естественно, - сказал я, - а у тебя?

И опять он ответил через паузу:

- Понимаешь... В общем, за мной тоже следили.

- Как? - не поверил я. - Я же в окно смотрел, тот в свитере так и остался у подъезда.

- А там еще один был на улице. Может, я ошибаюсь, но вряд ли. Специально попетлял. Куда я, туда и он.

- И чем кончилось?

- Схватил частника, проехал две улицы и нырнул в метро. Оторвался.

- Хепенинг разрастается, - задумчиво проговорил я. - У тебя

нет ощущения, что Федулкин малость заигрался?

- Это не Федулкин, - тем же пустым голосом ответил Антон, - Федулкина в понедельник хоронят.

- Да ты что! - заорал я.

- Вот так вот, - сказал Антон, - я на него грешу, а он в морге. В четверг ночевал у Нинки, в пятницу не вернулся. А утром нашли на тротуаре у детского садика.

- И кто его? - спросил я отупело.

- Они не докладывали. Чем-то по голове, насмерть.

- А Нинка что говорит?

- Она же дура. Кусок мяса. Вопит, что ни при чем, вот и все.

Он замолчал. И мне говорить не хотелось. Потом я все же произнес неопределенно:

- Что-то мне все это здорово не нравится.

Тут же мне стало стыдно, потому что подумал я не о Федулкине, лежащем в морге, а о нас, живых. Но, похоже, и у Антона мысль качнулась туда же.

- Я вот кобелюсь, - сказал он, - может, сразу стоило в милицию позвонить?

- И что сказать?

- Приехали бы хоть, паспорта у этих проверили.

- Думаешь, приедут?

- Толково объяснишь, приедут. А так что - сидеть и ждать?

Тут я задал вопрос, который не шел у меня из головы:

- Как думаешь, Федулкин и что за нами следят - как-то связано?

- Сам башку ломаю, - сказал Антон. - Связи вроде и нет, но, с другой стороны, друзья, одна компания. Его убивают, за нами следят. За обоими. Многовато случайностей.

- Глянь в окно, - попросил я, - есть кто?

Антон жил на втором этаже, у него обзор был хороший.

Сам я тоже пошел к окну, а на подоконник даже не влез, а прокрался, закрываясь занавеской: я не знал, чего можно ждать, значит, ждать можно было всего. На сей раз я увидел двоих - один стерег подъезд, только не читал, а прогуливался, другой в проходе, у стены, стоял и курил. Новые мужики были или те же, разобрать было трудновато, на весь двор горело два фонаря. Но курившего в проходе я вроде бы узнал - тот, что следил за мной по городу, а потом пугал в переулке.

Я вернулся к трубке. Антон сказал, что у него перед домом никого нет, во всяком случае, не видно, а у них там и спрятаться негде, улица да напротив забор. Я рассказал, как у меня.

- А эта больше не звонила?

Я сразу понял, о ком речь:

- Велела не высовываться.

Он думал секунд пять, не больше:

- Надо звонить в милицию. Звони прямо сейчас.

- А что скажу?

- Как есть, так и скажи.

Я попросил:

- Звякни ты, у тебя лучше получится. Тем более ты тех двоих рядом видел, а я из окна.

Помедлив, Антон обещал позвонить.

Мне оставалось только ждать. И сразу появилось пустое время, то есть свободное - но вот для чего? Звонить? Кому? И что сказать? Была мысль набирать чуть ли не все номера знакомых и, так сказать, информировать, чтобы, если что, хоть люди знали, авось кто и придумает, как помочь. Но потом остановило самое простое соображение: а если - ничего? Если те внизу просто уйдут и никогда больше не возникнут? Выяснится какая-то ошибка, поймут, что я им ни с какой точки зрения не интересен, исчезнут, и все - что тогда? Тогда я на годы и годы стану живым анекдотом, суетливым трусом, и друзья-приятели по любому поводу станут вспоминать. Что паникеров в войну расстреливали.

Я погасил свет, опять поторчал у окна, однако увидел только сумерки.

Странно, но я вдруг как-то очень отчетливо представил себе Москву за окнами, не вообще столицу, а мою Москву данной минуты, где для меня имели значение лишь три крохотные точки, ну, четыре: я в своей квартирке с дверью, укрепленной штырями против неумелых воров, Антон в своей коммуналке - сейчас это был плюс, в коммуналке хоть соседи, свидетели, просто люди, способные хоть в фортку заорать от страха, еще милицейская машина, которая сейчас, может, уже въезжает на нашу улочку, и... и бедняга Федулкин в морге на цинковом столе, где-то я читал, что столы там цинковые.

Я вдруг почувствовал злость - именно за Федулкина. Ну за что его? За что? Жил человек, добрый, нелепый, безалаберный и бестолковый, никому не делал зла, ставил свои дурацкие эксперименты, чего-то сочинял, запивал плесневелую горбушку водой из-под крана - и вот эту убогую жизнь у него отобрали. За что?

Да ни за что. Уж Федулкину бы никто не позавидовал, даже я живу упорядоченней и богаче, у меня хоть зарплата есть, хоть койка, а не тюфяк. И убили его просто так, как меня вчера вечером тот подонок в кепочке шлепнул по щеке - ни за что, просто потому, что захотелось.

Мне вдруг стало стыдно за все мои и Антохины издевки над федулкинским сочинительством. Ведь мы были практически его единственными регулярными читателями, ну, еще трое-четверо. Что стоило похвалить? А мы изощрялись кто как мог, ловили кайф за его счет. Причем и не читали ведь: сунешься в начало, в середину, выхватишь две-три фразы поглупее, и для хохмы хватит. А ведь что стоило похвалить?

На волне раскаяния я взялся за федулкинскую рукопись, тем более что занятия поразумней все равно не было. Читалось, прямо скажу, трудно. Страниц десять подряд шли рассуждения о литературе, о творчестве, о собственном таланте, о бездарности и косности редакторов. Излагалось все достаточно бессвязно, угадывался лишь один смысл: Федулкин пытался убедить самого себя, что настоящий талант должен писать именно так, как получается у него.

Бог ты мой, на что же он потратил последние недели жизни...

Позвонил Антон, голос был упавший:

- Только что уехали.

- От тебя?

- Я просил к тебе. Но раз вызвал я, ко мне и приехали. Милицейская логика. Правда, говорят, в твой двор заезжали - ни живой души. Пойди проверь... Я уж им говорю - спрячутся в подъезде - вот вам и ни живой души. Вы бы, говорю, хоть часок в засаде посидели. Ты, говорят, "Алексу" пять тысяч заплати, он тебе и посидит в засаде. Скажи, говорят, спасибо, что за ложный вызов не штрафуем.

- Уехали, и все?

- Написал заявление - да толку... Кстати, спросил про Федулкина, нашли убийцу или нет. Даже фамилию такую не слыхали. В Москве, говорят, каждую ночь убивают... Вообще-то надо бы на похороны пойти.

Видно, и тут мы подумали об одном и том же. Вообще-то надо бы. Но не одни же мы там будем. Разный будет народец. Могут, конечно, и они заглянуть на всякий случай, посмотреть на публику. Если, конечно, и тут, и там те же самые они...

Договорились, если что, мгновенно звонить. Чему поможет этот мгновенный звонок, я понятия не имел. Но больше договариваться было, к сожалению, не о чем.

Опять глянул в окно. Ни хрена не видно. Может, они уже здесь, на лестнице.

Теперь я чувствовал не столько страх, сколько злость. Суки! Чего они лезут? Чего им от меня надо? Сижу, как слабый зверь в ненадежной норе, а рядом затаились собаки, знают, что другого лаза у меня нет. И - ждут, вяло перелаиваются, позевывают, обнажая клыки. Суки!

Я передвинул к входной двери все, что можно было передвинуть, а на верхушке этой баррикады пристроил десяток пустых бутылок и старое ведро. По крайней мере, не войдут неслышно. Кухонные ножи положил на стул у изголовья. В ванной поставил кувшин и пустил горячую воду тонкой струйкой. В старину при защите крепостей осаждающих поливали со стен кипящей смолой. Смолы у меня нет, но кипяток в морду тоже неплохо.

Я лег, но сна не было ни в одном глазу. От нечего делать

опять взялся за федулкинскую рукопись. Теория кончилась, теперь хоть читать можно было. Эксперимент ставился бестолковый, как всегда у него, цель туманна, как он рассчитывал с помощью своей очередной авантюры выйти в Хемингуэи, я понятия не имел. Боюсь, и он не имел понятия. Писал, что на материале этого как бы дневника потом сочинит повесть. Увы, обычно у него из как бы дневника получалась как бы повесть.

Потом одна деталька меня заинтересовала. Надо бы звякнуть Антону, но не хотелось будить. Я вернулся к началу истории, к федулкинскому дурацкому эксперименту. Ко мне его авантюра отношения не имела. А вот к Антохе, может, и да. Во всяком случае, это была первая федулкинская рукопись, которую стоило прочесть повнимательней.

Увы, все федулкинские произведения обладали одним общим свойством: от них чертовски клонило в сон...

Разбудил меня звонок. Я поднял трубку и отозвался, почти знал ответ. Он такой и оказался - никакой.

- Чего надо? - спросил я устало.

Молчание.

Я решил не вешать трубку, ждать. И там подождали, но недолго - щелкнуло, и пошли гудки.

Окончательно просыпаться не хотелось. Хорошо, конечно, что ночь почти прошла и ничего плохого не случилось, но день нес все вчерашние беды и страхи. Выходной, но выйти нельзя. Завтра хоронят Федулкина. И хрен его знает, что это все значит. Хоть бы знать, что грозит и кто грозит. Но они разве скажут! Суки...

Я хотел позвонить Антону, но не стал. Спит, наверное. Пускай выспится.

Я повернулся за бок, закрыл глаза и стал тереть мочку уха. Где-то читал, помогает уснуть. И вправду помогло.

Второй раз меня разбудил Антон, уже около девяти. Спросил, все ли в порядке, а я спросил, как у него. Уже положив трубку, вспомнил, что у меня к нему был еще вопрос. Ладно, успеется.

Я поставил чайник, а сам пошел к окну. Топтун был на месте, только другой и пост переменил - не у подъезда, а на лавочке у трансформаторной будки. Я его даже разглядывать не стал, сразу видно было, что из этих. И тоже в кепочке.

Выпил чаю. Есть не хотелось. Впереди лежал длиннющий день в странной, мутной, беспричинной осаде.

Однако день оказался куда короче, чем я предполагал. Где-то в полдесятого снова позвонили.

- Вася, что ли? - спросил тот же женский голос.

- Ну Вася, - сказал я. Эти хохмы перестали меня смешить.

- Ты вот чего, - сказала она, - смывайся-ка из дому. Чтобы в пол-одиннадцатого тебя не было. Понял?

- Почему? - поинтересовался я, стараясь, чтобы голос не дергался. Я сразу понял, что что-то изменилось, причем к худшему.

- Потому, - сказала она, - еще спрашивает. Тебе что, жить надоело?

- Слушай, - сказал я, - а правда, как тебя зовут?

- А тебе зачем?

- Так.

Мне трудно было объяснить, зачем мне понадобилось ее настоящее имя. Просто опасность оказалась реальной, Федулкина вон уже достала, а чем я лучше его? И дурацкие кликухи сейчас были неуместны, как мини-юбки на похоронах.

Так ведь и ты не Вася, - справедливо возразила она.

- Я Игорь. А ты?

- Ну, клиент, - отозвалась трубка, - ему помочь хотят, а он кадриться лезет. Имя ему...

Она была косноязычна, похоже, не слишком умна - но, может, поэтому я ей и верил. Я уже знал по опыту, что дуры добрей.

- Вот придут в одиннадцать, тогда спросишь имя. Собирайся и мотай.

Это была уже внятная информация, но легче от нее не стало.

- Куда мотать?

- Куда угодно. К бабе, - сказала она и засмеялась, хоть на сей раз и невесело.

- Где я ее возьму?

- Нету, что ли? - Она опять засмеялась и сказала кому-то: - Надо же! Бабы у него нет.

Вроде ей что-то ответили.

- Может, ты баба? - спросила моя доброхотка и паузу спустя продолжила: - А чего? Для хохмы. Не зверь же. Вон Игорем зовут. А хоть и зверь, все равно мужик.

Потом у них шли там какие-то переговоры без меня, наконец в трубке послышалось:

- Ладно, считай, повезло, будет тебе баба. Значит, гляди. Фили знаешь?

- Бывал.

- И чего ты там помнишь? На Кастанаевке? Не где парк, а напротив.

- Примерно помню. Найду.

- Ну вот давай... Во сколько? - спросила она опять не меня. И уже мне: - Вот и будь там в девять вечера. Подойдет молодая, симпатичная, как раз за тобой.

- А как я ее узнаю?

- Как... Ишь ты, как... Надо будет, узнаешь, - проворчала она, потом опять засмеялась. - Спросишь ее: "Вы рабыня Изаура?" - а она... - Снова смех и лишь потом новый текст: - А она тебе скажет: "Хрен тебе, а не Изаура". Запомнил?

- Запомнил, - сказал я, - как хоть одета будет?

После новых консультаций мне объявили, что одета моя спасительная баба будет в косынку, синенькую итальянскую, с рисунком на тему города Венеция.

- А еще?

- Чего еще?

- Она чего, голая, что ли, будет, в одной косынке?

Тут уж хохоту не было конца.

- Тебе же лучше, - выговорила наконец Дуня - другого ее имени я так и не узнал. - Ой, - пробормотала она вдруг, - все, пока.

Я глянул на часы. Разговор был малосерьезный, как бы просто потрепался с незнакомой телефонной бабенкой, глупой и, видимо, молодой, - но часики тем временем тикали, на размышления и сборы мне осталось минут сорок, дальше начиналась зона риска. Если, конечно, она мне сказала правду. Но ведь пока все, что она говорила, походило на правду. Велела сидеть дома, и хорошо, что сидел. Теперь велит сматываться. Значит, лучше смотаться.

Я достал довольно хреновенькую сумку с двумя пальмами, голой девкой и дурацкой надписью “Таити”, раскрыл “молнию” и покидал внутрь бритву, зубную щетку и вообще всякую мелочь, какая показалась мне нужной. Подумав, сунул и харчи - кто знает, как оно дальше повернется. Два кухонных ножа - с этим было ясно, без них ни шагу.

Потом настал момент задуматься.

Как выйти-то? Не выйдешь никак. Была бы лоджия, можно перебраться на соседнюю, но лоджии нет, дом старый, тогда не строили. Переодеться? Да ведь узнают. Остается одно: пешком вниз, до двери красться, а там рывком через двор и на улицу, авось замешкаются. Ну и нож наготове.

Почему, кстати, до пол-одиннадцатого? А хрен их знает. Утром народ идет кто куда: на работу, в школу, в институт, в булочную, в молочную - а к одиннадцати потише, все, кому надо, разошлись, драка не драка, кто увидит. А и увидит - только дверь на все замки.

Выйти и нагло, в морду, спросить - чего надо? Могут ведь и не ответить, а сразу как Федулкина...

Самое паскудное, когда не знаешь, чего бояться. Чего они хотят? И чего хотят со мной сделать.

Я уже и сам себя не спрашивал за что. Хотят, и все. Им так надо. А мое дело смыться. Не смоюсь - вовек не узнаю, ни кто, ни за что. Найдут потом в подъезде, или в проходе, или на тротуаре. Как Федулкина.

Но ведь и они не боги. Антона вон выследили - и ни хрена, ушел. Значит, можно.

Я осторожно, в щель занавески, оглядел двор. Тот, что сле-

дит за подъездом, меня интересовал меньше. Он один, я один. Он сидит, я бегу - шанс есть, если он, конечно, не с пистолетом. Хуже, если и в проходе дежурят. Один спереди, другой сзади - это безнадега. Но в проходе вроде никого не виделось. Может, и нет никого? Может, потому и велела до одиннадцати, что к одиннадцати подвалит вся кодла?

Я осторожно разобрал свою баррикаду, прислушался. За дверью было тихо. Не снимая цепочки, приоткрыл. Никого. Тут я сообразил, что нужны не ботинки, а кроссовки. Переобулся. Так-то лучше, и красться бесшумней, и бежать легче. Совсем уж в последний момент вспомнил, сунул в сумку рукопись Федулкина - надо будет спросить Антона, да и вообще дочитать, вдруг что прояснится, какая деталь.

Дверь я затворил тихо, как мог. Замок щелкнул, но едва слышно. Лифт вызывать не стал, больно грохочет, медленно пошел вниз. Этаж, еще этаж, еще этаж...

Потом меня осенило. Первый этаж! Четыре квартиры, две из них годятся. Только бы... Кто там живет, я не знал, у нас в подъезде вообще мало кто с кем контачит. Но...

Я тихо поскребся в первую дверь. Ни звука. Позвонил. Не сразу послышались шаги. Дверь приоткрылась, но на цепочку. Бабуся, божий одуванчик.

- Бабушка, - сказал я шепотом, - я с седьмого этажа, откройте на минутку.

Бабуся выслушала, глянула внимательно и вдруг с неожиданной резвостью захлопнула дверь.

Осталась еще одна. Всего одна.

Я постучал. Открыла девчонка лет пятнадцати, в теплой кофте, на горле шарф.

- Болеешь? - спросил я.

- Гланды, - объяснила она и уставилась выжидательно.

Я спросил тихонько:

- Можно зайти на минуту?

Она посторонилась - видно, по молодости лет еще верила людям. Я вошел и так же тихо прикрыл дверь.

- У меня просьба. Родители дома?

- На работе.

- Видишь... Маленькая ты еще, но... Понимаешь, там во дворе кое-кто есть... Короче, я сегодня тут ночевал, а надо, чтобы об этом не знали, неприятность может выйти одному человеку...

- У любовницы, что ли, ночевали? - снизошла девчонка к моим трусливым недоговоркам.

- В жизни всяко бывает, - покаялся я.

- Подумаешь, - хмыкнула она снова, - ну и чего теперь делать? Тут хотите посидеть?

- Да нет, мне на работу. Я чего хотел попросить... Если разрешишь... Хотел вон в окно вылезти.

- У нас окна заклеены, - заколебалась она.

Я вздохнул:

- Тогда гроб. Мне-то ладно, а ей...

- Хотя там пластырь, можно и опять заклеить...

Я чуть не задохнулся от нежности к ней. Бог ты мой, сколько пятнадцатилетних готовы помочь и прохожему, и захожему, не задумываясь, зачем ненужный риск и лишняя морока. И как же потом истончается ручеек этой бескорыстной открытости... Я пожалел, что соврал ей, такой можно бы и правду.

Уже стоя на подоконнике, я сказал:

- Ты сегодня, может, человека спасла.

- В другой раз заводи любовницу на первом этаже, - нахально на "ты" порекомендовала девчонка.

- Вот подрастешь, заведу, - пообещал я.

Я спрыгнул вниз, взял сумку с подоконника, помахал девчонке ладонью, чтобы не приняли за вора, и не спеша пошел по переулку. Народу было порядочно, я пристроился рядом с каким-то толстым дядькой, как бы с ним и иду. Возле проходного двора свернул в подворотню - и уж тут рванул, как на стометровке. Выскочил другой подворотней, скользнул в подъезд рядом, взбежал на третий этаж, к окну между лестничными площадками. Минута... Еще минута... Еще минута...

Со двора вышла женщина. Потом бабка с авоськой. Потом, минут пять, никого.

Тогда я спустился вниз и спокойно пошел к троллейбусной остановке.

Вроде пронесло. Ушел. Свободен. Как там написано на могиле Мартина Лютера Кинга? Свободен, свободен, слава тебе, господи, наконец-то свободен...

Теперь, когда я вышел из окружения, выскользнул из охлажденной норы и мог не бояться ночного двора, гудения лифта, шорохов у двери и хрипло молчащего телефона, когда моей жизнью не управлял больше с помощью необъяснимых указаний загадочный женский голос, я вновь обрел способность нормально соображать. Не знаю, у всех так или один я такой дурак, но когда решать надо мгновенно, мозги мои иногда отключаются вообще. А пройдет спешка, и все вдруг становится ясно.

Вот и сейчас главное сразу прояснилось.

За мной следят, мне угрожают, может, даже хотят убить. За что, не знаю, скорей всего, какая-то путаница, ошибка - но если убивают по ошибке, убитому не легче. ОНИ, кто бы они ни были, мой след потеряли - но и я не могу вернуться домой, пока не узнаю, что происходит вокруг меня и моей конуры, кто ОНИ и чего ИМ надо. Сам это узнать могу? ЯСНО, ЧТО НЕТ. Скитаться по чужим углам век не будешь. Так что рано или поздно все равно придется просить помощи у тех, кто за эту помощь зарплату получает. Антон вчера позвонил в милицию, там среа-

гировали как нормальные менты, взяли заявление и отвалили, на черта им лишняя головная боль, тем более что Антоха вызывал их не к себе, а к приятелю, то есть все шло через третьи руки. Да еще и ночь была, может, парни дрыхли или в домино резались, а он своим звонком оторвал. Сейчас другое дело, день, все начальство на местах, днем даже ленивые делают вид, что работают.

Наше отделение находилось во дворе - двухэтажный дом, желтый, плоский, без излишеств, у входа несколько машин, две с мигалками - милицию ни с чем не спутаешь. Я решил идти прямо к начальнику, лучше час прождать в коридоре, зато попасть сразу к шефу, если даст команду, хоть плохо, но выполнят. Ведь, по сути, чего надо? Проверить паспорта у тех во дворе. Обвинить не в чем, доказательства ни единого. Ну и пусть. Хотя бы станет ясно, кто такие. И им станет ясно, что про них ясно. По крайней мере, хуже не будет.

Мне вдруг показалось, что я оставил дома сберкнижку, а та ерунда, что рассована по карманам, - надолго ли? Я остановился, пристроился на лавке у ближайшей пятиэтажки и стал копаться в сумке. Нет, сберкнижка была на месте, что на ней было - по нынешним временам как бы и не деньги, но все же с ними куда лучше, чем без них. Так что зря напугался.

Но как же повезло, что напугался!

Пока я ревизовал свою сумку с пальмами и девкой, на крыльцо милиции вышли двое. Один был рослый, с хорошей выправкой капитан, настоящий милицейский орел, а другой - другой был тот малый. Тот, в кепочке. Что следил за мной в пятницу, а потом шлепнул по щеке, а потом я ему врезал как сумел. Они вышли бок о бок, буднично беседуя, подошли к одной из машин, чистенькому серому "жигуленку", и капитан сел за руль, а малый в кепочке рядом. Он, кстати, и сейчас был в кепочке. Я отвернулся, сгорбился, куль кулем, как бы и нет меня. Машина лихо выехала со двора и свернула влево. К нашему дому, что ли?

Проверять я ничего не стал. Не оборачиваясь, пошел прочь, будто и не в милицию хотел, просто надо было в сумке покопаться. На остановке стоял троллейбус, я вскочил в переднюю дверь за каким-то неторопливым ветераном. Три остановки проехал - и в метро. Толпа, станции, куча пересадок, вон и Антон вчера смылся, нырнув в метро. Опять же мозги почти отключились, то есть работали, и даже быстро, но толку от этой работы не было никакого. Вся схема, что я с грехом пополам выстроил, разом развалилась. ОНИ что, с милицией связаны? Или ОНИ - это и есть милиция, потому и держатся так нагло? Но зачем милиции тянуть время, топтаться во дворе, ждать тихого часа, когда можно просто властно постучать в дверь - против формы с погонами замки не помогают. Но ведь не постучали. Почему?

Теперь понятно было только одно: в ближайшее время это

не кончится. И, значит, надо как-то жить. Прежде всего куда-то деваться.

Вариантов у меня было очень мало, практически их не было. Так что, по сути, выбирать не приходилось.

Баба, которую щедро предложил голос в трубке? Но я и голоса-то не знал, тем более понятия не имел, что за баба, чего от нее ждать, да и баба ли вообще: велели подойти к спортмагазину, а уж кто там встретит, баба или не баба, видно будет только на месте, если успею разглядеть. Мне предлагалось приключение, а приключениями за последние два дня я сыт по горло.

К Антону не надо, это тоже было понятно, за ним уже следили. К тому же один раз я его подставил, навлек слежку (если навлек, если прицепились из-за меня, а не из-за него самого), и грешно было бы опять навязывать другу свою опасность. Это ведь не с девочкой на пару часов напроситься, не взять взаймы, это... Впрочем, что оно - это, я и сам не знал.

На работе друзей у меня не было, да хоть и были бы, к ним нельзя: раз уж милиция втянута, они первое, что прощупают, это контору, а там ничего не спрячешь, все на виду и все на виду.

Ксанка отпадала, труслива и живет с матерью.

Выходит, одно только и оставалось - Дюшка, пожалуй, самая постоянная из частично моих нынешних женщин: с другими, даже с Ксанкой, виделись от настроения к настроению, а с ней хоть три раза в месяц, но просыпались по одному будильнику. Вообще-то она была Надька, но как стала в детстве из Надюшки Дюшкой, так и осталась. Дюшка была баба, в общем, хорошая, хотя курила и материлась куда чаще, чем мне нравилось. Однако для курения и мата была вполне уважительная причина: Дюшка летала стюардессой на внутренних линиях и никак не могла пробиться на международные, так что ее везучие приятельницы привозили туфли из Сингапура, а она из Еревана, что сильно влияло на настроение. У Дюшки были нахальные длинные ноги, груди торчали, как у первокурсницы, лицо, правда, досталось плоское и упрямое, но мне, как привык, оно тоже стало нравиться. Любви у нас не возникло, чего не было, того не было, но и без нее сложилось неплохо - как-то даже обитал у нее чуть ли не две недели, пока Дюшку не услали в Якутию, с ее ветрами, туманами и задержками рейсов.

Про мои с ней дела не знал практически никто. Не то чтобы скрывал - просто нужды не было информировать даже узкую общественность о квартирке с широкой мягкой тахтой и о длинноногой упрямой женщине, с которой я не ссорился, пожалуй, только потому, что перерывы между ее полетами были слишком коротки для крупного скандала.

Я подумал, что Дюшка - это как раз то, что надо, у нее буду как в крепости, как в тайной безопасной норе. А там авось и что-то прояснится.

Дюшка прилетала, кажется, в два, пока доберется до дома... Словом, до четырех не стоило и соваться. Выйдя в центре, я все же набрал из автомата ее номер - он, естественно, не отозвался. Тогда я сделал то, что давно надо было сделать, но в спешке и страхе утра не обозначились необходимые пять минут - позвонил Антону. И тут - безответно. Поехал к матери? Просто выскочил в булочную. Был еще вариант, но его учитывать не хотелось.

Я люблю Москву, довольно хорошо ее знаю, шататься по ней для меня удовольствие, люблю бульвары, Красную площадь, Старый Арбат, как он ни забит торгашами и зеваками, набережные, мосты... Сегодня впервые мне не хотелось ходить по Москве, хотелось красться, прячась за спины, нырять в подворотни проходных дворов. Я понимал, что реальной опасности взяться неоткуда, десять миллионов толчется на огромном пространстве огромного города, и искать человека в этой толчее никому в голову не придет - если меня все еще хотят зачем-то найти. Но спине все равно было неуютно, я ничего не мог с этим поделать, и я озирался, внезапно менял направление, петлял, как заяц в зимнем лесу. Я впервые ощутил, как унизительно быть преследуемым, как жутко, когда над тобой нависает чужая жестокая сила, не имеющая ни имени, ни лица, но опасная, как здоровенный конвойный пес, специально натасканный на человека.

Опять в метро? Но было слишком рано, не болтаться же три часа в этом подполье.

Я пошел на Центральный телеграф, сел за дальний столик и попробовал читать федулкинскую рукопись - другого чтива с собой не было, а эти три странички все равно когда-нибудь придется одолеть. Но тревога стеной стояла между глазами и мозгом, строчки виделись ясно, а смысл расплывался, и я сунул рукопись назад, в сумку с голой девкой.

Еще на улице я понял, что Дюшка дома: балконная дверь была открыта, всегда по прилету Дюшка, уставшая от самолетных кондиционеров, на совесть проветривала квартиры: у нее это называлось "продышаться".

У подъезда я на всякий случай огляделся. Нет, никого. Зашел в подъезд, подождал, выглянул. Никого. Слава тебе, господи, никого.

- Ну и ну, - сказала Дюшка, - прямо минута в минуту. Во дворе ждал?

Я ответил, что, естественно, ждал, и мы немного потрепались на эту тему: она любила словесную игру перед игрой постельной. Дюшка задвинула шторы, я обнял ее сзади, руки автоматически прошлись по всем секретным местам. Она сразу ослабла и попросила торопливо:

- Погоди, дай хоть душ приму, прямо с рейса ведь.

Она прошла в ванную, я увязался следом. Я мылил ей спину и все, что попадалось под руку, мне нравилось, когда прямо в моих руках она обвисала, начинала вздрагивать и стонать. Она была по матери грузинка, может, южная кровь сказывалась? Она так завелась еще до постели, что уж там-то показала все, что умела, а умела многое. Это не был для нее только спорт, но и спорт тоже.

Надо сказать, все мои тревоги отошли к тому моменту довольно далеко. Я был в норе, тут можно сидеть и сидеть, пока снаружи не устаканится. А что будет дальше, думать не хотелось - я вообще не любил загадывать вперед. Дальних планов у меня никогда не было. Нынешний день нормален, и слава богу, а какой придет завтра, увидим завтра.

- Останусь у тебя, ладно? - сказал я.

Она отозвалась не сразу, тон был слегка виноватый:

-Сегодня нельзя, ко мне придут.

- Ну смоюсь, а часов в двенадцать вернусь.

- Не получится, - сказала она, - тут такое дело... Понимаешь, я ведь замуж выхожу.

Это было совершенно неожиданно. Сколько я ее знал, замуж она никогда не собиралась. Как-то мы с ней весьма трезво обсуждали наш с ней вариант и оба согласились, что от брака лучше не будет, а вот хуже станет наверняка. У всех становится. То, что Дюшка вдруг перерешила, не уязвило меня никак: хочет замуж, пускай выходит, дело житейское. Куда больше меня озаботило, где мне теперь ночевать. Про то рандеву у спортивного магазина я даже забыл, таким оно выглядело рискованным и туманным.

- Новость, - протянул я неопределенно, - ты ведь вроде не хотела на поводок?

- Я и сейчас не хочу, - сказала Дюшка.

- А чего же тогда?

- Жизнь заставляет! - произнесла она с вызовом.

- Случилось что?

- Да ничего не случилось, - отмахнулась она с досадой и наконец объявила: - Итальянец он.

- Итальянец? - изумился я. Вроде зарубежных граждан среди ее знакомых не было, языков не знала, английский пробовала учить, но дарований по этой части не обнаружила.

- Вьетнамского происхождения, - пояснила Дюшка довольно хмуро.

Происхождение Дюшкиного жениха меня волновало мало, моя недоуменная гримаса относилась к ситуации в целом. Но она поняла по-своему и спросила агрессивно:

- А вьетнамцы что, не люди?

Упрек в расизме был до такой степени неожиданным, что я забормотал нечто совсем уж невразумительное. Дюшка смягчилась.

- Мне плевать кто, - сказала она, - плевать куда. Лишь бы из совка. Обрыдло, сил моих больше нет. Эти очереди, нищета, эти кретины по ящику... Сам-то не думал?

- Да как-то в голову не приходило.

- Ну это ты врешь, - возразила она уверенно, - теперь всем в голову приходит.

Я попробовал защититься:

- Кому мы там нужны? Я уж точно никому не нужен.

Дюшка только усмехнулась:

- Мужик какой-никакой нужен. Думаешь, там одиноких баб нет? Да навалом. Кино надо смотреть. Кто ее трахнет, за тем и побежит.

Между прочим, только что я трахнул ее, но бежать за мной она не собиралась...

- Так ведь это там, - вяло сопротивлялся я, - без визы не трахнешь.

Для меня разговор был пустой. Ни в какие заграницы я не собирался, мне нравилось жить здесь. Пусть очереди, пусть нищета - но ведь и девки кругом живут той же жизнью, и с ними, чтобы друг друга понять, хватает двух фраз. А для меня это всегда было главным. Не так заботило, какой у меня холодильник и какая в нем колбаса - куда важней было, какая телка утром застелет постель и простирнет мои трусики. Хорошая окажется или нет, тоже не волновало: на эту ночь хорошая, а может, на неделю, а может, на год, тут уж как повезет, как друг к другу приладимся. Пусть неделю, но она мне будет союзник и сестра, ведь в тех же очередях толкается, ту же картошку покупает и за ту же цену. Друг для друга мы не нищие.

- А их в Москве полно, - сказала Дюшка, - немок да шведок, лезут, будто тут медом мазано. Там трахать некому, сюда катят. Ни кожи, ни рожи, зато СКВ. Так что вполне можешь рассчитывать. Присмотри какую-нибудь не совсем уж отравную...

- Вьетнамского происхождения, - ляпнул я, но она, к счастью, не уловила бестактности.

- А чего? Свалим на пару, а там их пошлем. Нам бы только выехать да работу найти...

Она еще что-то говорила, я же понимал лишь одно: на этой мягкой лежанке мне сегодня не спать. И завтра не спать. Безопасная нора не получилась.

Глянул на часы. Время еще было. Но это у меня было, у нее, может, уже стекло.

Дюшка поймала мой взгляд:

- Вставать надо. Попьем чаю, и...

Мы попили чаю, и я освободил площадку итальянцу вьетнамского происхождения. В общем-то Дюшка правильно выбрала. Раз ей так лучше, пускай. Есть же страны, где даже дворникам зарплату выдают в СКВ.

С улицы сразу позвонил Антону. Наконец-то!

- Живой? - обрадовался я.

- А ты чего, сомневался? - Голос у него был спокойный и нудноватый, как всегда.

- Все нормально?

- Да вроде.

- Я тут звонил...

- Я же в Балашиху ездил, помнишь, говорил...

Я вспомнил, у него девчонка в Балашихе, наверное, говорил, я просто не обратил внимания.

- А ты как? - спросил он.

- Тоже живой, - ответил я. Это, пожалуй, было единственное, в чем я был уверен наверняка.

- Я ведь тебе тоже звонил, и утром сегодня, и днем.

Я рассказал про утренний звонок.

- А как выбрался?

- Повезло, - сказал я, не уточняя. Не так много было у меня времени, чтобы тратить его на необязательные подробности. - Не заметил, больше не следят?

-Вроде не следят. А за тобой?

Я ответил, что, кажется, оторвался;

- И куда теперь? - спросил он.

Я ответил, что пойду, как велено, к магазину "Спорт".

- А стоит?

Я знал Антона достаточно хорошо, понимал, о чем он сейчас думает, и знал, что предложит. И я бы на его месте предложил. А он бы отказался. Вот и я откажусь.

- Давай-ка ко мне, - сказал Антон, - хватит приключений.

Я ответил, что это будет чистая глупость, у него мать, втягивать ее в свои сложности вовсе уж грешно. А вдруг его выследили? Придут ночью и возьмут обоих.

- Кто придет?

- Если бы я знал кто!

Антоха сказал после паузы:

- А почему ты уверен, что возле магазина не возьмут?

Я возразил, что не уверен, но шанс все же есть. Зачем-то ведь мне та баба звонила. И пока что не обманывала.

- Может, специально из дому увела? Ты ушел,а они как раз и явятся в пустую квартиру.

- Будут сильно разочарованы, - отмахнулся я. - Ладно, старик, сам понимаю, рискованно. Зато есть возможность хоть что-нибудь узнать. Ты же видишь, вокруг происходит черт-те что. А мы как слепые. Баба, что звонит, хоть чего-то знает.

- Ты как поедешь?

Я ответил, что на метро.

- Выйди станцией раньше, - сказал Антон, - на Филевском. И - по Кастанаевской. А я пойду следом. Просто посмотрю, что и как. По крайней мере, будет хоть какая-то страховка.

Я согласился и поблагодарил.

...Какая там страховка! Люди кругом, десять миллионов, постовые, машины с "мигалками" - а человек открыт любой смерти, как мишень в тире. Застрахован лишь тот, кого незачем убивать. Да и он... Вот Федулкина, ну за что было - а убили. А меня зачем убивать?

Я сошел у Филевского парка. Народу со мной вышло не так много, мужик со здоровым чемоданом, старик, два школьника, остальные были женщины. Ничего опасного не просматривалось. Я пошел по Кастанаевке в сторону Кунцева. Раза два остановился у витрин, это дало возможность оглянуться. Видно не было никого, лишь в отдалении обжималась какая-то парочка. Антона я не заметил, и это было хорошо: значит, и они, если следят, не заметят. ОНИ.

У магазина стояла девушка в синей косынке. Я пошел вперед, как бы даже и не к ней, а мимо, можно остановиться, а можно и пройти.

Она смотрела в другую сторону, но на шаги обернулась. Худая, белобрысенькая, нос картошкой - простецкая мордашка из тех, что действуют успокаивающе. Ладно, бог даст...

- Вы рабыня Изаура?

Она ответила:

- Фиг тебе, а не Изаура.

- Не фиг, а хрен, - поправил я.

Девчонка засмеялась. Ей было лет восемнадцать, вряд ли больше. Повернулась и пошла, движением головы позвав за собой. Я на всякий случай глянул назад. Улица была пуста, лишь та же парочка в обнимку.

Присмотревшись, я улыбнулся. Молодец Антоха, придумал. Девка под рукой прячет надежней, чем надвинутый козырек, капюшон или зонтик. Самая мирная картинка.

Я поспешил за своей Изаурой. Шли недолго. Сделали зигзаг между пятиэтажных панельных хрущоб и вошли в одну из них. Этаж второй, квартира восемь.

Квартирка была бедненькая и пустенькая. В комнате кровать, диван, стол под клеенкой и старый, с ободранным боком телик. В передней куча старой обуви под вешалкой. В кухню пока не звали. Впрочем, девчонка почти сразу же спросила:

- Жрать хочешь?

Я мотнул головой.

- Ну, тогда сиди, вон, телик гляди.

Она включила ящик, поиграла программами и остановилась на какой-то киношке. Мужик удирал в длинной импортной машине, а следом гналась милицейская "Волга". Очень актуальная тема.

- Сейчас приду, - сказала девчонка и пошла в переднюю. Щелкнула замком дверь.

Это мне не понравилось. Прийти, допустим, придет. Но - с кем?

Я пересел с дивана на стул, с жесткого ловчей вскакивать, поставил у ног сумку, а нож переложил так, чтобы рукоятка торчала наружу. Придвинул пепельницу, стеклянную, с отбитым краешком. Не защита, но все же...

Звук приглушил, чтобы слышать, как повернется ключ.

Ее, однако, не было минут двадцать, даже фильм кончился, кого-то поймали, только я не понял кого. Пошли новости - тут стреляют, там стреляют. Скоро, глядишь, и до Москвы доберутся.

Слышимость была как и положено в панельном доме. Сколько народу поднималось по лестнице, я не разобрал, но не один, это точно. Ключ полез в замок. Скрип. Два голоса - Изаурин и мужской. Снова щелчок замка.

Руку я держал на ноже, да и физиономия, видно, была соответственная, она даже перепугалась:

- Ты чего? Во придурок! Да сосед это, сосед, на улице встретила. - Посмотрела на меня внимательно и, похоже, поняла: - Боишься, что ли?

- Не боюсь, но...

- Думаешь, заложу? Да я вообще никого никогда не закладывала.

Звучало убедительно. Хотя если решит заложить, не станет же об этом предупреждать.

- Слушай, - сказал я, - ты можешь хотя бы объяснить, что происходит?

- Ничего не происходит, - помрачнела она, - привели, и сиди. Ему помочь хотят, а он тут еще с вопросами.

Я стал оправдываться:

- Я ведь не прошу все. Но хоть что-нибудь! Должен же я хоть что-нибудь понимать.

- Ничего тебе не надо понимать, - отрезала она, - что велят, то и делай. - Она достала из-под кровати матрасик, объяснила: - Тут нельзя, материна кровать, сразу унюхает. Вон там будешь спать.

Изаура бросила матрасик на пол в кухне, достала простыню, одеяло, подушку. Наволочки не было, она накрыла подушку простыней.

В кухне на подоконнике, за занавеской, я заметил телефон. И то слава богу.

- А на работу завтра пойти можно? - спросил я. Как ни странно, я уже привык, что моей жизнью распоряжаются какие-то непонятные девки, в данный момент вот эта, с носом картошкой.

- На работу? - Она растерялась. - На работу... наверное, лучше не надо. Мало ли чего...

Это было резонно. Адрес знают. Телефон знают. Неужто не знают, где работаю? Тот малый в пятницу скорей всего как раз после работы меня и встречал. Ладно, черт с ним, позвоню утром, скажу чего-нибудь.

Я спросил:

- Как тебя хоть зовут?

- Зовут? - Она помедлила, видимо придумывала, что соврать. - Зачем тебе?

- Надо же тебя как-то звать.

- Изаура, - наконец придумала она.

- Сама же сказала - хрен тебе, а не Изаура.

Она засмеялась:

- Н-ну... Ну, Маша. Ты Вася, а я Маша.

-Ладно, Маша так Маша, - слегка обиделся я. - Имя-то на черта скрывать?

Она уловила интонацию:

- Ну чего надулся? Какая тебе разница?

- Никакой, - согласился я.

- Не говорю, значит, не могу. Обещала. Можно будет, скажу. А сейчас не могу.

- Тогда уж лучше Изаура, - сказал я.

Она поставила чай, и мы попили его с конфетами, мирно, почти как родственники. Вот только разговаривать было не о чем. То есть было, еще как было - но любая тема, кроме погоды, сразу заглядывала в запретную зону. О погоде как раз и поговорили.

Потом посмотрели телек, поругали власть, поохали над стрельбой в южных районах - совсем там одурели. Как будто не одурели у нас. Как будто за мной не гонится неизвестно кто, и не помогает спрятаться неизвестно кто, и ни хрена мне не понятно - ни почему гонятся, ни почему прячут. Изаура зевнула, я понял это как намек и пошел на кухню. Потом вспомнил:

- Тебе во сколько вставать?

- В полвосьмого.

- Мне тут сидеть?

Она опять задумалась:

- Наверное.

Странно было все это. То ли сама мало знала, то ли плохо проинструктировали, то ли во всей этой бредятине был какой-то совсем уж недоступный нормальному человеку строй и лад.

Я пошел на кухню, разделся и улегся на тюфяк. Нормально. Если и не усну, то не из-за жесткой лежанки.

Курносая Изаура пошла в ванную, я услышал шуршание душа. Звонить тут можно или тоже запрет? Я в трусах прошел к телефону, набрал Антоху. Голос его был спокоен. Я сказал шепотом:

- Этаж второй, квартира восемь, дом не разглядел.

Он по инерции ответил тоже шепотом:

- Я разглядел. Как там у тебя?

Я ответил, что все нормально, утром позвоню.

На своем матрасике я вертелся, наверное, час - без всякого результата. Связных мыслей не было, но и от бессвязных отделаться не удавалось. Изаура тоже легла, сперва в комнате горела лампа, затем погасла. Время спустя опять зажглась ненадолго.

Чего она там? тоже не спится? За мной присматривает? Ну уж тюремщика-то нашли бы покруче...

Я почувствовал, что больше так не могу, еще свихнусь, чего доброго. Не могу быть один. Не могу не понимать ни хрена.

В комнате вновь зажглась лампа, мазнула светом по полу. Чего она там дергается?

Я прошел в комнату, остановился возле дивана. Она лежала на спине, глаза открыты.

- Не спишь?

Ответа не было.

- Прости, - сказал я, - не могу один. Бред какой-то, но не могу.

- Спать надо, - произнесла она назидательно.

- Подвинься, - попросил я, - просто поговорю с тобой.

- Еще чего, - сказала девчонка, но в голосе не было жестокости.

Я сел на краешек дивана и легонечко подвинул ее, освобождая место. Она не помогла мне, но и не уперлась, как бы просто приняла как факт.

- Не могу один, - повторил я.

- Темноты боишься?

- Еще как!

Это была уже игра, а к игре я привык и легко вошел в ее правила.

- Так ведь свихнуться недолго, - сказал я и протиснулся к ней под одеяло.

- Ишь ты шустрик, - проворчала Изаура, но не шевельнулась.

Я повернулся, словно бы устраиваясь поудобней, и рука сама собой скользнула вниз. Коротенькая рубашка задралась, пальцы коснулись кожи. Дальше полагалось быть резинке трусиков, но ее не оказалось - только кожа, теплая нежная кожа.

- Тебе на работу утром?

- А ты думал!

Она отвечала довольно грубо, но это не имело значения, потому что одна моя рука уже гуляла по едва заметным ее грудкам, а другая перебирала жестковатые волосы на лобке. Я спросил, где мать, не заявится ли ненароком, оказалось, в отъезде. Я ласкал худое, слабо развитое тело, еще совсем не женское, оно никак не отзывалось на мои руки. Ну и бог с ним! Ей ничего не надо было, но ведь и мне ничего, после Дюшки если что и требовалось, так это неделя отдыха. Вот что мне было необходимо позарез - это раздвинуть, согнуть в коленях равнодушные чужие ноги и накрепко связать чужое тело со своим. Символ, не более того, - но символ драгоценного союза, в который способны вступить только мужчина и женщина, символ надежности в постоянно предающем мире, знак любви, заботы и верности - пусть лишь на тот малый срок, пока гайка не сорвется с винта.

- Повернись ко мне, - сказал я. Это был акт вежливости, не более того, я уже знал, что не повернется, но и не воспротивится, когда я ее сам поверну. Мне и раньше попадались такие, со своим представлением о хороших манерах: когда язык “нет”, а ножки в стороны.

Тропинка к блаженству была совсем узка, я едва не застрял в дверях. Реакции не было ни на что, если женщина и стонала, то от боли. Словом, кайфа не словил - но я и не ждал кайфа. Я ждал, что чужая баба станет моей, пусть и условно моей, что возникнет та минимальная степень родства, которую дает даже случайная постель.

Она, похоже, и возникла - минимальная.

- Прости, - повинился я, - не мог один.

Дважды говорил ей это, сказал и в третий раз - что делать, если правда была именно такой.

- Успокоился? - спросила Изаура.

- Вроде да.

- Ну и слава Богу. А то думала, у тебя вообще крыша поедет.

- В такой ситуации и у тебя бы поехала. Хоть бы что понимал! То следят какие-то, то звонят - сиди дома, то - беги... Я уж и так думал: и этак - ни хрена. Никакой причины!

- Совсем никакой? - В ее голосе все же было легкое недоверие.

- Ни малейшей.

Она долго полчала, прежде чем задать вопрос:

- Ты искал чего-нибудь?

- Да ничего я не искал! - почти крикнул я.

- А люди думают, что искал.

- Какие люди?

Она не ответила, и я пожалел, что спросил, похоже, она и так сказала мне больше, чем имела право.

- Ладно, пес с ними, пусть думают. Ты только не думай. У меня вся эта история вот где сидит! Ну вот клянусь тебе - ни сном ни духом. И даже объяснить некому!

- Может, сами поймут, - сдержанно утешила она, - пока тебе надо просто не попадаться. Один человек тоже так решил, что ты тут ни при чем.

- А чего ж тогда они лезут?

- Чего лезут, - хмыкнула она, - того и лезут. Велят, и лезут, не знаешь, что ли?

Мы полежали молча, ее слабая сиська была в моей ладони почти неощутима.

- Если днем пойду пошляюсь, - спросил я, - как потом назад попаду? Второго ключа нет?

- У матери, - ответила она и, подумав, нашла выход: - Будешь уходить, сунь под коврик.

Мы так и уснули рядом. Ситуация была нелепей не придумаешь. Но ведь и все мои ситуации в эти дни были нелепей не придумаешь. Все до единой.

Утром, уходя, она отдала мне ключ. Я так и не узнал, как ее зовут. Обнялись и поцеловались, как любовники, а имя так и не узнал.

Впрочем, выйдя через час на улицу, я без особых усилий выяснил у мальчишки во дворе, кто живет в восьмой квартире. Естественно, мне это ничего не дало. Ну, Лидка, ну, Полухина - и что? Какая разница?

Я купил жратвы на двоих и бутылку. Выбор был малый, шампанское или портвейн, взял портвейн - во-первых, подешевле, во-вторых, девки такого типа обычно предпочитают сладкое. Вот и пусть будет сладкое.

Я вернулся в свой временный дом, поджарил яичницу и поел как следует. Странно, но я больше не боялся. Была глубоко скрытая нора, был день за окнами, самый обычный день, была женщина, какая-никакая, а моя, с которой вечером, бог даст, раздавим бутылочку, прежде чем ее неумелое тело поступит в мое распоряжение. Как постельный партнер она Дюшке и в подметки не годилась. Но она и не была постельный партнер. Она была

мой союзник и телохранитель, уж не знаю почему, но была. Дюшку можно было трахать, а к этой можно было хорошо относиться. Даже сейчас, когда я знал, что она Лидка, я про себя называл ее Изаурой. Как сперва пошло, так и затвердилось.

Я позвонил на работу, сказал, что не приду, и завтра, наверное, не приду, так получается. Шефа, моего ровесника, это не слишком огорчило - не придется придумывать мне занятие.

Позвонил Антону. Он был в конторе, ничего подозрительного не заметил, похоже, они его совсем потеряли из виду. ОНИ. Мы оба не знали, был им нужен он или случайно прицепились, потому что вышел из моего подъезда. Впрочем, я ведь и про себя не знал, зачем нужен. Искал я что-нибудь? Да пошли вы все к такой-то матери, ни хрена я не искал!

Рядом с телефоном лежал трепаный блокнотик. Я раскрыл: так и оказалось, книжка с телефонами. Чья, Изауры или матери?

Перелистал - вроде была общая. Иван Иванычи, Вальки и Стасики располагались рядом. У меня возникла идейка, и я стал набирать женские номера, где без отчеств. Слушал ответ и клал трубку. На седьмой или восьмой раз повезло - голос оказался знакомый.

- Женька, перезвони, - сказали на том конце провода, - опять не фурычит.

Я положил трубку, снова набрал.

- Алло! Алло! - старалась моя таинственная доброхотка. - Жень, попробуй еще раз.

Я опять перезвонил.

- Не, не пробивает, - сдалась она, - ладно, слушай, выйди в три к "Макдональдсу"... ну, рядом там, у "Наташи". Если слышишь, клади трубку.

Я положил трубку.

Я узнал не так много, но и не мало. Имя - Алена. Телефон. В три будет у "Макдональдса", то есть рядом. "Наташа" - вроде есть там такой магазин.

Пойти? Наверно, стоит. Вдруг что угляжу.

Я не знал, понадобится ли мне эта случайная информация, и был противен способ, каким я ее добывал. За мной следили - а теперь вот и я как бы начал следить, выискивать, высматривать. Пойду на чужое свидание. А самое мерзкое, что выслеживал я еня уводил.

Не ходить? Забыть имя и номер? Но кто знает, не придется ли жестоко пожалеть, что не удержал мазнувшую по ладони ниточку...

Времени было навалом, и я вспомнил про писанину Федулкина. Бог ты мой, его же как раз сегодня хоронят! А я вместо того, чтобы идти на кладбище, собираюсь небрежно, будто мусор в ведро, выбросить ненужные часы на рукопись, с которой

он связывал столько надежд. Так всегда бывало - Федулкину доставалось только самое бросовое, самое никудышное время.

Тем не менее я достал рукопись, догадываясь, что если из этой бредятины выберусь целым, то пару часов на федулкинскую “Хронику” не найду уж никогда.

На сей раз я пропустил всю теорию, все жалкие похвальбы - аутотренинг невезучего автора - и начал сразу с действия. С авантюры. С эксперимента. Правда, там и дальше попадались общие рассуждения, пейзажи, даже цитаты, но через всю эту изящную словесность просто перескакивал, даже длинные придаточные предложения не читал, чтобы не отвлекали от сути.

В моем сильно урезанном виде федулкинская “Хроника” выглядела приблизительно так.

“...Честно говоря, я предпочел бы любую авантюру, кроме этой. Но я обязался не спорить с судьбой. Что же делать, если три попытки не вылились ни во что, и лишь эта, самая сомнительная и в общем-то стыдная, дала хоть какой-то результат. Полторы недели назад я в один день заложил четыре эксперимента, пообещав себе пойти по той тропинке, которая первой ляжет под ноги. Увы, девочка не позвонила, бомж исчез, вполне удовольствовавшись бутылкой крепленого, знаменитая актриса не ответила на восторженное письмо, а там, где ожидал меньше всего, сработало. О’кей, именно этот путь пройду до конца, чем быстрее, тем лучше, хотя бы для того, чтобы внутренне освободиться.

Итак - подробно и с начала.

У входа в метро я наткнулся на объявление: “Потеряна коричневая папка с документами. Нашедшему гарантирую *большое* вознаграждение. Звонить вечером...” Дальше - номер. Я папку не находил и об объявлении тут же забыл бы, если бы в полуметре на той же стене не увидел второй экземпляр того же объявления. Еще в метре их был целый куст. Поболтавшись у метро три минуты, я насчитал двенадцать бумажек разного качества, от густо-черных до бледных - три закладки. Кто-то явно не поленился. Особенно впечатляло тринадцатое объявление, написанное крупно, от руки. Там текст был уж вовсе отчаянный: “Гарантирую вознаграждение на ваших условиях”.

Неужели эта вшивая папка так нужна?

У меня сразу возникла идея авантюры, прямо скажем, не очень порядочной, но любопытной. Я прошелся по пятачку перед метро и наметил план. А полтора часа спустя наклеил другие объявления, почти того же содержания, но с моим телефоном. Главная разница была та, что большого, да еще подчеркнутого вознаграждения я не гарантировал.

Хотя, разумеется, вознаградить тоже обещал.

Свои объявления я не стал клеить на стену станции - тот, кто идет внутрь, слишком спешит, чтобы читать написанное мелким шрифтом, тот, кто выходит из метро, эти бумажки просто не увидит, потому что на спине глаз нет. Так что свои слезницы я пристроил у всех автобусных остановок, на табачном киоске, на газетном и на двух коммерческих. Посмотрим, кто из нас лучший психолог, я или этот растеряй.

Естественно, я не исключал, что папку уже вернули. Но это был мой риск. Не такой уж большой: три закладки, двадцать минут. Нет так нет. Во всяком случае, одним вариантом больше. Хотя я больше всего надеялся, что девочка, которую я снял у молочного магазина, действительно поедет со мной на месяц в Котлас. "Почему в Котлас?" - спросила она. А я ответил, что название нравится.

Увы, девочка не позвонила. Позвонил парень, студент, сказал, что нашел папку. Через час он принес ее, отдал прямо в прихожей, получил свою тридцатку и даже сказал "спасибо". Папка была новая, кожаная, стоила уж никак не меньше полтинника. Так что я в любом случае не прогадал. Вот такая неинтеллигентная мысль у меня мелькнула.

Парень ушел. Я сунулся было в папку, но потом бросился следом - столь неожиданное везение показалось мне подозрительным. Однако парень спокойно сел в подошедший троллейбус. На подъезд он не оглянулся ни разу. Кажется, на самом деле повезло.

Я купил сигарет, вернулся домой и уже не торопясь полез в папку.

Денег не было. Драгоценностей не было. Акций и всяких там сертификатов не было. Какие-то счета на сумму до полутора тысяч. Незначительное деловое письмо на имя исполнительного директора малого предприятия "Сретенка" Суконникова В.В. - "Уважаемый Владислав Владимирович!" Приглашение из Дома ученых на то же имя. Пачка визитных карточек. Гороскоп из "Московского комсомольца", сложенный вчетверо.

Я разложил визитки. Их было штук пятнадцать, десять из них на имя Владислава Владимировича Суконникова, кандидата экономических наук, доцента Высшей школы профсоюзного движения. На визитках было два телефона, служебный и домашний. Домашний начинался на 939, как и в объявлениях у метро. Я сверил цифры - совпадало.

Я порылся в кармашках папки и нашарил прозрачную пластиковую обертку, внутри которой был конверт, заклеенный, без адреса. Может, в нем дело?

Я посмотрел конверт на свет. Какие-то бумажки. Денег нет, это точно.

Можно было подвести маленький промежуточный итог. Итак, авантюра развивается. Есть папка. Есть хозяин папки. Но нет никакой ясности, почему вознаграждение *большое*, да еще на моих условиях. Вскрыть конверт? Но тогда можно остаться вообще без всякого вознаграждения, хотя я и так еще не решил, буду ли его брать. Скорей все-таки буду, поскольку и деньги нужны, и мои хлопоты хоть чего-то ведь стоят? Не слишком приятно, конечно, было выступать в роли кого-то вроде рэкетира. Но сейчас рэкет стал обычной профессией, да ведь я никому и не угрожал: меня попросили об услуге, я ее выполнил, а бесплатных услуг в наше время не бывает.

На всякий случай я просто набрал номер - просто проверить, существует ли такой в природе, голос послушать. Однако после первого гудка в трубке что-то щелкнуло, и я нажал на рычаг. Сейчас в моде определители номера, ты еще слова не вякнул, а тебя уже засекли. Лучше из автомата. Спокойней.

Можно было, конечно, сразу спуститься и позвонить, но я проявил разумную осторожность: пообедал, покурил, почитал и лишь после этого пошел к автомату, чтобы второй звонок не выглядел продолжением первого. По дороге я попытался сформулировать, зачем мне все эти сложности. Видимо, все дело было в вознаграждении на моих условиях. Тут пахло большими деньгами, а где замешаны большие деньги, там всегда опасность. Не исключена и мафия. Во всяком случае, это важный психологический момент.

Мне ответил мягкий женский голос, и я сказал, что хотел бы поговорить с Владиславом Владимировичем. Возникла странная пауза, и я добавил, что разговор будет по вопросу, который Владислава Владимировича интересует больше, чем меня. Снова была пауза, и лишь потом женщина спросила:

- Извините, кто его просит?

- Он меня не знает, я просто по делу.

- Видите ли, - сказала женщина и запнулась, - Владислава Владимировича больше нет.

- Как нет? - глупо спросил я.

- Он умер. Завтра будет девятый день.

Я забормотал что-то сочувственное и повесил трубку. Честно говоря, я был совсем растерян. Все ожидал, но не это.

Я вернулся домой, сел к столу и беспомощно уставился на папку. Что с ней делать? И вообще что делать? И - надо ли мне что-нибудь делать.

Впрочем, кое-что предпринять, пожалуй, стоило немедленно. Я пошел к метро и сорвал все мои объявления, стараясь

сотворить это по-незаметней. Кажется, удалось. Я понятия не имел, сыграла ли моя афера какую-нибудь роль в смерти незнакомого мне человека, скорей всего, никакой, он ведь умер спустя день или два после того, как я расклеил мои дурацкие афиши. Но все равно было неприятно, я оказался кем-то вроде мародера. А мародер - это еще хуже, чем рэкетир.

Может, стоило сказать про папку женщине? Наверное, жена. Отнести, и все. Черт с ней, с тридцаткой, тем более что она себя уже отработала: психологических деталей с этой папкой я набрал минимум на триста рублей. Но как отнести? Что сказать?

Хотя можно ведь и ничего не объяснять. Нашел у метро, и все...

Я перезвонил. Голос был тот же.

- Извините, - заторопился я, - я вам звонил... видите ли, я, собственно, хотел отдать Владиславу Владимировичу папку, коричневую, вы, может, знаете. Но теперь, раз так вышло...

- Да, да, - сказала женщина, - большое вам спасибо. Но видите ли, сейчас... Если бы вы могли перезвонить дня через четыре... ну, через пять...

Я торопливо ответил, что, разумеется, перезвоню, опять выразил сочувствие и повесил трубку. Она явно не знала, о чем идет речь. Владиславу Владимировичу папка была почему-то очень нужна. А его домашние запросто могут ее, не раскрывая, отправить на антресоли.

Психологический момент, который надо запомнить: то, что одному необходимо, для другого не имеет никакой цены. Скажем, набросок романа, который бесценен только для автора, а вдова может в него селедку заворачивать.

Как ни странно, я почувствовал облегчение. Некрасивый вопрос с *большим*, да еще на моих условиях вознаграждением, отпал сам собой. И слава богу. Я человек весьма небогатый, но рад, что не смог заработать на чужой беде. В конце концов, уважение к себе тоже ценность.

Между прочим, и это немаловажный психологический момент. Вообще, что мне нравится в этой авантюре - она вся пронизана психологией.

Дома я опять раскрыл папку и все бумажки пересмотрел внимательно. Но не было ни одной интересной. За такую мелочевку не обещают златые горы.

Я решил, что теперь, когда Суконников перестал быть собственником своих секретов, заклеенный конверт потерял свою неприкосновенность. Если в нем тайна, ее раскрытие Владиславу Владимировичу уже не повредит. А вдруг там что-то срочное, что покойный хотел сделать и не успел? Все равно ведь кто-то вскроет запечатанное письмо. Так почему бы и не я? Лучше,

чтобы жена? А вот это не факт, бывают тайны как раз от жен.

Обычно я конверты надрывал. А тут не стал - поставил чайник, подержал над паром, как заправский шпион, и довольно легко расцепил две полоски влажного клея. Ай да я, оказывается, и на это гожусь.

В конверте было две бумажки. Одна - витиевато написанное предписание всем подведомственным организациям оказывать всю необходимую помощь подателю документа в его работе относительно объекта. Что за организации, что за работа, что за объект, понять было невозможно. И подпись была витиевата - не подделаешь, но и не разберешь. И бумага была, какой я раньше не встречал, с двумя золотистыми и одной красной полоской сверху, однако без печати и штампа. Кто-то очень сильно темнил, но зачем, я понять не мог.

Да, еще имелась дата - 21.8.91.

Вторая бумажка была совсем уже странная. Что-то вроде личной записки, адресованной непонятно кому, полной тайн и намеков на что-то, не названное ни разу. "Это". Внезапно получил "это", надо было "это" увезти, но времени уже не было, возникли сложности, "это", надо было "это" увезти, но времени уже не было, возникли сложности, "это" нельзя было держать у себя, но и получателю нельзя было передать, и отправителю нельзя было вернуть, так что ночью под дождем пришлось переместить "это" в очень неожиданное место, а именно, как в старинных романах, зарыть... В общем, тайны мадридского двора. Обращение в записке было, но тоже странное: "Дорогой Бармалей!"

Автор записки, видимо Суконников, выражал надежду, что Бармалей поймет написанное без особого труда. Заканчивалась записка совсем уж литературной инструкцией: "По прочтении, пожалуйста, уничтожь".

Сам текст представлял собой полную абракадабру. То есть Бармалей, вероятно, легко бы ее расшифровал, ибо то и дело шли указания личного порядка: "помнишь наш разговор возле Толиной высотки", "сняли двух студенток" и так далее. Но постороннему человеку, такому, например, как я, она не говорила ничего. Абсолютно ничего.

Вместе с тем я шкурой почувствовал, что это не розыгрыш, не анекдот, а нечто важное, возможно, самый важный документ, который мне когда-либо приходилось держать в руках. И просто порвать эту бумажку или сунуть в ящик стола было бы не просто глупо, а преступно глупо. Было ясно, что где-то недалеко, во всяком случае в пределах досягаемости, зарыто нечто значительное, скорей всего ценное, что легко нашел бы Бармалей, не по-

теряй Суконников свою папку на входе или на выходе из метро. Но до Бармалея записка не дошла, она лежала сейчас на моем грязном столе, и у меня, как прежде у Суконникова, не было никакой возможности доставить "это" ни отправителю, ныне покойному, ни получателю, о котором я не знал ничего. В принципе я и сам мог бы "это" раскопать - мог бы, если бы хоть приблизительно знал, где раскапывать. Увы, у меня не было ни единого шанса это узнать.

Впрочем, как говорила одна моя симпатичная знакомая, риск не писк.

Я положил перед собой чистый лист бумаги и попытался выписать из своих бумажек, лежавших в конверте, одни только факты.

Первый факт был тот, что бумажки лежали вместе: видимо, обе они предназначались Бармалею, и между ними была связь. Хотя это был уже мой вывод, и я пока что его зачеркнул.

Второй факт - предписание, написанное от руки на очень хорошей бумаге, имело дату 21 августа девяносто первого года, очень запоминающийся день.

Третий - письмо адресовано Бармалею. Мафиозная кличка? Детское прозвище старого приятеля?

Четвертый - "это" было получено внезапно.

Пятый - "это" пришлось зарывать ночью, под дождем.

Шестой - "это" опасно было держать дома.

Седьмой - "это" нельзя было отдать получателю.

Восьмой - "это" нельзя было вернуть отправителю.

Девятый - автор записки дважды упоминал свою собаку, хотя и в очень странном контексте: "Если встать на мою собаку и глядеть на мою собаку"... Тайное указание? Но на что?

Десятый - автор записки несколько раз ссылался на детали, понятные, видимо, только ему и Бармалею.

Одиннадцатый - "это" он зарыл где-то недалеко от Толиной высотки.

Были и еще кое-какие фактики, но их я выписывать не стал из-за полной непонятности.

Теперь можно было попытаться сделать первичные, хотя бы самые черновые выводы, выстроить очень приблизительную картину, дополнив факты напрашивающимися предположениями.

Скорей всего произошло (по крайней мере, могло произойти) следующее.

Некто важный, имеющий власть, 21 августа, то есть в день провала коммунистического путча, поручил Суконникову переправить "это" какому-то получателю. "Это" могли быть и деньги, и валюта, и золото, и секретные бумаги, и документы на

право распоряжаться заграничными счетами, вообще что-то ценное. Вероятно, и бумага, на которой писалось предписание, и подпись, и почерк были так хорошо известны в "подведомственных организациях", что ни в штампе, ни в печати не нуждались.

Дальше получилось так, что Суконников выполнить поручение не смог. "Это" нельзя было отдать получателю (арестован) и нельзя было вернуть отправителю (арестован). Короче, Суконников оказался владельцем чего-то, что представляло большую ценность и было крайне рискованно держать у себя. Это было время, когда партийные и гебешные связи рвались в самых неожиданных местах, функционеры были в панике и не знали, чего им ждать. Решение закопать "это" было, видимо, разумным, и сделать это пришлось быстро, ночью, невзирая на дождь. Напротив, пожалуй, дождь был очень кстати, ибо в хорошую погоду в Москве нелегко найти безлюдное место даже ночью, особенно недалеко от Толиной высотки, то есть не на окраине, а в достаточно центральном районе.

Бармалей, по всей видимости, был хорошим приятелем или даже другом Суконникова, они вместе "снимали студенток", у них вообще было много общих воспоминаний, так что записка, совершенно дремучая для посторонних, скорей всего, легко была бы прочитана Бармалеем. Может, между Суконниковым и Бармалеем существовала даже какая-то договоренность о совместном владении "этим", внезапно ставшим бесхозным. Впрочем, тут мои домыслы зашли уже слишком далеко.

Еще факт, печальный, но бесспорный: Суконников умер.

Абсолютно неясными оставались два важных практических вопроса. Первый - имеет ли смерть Суконникова отношение к "этому"? Второй - кто такой Бармалей, в чьих руках ключ от загадочной записки, позволяющей найти "это"? Были, конечно, и еще вопросы, но я их себе даже не ставил, понимая, что ответить все равно не смогу. "Труба", "милиция", "диван" - все это было слишком неопределенно. И что означает собака, на которую надо встать?

Впрочем, тут я, кажется, несколько поторопился. Собака - это было уже нечто вещественное. Надо бы узнать, есть ли у Суконниковых собака. Если есть, стоит на нее поглядеть. Авось что-нибудь и подскажется.

Итак, не откладывая дела в долгий ящик, можно было сосредоточиться на трех вещах: выяснить обстоятельства смерти Суконникова, попробовать узнать, ко такой Бармалей, и собрать информацию насчет собаки, если этот друг человека существует в природе.

На визитке Суконникова был рабочий телефон, на одной из

квитанций оказался телефон малого предприятия "Сретенка". Более чем достаточно.

Утром я решил начать с малого предприятия: предприятие малое, значит, и народу мало, значит, каждый на виду. Дождило, но я не поленился, пошел к автомату. По дороге заглянул в газетный киоск, подлизался к бабке-киоскерше, и она наменяла мне монеток - я чувствовал, что их потребуется немало.

- Сретенка, - сказали мне скучным тоном.

Я спросил Суконникова. Получилась существенная пауза. Потом поинтересовались:

- А кто его спрашивает?

Я стал длинно и косноязычно объяснять, что он меня не знает, что меня попросили отдать ему одну вещь и т.д. Я специально придуривался - с дурака какой спрос! Собеседник дал мне высказаться и лишь потом произнес:

- А что за вещь?

- Да мелочь одна, - тянул я, - папочка небольшая...

Для меня все это было совершенно неожиданно. Я предполагал, мне тут же скажут, что Суконников умер - вот тогда я, опешив, и начну выспрашивать, как и отчего. Но со мной говорили так, будто Владислав Владимирович отъехал на полчасика перекусить.

- Куда он может вам перезвонить?

Я сказал, что живу в Мытищах и телефона нет.

- Тогда давайте мы к вам человека подошлем.

Я ответил, что рад бы, но как раз сейчас еду в Москву и готов зайти к ним сам.

- Подъезжайте, - сказали мне вполне доброжелательно, - адрес знаете?

Я сказал, что нет,и мне тут же назвали улицу, дом и даже код.

Естественно, я никуда не поехал, а тут же набрал другой телефон Суконникова, тот, что был на визитке. Тут повезло больше.

- Суконникову вы уже ничего не передадите, - значительно проговорил вальяжный, знающий себе цену баритон.

Я конечно же удивился.

- Нет Суконникова!

- А когда же будет?

- Теперь уже никогда не будет, - ответил баритон с каким-то печальным удовольствием, - Суконников, дорогой товарищ, уже неделя как на кладбище.

Я забормотал, что этого не может быть и т.д.

- Теперь все может быть, - последовал ответ со значением.

- Инфаркт, да?

- Хм, инфаркт. Дадут железкой по голове - будет инфаркт.

- Его убили? - как бы не поверил я.

- И очень капитально!

- Но кто?

- Хм, кто... Демократы! Сейчас везде демократы: и в мафии, и в милиции.

- Но хоть поймали их? - вопрошал я, пропуская политику.

- Как же! - с сарказмом возразил баритон. - Станут они ловить, свои-то своих. Одна банда! У нас, дорогой, за неделю два трупа: сперва Суконников, а в среду Бармалаев из райкома. В одной аудитории лекции читали - а теперь вот на одном кладбище. Одного в машине, другого в собственном доме.

- Застрелили, что ли?

- У нас не Чикаго, - с горечью сказал мой собеседник, - у нас Россия-матушка. Железкой по башке, и тю-тю, ручки крестом.

- Жуть какая-то, - вполне искренне ужаснулся я. Два убийства - это и в самом деле было чересчур, хотя надо сказать, насчет Суконникова я чего-то подобного не исключал: где "это", там рядом и кровь. Конечно, вторую смерть я даже отдаленно не мог предположить - но и она меня не настолько сбила с панталыку, чтобы я забыл еще одну цель своего звонка.- Может, мне тогда жене его отдать? А то неудобно как-то.

Баритон сказал, что теперь при демократах все удобно, но адрес покойного, порывшись где-то, все же дал. Ломоносовский проспект, дом и квартира.

Спрашивать адрес второго покойника было уже немыслимо.

Итак, авантюра разрасталась с ужасающей быстротой: закопанное "это" и два убийства.

Прежде всего я порадовался, что все свои переговоры вел только из автоматов и вообще находился на порядочной дистанции от "этого". Вместе с тем теперь, когда ни отправителя, ни адресата загадочной записки не было в живых, я оказался, возможно, единственным владельцем ключа к чему-то, закопанному дождливой ночью вскоре после путча в неожиданном месте. Хотя как пользоваться этим ключом, я понятия не имел. Утешало, что теперь, после гибели Бармалея-Бармалаева, специалистов по ключу на белом свете вообще не осталось. Я знал хоть что-то, другие вовсе ничего.

Затем следовало решить, как быть дальше: раскручивать эту авантюру или, как говорили в каком-то фильме, наплевать и забыть? Понятно, что после двух убийств последнее было бы гораздо благоразумней. Однако надо было учитывать и другое: я получил шанс, какой одному из миллиона выпадает раз в жизни. Рассчитывать, что судьба еще раз поцелует в лобик, было бы не только самонадеянно, но и просто глупо, а уж кем-кем, а

дураком я себя не считаю. Да если чудом и получу право на вторую попытку, кто гарантирует, что она окажется безопасней? Даже в детских сказках сокровища стерегут драконы.

Спокойно поразмыслив, я выработал разумный и осторожный план действий. Не суетиться, не торопить события, не возникать там, где могу засветиться, звонить по рискованным номерам только из автоматов и потихонечку собирать информацию об "этом", которую можно получить, не подвергая себя опасности. Пусть на это потребуется даже год - не страшно. Чем больше пройдет времени, тем лучше для меня. Драконы не могут бесконечно бесноваться вокруг сокровища, которое запрятано неизвестно где. Устанут, смирятся, займутся другими делами - и тогда можно будет, лучше всего опять-таки безлюдной дождливой ночью, прийти и выкопать "это". Если, разумеется, до того времени удастся определить место, где "это" закопано.

Впрочем, тут таилось некоторое противоречие.

Конечно, безопасней всего просто залечь на дно и возобновить поиски через полгода-год. Но с другой стороны, к тому времени люди, способные что-то разъяснить, либо забудут важные детали, либо, не приведи господь, умрут. Двоих уж нет. Жены, домочадцы, сослуживцы пока функционируют. Но объем полезной информации, заключенный в их головах, с каждым днем будет уменьшаться. Сегодня, допустим, хотя бы несколько человек помнят, что делал и говорил Суконников в последнюю неделю перед гибелью. А что сохранится у них в памяти через год?

Короче, напрашивался вывод: нужно узнавать все, что можно, но при этом к опасной зоне не приближаться, поскольку может выйти себе дороже.

Координаты Бармалаева я выяснил быстро и без труда, просто через справочное бюро: мужчин с такой фамилией в Москве числилось лишь трое, причем один жил в Зеленограде, а второму было семьдесят шесть лет. Лишь Бармалаев Константин Максудович, пятьдесят пятого года рождения, прописанный в районе Мосфильмовской, подходил вполне.

Теперь для дальнейших изысканий у меня были две точки: квартиры погибших. И предлог имелся вполне уважительный. В конце концов, в руках у меня была чужая папка, и я, как порядочный человек, просто обязан был либо вернуть ее Суконниковым, либо передать Бармалаевым, если, конечно, допустить, что старому другу Бармалею предназначался не только пакет, но и вся папка. Но это были уже детали, и я, человек посторонний и случайный, мог их просто не знать.

Вдова Суконникова, если со мной говорила она, просила

позвонить через пять дней. Тем больше было оснований начать с Бармалаевых. Я пошел к автомату и набрал номер.

Тут тоже подошла женщина.

Я спросил:

- Извините, квартира Бармалаевых?

Мне не сразу ответили, что да.

Я сказал, что телефон мне дали на кафедре, что я случайный человек, что просто Владислав Владимирович хотел кое-что передать Константину Максудовичу, но теперь, когда случилась эта трагедия...

Договорить мне не дали - женщина сразу перешла на крик:

- Да не знаю я ничего, отстаньте вы от меня, ничего я не знаю, никто мне ничего не говорил, все переломали, все забрали, нет у меня ничего, оставьте вы нас в покое!

Я был так ошеломлен, что даже не помню, кто первый бросил трубку. Наверное, я, ибо такой скотиной я не чувствовал себя уже давно.

Ясно стало лишь одно: эту вдову крепко достали. Кто-то уже пытался собрать информацию и располагал для этого гораздо большими возможностями, чем я. Наверняка это была не милиция, верней не только милиция - после официальных расследований так не кричат.

Зато с собакой мне повезло. Здраво рассудив, что лучшего друга человека минимум дважды в день выгуливают, я отправился на Ломоносовский проспект. Правда, по дороге посетило сомнение: а вдруг никакой собаки нет, вдруг это просто некий знак, символ, понятный закадычному другу Бармалею и темный для всего остального человечества? Или, скажем, шутливое прозвище некоей приятельницы или даже любовницы? Но я решил, что в конечном счете рискую только свободным вечером, а свободными вечерами я в данный момент достаточно богат.

Дом оказался огромный, сталинский, с башенками, сквериком и даже фонтаном - в таких домах случайные люди не живут. Это было еще одно подтверждение моих предположений: очевидно, в недавно покинутой жизни Суконников что-то значил.

Я вошел в подъезд: лифтом поднялся на нужный этаж: но выходить не стал, а осуществил заранее придуманный план: хлопнул дверью лифта, а сам поехал выше. Сработало великолепно - вслед мне из-за той самой двери донесся короткий, но густой и уверенный лай. Любовницы так не лают.

Итак, кое-что я выяснил. Но мне, естественно, хотелось большего. Я спустился на площадку между этажами и стал ждать. Минут через сорок в районе нужной двери послышалась возня, шевеление, мелкий топот и повизгивание. Я тут же вытащил

сигарету и закурил: курение на лестнице самое оправданное и невинное из занятий. Дверь отворилась, и я увидел пса - он был чуть поменьше овчарки, морда потупее, цвет шоколадный... остальное я не разглядел, так как вслед за псом на площадке возник крупный мужчина в модной кожаной куртке, пожалуй, тоже шоколадной, но потемней. К сожалению, я немного растерялся, поскольку рассчитывал на женщину, ибо точно знал, что Суковнникова похоронили. Пока доходило, что ничего странного тут нет, потому что мужчин в Москве много - есть и братья, и друзья дома, и даже любовники, почему бы и нет, - пока я все это соображал, нынешний хозяин собаки уперся мне в лицо жестким взглядом человека, не привыкшего отвлекаться от конкретных дел: уж если смотрел, то видел. Я сразу понял свою оплошность, надо было одеться максимально прилично. Хотя и это вряд ли помогло бы - на лестницах таких домов случайные люди не курят. Увы, что сделано, то сделано.

Впрочем, ничего ужасного не произошло. Мужчина вызвал лифт, впустил пса и вошел сам. Машина, сберегающая здоровье, поехала вниз, а я бросился следом.

Во дворе было почти темно. Гражданин с собакой неторопливо шел в сторону проспекта Вернадского. Пес делал вид, что его ничуть не огорчает поводок - сразу чувствовался аристократ, гордящийся собственной породой. Гражданин свернул за угол, к новому цирку, там оказалось посветлей, и я разглядел пса получше. После чего решил не искушать судьбу и заспешил к метро. Не дай бог, новый хозяин собаки обнаружит повышенное внимание к своей особе. Я не знал про него ничего, но одно было очевидно с первого взгляда: лучше не связываться.

Кстати, неплохо бы на досуге поразмышлять, почему одни люди сразу вызывают у нас симпатию, а другие тревогу и неприязнь. Так, человек в кожаной куртке не сказал мне ни слова - но от него словно бы исходили волны угрозы и вражды.

Назавтра я пошел в библиотеку и взял большую и красивую, на глянцевой бумаге, книгу “Собаководство”. Я листал ее, не торопясь, получая удовольствие от прекрасных картинок и столь же прекрасных названий: эрдельтерьер, пинчер, сеттер, мраморный дог, сенбернар, ротвеллер. Только овчарок было штук пятнадцать, одна другой интереснее. Чтение затягивало, и я стал просто переворачивать страницы, пока не наткнулся на нечто подобное вчерашнему благородному зверю. По сути, похоже было все, кроме цвета. Пес был черный, он так и назывался - черный лабрадор. Суконниковский, к сожалению, был точно не черный.

Решив, что обознался, я перевернул страницу. Ура! Тут уж

ошибки не было. Этот красавчик назывался тоже лабрадором, но золотистым: оказывается, бывают и такие. Золотистый лабрадор. Он, именно он.

Заложив страницу бумажкой, я долистал книгу до конца, уже совершенно бескорыстно, и лишь тогда вернулся к закладке. Да, золотистый лабрадор, других кандидатов не было. Если встать на мою собаку... Абракадабра, чистая абракадабра. Но ведь что-то значит? На что-то намекает? Зачем-то упомянут в записке наш четвероногий друг?

По дороге домой я вертел в голове название породы по-всякому, но успеха не ощущалось. Лабрадор... Камень. Еще есть, кажется, такой полуостров, если не ошибаюсь, в Канаде. Ну и как на них встать? На камень еще можно, а на полуостров? Встать на камень и глядеть на камень? Встать на полуостров и глядеть на полуостров? Или дело не в лабрадоре, а в том, что он золотистый? Допустим, "это" имеет тот же цвет. Ну и что? Если встать на золото и глядеть на золото...

Лабрадор как будто кладбищенский камень. Но - черный. И где кладбище рядом с высоткой? Вообще клад, зарытый на кладбище, - не слишком ли романтично? И неужели именно на кладбище покойные друзья сняли двух студенток?

Что-то не вытанцовывалось.

Правда, оставалась еще возможность - кличка. Черт его знает, как этого пса зовут. Ну, например Арбат? Если встать на Арбат и глядеть на Арбат... Тогда, может и Толина высотка будет кстати ? (Арбат почти упирается в задворки МИДа). Или, скажем, Разгуляй... Там вроде нет высотки. Но гостиница у трех вокзалов не так уж далеко... короче, если по-быстрому сгонять на Ломоносовский и расспросить пацанов во дворе... Ну не могут же не знать, как зовут такую выдающуюся собаку! Вроде бы мелочь - а очень многое может проясниться.

Осторожность, напомнил я себе, осторожность. Когда все быстро получается, может повезти не только тебе, но и тому, кто, допустим, за тобой наблюдает. Если "это" настоящая ценность, а, по-видимому, так оно и есть, в зоне его притяжения просто не могут не пастись всякие опасные кладоискатели. И если кто-то из них обратил на тебя хищный взор - а тот супермен в модной куртке, между прочим, именно обратил, - то самое разумное на пике везения совершить непредсказуемый, невероятный с точки зрения логики поступок.

Я такой поступок совершил - лег на дно.

Я закупил харчей, запас чаю, сигарет и четыре дня не выходил из дому. Отключился от всех дел и забот. Писал, только писал. Здесь, на этих страницах, все, что пока произошло. По-

жалуй, такой наполненной паузы в моей жизни больше не было.

Тем не менее мне кажется, какую-то ошибку я все же совершил. На чем-то прокололся. За эти четыре дня мне звонили разные люди, но был и пяток, не меньше, странных звонков. Звонок - и молчание. Проверяют? Но кто?

Возможен, конечно, и более приятный вариант - глупая влюбленная баба. Но таких на горизонте не возникало уже давно.

Что я ощущал, когда в очередной раз трубка на все мои вопросы и подначки лишь тихонько потрескивала? Беспокойство - да. Пожалуй, даже легкий страх. Но прежде всего - любопытство, причем не житейское, а творческое. Мне интересно. Интересно, кто развлекается. Интересно, что будет дальше.

Вопрос: когда к жертве приближается убийца, жертве интересно, как ее будут убивать? Психологический момент!

Есть легенда - когда актер Качалов был смертельно болен, жена спросила его: “Вася, тебе страшно?” Он ответил: “Не страшно, но и не любопытно”.

Мне бы, пожалуй, было любопытно.

Хотя, может быть, это я сейчас так думаю, когда в реальности нет никакой почвы для тревоги, кроме неопределенных предчувствий. Тем более что уже два дня нет и таинственных звонков. Еще один психологический момент...

Итак, сегодня или завтра я могу без риска закрыть последнее из легко доступных мне белых пятен - имя собаки (понятие “кличка” плохо сочетается с такой изысканной псиной). Любой мальчишка во дворе охотно окажет мне помощь. Из школы ребята возвращаются между часом и двумя. Практически любой пятиклассник...”

Я так вчитался в федулкинский манускрипт, что был разочарован и раздосадован, когда страница оказалась последней. Ведь ничего не завершилось! Это было как приключенческая книжка с оторванным концом. А что дальше?

Дальше Федулкина убили.

Но это было много дальше. Между последней страничкой машинописи и смертью под забором детского садика произошло, возможно, немало всего.

Что я знаю точно?

Во-первых, эту рукопись Федулкин оставил у меня. С целью или так? Понять это было невозможно, поскольку он часто так делал. Иногда просил прочесть, иногда просто оставлял, а то и забывал, и тогда я читал без просьбы, вернее делал вид, что читал, бегло пролистывал, чтобы было что сказать при встрече. Федулкину много не требовалось. “Знаешь, а интересно!” Он краснел и начинал удовлетворенно бормотать, что это еще не

окончательный вариант. Можно было, во имя истины, обойтись без оценок. Какая-нибудь двусмысленная фраза типа "Ты, старик, авангардист" или "У нас это не напечатают" вполне сходила за похвалу.

Во-вторых, Федулкин, очень серьезно относившийся к собственному творчеству, редко печатал свои эпохалки в одном экземпляре. Он боялся всего: ареста, обыска, пожара, грабежа, хотя только полному шизофренику пришло бы в голову грабить Федулкина. Разные копии он разносил по знакомым, именуя это конспирацией. На сей раз мне достался первый экземпляр. Может, второй он притащил Антохе? Надо будет проверить. А если какая-нибудь копия попала не в те руки... Впрочем, это была всего лишь заготовка, а черновики Федулкин не размножал.

В-третьих, он собирался пойти к тому дому на Ломоносовском, где мог, например, просто случайно столкнуться с тем суперменом в куртке или еще с кем-то, кто тоже искал "это".

Я попытался убедить себя, что занимаюсь в общем-то ерундой, строю версии из ничего. Ведь могло получиться совсем иначе: пошел провожать бабенку, а ревнивый ухажер выследил и... Но в такую случайность поверить было еще трудней: может, и Суконникова с Бармалаевым убили ревнивые ухажеры?

Совсем уж холодком прошло по животу неизбежное сопоставление: Федулкину звонили, не отзываясь, потом убили, мне звонили, не отзываясь... Неужели и меня каким-то образом подвязали к "этому", о котором я не знаю ничего, кроме вычитанного сегодня из записок Федулкина? В пору было заорать: "Да отстаньте, ничего я не знаю!" Но ведь и Федулкин, по существу, не знал ничего. А вот заорать не успел. Или - не услышали. Или - не поверили.

Я глянул на часы. Время не поджимало, но в общем-то пора было собираться. Я позвонил Антону в контору - сказали, ведет занятие. Этого мне было вполне достаточно: ведет - значит живой.

Я запер дверь, сунул ключ под коврик и пошел к метро.

На Пушкинской, как всегда, была толчея не протолкнуться - хвост к "Макдональдсу", коробейники у раскладных столиков, торгаши побасней прямо на тротуарах. Двери в "Наташу" не закрывались, женщины сновали туда-сюда, лица мелькали, всмотреться времени не было. Но меня снующие не занимали - только те, что стоят у входа.

Пока не стоял никто.

Всплыла задача. К ней надо было подготовиться. Оглядевшись, я пошел на угол, где в разных сочетаниях перетаптывался молодняк, и выбрал подходящую рожицу - лет восемнадцать, легка на знакомство, любопытна, явно погуляла по чужим кой-

кам, но и не профессионалка, скорее привержена популярному принципу “почему бы и нет?”

Я спросил:

- Минут двадцать найдется?

Краткость срока девчонку озадачила, на всякий случай она глянула надменно.

- Помоги, а?

На человеческую просьбу и ответ был человеческий:

- А что надо делать?

- Тут рядом, три шага, - сказал я и потащил ее к арке поблизости, - постой тут со мной, ладно? На той стороне баба появится, позовешь. - Я кинул взгляд через улицу.

- А что сам не можешь?

- Надо, чтобы голос женский.

Теперь у входа в магазин стояли четыре дамы. Две сразу отпали по взрасту. Из молодых я предпочел бы крепышку с довольно симпатичным самоуверенным лицом. Впрочем, та, что меня интересовала, могла и просто не прийти.

Крепышка глянула на часы, повертела головой. Я негромко сказал своей сообщнице:

- Видишь, в красной куртке? Алена зовут. Крикни погромче.

Она постаралась. Не знаю, было ли что слышно на той стороне улицы, во всяком случае красная куртка не среагировала никак. Зато крепышка дернулась и обернулась. Я шагнул в арку. Что было надо, уже увидел. Она.

Я спросил свою помощницу:

- Не постоишь со мной еще чуток?

- А надо?

- Не надо - не просил бы.

Она пожала плечами. Я приобнял ее, как свою, и она поняла это правильно, то есть по-шпионски:

- Следишь, что ли?

- Приходится.

Моя крепышка тем временем подошла к автомату, уверенной улыбкой потеснила очередь из двух мужиков и, набрав номер, коротко кинула в трубку что-то недовольное. Наверное, Женю отчитала. Так ему и надо. Или ей. Пусть не опаздывает.

Я думал, сейчас уйдет. Но нет, осталась. Остался и я.

Подумав, я спросил свою сообщницу:

- С родителями живешь?

- А что?

- Да ночевать сегодня негде.

Она ответила, не удивившись:

- У меня полна коробочка, сама бы ушла, да некуда. И мать, и брат с женой.

Я догадался отойти подальше, и хорошо, что догадался: из подворотни, где мы пару минут назад конспиративно обнимались, вышел парень в свитере, один из тех, что тогда болтался во дворе. Теперь он, правда, был не в свитере, а в модной трехцветной ветровке, но я легко узнал его гибкую спину и пританцовывающую, спортивную походку. Он подошел к Алене и помахал в воздухе ладонью, как президент на трибуне.

Я думал, они куда-то пойдут, но крепышка не двинулась, так и разговаривали на проходе, почти у дверей магазина. О чем шла речь, я не слышал и догадаться не мог, но кое в чем ошибиться было нельзя: беседа не приносила радости ни тому, ни другому. Алена нападала, агрессивно глядя на малого снизу вверх, он небрежно пританцовывал, голова с издевкой покачивалась. Кончилось быстро: крепышка, что-то зло выкрикнув, шагнула к тротуару, чуть не упершись руками в капот, остановила "жигуленок" и, кинув два слова водителю, села рядом с ним. А длинный парень опять по-президентски вскинул ладонь. После чего пошел назад в арку, все так же пританцовывая, словно хвастая мышцами ног.

- Все? - сказала моя сообщница. Я про нее почти забыл.

- Еще чуток, - попросил я и тоже пошел к арке, не снимая руку с ее плеча.

- А чего лапшу вешал? - спросила она. - На той стороне, на той стороне...

- Да уж больно противно, - ответил я не в лад, но ее эта бессвязность как будто устроила.

- Твоя девка?

- В чем и суть, - кивнул я, предоставив ей самой придумать убедительную историю.

- А мужик?

- Подонок, - произнес я совершенно искренне.

- И чего будешь делать?

- Вот это мне и надо решить.

- Не бери в голову, - утешила она, - весь мир бардак, все девки бляди.

Я ответил что-то в тон.

Мы прошли так три, а то и четыре квартала. Малый впереди был виден хорошо, рост способствовал. Я сторонился случайного взгляда, но он, как ни странно, ни разу не оглянулся. Ничего не опасался! Он шел по городу, будто это был его город, и переулок его, и люди вокруг ему подчинялись. Что его охраняло? Собственная сила и сноровка? Лапа наверху? Вроде бы и верха

сменились, и власть не та, а он ничего не боялся. Хозяин.

А потом он вдруг исчез.

Я ускорил шаги и быстро понял, куда он делся: в стене старого трехэтажного дома была дверь, мало что низкая, но еще и утопленная в тротуар. Обычный подвал, несколько ступенек вниз и окна в решетках.

Я повернулся и так же, в обнимку с понятливой попутчицей, пошел обратно. В первый же поперечный переулок свернул, это позволило бросить взгляд назад. Кажется, пронесло.

Только тут мне стало страшно. Слишком уж далеко я забежал на минное поле. А в таких случаях войти куда легче, чем выйти. Выйти сложно, Федулкин вот не сумел.

- Ну, засек? - спросила девчонка.

- Да, вроде.

- Мстить будешь?

- Там видно будет.

- А ты плюнь, и все. Было бы из-за чего! Все дырки одинаковы.

- Это верно, - согласился я.

У нее телефона не было, у меня был, но до трубки не дотянуться. Она сказала, что часто болтается на Пушке.

- А чего?

- Да ничего. Все веселей, чем дома.

На том и расстались. Может, и есть на свете бабы лучше москвичек, но мне не попадались.

Я вновь позвонил Антону на работу. На сей раз его позвали, и мы договорились встретиться. Ни за мной, ни за ним вроде бы никто не следил, но конспирация уже вошла у нас в привычку: не спеша прошлись по улице, внезапно прыгнули в отходящий автобус и вышли на остановке, где не вышел больше никто. И машина не тормознула, ни спереди, ни сзади. Между домами мы прошли на параллельную улочку, нашли лавку в открытом дворе и уселись. Хорошее место, незаметно не подкрасться.

Я сразу спросил о главном:

- Федулкинскую рукопись смотрел?

- А это не рукопись, - сказал Антон, - это папка какая-то. Чужая, не знаю, при чем тут он. Вроде мужика какого-то там, есть координаты, можно позвонить.

- Не звонил?

Он покачал головой, и у меня отлегло от сердца. Я рассказал про федулкинскую "Хронику" так подробно, как мог.

- Интересно, - бормотал Антоха, - очень интересно.

Оказалось, Федулкин принес папку, когда забегал последний раз. Встреча была под "лимонную", и он ее, видимо, просто забыл. На эту тему Федулкин не разговаривал и после не позво-

нил. Впрочем, через два дня он уже и не мог позвонить.

- Ты записку видел?- спросил я.

- Видел.

- И что?

- Ребус. Намек на намеке, сплошной подтекст. Я, правда, вникнуть не старался, цели такой не было, но фразочки там... "Если встать на мою собаку и глядеть на мою собаку"... Очевидно, жаргон для узкого круга. Вот мы с тобой говорим "классик", и понятно, что Федулкин. Наверное, и у них так. В общем-то, Федулкин все верно изложил. Что можно разобрать, он разобрал, ну вот еще кличка собаки А дальше все теперь, сплошная гимнастика для ума. Так что, наверное, "это" раскопают археологи лет через триста.

Помолчали, и я заговорил о том, что меня больше всего удивляло и беспокоило:

- Понимаешь, чего я не могу просечь... Они ведут себя как хозяева. Запросто ходят в милицию. За мной следили - они же практически не прятались, дежурили во дворе, будто из КГБ. А эти убийства? Троих похоронили, и хоть бы хны, никакого шума, будто ничего не произошло. Просто по теории вероятности хоть в одном случае должны были найти убийц.

Антон вдруг встал с лавочки. В стороне по тротуару плелся какой-то парень с тубусом. Антон подошел к нему, что-то спросил. Тот, опустив голову, ответил, и Антоха вернулся ко мне.

- Ты чего это? - удивился я.

- Время спросил.

- У меня же часы.

- И у меня. Я просто проверил, так сказать, следственный эксперимент. Вот представь, у меня в рукаве железка. Он наклонился, а я ему раз по кумполу! Потом я в одну сторону, ты в другую, а у метро встретились. Как думаешь, нас поймают?

Я задумался. А верно, поймают? Кто нас видел? Кто-то, может, и видел, здесь на лавочке, но хоть бы и видел - на черта нужно было нас запоминать? Пока не убили, мы никому не интересны. Значит, станут раскапывать мотивы, шуровать по родным, по знакомым, искать врагов...

Антон сказал:

- Тебе не кажется, что в этой ситуации нам все же следует что-нибудь предпринять?

- Что?

- Ну не вся же милиция у них в кармане.

Я ответил:

- Не знаю. Потому что не знаю, кто такие ОНИ. Но чего я точно не хочу - это чтобы меня, как Федулкина, нашли утром на тротуаре...

В центре магазины еще работали, кое-что я все же успел. В окне у Изауры горел свет. Я позвонил. Она сказала:

- А я уж думаю, куда делся.

Она придвинула мне тапочки, женские, но разношенные.

- Ишь ты, накупил, - ворчала Изаура, и видно было, что довольна она не только едой, сколько самим фактом - мужик притащил харчи. Она и стол в кухне накрыла на два прибора, по-семейному, и про матрасик больше не вспоминала, обе подушки сразу же положила на диван.

Уже в койке я спросил:

- Убьют, хоть плакать будешь?

- А то! - сказала она и, подумав, добавила: - Шляйся меньше, вот и не убьют.

- Мать когда вернется?

Пошевелив губами, она сосчитала, что, наверное, в пятницу.

- Придется выметаться, - проговорил я словно бы про себя.

Изаура промолчала.

- Домой мне пока нельзя?

Она произнесла неуверенно:

- Наверное: нельзя?

- А когда можно будет?

- Скажут.

Дальше спрашивать было неудобно.

- Ну, до пятницы-то вон сколько, - успокоила она, - может, чего придумается.

- Чего?

- Ну... отменят.

- Что отменят?

- Да все. Ты же не ищешь. Вот и отменят.

- А чего надо искать? - придурился я.

- Наоборот, не надо.

- Ну и слава богу, - сказал я с облегчением.

В общем-то, я не врал. Таинственная записка занимала меня, но не больше, чем нерешенный кроссворд. Не то чтобы не хотелось неожиданно разбогатеть, иногда я даже мечтал об этом - но вяло, как мечтает средний студентик о любовнице-кинозвезде. В отличие от Федулкина я был уверен, что таким, как я, богатство не достается - впрочем, таким, как он, тоже. Федулкин воспринял туманную возможность слишком всерьез, потому и погиб. Если бы он попытался добыть три или пять тысяч, ну десять даже, он бы, наверное, рано или поздно их нарыл. А он нацелился на "это", что было глубоко неразумно. Новичок может прыгать с трехметровки, ну с пятиметровки - но не с Крым-

ского моста. Я с моста прыгать не собирался. Я просто забавлялся головоломкой, и то потому, что она сама попала ко мне в руки. Я бы с радостью выкинул из памяти и папку с запиской, и даже ни в чем не повинную федулкинскую рукопись, если бы меня оставили в покое. Но тем, от кого я прятался, нужен был как раз я, я сам, и интеллектуальные развлечения вокруг чужой тайны не меняли в моей судьбе ничего. Встать на собаку и глядеть на собаку... Может, все-таки Лабрадор? Может, есть в Москве, в районе загадочной Толиной высотки, переулок или тупик с таким странным названием?

Я вдруг сказал:

- Давай уедем?

Я сам не знал, откуда взялась эта фраза. Видно, что-то копилось подспудно и вдруг прорвалось.

И недели не прошло, как началась вся эта мерзость, а я уже наелся ею под завязку. Обрыдло! Прежняя жизнь теперь казалась мне чуть ли не раем. Конечно, она была не бог весть какая, но моя, только теперь я ее оценил. Был дом, работа, заработок, да, маленький, зато дважды в месяц, как штык, с гарантией. Был город, мой город, где я шлялся как хотел, где, уходя с работы, точно знал, что приду домой, а ложась спать, был уверен, что проснусь. И мог шпарить с ребятами в преферанс, а потом возвращаться ночью. И мог привести любую бабу, если соглашалась.

Все ушло. А той Москвы, что окружала меня нынче, жалко не было. Искать крышу на ночь, пересчитывать последние деньги, оглядываться, прятаться... хоть бы знать от кого! Да на хрена мне такая жизнь и такой город!

Девчонка, лежавшая рядом, была глупа, невежественна, безвкусна, да и в постели никакая - но как бы здорово прожить с ней год где-нибудь в глухом поселке, где все всех знают и никто ни за кем не следит. Ведь не объявят же на меня всесоюзный розыск! Целый год в глуши с молчаливой бабой - ну не роскошь ли? А постель - что постель. За год всему научится: и как лечь, и как встать, и как губы сложить, и как ноги раздвинуть.

- Уедем, а?

Она спросила:

- На выходные, что ли?

- Да нет, совсем. Ну, скажем, на год.

- Ты чего это? - повернула голову Изаура, явно не принимая мои слова всерьез, видно, уже втемяшила ей действительность, что мужик в койке чего только не предложит.

- Я серьезно.

- А куда?

- Куда хочешь. Хоть на юг, хоть на восток. Сядем в поезд, и тю-тю.

- А жить где?

- Снимем.

- У тебя что, денег много?

- Заработаю.

На большие деньги я не надеялся, но уж меньше, чем здесь, получать не буду. Руки есть, а за руки нынче стали платить. Вывернусь.

Она думала довольно долго, но, видно, так ничего и не решила.

- Тебе чего, так, что ли, плохо?

- Сейчас не плохо, а завтра? Вернется твоя мать - куда мне?

Опять долгая пауза. Потом сказала:

- Ладно, спрошу.

У кого она собиралась спрашивать? У НИХ? Или над ней нависали другие ОНИ?

- Завтра спрошу.

Я согласился: завтра так завтра.

Всего вторую ночь проводил я в этом панельном убежище, но, видно, уже обжился, потому что страх отпустил, зато остро почувствовалась вся унизительность моего положения. Что чужой дом, что завишу от незнакомых доброхотов - это, в общем, была ерунда. Все мы друг от друга зависим, и ничего ущемляющего достоинство в том нет, тем более для меня, человека не гордого. Унизительно было другое: баба, которая со мной хорошо ли, плохо ли, но спала, безропотно подчинялась кому-то, мне не известному. Спала со мной, а была не моя, и все в ней было для меня закрыто, кроме дырки между ног.

Где-то уже за полночь позвонили - это был первый при мне звонок сюда, видно, знакомыми моя подружка была не очень-то богата. Она голяком прошлепала на кухню, к телефону. Разговор получился на редкость немногословный.

- Нормально, - сказала она. И потом, немного погодя: - Ага.

Вернулась, легла рядом.

- Домой пока не ходи. До послезавтра.

- А что послезавтра?

- Там видно будет.

- О'кей, - согласился я. Что будет видно послезавтра, спрашивать не стал, все равно ведь не скажет, лишний пинок по самолюбию. Вот жизнь! Вроде и коммуняк запретили, и КГБ разогнали, а я разницу не ощутил, даже похуже стало. Опять кто-то где-то решал за меня без меня, а мое дело было слушать и выполнять. И деться некуда.

На душе было отвратно, и я, чтобы поправить настроение, сделал то, что было в моих возможностях: поставил Изауру на коленки, носом в простыню, и пошлепал по заднице, чтобы спину

пригнула, а не выгнула. Хоть таким способом напомнил и ей, и себе, кто из нас все же мужик.

Впрочем, потом стало еще паскудней: на ком отыгрываюсь? Она, что ли, виновата?

К утру раздражение не прошло, пожалуй, даже усилилось, и это стало тревожить. Я себя знал: если заведусь, сорвусь с тормозов, все может пойти вразнос, а в моем положении любая глупость может оказаться последней. Выход был, может, единственный: сейчас, пока башка еще достаточно трезвая, уступить натуре, отвести душу, то есть сделать что-нибудь, чего делать нельзя.

Едва ушла Изаура, я решил заняться тем, на чем, вероятно, как раз и прокололся бедняга Федулкин. Кличка собаки. Еще одно слово в кроссворде.

Самый простой способ подсказывала рукопись - расспросить мальчишек во дворе. Рукопись же от такого способа и остерегала - именно на этой акции она и оборвалась, увы, вместе с жизнью Федулкина. Немного подумав, я нашел метод не столь быстрый, но куда более безопасный. Я узнал по справочному телефоны пяти клубов собаководов, ближайших к Ломоносовскому проспекту, и стал их обзванивать. Я выступал в респектабельной роли хозяина золотистой лабрадорской суки, которой ищу достойного кобеля. А чтобы не возникало никаких подозрений, притворялся дураком, провинциалом, недавно перебравшимся в Москву, не вхожим в круги и боящимся, что подсунут полукровку. Я тупо требовал адреса всех, непременно всех кобелей. Ни фамилия, ни телефон владельца меня не интересовали - только кличка и родословная. Я мычал, крякал, косноязычил, как умел, и, похоже, ни у кого не вызвал опасений: по благородной отечественной традиции подозрения у нас вызывают только умники.

В четвертом клубе мне дали то, что надо: безупречная родословная, куча медалей, интеллигентный хозяин. Даже фамилию назвали, хотя я не просил - по их спискам Суконников проходил живым.

- Кобель? - переспросил я недоверчиво, словно боясь, что подсунут суку.

Меня успокоили:

- Кобель, кобель. Кличка "Бридж", четыре года.

Кличка "Бридж"...

Ну и что? Что это может значить?

Есть такая карточная игра, даже первенства проводят, говорят, вроде преферанса, но посложней. А связь какая? Встать на игру и глядеть на игру? Встать на карту и глядеть на карту?

Может, кроме официальной клички, есть какое-то домашнее имечко? Вроде как Антон и Антоха?

Бриджик? Бриджит?

Бесполезно...

Да, кажется, Федулкин погиб зря.

Я позвонил Антону. Голос у него был странный. Я спросил, чего там. Сказал, что ничего особенного, но разговор довольно долгий, лучше при встрече. И сам предложил - на Валином пятачке.

Пятачок этот на самом деле был не пятачок, а короткий бульвар с клумбой посередине, где лет пять назад я познакомился со студенточкой по имени Валя, и месяца два как раз на том бульварчике мы и встречались. Роман давно кончился, а кликуха к месту приросла. У каждого своя феня: у Суконникова с Бармалеем Толина высотка, у нас с Антоном Валин пятачок.

Почему он выбрал именно Валин пятачок, я легко догадался, и догадка меня не успокоила: из клубика, где Антонов кооператив со средним успехом качал деньги из абитуриентов, мой друг хотел выйти не через главный вход, не через служебный, а мастерскими через склад в переулок. Переулок же, поизвивавшись, как раз и упирался в бульвар.

Встретиться мы договорились в обед, время оставалось. Оставалось на то, чего делать не стоило, но хотелось. А если нельзя, но очень хочется, то можно - вроде бы так утверждал знаменитый юморист?

День был солнечный, светлый, людная Тверская казалась мирной и даже праздничной. Хотя, по сути, она такой и была, это только мне за каждым углом чудилась засада.

Но вокруг была такая толчея, столько разного люда сновало, даже переулки были так забиты машинами и прохожими, что я успокоился: ну кому придет в голову высматривать меня в десятимиллионной Москве! Люди шли по своим делам, и я пошел по своему. Переулок за переулком, как тогда, - вот только приметная спина в модной ветровке впереди не маячила.

Тот дом с низкой дверцей при солнце тоже смотрелся весело. Я прошел мимо, лишь чуть скосив глаза в сторону. Увидел мало, но для начала хватило.

Рядом с дверцей были два низких подвальных окна, в решетках, прутья редкие, но человеку не пролезть. Внутри я разглядел брусья, штангу с тусклыми блинами и еще что-то подобное. Спортзал, что ли? Какие-то фигуры шевелились, но на шаге лицо было не разобрать, а приглядываться я не рискнул.

Дошел до перекрестка, свернул влево, прогулялся до угла и назад. Так и ходил туда-сюда в смутной надежде, что вдруг повезет.

Примерно через час действительно повезло: я увидел, что из низкой дверцы выходят. Замедлил шаг - оказалось, вышла целая компания, четыре мужика. Повернулись спиной в мою сторону и двинулись к Тверской. Я пошел следом, метрах в семидесяти, отдаленный от них и скрытый толпой.

Тех было четверо. Двоих я сразу узнал - малый в кепочке, с которого все началось, и длинный - теперь он опять был в свитере. Двоих других вроде бы прежде не видел.

На Тверской парни спустились то ли в метро, то ли в подземный переход. Туда я не пошел. Я вернулся назад и еще раз прогулялся мимо забранных в решетки окон. На сей раз рискнул пройти помедленней и глянуть повнимательней. Различил, кажется, еще одну знакомую фигуру - какой-то малый лежа толкал штангу, я узнал его по широченным плечам. Хотя мог и ошибиться, широкие плечи нынче не примета.

Но в главном я, пожалуй, не ошибся. Там, за решетками, был не спортзал, ни к каким олимпиадам там не готовились. Там просто качали мышцы для разных практических дел. Голы, очки, секунды делаются в других местах. А в этом подвале набирались силы и уверенности парни, что следили за мной, а потом держали осаду во дворе, те самые парни, которые что-то ко мне имели, а может, и собирались убить. Теперь я понял, почему тот, в кепочке, был так нахален в первый же день. Все они такие - качки, герои, а настоящие мужчины, мать их...

Больше баловаться с судьбой я не стал, переулками вышел на Бульварное кольцо и не спеша, поскольку время было, повернул к Валиному пятачку. В голове у меня все помаленьку складывалось, основное, пожалуй, уже понимал.

Возле клумбы Антона не было. Я сел на лавочку и огляделся. Ничего тревожного, мамки да няньки пасли малышню, два старикана трудились в шахматы, пять других подавали советы.

Антон возник у меня за спиной неожиданно, я даже испугался.

-Порядок, - успокоил он, - просто проверял. Кажется, в данный момент ни мной, ни тобой никто не интересуется.

Я спросил, чего это он не мог сказать по телефону.

Антон покрутил головой, даже к старикам за шахматами пригляделся очень внимательно.

- Возможно, я тоже влип, - сказал он.

- Из чего это видно? - поинтересовался я очень серьезно, потому что сразу ему поверил. В этом бреде была своя железная логика: раз влип Федулкин, почему бы не влипнуть и мне, ну а если влип я, следующий на очереди, естественно, Антоха. Мы были как детишки в яслях, где началась корь, каждый просто

обязан был ее подхватить, вопрос только - когда.

- Звонят и молчат, - негромко проговорил Антон.

- Часто?

- Не часто, но довольно регулярно.

- На работу шел, ничего не заметил?

Он помотал головой.

- Может, случайность?

- Не исключено, - согласился Антон холодновато.

Мне был понятен и ответ, и интонация. Действительно, не исключено, просто мог у кого-то автомат не срабатывать. Но ведь и другое не исключено. Федулкину звонили, автомат не срабатывал - кончилось кладбищем. Мне звонили - слава богу, живой, хоть и превратился в бомжа. Теперь Антону звонят.

- Думаю, что с папкой делать, - сказал он. - Дома держать опасно, отдать кому - все равно что гадюку подбросить в дом. Я вот тут анализировал ситуацию... Чего лыбишься?

Я объяснил:

- У нас с тобой все синхронно. И я анализировал.

- И выводы?

Я сказал, что окончательных выводов в общем-то нет, но картина приблизительно выстраивается. Суконников спрятал нечто важное - кодовое название "это". Суконникова убили: чем-то тяжелым по голове. Федулкин на свою беду включился в поиски "этого" - Федулкина убили чем-то тяжелым по голове. С Федулкиным ближе всего контачили я и Антон - на меня стали охотиться, теперь, возможно, вышли на Антоху. Совершить три убийства, не попасться, да еще организовать почти открытую осаду - для этого надо быть либо очень влиятельным, либо сильно богатым. То есть или ГБ или мафия. Больше шансов, что ГБ, потому что "это" прятали после августа, в большой спешке.

- Пока логично, - кивнул Антон.

Одну деталь я объяснить не сумел: папку с той самой запиской Федулкин оставил у Антона, а следили за мной.

- Это как раз понятно, - досадливо отмахнулся Антоха.

- Так им что, не папка нужна?

- Конечно, папка. Потому за тобой и охотились; Сперва следили за Федулкиным. Он к тебе зашел с папкой, а вышел без.

Я уставился на него с недоумением.

- Ну, "Хроника", - сказал он, - эпохалка. Ведь тоже папка, так?

- Обычная картонка.

- Он ее как приволок?

- Как обычно, в авоське. В газетку была завернута.

- Откуда им было знать. Та или не та?

- Так им папка нужна или я?

Он подумал немного.

- В принципе, видимо, папка. Но видишь, какая ситуация? К папке имели отношение три человека. И всех троих нет в живых. Мы с тобой, слава богу целы.

- Пока, - уточнил я.

- Вот именно, - сказал Антон сдержанно.

Я вдруг понял, что положение у нас с ним очень разное. Да, я нынче бомж, домой вход заказан, в контору не сунуться. Но я все же спрятан, меня опекают, хотя и не известно почему. А куда деться Антону? У него не просто контора, у него работа, абитуриентов на две недели не бросишь. Да и дома мать, смыться все равно не получится. А не смываться... Где гарантия, что сейчас я его вижу не в последний раз? А ведь это я его втянул в процесс с очень уж мутным финалом, я попросил тогда притащить харчи, практически подставил. Не кто-нибудь, а я.

- Папка дома? - спросил я.

- Где же ей еще быть.

- Может, мне отдашь? - раз уж я не мог избавить его от опасности, я хотел хоть разделить ее с ним, как тогда он разделил со мной мою опасность.

- А ты куда денешь?

- Придумаю.

- Нет необходимости, - сказал Антон, - это ничего не изменит. Когда Федулкина убили, папки у него уже не было. И у Бармалаева, кстати, не было. Тут какая-то другая закономерность. Может, просто за то, что много знали.

- Но с папкой все равно надо что-то делать.

Антон невесело улыбнулся:

- Знаешь, я вот думал... Зачем к хорошим людям беду притягивать? Лучше всего спрятать папку ни у кого.

- То есть? - не понял я.

- Ну, допустим, в дупле.

Я усмехнулся:

- А чего, идея. Если только тот сарай не сгнил и не сгорел.

- Будем надеяться, - сказал Антон.

Дуплом в блаженные школьные времена мы с Антохой называли общий тайник, полое пространство под крышей одного из самодельных гаражей. Сперва мы прятали там портфели, когда прогуливали, потом приключенческие книжки, позже журнальчики с голыми бабами, ловили кайф, мучились дурью по молодости. Последний раз дуплом воспользовались лет двенадцать назад - Антоха оставил для меня пачку презервативов, которые

в тот вечер, к сожалению, не понадобились: телка была не против, но свободная хата неожиданно уплыла, а для сырого оврага девочка оказалась недостаточно романтична...

Теперь мы с Антоном поменялись ролями. Он тем же переулком пошел в контору, а я издали смотрел, не следят ли за ним. Вроде было спокойно, не следили. Хотя, с другой стороны, зачем выслеживать человека, если известно, куда он придет ночевать?

Где ночую я, они пока не знали. Но надолго ли моя нынешняя нора?

Я подумал, что сейчас самое время на всякий пожарный случай обзвонить знакомых - вдруг у кого обнаружится койка недели на две? Или, может, какая комнатуха на даче, конечно, холодно, но хрен с ним, лучше мерзнуть на даче, чем на кладбище. Словом, был полный смысл прямо сейчас вернуться на Кастанаевку и, пока нет Изауры, достать блокнотик...

Тут меня прошибло ознобом. Блокнотик... Я его что, взял? Я носков взял три пары. А блокнотик как лежал возле телефона, так и... Если лежит. А если нет? Если Антохин номер как раз и взяли из того блокнотика? Если я его еще и этим подставил? Раньше-то ему не звонили, а теперь звонят. И вообще кто знает, сколько знакомых по той книжечке выловят и начнут трясти?

Мне вдруг остро захотелось проверить, на месте блокнот или нет. И вообще глянуть, что там дома. Все же дом, единственный на свете мой. Я тогда убежал, а его оставил, и кто знает, что натворила эта сволочь в пустой, беззащитной квартире. А что они были там, я почти не сомневался. Не для того же двое суток торчали в засаде, чтобы тихонечко сняться и уйти...

Я еще раз пожалел, что оставил блокнот на тумбочке у лежанки. Потому что сейчас мне бы очень пригодился один номер. Давно не набирал, забыл. То ли двести девяносто, то ли девятьсот двадцать, там, кажется, подстанция менялась... Впрочем, можно ведь и без звонка.

Дом помню, квартиру найду. Впрочем, это не проблема: любой пацан в округе мгновенно укажет, где живет Максим Кононов.

Мы с ним учились в одной школе, он классом старше. Не дружили, но что-то похожее было: он любил рассказывать про знаменитых боксеров, а я любил слушать. Максим и сам был сильный боксер, раза четыре выигрывал Москву. На чемпионатах страны выходил в призеры. Типичный лидер, жесткий, волевой, уверенный в каждом своем шаге, лет восемь назад Максим ушел в тренеры - я не сомневался, что и там у него все получится. А его младший брат Генка тот вообще был звездой,

два раза брал Европу, долго входил в сборную. Еще три года назад его имя мелькало в спортивных колонках газет, и странно было связывать грозную репутацию с застенчивым, миролюбивым парнем, обходившим стороной все уличные потасовки.

Максим был дома, но посреди комнаты стояли два раскрытых чемодана, и Максим с женой набивали их всяким барахлом.

- Далеко? - спросил я.

- В Африку, - сказал он, - к братьям по классу. Республика Мали - слыхал? Бананы есть, а бокса нет. Надо же помочь хорошим людям.

Я спросил, как платят.

Он ответил, что деньги не очень большие, но цвет красивый, все сплошь зеленые. Обещают коттедж, тогда можно будет и семью вытащить.

Мы поговорили о разных разностях, и я узнал, что у Генки тоже все в порядке, работает в "Спартаке", сейчас на сборах в Сочи. Максиму улетать предстояло в ночь, ни хрена не уложено, да и черт его знает, что понадобится в тропиках. Путаться под ногами в последние часы было неудобно, я посидел для приличия минут пятнадцать и распрощался.

На выходе из подъезда меня окликнули. Я обернулся: худощавый русый парнишка улыбался и махал рукой. Когда он подошел, я вспомнил: Славик, третий Кононов, самый младший. Когда-то в парке мы играли с Максимом и Генкой в волейбол, он тоже просился, а мы не брали. Вот ведь как вырос! Хотя и времени прошло...

- У Максима был?

Я ответил, что да, у Максима.

- А чего мрачный?

- Так ведь он улетает, - ответил я правдиво, но невпопад.

- Прилетит когда-нибудь, - ответил Славик.

- Когда-нибудь прилетит, - вздохнул я.

Славик посмотрел на меня повнимательней:

- Нужен был?

- Чего теперь говорить.

- А я не гожусь? - спросил он.

Я покачал головой.

- А то гляди. Морду кому набить - всегда пожалуйста, - засмеялся Славик.

- Тут специалист нужен, - возразил я.

- А я кто? Я же Инфизкульт закончил. Два года мастер.

- По боксу?

Он растянул рот до ушей:

- Семейственность, кругом блат. Два тренера дома! А правда, чего там у тебя?

Мы отошли в сторону, сели на край детской песочницы, и я рассказал Славику про всю эту историю, но очень кратко, без деталей, ни про записку, ни про Антона даже не упомянул. Мол, следят, приходится прятаться, домой нельзя, а в чем дело, понятия не имею. Насчет Федулкина с его рукописью, правда, осторожничать не стал, поскольку Федулкину уже ничто повредить не могло.

Как ни странно, Славика больше всего заинтересовал подвал с решетками, он выспросил и про переулок, и про парней, что оттуда тогда вышли, но по моим описаниям не узнал никого.

- Сейчас есть такие фирмы, - сказал он, - на заказ работают. Ты часом не кооператор?

- Куда мне, - ответил я, - думаешь, рэкетиры?

- Все может быть, - проговорил Славик, - у них там профиль широкий. И рэкет, и охрана, и месть, и убийство. Смотря на что наймут. Ты квартиру не меняешь?

- Нет, а что?

- Так тоже бывает. Договорятся об обмене, а клиент упирается. Ну и нанимают слегка попугать, чтобы быстрей соглашался. Хотя тогда приятеля твоего зачем мочить? Как его убили-то?

Я сказал, что проломили голову.

- Может, маньяк какой? - вслух соображал Славик. - Хотя с другой стороны - подвал...

Мыслителем Славик явно не был, в настроение мое не врубался, но, как ни странно, его легкомысленная физиономия и глуповатый смешок действовали успокаивающе. Он быстро отчаялся найти логику в моей истории, махнул рукой и сказал беззаботно:

- Ладно, чего зря мозги сушить! Вот сейчас чего надо? Домой сходить, так? Ну и пошли.

- А если ждут?

- Ну и что?

- Там ведь ребята здорово накаченные.

- Скулу не накачаешь, - отозвался Славик.

Потом он все же перестраховал, позвонил куда-то, и на выходе из метро нас встретил еще один паренек, помоложе, но и покоренастей. Парня звали Вовулей. Славик сказал, что он будущий чемпион (Вовуля смутился и промычал что-то протестующее), пока еще, правда, кандидат, но понадобится, так и мастера завалит. У входа во двор мы перестроились, Славик пошел со мной, а Вовуле велел отстать и приглядывать, чтобы в случае чего ударить с тыла.

Однако никакого случая не произошло. Во дворе было пус-

товато и тихо, лишь в самом углу возилась малышня под присмотром двух бабок. Мы поднялись на лифте, опять этажом выше, но и на площадке было спокойно. Лишь у самой двери я понял, что с того воскресенья ее и до меня открывали: на дереве у замка была глубокая свежая царапина.

Мы вошли, и все стало ясно: крохотная прихожая была завалена коробками, старыми журналами и совсем уж безнадежным барахлом, вытряхнутым с антресолей. И комната смотрелась не лучше - книги на полу, газеты разбросали, лежанка сдвинута, словно искали и под ней. К моему облегчению, на полу валялась и телефонная книжка - то ли обыск проводили не Шерлоки Холмсы, то ли моя частная жизнь интереса для них не представляла.

Штаны и рубашки в шкафу тоже были перерыты, но менее старательно.

- Да, порезвились, - сказал Славик.

Я поднял только блокнот.

- Пошли.

Славик обвел глазами разор в комнате:

- А это все?

- Потом как-нибудь.

Мне неохота было оставаться в этой квартире, вроде бы и моей, но уже и не моей, опозоренной и нечистой. Она была как изнасилованная женщина - ни в чем не виновата, а дотрагиваться неприятно.

Мы вышли, и я запер дверь.

- Чего-то надо делать, - протянул Славик задумчиво, - ведь не будешь век по углам скитаться.

Я согласился, что чего-то надо. Хотя в голове не было ни здравой идеи, ни надежды, что она придет потом. Неизвестная мне жестокая и циничная сила вломилась в мою жизнь и шуровала по-наглому, как хотела, ничего не боясь и практически не скрываясь. Бояться и скрываться приходилось мне. Долго ли? А кто его знает? Может, все мои последующие дни. Ибо если этой силе почему-либо надоест давить и корежить именно меня, как я об этом узнаю?

Вовуля ждал нас на той самой приступочке у соседнего подъезда, где в субботу, сменяясь, дежурили мои опекуны. Мы пошли к выходу со двора, он догнал нас на улице. Ни слева, ни справа подозрительного я не увидел.

- Ну чего? - спросил Славик. - Тихо было?

- Ни писка, ни визга, - доложил Вовуля. У него были нежные ресницы и вдавленный, бандитски перебитый нос.

В одном из ближних дворов мы нашли тихую лавочку и уст-

роили что-то вроде военного совета.

- Тут чего-то есть, - сказал Славик, - не просто так. Чего-то они к тебе имеют. Допустим, днем можно для хохмы. Но они же и ночью топтались. В дом залезли. Не просто же так?

- Просто так не полезут, - поддержал Вовуля.

Я не вмешивался - для меня период подобных умозаключений давно прошел. Они были мальчишки, симпатичные крепкие пацаны, искренне желавшие мне помочь. Я вполне мог рассчитывать на их боксерский опыт - но не на детские же головенки, которые в анализе вряд ли освоят и треть скудной информации, уже просеянной придирчиво Антохой и мной.

Но оказалось, парни вообще не склонны к анализу.

- Суки, - сказал Вовуля. Тут я был с ним полностью солидарен.

Славик вышел на обобщение:

- Вообще не люблю качков. Надуют мускулы и держат район, чего хотят, то и делают, цари и боги. Это же надо - чтобы человек домой не мог вернуться!

- Суки, - еще более убежденно повторил Вовуля.

Все время молчать было неудобно, и я сказал хмуро, в тон ребятам:

- И главное, сделать ничего нельзя.

Однако, как выяснилось, тут наши убеждения в корне не совпали.

- Почему нельзя? - удивился Вовуля. - Так не бывает, чего-нибудь да можно.

Славик сослался на авторитет:

- Знаешь, чего наш тренер говорит? Он говорит: когда противник в стойке, всегда можно чего-нибудь сделать. Вот когда лежит, тогда уже ничего делать не надо.

- Но мы даже не знаем, чего они хотят, - проговорил я, с опозданием сообразив, что без права на то объединяю с собой этих пацанов вокруг сугубо моих проблем. Однако парни восприняли это как должное.

- А на хрена нам знать? - возмутился Славик. - Это их проблемы. Они наезжают, а не мы. Хамят в наглую, а за хамство надо уличить.

- Это точно, - подтвердил Вовуля, - они нам в нос, а мы им в глаз.

Я слушал ребят, с удивлением ощущая, что напряжение, державшее меня все последние дни, начинает спадать. Парни были очень молоды и не очень умны, они знали про всю эту историю куда меньше нас с Антохой, но само их мышление было в принципе другим. Мы пытались понять происходящее, разглядеть его скрытые пружины. А эти два парня сразу же стали прикидывать,

как половчее ответить ударом на удар. Мы с Антоном терялись, когда одичавшая жизнь бросалась на нас из-за угла, словно бандюга с ножом. Они же принимали это одичание как норму и всегда были готовы встретить нежданную агрессию прямым в скулу.

- Может, засаду устроить? - размечтался Славик. - Пожить у тебя дня три, вдруг зайдут проведать.

Вовуля одобрительно кивнул.

- Хотя с другой стороны могут и не появиться, - рассуждал Славик, - пошарили, нашли чего искали, и ладно. Вполне возможный вариант. Вот меня лично сильно интересует подвал. Как смотришь, а, Вовуля?

Вовуля на подвал смотрел положительно.

- А то давай прямо сейчас, - предложил Славик, - чего тянуть?

Вовуля тянуть не хотел, а меня не спрашивали.

Мы двинулись к метро.

Что собираются ребята делать дальше, я понятия не имел, а любопытствовать было неловко, да и не хотелось: незаметно для самого себя из пугливой жертвы неведомого врага я превращался в солдата маленькой, но боеспособной армии, готовой и к обороне, и к атаке. А солдату вопросы не положены, солдат делает, что велят.

Сперва мы обошли вокруг квартала. Славику результаты понравились, мне тоже: сеть переулков, два прекрасных проходных двора, сквозной подъезд - отловить в этом лабиринте убегающего человека практически было невозможно.

- "Галантерею" на той стороне знаете? - спросил Славик. - Если что, там и соберемся.

Потом он дал краткое указание мне:

- Стой вон там на углу. Если что, не жди, рви когти к "Галантерее".

- А вы?

- Мы сообразим.

Мои способности соображать в расчет не принимались. Я запротестовал - мол, как это я их брошу и смоюсь? Но Славик объяснил, что я, во-первых, засвеченный, меня они знают. Что во-вторых, объяснять не стал, и так было ясно.

Теперь Славик был собран, лицо отвердело, взгляд прицельный - уже не парнишка, нет. И Вовуля словно бы подобрался.

Я остался на углу, до дома с подвалом было, наверное, метров семьдесят. Славик пошел к нему прямиком. Вовуля не спеша двинулся по другой стороне переулка, ротозейски поглядывая на верхние этажи, руки его болтались как тряпичные - провинциал,типичный провинциал, шатающийся по столице без цели и смысла. Ничего опасного не просматривалось, и я тоже приблизился на десяток шагов.

Я думал, Славик бегло глянет в низкие окна и пойдет дальше, но он повел себя странно: остановился и чуть не бровями уткнулся в зарешеченное пространство, что было не только опасно, но и просто неприлично. Зачем он так? Неужели решил действовать по формуле Вовули - получить в нос, чтобы затем дать в глаз?

Не знаю, заметили ли его в подвале. Но снаружи явно засекли. Кривоногий малый с широченной спиной в четыре шага пересек переулочек и тронул Славика за плечо. О чем говорили, я, естественно, не слышал, но суть происходящего прояснилась быстро: кривоногий замахивался, Славик отступал. Мало того, низкая дверь, качнувшись, выпустила еще фигуру - мужчину лет сорока, я его видел впервые, в коротком молодящем пальто, с черным "дипломатом". Мне стало жутковато, потому что он оказался у Славика за спиной.

Кривоногий на новую ситуацию среагировал сразу: судя по движению плеча, на этот раз он ударил всерьез. Славик качнулся в сторону, от удара или сам, я не разглядел, заслонила парочка, метнувшаяся с тротуара на мостовую. Когда же картина вновь открылась, я увидел, что кривоногий лежит, а мужчина в коротком пальто, поставив "дипломат" на асфальт, что-то кричит в раскрытую дверь.

Наверное, вблизи все смотрелось куда интересной. Я же разглядел лишь, как из подвала наружу рванулся какой-то парень, но внезапно возникший Вовуля, резко дернувшись вперед, вогнал его обратно, будто шар в лузу. Второй удар достался мужику в пальто.

Все это заняло, наверное, секунд двадцать. Но прохожие успели отхлынуть, на тротуаре и мостовой образовалось свободное пространство. Вдруг я увидел, как прямо на меня бежит Славик с чемоданчиком. Вовули не было видно. Над переулком висела странная тишина, потом крикнула какая-то женщина, взвизгнула тормозами легковушка...

Славик нырнул в проходной двор, за ним никто не гнался. Я увидел, что кривоногий стоит на четвереньках и вот-вот поднимется. Я повернулся и быстро пошел назад, потом за угол, где запомнил сквозной подъезд.

Вовуля уже стоял у "Галантереи", Славика не было.

- Вот видишь, - сказал Вовуля, - а ты сомневался.

- Здорово вы их! - искренне восхитился я.

Вовуля скромно отмахнулся:

- Делов-то. Это ведь проверено. Качки, они что? Они массу нагоняют, а резкости нет. Вид грозный, но в смысле спорта нули. Это раньше в боксе были ломовики, нам тренер рассказывал, станут друг против друга и молотят, кто первый свалится. А современный бокс - это умная игра. Тут чего надо? Резкость и мозги.

Он читал мне лекцию, а я слушал и вертел головой, высматривая Славика. Он появился неожиданно - высунулся из тормознувшего "Москвича" и помахал рукой. Мы втиснулись в тесную старенькую машину. Ехали недолго и молча, Славик, сидевший впереди, все глядел в окно. Потом вдруг велел остановиться, сунул водителю сиреневую бумажку и вышел.

- Норма, - сказал он нам уже на тротуаре, - все путем.

Мы вошли в первую же арку и деловито направились в сторону реки. Бульварчик над обрывом был малолюден, мы легко углядели свободную лавочку, и Славик поставил "дипломат" на колени.

- Тяжелый, - сказал он, - золото, что ли?

- Или кирпичи, - предположил Вовуля и хохотнул.

Так вышло, что в жизни своей я не брал чужого. Из конторы, конечно, если надо, уносил по мелочам, от скрепок до ватмана, - но то было не чужое, а казенное, чемоданчик же казенным не был.

- Ребята, - сказал я, - неприятностей не получится?

- В каком смысле? - не понял Славик.

- Ограбление не пришьют?

- Какое же ограбление? - удивился он. - Мы, что ли, напали? Мы-то никого не трогали, это они полезли. Необходимая оборона!

- Но чемодан-то...

- Военный трофей, - сформулировал Вовуля, и оба засмеялись.

Я не нашел что возразить, уж больно непривычна была ситуация.

- Да брось ты, - успокоил Славик, - не суши мозги. Думаешь, заявят? Сейчас заявлять не в моде, если что, сами разбираются. А у них такая контора - им вообще лучше без шума. - Он постучал по крышке "дипломата". - Нам чего, это дерьмо нужно? Нам важно понять, чем они дышат.

Чемодан был закрыт на два замка. Славик потрогал блестящие железки, примерился, чуть напрягся - и оба язычка разом отскочили. Он поднял крышку.

- Надо же! - изумился Вовуля

Чемодан был просто набит мужскими носками, нитяными и шерстяными. Все можно было предположить, но не это.

-Интересное кино, - сказал Славик. Он запустил руку в мягкий ворох, пошарил и достал пластиковый пакет с тремя флагами и успокаивающей надписью "Миру - мир". В пакете была чистая фланелька, в мягкой тряпочке аккуратный новенький пистолет. Славик оглянулся, быстро завернул пистолет в ту же фланель и отдал Вовуле: - Спрячь пока.

Тот молча убрал сверток за пазуху.

Я не вмешивался, хотя вмешаться хотелось. Уж очень легко-

мысленно обращались парни с опасной игрушкой. Не посмотрели даже, не заряжен ли. Не проверили предохранитель. А Вовуля сунул пистолет под куртку, как какой-нибудь утюг, даже не глянув, куда направлено дуло. Нельзя так. С оружием так нельзя. Не зря говорят - раз в год ружье и не заряжено стреляет.

Славик тем временем выкладывал носки, пару за парой, мне на колени - новехонькие, будто только с прилавка, для пыльной скамейки они были слишком хороши. Куда их столько? Запас на пять лет?

Впрочем, на дне чемоданчика оказалось кое-что потяжелее мягкой рухляди, да и поинтереснее: две типовых "лимонки", каждая в картонной коробочке, набитой опять же носками. И, что было совсем уж странно, длинный сапожный молоток с гвоздодером на одном конце и плотной шишечкой на другом. Откуда он и зачем? Если мужик в коротком пальто на кого и похож, то уж никак не на уличного башмачника.

- Не слабо, - сказал Вовуля, на сей раз даже не улыбнувшись.

В кармане под крышкой был еще бумажник, кожаный, тисненый, очень хороший. Славик раскрыл его, отщепив кнопочку. Денег не было ни копейки. Зато документа целых три: удостоверение на имя полковника милиции Губченко, удостоверение на имя сотрудника "Интуриста" Рябикова и удостоверение на имя старшего преподавателя Академии общественных наук Копылухина. Во всех трех корочках фотография была та же самая.

Я сидел посередке, поэтому парни переглянулись мимо меня.

- Что же это за команда? - задумчиво проговорил Вовуля.

- Вот так дашь в морду, и не известно кому, - сказал Вовуля.

- Серьезный чемоданчик, - подытожил Славик.

Страха в голосе у ребят не было, скорее озабоченность, но достаточно глубокая. Какой-нибудь час назад они могли спокойно и даже весело говорить о рэкете, мести и убийстве. Теперь же, сунув руку в еще раскаленную печь, они еще не обожглись, но почувствовали силу жара. А больше всего их озадачило то, что вот уже почти неделю тиранило меня: полная непонятность происходящего. Зачем следят? Зачем полезли в квартиру? Зачем посреди города этот самоуверенно и небрежно охраняемый подвал? Зачем мужику, похожему на преуспевающего дипломата, гранаты и сапожный молоток?

Мне не хотелось добираться до всех этих заминированных секретов - мне хотелось от них отказаться. Может, и ребятам захотелось?

- Ну и чего с этим чемоданом делать? - спросил Вовуля. - Может, утопим?

- Сейчас, что ли?

- Ночью.

- Носки жалко, - сказал Славик, - такой дефицит.

- А железо?

Славик вздохнул:

- С одной стороны, надо бы. А с другой - сейчас простой "макар" дороже двухкассетника. Вещи-то, понимаешь, хорошие...

- Дай-ка глянуть, - попросил я Вовулю.

Тот повертел головой и лишь тогда отдал мне пистолет.

Игрушка и в самом деле была на редкость ладненькая. Не наша, но все понятно. И все на месте: шесть штук в барабане, седьмой в стволе. Я уже держал такой в руках, один раз, но держал. Вот уж не думал, что наука пятнадцатилетней давности пригодится - а пригодилась. Как утверждал покойный Федулкин, лишнего на свете вообще не бывает.

В армию меня заслали в Южную Сибирь, служил я там удивительно бестолково. Через пару месяцев стало совершенно ясно, кто есть кто, и меня спихнули в хозроту, где капитан Белецких полтора года пытался сделать из меня человека. Его ключевой тезис был, что мужчина без оружия - все равно что половой член без презерватива - полная беззащитность. Хороший был мужик, только пил много. Он как-то сказал мне поразительную вещь. У него было старое охотничье ружье с серебром по прикладу. Так вот он сказал: "Ты когда-нибудь видел, чтобы серебром отделывали молоток? И не увидишь. А танк всегда будет красивее трактора. Знаешь почему? Потому что орудия убийства люди испокон века уважают больше, чем орудия труда".

- Красивая штучка, - сказал я и вернул пистолет Вовуле.

У капитана Белецких была точно такая игрушка. Название я забыл, он звал ее почему-то "хрюшкой", а почему, я не спрашивал. Он был капитан, я солдат, мое дело не спрашивать, а отвечать. "Хрюшка" так "хрюшка".

- А то бери, - предложил Славик, - мало ли чего. Не убьешь, так напугаешь.

Я согласился не во имя конкретной цели, а просто потому, что приятно было держать в руках такой предмет.

Тут я вспомнил. Дернул рукавом, высвобождая часы - было без четверти шесть. Я заторопился к автомату. Сказали - ушел, звоните завтра. Я набрал домашний, и от сердца отлегло: Антоха подошел сам.

- Ну что там?

- Пока нормально, - сказал он, - сделал финт, ушел в четыре, опять закоулком. Как будто никто не провожал.

- А звонки?

- Пока не было.

- Чего-нибудь надо? - Впервые за последние дни этот вопрос что-то весил, потому что Славик с Вовулей ждали меня на лавочке.

- Пока ничего. Кстати, она уже там.

Кто "она" и где "там", он не уточнил, а я не стал спраши-

вать: у Суконникова с Бармалаевым была своя феня, у нас с Антоном уже возникла своя.

- Молодец, быстро, - похвалил я. У меня уверенности прибыло, хотелось, чтобы прибавилось ее и у Антохи, хотя я понимал, что это мало реально: ведь у него не было ни Славика с Вовулей, ни "хрюшки" с семью патронами.

Пацаны вызвались меня малость проводить. Я заметил, что им порядком не по себе, оба отводили глаза. Особенно Славик.

- Мы вот подумали, - начал он, - Скорей всего, контора серьезная.

- Уж больно железа много, - вставил Вовуля.

- Понимаешь, - продолжал Славик, - гранаты для баловства не заводят. Я думал, просто качки, себя показывают, детство в заднице играет. Но тут чего-то не то. Серьезная контора.

- А для чего им гранаты, как думаешь? - спросил я. Меня обеспокоили не столько даже слова Славика, сколько тон. Он сильно изменился: был бесшабашный, стал трезвый. Страха не было, нет. Но и кураж пропал.

- Раз держат, значит, нужны, - сказал он. - Может, просто на крайний случай. Но, заметь, этот крайний случай они заранее имеют в виду. Вполне серьезная контора.

- Ну и кто они, по-твоему?

Славик пожал плечами:

- Да мало ли кто. Может, конечно, рэкетиры или фашисты. Но скорей всего профессионалы, работают на заказ. Сейчас за это бабки платят очень солидные. Десять тысяч за труп.

- Смотря какой труп, - рассудительно заметил Вовуля, - могут и больше кинуть.

Тут в разговоре вышла пауза, потом Славик, помявшись, задал, видимо, самый трудный для себя вопрос:

- Вот ты сейчас дома не кантуешься - а где залечь есть?

- Относительно.

- Вот надо и залечь.

- Значит, залягу, - пообещал я и беззаботно улыбнулся. Мне стало неловко, здорово неловко. Уж очень прозрачен был смысл сказанного. Парни словно бы извещали меня, что предел риска, который они себе могут позволить, выработан. Обещанное выполнили, в глаз дали. Но игры с оружием в сферу их развлечений не входили.

В сферу моих, кстати, тоже. Но меня об этом никто не спрашивал.

Видно, и Славику было неловко.

- Если что, - сказал он, - телефон знаешь, мы с Вовулей всегда под рукой.

Я поблагодарил вполне искренне. В конце концов, они сделали, что было в их силах. Нельзя от человека, который ради тебя влез на подоконник, требовать, чтобы он еще и прошелся

по карнизу. Каждый сам знает, за какой гранью начинается у него боязнь высоты. Я свою грань давно перешагнул - но у меня ведь не было иного выхода.

И - странное дело! - я опять вдруг почувствовал, что голова работает спокойно и четко. Когда никто не может помочь, начинаешь помогать себе сам.

- Парни, - спросил я, - вам гранаты нужны?

- А на хрена? - удивился Славик.

- Так, может, мне дадите?

- С нашим удовольствием, - обрадовался он и совсем уж щедро предложил: - Ты вот чего - бери чемодан. Чего не надо, выкинешь.

- А носки? - вспомнил я. - Поделим по-братски, вещь-то нужная.

Парни заколебались. Но уж это-то добро выкидывать было совсем дебильно. Мы зашли в первый попавшийся подъезд и на подоконнике стали по очереди тащить из чемоданчика носки, из деликатности не выбирая. Потом пацаны рассовали свои доли по карманам, а я свою погрузил назад в чемодан.

Не знаю, в каждом ли человеке сидит уголовник, во мне он прячется точно. Вот уж не думал, что так приятно держать в руках некупленную вещь. Конечно, воровство - дело грязное. Но тут воровства не было, тут было ограбление. Причем бандюги. Причем хорошо вооруженного.

Теперь благодаря ему хорошо вооружен был я.

Правда, ходить в суперменах мне оставалось недолго - много ли времени понадобится, чтобы швырнуть железки в Яузу или канализационный люк? Хотел попросить об этом ребят, но не стал - я видел, как не терпится им избавиться от черного "дипломата". Ладно, уж с этой-то работой справлюсь сам.

Вообще что-то в нашей случайной компании изменилось. Совсем только что я был растерянным законопослушным дурачком, а они моими снисходительными, уверенными опекунами. Теперь же отчетливо ощущалось, что эти великолепно физически оснащенные парни все-таки пацаны, а я - мужик. Очень рядовой, с ненадежными мускулами, мало перспективный в драке, но все же тридцатипятилетний мужик. И не годится переваливать на мальчишек то, что не укладывается в круг их возраста и опыта. Тут уж надо самому. Хорошо ли, плохо, но самому...

За последние годы в Москве столь резко выросло количество разнообразных помоек и свалок, что любую вещь, хоть холодильник, можно упрятать без труда. Что уж говорить о плоском чемоданчике.

Мне годился любой пустырь любой окраины. Но я все же выбрал тот, что знаком: овраг, длинный ряд гаражей над ним и всякая грязь внизу

Гаражи были самодельные, их строили когда-то из подруч-

ных средств, но бок о бок, так выходило экономней, одна стенка на двоих. Длина была разная, то на “Волгу”, то на “Запорожца”, и высоту хозяин выбирал в зависимости от средств и тщеславия. Но потом гаражи подвели под общую крышу, длинную, во весь ряд, оплаченную вскладчину. Иногда прежние крыши до новой не дотягивались, щели заделывали досками или оставляли так. В одном месте доска легко отводилась в сторону - это и было наше с Антохой дупло. Когда-то мы им вволю пользовались.

Теперь, годы спустя, я вновь пришел сюда.

Все было как прежде - и поржавевшие гаражи, и овраг, и железная дорога дальше за пустырем, и наше с Антохой дупло. Я отодвинул доску, достал пластиковый пакет, а уж из него папку - Антон всегда был парень предусмотрительный. Папка, обтянутая нежной кожей, была хороша, не зря Федулкин подумывал оттащить ее в комиссионку. Я отстегнул кнопку замка, прошелся пальцами по бумагам, но мучить глаза не стал, потому что никакой необходимости в этом не было. В данный момент “это” меня не интересовало, в данный момент меня интересовало остаться в живых. Я опять застегнул папку, сунул в пакет, а пакет в дупло. Пускай лежит.

Теперь надо было спуститься в овраг и выбрать свалку поотвратней.

Тут я подумал, что надо сперва вынуть патроны, а то, не приведи господь, какая-нибудь малышня отыщет опасный клад, ведь они где только не роются. Я достал “хрюшку” - и как же приятна была руке ее тяжесть! Прав был мой капитан: орудие труда никогда не вызовет у мужчин такой восторг. А может, подумал я, патроны не выбросить, а расстрелять? Кстати, и безопасней получится.

В стороне валялась кефирная бутылка. Я быстро, навскидку, выстрелил. Элегантное орудие убийства сработало мягко, а бутылка так и брызнула стеклом. Выстрел получился почти бесшумный, его накрыл гул города.

Нет, подумал я, такой машине место не на помойке. И уж точно не в канализации. Яуза, только Яуза, ночь и самый красивый в Москве горбатый мостик близ Таганки.

Я завернул “хрюшку” в ту же фланель и сунул в дупло, сколько хватило руки. Туда же пошли и “лимонки”. Они не были красивы, с ними я собирался обойтись попроще. Просто разок прийти ночью и дождаться, пока через пустырь за оврагом потянется товарняк. Рванет, конечно, - но кто нынче в Москве реагирует на шум? Когда “КамАЗ” ревет на подъеме, шума больше.

Пока добирался до Кастанаевки, совсем стемнело, ночь, да и только. У Изауры мирно горел свет, тени по занавескам не шастали. Я пошел домой.

Она сказала:
- Наконец-то! Десять скоро.
- Ну и что?
- А то, что ждут тебя.
Видно, я здорово напрягся, потому что она торопливо уточнила:
- Да свои ждут, свои.
Я прошел в комнату. По телику орала призерка хит-парада, на столе стояли две чашки почти черного чая. А на нашем с Изаурой диване угрюмо сидела крепкая молодая бабенка.
- Здравствуйте, - сказал я вежливо. Конечно, я узнал ее - но ей докладывать об этом было вовсе не обязательно.
- Привет, Вася, - отозвалась Алена без улыбки.
- Дуня, что ли? - постарался удивиться я.
- Узнал?
- На голоса память. - Надо было сказать еще что-нибудь, и я решил повеселить девушку: - Трахаться пришла?
- Трахаться тебе есть с кем, - ответила Алена, на улыбку ее и тут не потянуло.
Я сел на стул и молча на нее уставился. Не за тем же она пришла, чтобы почесать язык в располагающей компании.
- У тебя родные есть?
Вопрос был неожиданный и мало понятный. Я развел руками:
- Мать в Пущино, отец...
- Родители не годятся.
- Брат двоюродный есть, - вспомнил я.
- Где?
- Не знаю. Он строитель, кочует. Года три не видались.
- Ну а друзья какие? Только не тут, не в Москве.
Это сильно походило на допрос, и я спросил в лоб:
- Чего конкретно надо?
Она сказала мрачно:
- Уехать тебе надо, вот чего.
- Куда?
- Откуда же я знаю? Затем и спрашиваю.
- Таких друзей, чтобы уехать, нет.
Я произнес это твердо, даже упрямо - во мне нарастало раздражение. Не против Алены, нет. Наоборот, мне нравилась эта беспородная москвичка, по сути, такая же дворняга, как и я, только крепче характером, уверенней, целеустремленней - дай бог такую девку в друзья. Но злило, что опять мою жизнь превращают в футбольный мяч, который каждый лупит как хочет, с любой силой и в любую сторону. Я не был тщеславен, не лез ни в генералы, ни даже в сержанты, я привык подчиняться - но надо же хоть знать кому.
Она подумала и решила:

- Значит, надо уехать так.
- Почему надо-то?
Это я спросил уже совершенно спокойно, потому что теперь мы с моей молодой доброхоткой были хоть в чем-то на равных: у нее была какая-то своя цель, но и у меня появилась своя.
- Раз говорю, значит, знаю.
- Но я-то не знаю.
Тут уж она на меня посмотрела раздраженно:
- Ты чего, дурак, да? Не сечешь, чего творится?
- Кое-что секу.
- А чего же тогда...
Я сказал Изауре:
- Дай чаю, а?
Изаура, так и стоявшая у двери, пошла на кухню.
- Слушай, - посмотрел я на Алену, - я в чем-нибудь виноват?
- А кто говорит, что виноват? - возмутилась она глупости вопроса.
- Никого не убил, не обидел - так или нет?
- Ну и чего?
- Тем не менее меня выкинули из дому, теперь вот выкидывают из города. Я ведь не спрашиваю - кто. Но имею я право хотя бы знать - почему?
- Мне тоже налей! - крикнула она в кухню. Потом спросила с иронией:- А тебе это важно?
Я легкий тон не принял:
- Вся моя жизнь ломается, а другой у меня нет.
- Зато живой пока что, - возразила она вполне резонно, - и останешься живой.
Изаура принесла чайник и чашку для меня. Она поддержала подругу:
- Ты же сам хотел уехать.
- Я с тобой хотел.
- Ишь ты, - удивилась Алена, - любовь-то какая!
Я терпеливо глядел на нее - ждал ответа на свой главный вопрос.
- Ну и чего тебе надо знать? - отозвалась она наконец.
- Расскажи, что можешь. Я же не прошу лишнего. Ни адресов, ни фамилий. Просто - что происходит. И при чем тут я?
Впервые я увидел на ее лице что-то вроде неуверенности.
- Трудно объяснить. Уж очень все запутано.
- Давай хоть как-нибудь.
- Понимаешь, - начала она, - есть одна... ну, как бы сказать... команда, что ли. Ну, в общем, люди. И они кое-что должны найти. А другие тоже ищут. Вроде конкуренции. Вот и возникает напряженка.
- А я при чем?
- Лес рубят, щепки летят, - сказала она.

- Ясно, - кивнул я.

В каких только ситуациях не слышал я эту пословицу! Не поспоришь - народная мудрость. Несчастный народ, у которого такая мудрость...

- Ты, может, и ни при чем, - поморщилась Алена, - но если бы я тебе тогда не позвонила, тебя бы в живых не было. Убрали бы, и все.

- Я что, кому конкурент?

Она довольно долго молчала, кривя лицо, подыскивая фразы поуклончивей. Я не помогал. Наконец она заговорила:

- Люди-то разные. Бывают нормальные, а бывают... придурков, что ли, не видел? Власти много, ума чуть. Убрать, чтоб не отсвечивал, и весь разговор. Сам же наворотит, и сам же... Вот так и делается.

Я повернулся к Изауре:

- Ты чего-нибудь поняла?

Та уставилась на Алену, словно подсказки ждала. Алена бросила в сердцах:

- А на фига ей понимать? Надо, чтобы ты понял!

- И я не понимаю. Ну чего ты темнишь? Ты не называй имен, ты суть объясни. Я ведь глупостей могу напороть только потому, что ни хрена не понимаю.

- Ладно, - решилась она, - пес с тобой. Ну вот представь: один человек должен был что-то спрятать, кто, я сама не знаю. А потом начался бардак, и прятал другой. Ну вот и надо было найти. Есть люди, я тебе говорила... ну, в общем, люди. А приказывает - дурак. Дебил. Но самоуверенный - сил нет. Сказал - значит, все, слово - закон. Вот того, который прятал, и убрали. А где спрятал - кого теперь спросишь? Ну и пошло вразнос. Вроде бы искать надо, а с другой стороны, как бы кто еще не нашел. Сам дергается и людей дергает. То - никого не трогать, то любого, кто хоть чего-нибудь знает, - убрать, чтоб не отсвечивал.

- А я его знаю?

Кое-что я, положим, знал, может, не так уж мало. Но со мной темнили, и я темнил.

- А это никому не любопытно, - сказала она с досадой, - знаешь ты чего или нет. Ты кто есть-то? Министр, что ли, или академик? Что ты живой, что нет, человечеству без разницы. Отволокли в морг, и всем спокойней: если чего и знал, уже не скажешь.

Я взял чашку, отпил половину и пересел на диван к Алене - там помягче. Откинулся на спинку.

- Вот теперь понятно, - кивнул я и даже улыбнулся. В конце концов, ничего обидного она не сказала, все правда. Что человечеству я на хрен не нужен, я знал давно, и настроения это мне не портило.

- Наконец-то дошло! - улыбнулась и Алена. И уже буднично перевела взгляд на Изауру: - Газетку достала?

Та вышла в переднюю и принесла газету. По круглым дырочкам на сгибе я понял - из подшивки, небось в библиотеке тяпнула. И зачем понадобилась?

- Сложи, - велела Алена, и моя молчаливая подружка сложила газету вчетверо. Мелочь, но и она подчеркнула: спала со мной, а подчинялась не мне.

- Слышь, Дуня, - сказал я, - у меня еще вопросик. Можно?

- Валяй, - благодушно согласилась она.

- Ты вот меня спасла, так? Очень благодарен. Но на хрена тебе это было надо? Ты же меня не знала.

Она аж руки к потолку вскинула, газетка полетела с колен:

- Ну, блин... Из-за кого рискую, а? Это ведь одуреть! Ему жизнь спасли, девку под него подложили - а у него вопросик! Слушай, у тебя совесть есть?

Я думал: моя Изаура так и промолчит весь вечер. Но она именно тут решила вклиниться в разговор:

- Алена, он же не трепло!

Та посмотрела на подругу, как полковник на солдата:

- Прорезалась! Ты чего думаешь - тебе дырку заткнули, значит, и человека лучше нет? Ну ляпнет по дурости или по пьянке - чего тогда?

-Он не пьет, - упавшим голосом возразила Изаура.

Алена покрутила головой, кулачки сжались:

- Свалили бы вы отсюда оба, а? Месяца хоть на три. Во бы кайф!

- Свалить можно, - сказал я, - но ты все же объясни. Просто как человек человеку.

В общем-то это было не очень хорошо - я тянул из нее правду, а ей не говорил практически ничего. Но какое-то оправдание у меня было: на кону стояла моя жизнь, а не ее.

Алена колебалась не долго, чего-чего, а решительности у девушки хватало.

- Ладно, хрен с тобой. Ну, во-первых, я поняла, что ты ни при чем... ну, и другие люди поняли. Но это не главное. Главное - тебя должен был убрать один человек, а я не хотела, чтобы он это делал. И он не хотел. Сперва-то работа была другая! Тоже не очень, но все же нормальная. А людей убирать - это и он не хотел, и я не хотела.

- Парень твой?

- Это уже не имеет значения.

Тут она была права, и так сказала больше, чем могла. Я бы на ее месте, пожалуй, не решился.

- А почему сваливать надо именно сейчас?

Алена не сразу, но все же объяснила:

- Какой-то у них там получился бенц. На шефа, дебила, наехали, он с непривычки и охренел. То было - никого не трогать, а теперь - всех убрать. Чтоб не отсвечивали.

Я со вздохом покивал. Кто бы мог подумать, что именно так отыграется умелая Вовулина зуботычина...

- Все бывает, - сказала Алена. У него не поймешь, кто за кем следит. Может, и за мной втихаря приглядывают.

Мы посмотрели по телику разные новости, и лишь после этого я попросил:

- Ты бы мне все же его показала. Парня своего.

Она жестко поинтересовалась:

- Это еще зачем?

Я шевельнул ладонями:

- Разное ведь бывает. Ну вот представь - меня станут убивать. Я ведь тоже убью. Вот и надо знать, чтобы не зацепить... не того.

- А сумеешь? - спросила она с сомнением.

- Если придется, куда же я денусь.

- Там видно будет, - сказала Алена.

Посмотрели телик, допили чай. Она поднялась:

- Хрен с тобой. Пошли.

Идти пришлось недолго. Малый с широченными плечами сидел на приступке у соседнего подъезда, как в ту субботу сидел у соседнего подъезда в моем дворе. Мы подошли, и я увидел, что у могучего этого громилы совсем детское, со светленькими бровками лицо.

- Витя, - представила она, - мой брат.

Что брат, я уже догадался: те же глаза, та же простодушная курносинка. Только лет поменьше и натура помягче: у нее в лице была воля, у него готовность делать, что велят. Кроме, выходит, самого плохого. На мое счастье.

Я тоже назвал себя, и мы пожали друг другу руки, причем он сделал это с деликатной осторожностью.

- Соображай, - сказала Алена, - только быстро. Два дня у тебя, наверное, есть. А там гуляй. Чтоб и следа не осталось. Денег надо?

Чтобы не обижать хорошего человека, я ответил, что пока обойдусь, а надо будет, попрошу через Изауру. Мы попрощались, и я снова пожал руку мальчику, который должен был убить меня, но не хотел.

На кухне Изаура мыла чашки. Я стал раскладывать диван и увидел на полу газету с библиотечными дырочками. Я развернул ее. Газете было дня три, все ее новости устарели, лишь одна представляла для меня интерес: коротенькая заметка в "Криминальной хронике". "Опять маньяк?" - спрашивал заголовок, дальше шел мелкий шрифт. Еще одно убийство тяжелым предметом по голове, гражданин Ф. найден утром на тротуаре. Похожим образом некоторое время назад были убиты два научных сотруд-

ника и администратор малого предприятия. Интервал между убийствами каждый раз - несколько дней. Специалисты считают, что убийца сильный мужчина ростом 175-180 сантиметров, возможно с психическими отклонениями. Маньяки-убийцы появляются не так часто, но обезвредить их трудно именно потому, что в криминальных действиях отсутствует корыстный и вообще разумный мотив. Как правило, маньяки охотятся на женщин. Автор заметки надеялся, что преступник будет пойман, и следствие установит, почему этот маньяк предпочитает мужчин.

Значит, между Бармалеем и Федулкиным был еще один? Кто? Хотя какая разница, мог быть и я. Чтоб не отсвечивал - другого мотива не требовалось.

Я сложил газету и снова бросил на пол. Что она мне дала? Да ничего. "Сильный мужчина ростом 175-185". Но маленьких и слабых в их компашке нет. Кого же страшиться, кто там назначен маньяком? Неужели этот мальчик, богатырь с детским лицом? Да нет, он ведь не хочет "убирать". Тогда кто? Тот первый, в кепочке? Парень в свитере? Чей тяжелый предмет пресек безобидные авантюры Федулкина и навек уложил двух научных сотрудников?

Права Алена - надо сваливать. Сваливать к такой-то матери. Плевал на город, где могут убить человека без вины и даже без причины, просто чтоб не отсвечивал...

В ванной шуршал душ. Я подошел, толкнул дверь. Изаура, не сразу заметив, спросила:

- Ты чего?

Я не ответил, просто стоял и смотрел. Не красавица, куда там, на "мисс Европу" сроду не потянет. Ну и провались они все, с фирменными сиськами и ногами от ушей. Мне вполне годилась эта, с худыми бедрами и маленькой грудью, невзрачная, как почка, еще не ударившая листом. Ее тело пока что могло дать слишком мало, но мне на это было плевать - только дурак ценит книгу по переплету.

Я взял полотенце и стал ее вытирать, задерживаясь, где хотелось задержаться. Дурочка стеснялась, тянула из рук полотенце, хотела сама - хрена я ей это позволил. Когда-нибудь почка раскроется, а не раскроется, тоже не горе - родная баба всегда хороша. Ей было опять больно на входе, вот ведь смех, ни девка, ни баба, но тело уже жалось к телу, руки боязливо учились ласке - все будет как надо, все без изъятия...

- Так уедем? - спросил я.

Ответа не было, да, в общем, и не требовалось. Просто щека прижалась к щеке...

Далеко уезжать не хотелось, Москва держала слишком многим, и с утра я пошел по разным знакомым разузнать, не найдется ли чего подходящего на ближних подступах к столице, во

Владимире, Рязани или Калуге. С дороги позвонил на курсы к Антохе - сказали, будет через час-полтора. Снова звякнул перед обедом - нет, не приходил. На всякий случай попробовал домой, но и коммуналка молчала, видно, разбежались по очередям.

Ближе к концу дня обнаружилось приличное место в Ярославле, даже в общаге обещалась не койка, а комната с умывальником. Я спросил, нельзя ли в эту комнату вдвоем - справедливо ответили, что, если договориться, можно все.

Тут выяснилась страшная вещь: я понятия не имел, где Изаура служит и что может. А ведь если ее к себе вытаскивать, работа нужна. Больше не задерживаясь, я поехал на Кастанаевку.

До дома я, однако, не дошел - Изаура перехватила на асфальтовой тропинке, ведущей к кварталу. Она сразу потащила меня в сторону. Почти всё было у нее на лице.

- Кто? - выдохнул я.

Она скривилась и всхлипнула:

- Алена.

- Как Алена? - заорал я.

- Витька звонил.

- А он где?

- Прячется.

Я спросил, обходя страшное слово:

- Она... совсем?

И опять ответ был на ее лице. Она тащила меня и тащила.

- Ты куда?

- Витька сказал, прийти могут. Там один знает, что Алена со мной дружила.

- Вещи хоть надо взять.

- У Лизки. Я отнесла. И твою сумку.

- У какой Лизки?

- Подружка моя. На кройку и шитье ходили.

Я остановился.

- Ну-ка давай спокойно. Кто у тебя есть из знакомых? Просто переночевать. Только на одну эту ночь. Для тебя, я где-нибудь устроюсь.

Она подумала немного:

- Ну вот Лизка.

- У нее точно можно?

- Точно. У нее муж с ребенком, но я у них уже ночевала, когда к матери приходили.

- Где это?

- Там, за булочной. Близко.

Близко было хуже, чем далеко, но выбирать было не из чего. Да и не станут эти суки ночью выпытывать по сосе-

дям, с кем девчонка из восьмой квартиры ходила на курсы кройки и шитья.

Мы дошли до Лизкиного дома, Изаура поднялась, потом вернулась с моей сумкой. Она была слишком набита и чересчур тяжела. Прямо в подъезде, на подоконнике, я перебрал ее и оставил лишь неизбежное: тренировочный костюм, предметы утренней необходимости - бритву с зубной щеткой, три пары носков для смеха и мягкости, на случай, если вдруг сумка окажется сегодня подушкой. Поколебавшись, взял и нож. Конечно, я понимал, что в худом варианте он не поможет. Но мне не хотелось оскорблять судьбу отказом даже от маленького шанса: бог бережет только береженого.

- Ну давай, - сказал я Изауре.

- А ты?

- Мне есть куда.

Она произнесла секунд через двадцать:

- Не хочу без тебя.

- Чужой дом, слава богу, тебя пустили. Утром за тобой приду, днем уедем.

Помедлила:

- А ты точно придешь?

Я ответил убежденно:

- Уж без тебя-то точно никуда не уеду.

Она глядела недоверчиво. Я объяснил:

- Баб бросают, а солдат солдата никогда не бросит. За это же трибунал.

Вряд ли она поняла, но, похоже, все-таки поверила.

Она пошла наверх, а я стал думать, куда приткнуться на ночь. Абсолютно ясно было только одно - что к Антону нельзя... Я вдруг вспомнил, что так ему сегодня и не дозвонился.

Один автомат не соединял, в другом трубка была оторвана. В третьем, наконец, пошли гудки.

- Да?

- Елена Федоровна, это я. Антон дома?

По сути, уже эти слова можно было не произносить, я все почувствовал по единому ее слову...

Пауза.

- Ты что, не знаешь? Антона увезли.

- Как - увезли?

Знал же, как, но выкрикнулось автоматически.

- На него напали. Он в реанимации.

Хоть это слава богу...

- Елена Федоровна, какая больница?

Она сказала.

Я даже не попрощался.

На все про все мне потребовалось минут пятьдесят. Еще четверть часа заняла дорога до больницы.

К Антону не пустили. Сестра лишь приоткрыла дверь - я увидел трубки, одна тянулась к ноздре, другая под одеяло.

- Вытащите? - спросил я.

- Не помрет, так выживет, - ответила сестра.

Выйдя из больницы, я огляделся очень внимательно, однако не увидел того, что ожидал. Уже стемнело, я шел к трамваю, время от времени оглядываясь и прислушиваясь, но шаги звучали лишь мои собственные.

В трамвае народу было не много, я отвлекся, было о чем подумать. На первой остановке только выходили. На второй в переднюю дверь спортивно впрыгнул высокий малый в джинсе - у него и сумка была спортивная, длинная, с особой щелью для ракетки. Интересно, откуда он взялся? Из головного вагона, наверное, больше неоткуда. Я слегка удивился джинсе, поскольку раньше видел его только в свитере и трехцветной ветровке. Значит, может себе позволить. Живут же люди! В остальном все развивалось логично: где и было меня отлавливать, если не у больницы.

Я сидел у задней двери, он у передней, человек пять располагалось между нами. Я смотрел в сторону, и он в сторону. На ближайшей остановке я дернулся к двери - и он тут же дернулся к своей. Я передумал - он передумал. Все шло так синхронно, будто мы эту поездку неделю репетировали.

Вылезать у метро я не стал. И у стадиона не стал. А вот следующая остановка мне понравилась сразу. Я поднялся в последний момент, когда двери уже открылись. Если бы он кинулся к моей двери, я бы снова сел. Но он шагнул к своей.

Трамвай отошел. На остановке нас было двое. Справа вдоль линии шла панельная стена стадиона, серая и грязная. Слева, за улицей, за полоской деревьев стояли дома, по-современному торцами к мостовой. Разноцветно дымились окна, и за каждой занавеской гипнотизировал моих сограждан свой телевизор. Только двое нас было на остановку, и единственный фонарь светил обоим, только по-разному: мне в спину, а ему в лицо.

Он двинулся как бы даже не ко мне, просто в мою сторону, неспешной походкой, в которой не было ничего угрожающего - мало ли кому куда надо? Я крикнул навстречу:

- Закурить не найдется?

- Это можно, - пообещал парень и сделал еще шага три.

- А теперь стой, - сказал я внятно. - Ну-ка!

Только тут он увидел “хрюшку”.

- Ты это чего? - проговорил он не со страхом даже, а с изумлением, но все же остановился.

- Сумку на землю.

- Да ты чего?

Я поднял дуло повыше, и он не нагнулся, а присел, ставя сумку на ощупь, потому что глаза не отводил от моих.

- А руки подними.

Он поднял. Вот уж, наверное, чего ему не приходилось делать ни разу в жизни - на лице было глубочайшее недоумение, а пальцы растопырены и согнуты.

- Повернись спиной.

- Парень, да ты что? - Улыбка у него была растерянная, но уж такая миролюбивая...

- Спиной, - сказал я, - и не дергайся. А то ты дернешься, и я дернусь.

Он повернулся спиной.

- Вперед. И не быстро.

Нести две сумки в левой руке было тяжело и неудобно, но ничего ловчее я придумать не смог.

Его поднятые руки просительно шевельнулись:

- Слушай, парень, давай хоть поговорим.

- Конечно, поговорим, - согласился я, - раз уж встретились.

Час был спокойный, малолюдный, но я знал, что вот-вот по ящику кончатся “Новости” и начнут выгуливать собак. Времени было мало, впрочем, много мне и не требовалось. В принципе мне просто хотелось уйти с остановки, а где разговаривать, было все равно. Мы так и шли по линии трамвая, пока слева не возник широкий просвет между двумя порядками домов. Может, было поблизости место и поспокойнее, но где его искать, я не знал.

- Стой, руки за голову, - сказал я, подумав, что человек с поднятыми руками смотрится со стороны очень уж интригующе.

Теперь у меня был момент раскрыть его сумку. Он не зря выбрал длинную: в ней легко уместился полуметровый ломик с лопаточкой на конце. Не знаю, что это было, скорей всего, монтировка для крупной шины. Лопаточка лоснилась, сам же ломик был шершав, местами поржавел - видно, изначально железка не предназначалась для убийства, а орудие труда не обязано быть красивым, с него спрос небольшой.

- Значит, ты и есть маньяк? - спросил я.

- Да какой я маньяк, - чуть не взмолился малый, и лопатки его протестующе шевельнулись, - служу, и все. У тебя своя фирма, у меня своя. Наняли, и служу. Мне что патриоты, что демократы, один хрен, бабки нужны, и все. Жить-то надо!.. Слышь, повернуться можно?

- Ну повернись.

Он повернулся и сразу поймал взгядом дуло.

- Руки затекли, опущу, а?

- Нет.

Это я сказал твердо. Я знал, что лучше всего его обыскать, но для этого надо было приблизиться, а приближаться к нему было нельзя. Я не разбирался толком, какие мышцы у качков, массы там больше или резкости, но точно знал, что у меня самого ни массы, ни резкости нет и ничто меня не защитит, кроме "хрюшки" и пяти шагов между нами.

И еще - зря я позволил ему обернуться. Зря. Теперь он смотрел на меня, и чем дольше смотрел, тем меньше боялся. Не грозный был у меня вид, к сожалению. Совсем не грозный.

- Парень, - сказал он,- ну, зря ты, ей-богу, зря. Ну чего я тебе-то сделал?

- Ты же меня убить собирался.

- Так ведь не убил. Ну раз так вышло - давай как-нибудь договоримся.

Он втягивал меня в разговор, по нашим временам вполне нормальный, а на человека, с которым нормально беседуешь, может просто не подняться рука. Нет, я не хотел с ним нормально беседовать.

- Зачем убрал парня? Это мой друг, понял?

Он даже улыбнулся от облегчения:

- Парня? Парня не я! Вот кем быть, не я. Я его не видел даже. Тебя хоть показали, а его не видел даже.

- А девку зачем?

- Да служу я! - почти крикнул он. - Фирма же! Велели, и все. Не я, так меня, не знаешь, что ли?

Руки его были по-прежнему сцеплены на затылке, так что от волнения подрагивали только локти.

- А ну тихо, - остановил я. - И не ври. Ты их всех убил. Все убиты одинаково. Одной железкой.

Вот тут он, кажется, испугался всерьез, потому что заговорил быстро, даже плаксиво:

- Да ерунда это, ну кем мне быть, больше ни до кого не дотронулся. Разные работали, каждому свое задание. И же-

лезки разные! А что похоже... ну так оно и делалось специально, для понта, чтобы думали, что один. Если что - у каждого алиби. На один случай, может, и нет, а на три есть. Специально.

- Девку кто велел?

Тут он замялся.

- Ну?

- Ну... Кто приказывает.

- А кто приказывает?

- Ну, этот... Сергей Акимович.

- А фамилия?

- Вот этого не знаю. Извини, но не знаю.

- Какой из себя? Быстро!

- Ну... В куртке такой хорошей. Еще пальто носит французское, короткое такое...

- Это его у подвала положили?

- Ну. Чего и озверел-то. То говорил, не трогать, а то убрать.

- Кто подвал охраняет?

- По очереди.

- Он там когда бывает?

- Вот этого не знаю. Заходит. А когда, не говорит.

- В милиции у вас кто?

- Есть кто-то... Мужик какой-то... Вроде капитан. Но я с ним не контачил.

Времени мне все же не хватило. Где-то сбоку послышался дробный легкий топоток и неблизкий, метров за сто, оклик:

- Найда, ко мне!

Видно, Найда не послушалась, ее позвали опять, построже.

Практически я не отводил глаз, разве что скосил на мгновенье. Но у малого достало и силы, и резкости - он буквально нырнул мне в ноги. Я успел и отпрыгнуть, и выстрелить, но пуля либо прошла мимо, либо задела, но чуть-чуть. Хорошо, ломик так и висел в левой руке. Ударить сильно я не сумел, но, наверное, попал удачно. Малый будто икнул, лег, потом стал медленно подниматься. Перехватив железку в правую, я ударил еще раз.

Почему я не выстрелил снова? Не знаю. Как-то в голову не пришло.

Я поднял сумку и пошел, быстро, но не бегом. "Хрюшку" кинул в сумку, железку так и нес. Куда ее? Надо бы в воду, да где тут вода? Ладно, где-нибудь найдется.

Ни ужаса, ни тем более раскаяния я не ощущал. Ведь это не

было случайностью, я и хотел его убить. Он убил Алену, а я хотел его. Потом, когда стали разговаривать, это стало трудно. Но он мне сам помог.

Отойдя, я обернулся. У земли было темно, даже я не видел, лежит кто-нибудь под стеной стадиона или нет. Никакой суеты не было, не бежали, не звонили, и милицейская машина не мчалась, ревя сиреной и крутя мигалкой. У домов мужичок, пригнувшись, прилаживал поводок к ошейнику. Наверное, завтра будет давать показания. А что он видел? Ничего он не видел - он стоял у подъезда, на свету, а мы возились в полутьме. Собака видела, но не расскажет. Так что, скорей всего - еще одна жертва маньяка.

Как люди становятся убийцами? А вот так и становятся. Убил - и убийца...

Метро успокаивало. Толпы не было, но народу хватало, у всех свое, никому ни до кого нет дела, и до меня никому, и мне ни до кого. Тяжелую сумку я поставил на пол у ног. Сижу, покачивает. Самое время и отдохнуть, и подумать.

Вчера Алена, еще живая, уговаривала срочно свалить. Близкая душа, московская дворняжка, что же ты сама не свалила, почему не убереглась? А ведь как яростно убеждала, родственной шкурой чувствуя топор, нависший надо мной, - а вот над собой не ощутила...

Права была, придется свалить, и, наверно, надолго. Пока кто-нибудь не найдет "это", и ОНИ не отвяжутся. Придется свалить вместе с девкой, которую под меня так вовремя подложили, с молчаливой Изаурой, рывком, органически не способной жить без приказа, - теперь, видимо, судьба выпихнет в начальники меня, как выпихивают случайного майора после неожиданной гибели генерала и трех полковников. Да, придется свалить и долго не оглядываться, хотя бы до тех пор, пока не пройдут отвращение и дрожь.

Это была хорошая идея - но завтра.

А сегодня было сегодня, и еще прилично времени оставалось до последней программы новостей, до медленной стрелки на синем циферблате, до хитреньких глаз Тани Митковой, суперженщины, прекрасной и недосягаемой, но десять минут в сутки принадлежащей всем, от министров до таких, как я. И на сегодня идея была иная.

Ну, свалю. Я свалю, а они останутся тут хозяевами и господами, ОНИ, которым надо найти "это" раньше других, останутся мускулистые парни, в очередь играющие роль маньяка, оста-

нется тот в коротком пальто, что отдает приказы и сам, а может, и не сам решает, кого оставить, а кого убрать, чтоб не отсвечивал.

Любопытно, кого еще уберут, кто там у них на очереди?

Надо бы нас с Изаурой, но нас, пожалуй, не успеет, мы свалим. А кто еще кандидаты? Может, их и не мало, но я знал точно только одного - конечно же Антоха, чтобы не отсвечивал у себя в реанимации. Хотя, пожалуй, есть и второй - Витька, богатырь с детским лицом, который долго ли сумеет прятаться? Сестры нет, но мать-то небось осталась, так что есть, где отлавливать...

Еще десять дней назад я не вдумывался в дела такого сорта, я был уверен, что все они как раз для милиции. Но Славик сказал, что сейчас заявлять не модно - и как же он попал в точку! Все свои тридцать пять я прожил тихо и законопослушно, а вот сейчас понял, насколько Славик умней закона.

Каждый человек на земле имеет право на справедливый суд, на адвоката, на последнее слово, на возможную амнистию потом. Каждый! Но Антона не защищал адвокат, Алене не дали сказать последнее слово, а наивный грешник Федулкин никогда не дождется амнистии. С ними расправились подло, со спины - и для тех, не признающих закона, мне хотелось не суда, а такой же подлой, со спины расправы.

В переулке у меня уже был свой угол. Чуть отступя от него, косо, двумя колесами на тротуаре, стоял красивый микроавтобус с нерусскими надписями по бортам. Это было хорошее место: легко просматривался и дом с подвалом, и неширокое пространство перед ним.

Понять, кто там и зачем, оказалось довольно просто: минуты за три весь прохожий народ в переулочке сменился, и лишь одна фигура была стабильна - как раз перед дверью, утопленной в тротуар. Я подождал, пока мужик покурит, погуляет, постоит, снова погуляет и снова покурит. Я знал, чего хочу: ведь сменят же его когда-нибудь!

Ждать пришлось минут сорок, аж надоело. Наконец дверь отошла в сторону, вылез сменщик, а отдежуривший свое, чуть пригнув голову, шагнул вниз. Тут я пошел вперед.

Сумка была у меня на правом плече, "молния" расстегнута, рука внутри. Если бы часовой вдруг меня рассекретил, я бы просто выстрелил сквозь ткань: сумку было жалко, но лучшего не придумалось, не идти же по улице с "хрюшкой" в руке. Однако я рассчитал верно: новый страж еще не принял стойку. По скром-

ному своему армейскому прошлому я знал, что самые ротозейские секунды в карауле - когда только что заступил, и от пространства, освоенного предшественником, не ждешь подвоха. Уже минуту одинок на посту, но как бы и не одинок, как бы тот, прежний, еще не окончательно ушел, еще за что-то отвечает. А еще я надеялся вот на что: человек с сумкой вызывает меньше опасений, для дурного дела нужны свободные руки.

Нового часового я прежде не видел. Он был в неуклюжей куртке из кожзаменителя и кепке, серой и вроде бы в клеточку. Он прошел шагов пять навстречу, парадным взглядом окинул даль и близь, после чего повернулся и так же неспешно пошел в другую сторону.

В подвале светились низкие окна.

Отсвечивали.

Тот в куртке еще замедлил шаг. Пожалуй, сейчас обернется. Если успеет...

Комнатушка была маленькая, зато кровать широкая. Изаура в халатике принесла с хозяйской кухни картошку, и я порадовался, что моя подружка худощава, иначе, пожалуй, не протиснулась бы между койкой и столом. Не Версаль у нас, нет - но ведь и плата, о какой в столице давно забыли.

Я сидел на кровати, больше было негде, и читал молодежную газетку, которую в здешнем киоске брал регулярно: она мне нравилась тем, как нахально корреспонденты обращались с большими людьми.

В этот раз газетка оказалась совсем уж интересная.

Какая-то В. Сарыкина пытала милицейского чина, а он отвечал осторожно, как и положено начальству.

- Много толков о загадочном “взрыве в подвале”. Уже известно, что за этим стоит?

- Взрыв в спортзале малого предприятия “Святогор” действительно вызвал различные предположения. Это предприятие было зарегистрировано как оздоровительное и существовало на благотворительные пожертвования различных организаций. Деятельности, выходившей за рамки утвержденного Устава, не обнаружено, хотя имелся ряд погрешностей в оформлении финансовых документов. Относительно причины взрыва прорабатывается несколько версий. Я думаю, следствие даст ответ на все вопросы.

- В передаче новостей сообщалось, что наряд милиции, прибывший на место взрыва, обнаружил в подвале два автомата

Калашникова и несколько гранат. Как оружие попало в спортзал?

- Действительно, в кабинете председателя правления малого предприятия, погибшего при взрыве, было обнаружено несколько образцов оружия, носящих в основном учебный характер. Оно было передано "Святогору" одной из воинских частей в порядке шефства для ведения военно-патриотической работы среди молодежи, которую малое предприятие планировало развернуть в дальнейшем. Эта деятельность Уставу не противоречила, хотя в оформлении шефского дара был также допущен ряд погрешностей.

- Один из работников прокуратуры сказал, что в организации взрыва чувствуется почерк чеченской мафии. А ваше мнение?

- Лица кавказской национальности определенным образом влияют на криминогенный фон в городе Москве. Но в данном случае я не стал бы делать преждевременные выводы. Нельзя сбрасывать со счетов среднеазиатскую, украинскую, молдавскую, казанскую, Санкт-Петербургскую и другие преступные группировки, которые в последнее время значительно активизировались.

- И последние вопрос: чем вы объясняете резко возросший уровень преступности?

- Недавно я вернулся из поездки по Соединенным Штатам. Так вот, к примеру, начальник райотдела полиции в Чикаго получает по нынешнему курсу в девяносто раз больше, чем наш сотрудник соответствующего уровня. Что же касается технического оснащения..."

- Остынет, - сказала Изаура.

- Ладно, сейчас...

Мы поели картошку, попили чаю с пряниками - тут, как и в Москве, с сахаром была большая напряженка. Потом Изаура пошла мыть посуду, а я достал из-под подушки ту папку. Я ее не прятал, просто больше положить было некуда. Я вынул из папки два пакета, один аккуратный, маленький, другой большой, неряшливо надорванный, с зачеркнутым адресом и надписью рукой Федулкина: "Материалы". Материалы были однотипны: полтора десятка фотографий, частью вырванных из книги, частью вырезанных из старых газет. На всех без изъятия фотографиях был один и тот же артихектурно-патриотический сюжет: московские высотки с разных точек съемки, но всегда красивые, льстиво озаренные солнцем. Хорошо снимали в годы

культа, волюнтаризма и застоя!

Я разложил эти снимки на постели, потом перечитал записку и стал в очередной раз вполне бескорыстно решать кроссворд, ответом на который пользоваться не собирался. Иногда казалось, что-то маячит. Но цельная картина не выстраивалась, и я опять углублялся в записку, в который раз думая, что зря эти суки загубили Федулкина, подстерегли бедную Аленку, отправили в реанимацию Антоху и так целеустремленно охотились за мной. Ну, заполучили бы записку - а дальше? Уж они-то, с их мозгами, что бы из нее поняли? Прав был Славик, скулу не накачаешь. А мозги хоть и накачивают, но не так, как доступно им.

Я бы эту записку хоть на заборах расклеил - пожалуйста, гадайте!

- Чего ты возишься? - спросила Изаура.

Я протянул ей записку. Она стала читать ее с растущим недоумением, почему-то вслух:

- "Дорогой Бармалей! Помнишь наш разговор возле Толиной высотки, ну, когда мы еще спорили о той газете, а потом сняли студенточек? Так вот, я вынужден вернуть тебя к тому разговору и к тому месту. Как ты понимаешь, обстоятельства изменились совершенно внезапно, и то, о чем мы тогда говорили, совершенно неожиданно застряло у меня. Я уже не мог передать это поручателю и тем более не мог вернуть отправителю. А держать это у себя было бы даже не легкомыслием, а глупостью, если не самоубийством. К счастью, повезло с погодой, и ночью, под дождем, удалось переместить это в очень неожиданное место, а именно, как в старинных романах, зарыть. Дождь разогнал парочки, так что все, мне кажется, сошло нормально.

К сожалению, не могу исключить, что мне, возможно, придется на какое-то время исчезнуть с горизонта: есть подозрение, что моя скромная особа начала вызывать пристальный интерес (да, да, именно то, о чем ты подумал). Прежде, чем что-то решать, я, конечно, еще проверю. Но на случай, если заниматься этим придется тебе, оставляю инструкции, которые ты легко поймешь.

Так вот, если встать на мою собаку и глядеть на мою собаку, то справа окажется труба, которая и даст тебе дальнейшие указания. Ты как-то сказал, что она все врет. Она врет и здесь, то есть указывает направление с точностью до наоборот. Ты не автомобилист, так что милиции не боишь-

ся, поэтому пронзай ее взглядом и иди по нему, как канатоходец по канату. Словом, когда возникнет необходимость, выбери ночь подождливей, захвати лопату, и в спинке второго дивана ты найдешь то, что я там оставил. Ну а потом, если я не дам знать, действуй по второму варианту. Эти подонки, когда угоняли за бугор то, что не тонет, о нас не думали - они думали только о себе. И я не вижу причины, по которым мы должны заботиться о них.

Ну, до встречи. Надеюсь, мы наконец-то хлебнем лазури и вообще почувствуем себя людьми.

По прочтении, пожалуйста, уничтожь - разумеется, все как следует запомнив.

Надеюсь, не обидишься, что не подписываюсь".

Изаура спросила оторопело:

- Ну и чего это?

- Игрушка, - сказал я, - гимнастика для ума.

Я сложил фотографии в большой конверт, записку сунул в маленький и вернул папку на прежнее место. Постель освободилась, и я привычным движением потянул с Изауры халатик. Что и говорить, деньги нужны для счастья, но как хорошо, что есть путь к нему прямей и короче.

ЭПИЛОГ

Весной, в начале мая, я все же приехал в Москву - просто сел в электричку и приехал. В пригородной норе у меня хватало времени, особенно вечерами, когда никак не засыпалось, и я решал и решал тот опасный кроссворд с единственной невинной целью - отодвинуть все дневные мысли. Я разглядывал фотографии, вновь вчитывался в шифрованное письмишко - и так до первого глубокого зевка. Я не слишком старался, и больше, чем тайное место клада, меня интересовала такая, например, деталька: когда убиенные впоследствии кандидаты наук склеили студенток, как они поделили тех телок? Ведь делили как-то, если происшествие не забылось, и кратковременный владелец "этого" не сомневался, что друг Бармалей тут же вспомнит и девочек, и место, где встретились.

Постепенно я вошел в азарт, дело пошло на принцип, решу не решу, ведь не дурак же я, в самом деле. Ключевое словцо открылось случайно, а там я словно прозрел, дальше пошло легко...

На вокзальной площади я все же раза три оглянулся, однако быстро понял, что в осторожности нет никакой нужды. Москва была иная, толпа иная, я иной, а уцелевшие из той взорванной шарами, сколько бы их ни осталось, либо давно нашли "это", либо перестали искать. И уж во всяком случае вряд ли там оказались странные фанатики, готовые месяцами отлавливать в огромной державе глубоко ненужного им человека, случайно не убитого и прочно сгинувшего с глаз. В той конторе убивали, чтобы не отсвечивал, а я не отсвечивал уже полгода.

Я спустился в метро и через всю старую Москву поехал к одной из московских высоток, которую легко вычислил по единственной точной детали.

Поднявшись эскалатором и выйдя на улицу, я свернул влево и быстро оказался в нужном месте. Понятно было многое, практически все, но я словно бы выполнил некий ритуал в честь покойного автора письма, так никогда и не дошедшего до адресата. Я встал на собаку гражданина Суконникова, посмотрел на его собаку, увидел справа музыканта и не поверил ему. "Бридж" - по-английски - "мост", я стоял на мосту, смотрел на другой мост, длинный, через Москва-реку, за спиной у меня была высотка университета, а справа на невысоком постаменте стоял музыкант, бедный романтик окончившейся эпохи, мальчик в буденовке с горном у губ. Его прославленная в песнях дудочка указывала на юго-запад, но я, предупрежденный покойным собаковладельцем, пошел на северо-восток. Путь был близкий, дорогу перейти, поскольку узким концом горн указывал на забор ГАИ. Я обошел квадратный двор снаружи и двинулся вниз, к реке. Склон был сперва горбат, а потом полог. Но дальше я не пошел, а остановился, меня интересовала как раз горбина, крутая спинка дивана.

Где же тут орудовал лопатой кандидат наук, землекоп по случаю?

День был сырой, ветреный, но без дождя. Бабки с колясками держались асфальтовой тропки, парочка собак вяло перебегала от куста к кусту, без особого любопытства проверяя хорошо знакомую территорию. Той осенней ночью дождь шел, было темно, скорей всего, вовсе пустынно, у Суконникова хватало времени выбрать место посохранней. Вряд ли он спускался по мокрому склону, наверное, как раз шел вот этой асфальтовой тропинкой, шел не спеша, выглядывая нужный пятачок.

Спинку дивана, а не сиденье он выбрал правильно, место не столь популярное. Любой компанией лучше расположиться на

ровном, где и коврик удобней расстелить, и стакану устойчивей, и любимая девушка в сладкий момент не поползет по склону к реке.

А я бы на его месте что выбрал?

Голый скат отпал сразу.

Под деревом? Это получше. Но тоже не идеально: вздумай кто ночью прогуляться по темному парку, издалека разглядит странную фигуру в процессе физического труда.

Остается кустарник, невысокие заросли, в которых утонет любой силуэт. Скажем, вон та миниатюрная чаща, или то пространство между двумя зелеными полосками, или...

Да, я бы выбирал из этих трех вариантов.

Оглядевшись, я постоял на дорожке и не спеша полез вверх по склону. Никто на меня не обернулся, а хоть бы и обернулся - мало ли зачем человеку надо в кусты?

Жухлую листву в основном сгребли, но тут, в зарослях, она так и лежала. Я почти сразу обратил внимание на влажное пятно просевшей земли - ложбинка была заметна, и если "это" скрывалось тут, значит, гражданин Суконщиков не так уж и старался. Впрочем, с чего бы ему тогда напрягаться? Ведь не на век закапывал, не на год даже. той же осенью, через недельку-другую, когда все уляжется, очевидно, предполагалось вновь наведаться в парк с лопатой. Или для конспирации послать туда друга Бармалея.

Я ботинком шевельнул прелую листву, и наружу вылезло битое стекло. Случайность? Предусмотрительность кладовладельца?

Я заметил место и неторопливо прогулялся по соседним зарослям. Но там не было никаких следов тайны. Или были, но я не нашел.

Из автомата я позвонил Антону и сказал, что, может, заеду переночевать. Мне хотелось его повидать, но ближе к вечеру я все же передумал и поехал домой. Слишком долго квартира стояла пустая - если стояла пустая. Надо было хотя бы понять, что к чему, есть у меня жилплощадь или нет.

Окна были темны, и я, не слишком сторожась, открыл дверь своим ключом. Был тот же разор, что и полгода назад, да еще и пыли прибавилось. Я открыл окно и прибрался как мог. Позвонил Антону, сказал, что заеду завтра. И лег спать.

Тревожно мне не было. Слишком много времени прошло, кого-то похоронили, кто-то попрятался, кто-то наверняка и теперь шакалит, только охотничьи угодья сменил. Полгода у запертой двери не дежурят. А если и дежурят...

В “хрюшке” осталось четыре патрона. Если что, хватит. Эти суки страшны, потому что всегда первыми бьют и первыми стреляют. Но я уже обучен, ими же и обучен. Если снова возникнут, первыми ударят не они...

Я почему-то был уверен, что вырою “дипломат” с жесткой крышкой и блестящими шифровыми замками. Фильмов насмотрелся. А в реальности вытащил из неглубокой ямы старую хозяйственную сумку из кожзаменителя. Она была завернута в два полиэтиленовых мешка, а внутри тоже был полиэтилен, самый примитивный, хлипкие мешочки, в которые наши полудикие торгаши насыпают сахар или гречку. Но в этих была не гречка. Я поймал левака в сторону Внукова, специально выбрал тачку поплоше, в чистую и не взяли бы с такой сумкой. Мужичок был обтрепан, щетинист, его “москвичок” дребезжал, битое крыло ухало на выбоинах. Поговорили о ценах и сошлись, что те наверху совсем офонарели, но лучших нет, такая уж у нас траханая страна, как начальник, так дурак, или бандюга, или вор. Разговор, впрочем, шел вполне мирный, ругать власть все равно что пугать баб, такая же законная мужская оттяжка, как располовинить бутылку. А сумка пока что валялась на полу, на вогнутом резиновом коврике.

Вышел я далеко за кольцевой, на остановке, насчет цены водитель застеснялся, две бумажки его вполне устроили. Я отошел в лес метров на полтораста и там, за барьером из молоденьких елок, разглядел повнимательней, чем разжился нынешним дымчатым утром.

Денег оказалось мало, то есть много, очень много - но много для меня, двенадцать пачек, заклеенных бумажными банковскими крестами, по десять тысяч в каждой - не рублей. Дикие бешеные деньги, но не настолько, чтобы без колебания и счета убивать всех вокруг, чтобы даже на случайного полсвидетеля спускать целую свору накачанных подонков. Смешно, но прежде я ни разу не держал в руке зеленые. И странно было думать, что этих вот картинок, которые, постаравшись, можно рассовать по карманам куртки и брюк, мне хватило бы на всю дальнейшую жизнь, и на Изуару хватит, и Антона подстрахую, не придется ему горбатиться за кусок и койку. На троих хватит, а четвертого, так уж вышло, в этой жизни у меня нет.

А в еще двух кульках были жестяные коробки от импортных конфет. Я раскрыл первую - там оказалась стянутая аптечной резинкой пачка тоненьких книжечек, часть синих, часть серых. В верхней было листиков семь-восемь, заполнены лишь первые

два, на одном написано по-английски, на другом цифра. Я четыре раза пересчитал нули. Нет, все точно: восемьдесят пять миллионов.

Вторая книжка была похожа на первую. Только цифра не совпадала. Четыреста двадцать миллионов. Вот это было другое дело. За такие деньги можно убивать, и без счета. Как водородной дурой - всех в радиусе ста километров.

Лондон, Франкфурт, Цюрих, Париж... Да, красивые есть на свете названия.

Мир един. Сколько раз я читал и слышал эту глубокомысленную фразу, но она звучала откуда-то сверху, из важных политических сфер, где происходят симпозиумы, конгрессы и брифинги, где люди в идеальных костюмах пересекают границы и океаны, чтобы совместно предаться глобальному мышлению. Я им верил на слово, потому что не сомневался: для них мир действительно един. Теперь я впервые почувствовал, что эта закономерность относится и ко мне. Уму непостижимо, но ведь так оно и произошло: в какой-нибудь Швейцарии банковский чиновник поставил закорючку, а через пару месяцев в Москве убили пять, или семь, или двенадцать человек, и я сам убил, не знаю кого и не знаю сколько. Мир един, еще как един...

Я пролистнул еще пару книжечек и вновь упрятал в коробку из-под конфет. Фантастические цифры алчности не вызвали. Такими деньгами не пользуются, они не для людей. Они для правительств, для партий, для всяких там корпораций. Для банд. А я не банда, даже вместе с Изаурой и Антоном не банда. Так что эти книжечки не для меня. Я медленно пошел лесом вдоль шоссе, оно негромко гудело за низким ельником, посадками, наверное, брежневских времен. Между рядами уже подрос кустарник, приходилось петлять. Наконец я наткнулся на подходящую сухую канавку, раскидал прелую листву и выкопал узкую яму штыка в три глубиной. Сумка легла боком, я засыпал ее и крепко утрамбовал. Все равно, правда, получился горбик, но я прикрыл его прелью, сучьями и всякой дрянью, которую удалось найти поблизости, банками да склянками. Вышло нечто вроде стихийной помойки, куда побрезгуют сунуться даже грибники. Работа была забавная, по сути собачья, отрыл чужую кость и перепрятал. Ощущал я при этом азарт и злорадство, будто вершил справедливую месть. Впрочем, пожалуй, так оно и было. Привыкли, сволочи, что все кости им! А на сей раз не вышло, эта сахарная косточка перепала народу, не худшей его части в моем лице.

Отойдя, я оглядел свое поле чудес. Все было о'кей, еще бы пару следов собачьей жизнедеятельности, и вообще лучше не придумаешь. А в общем, и так сойдет. Мало ли в подмосковном лесу грязи, кому придет в голову в ней рыться?

Я заметил сосну-рогатку с двумя вершинами и пошел от нее к дороге, прямиком, считая шаги, чтобы точно вычислить место. В кювете валялась классная вешка, бетонная плита, расколотая и грязная. Лет десять небось валяется, и еще тридцать пролежит, кюветы в России раньше, чем при всеобщем благоденствии, чистить не начнут. Я повернул к Москве и прошел обочиной шоссе до первого километрового столба. Теперь все было ясно. Столько-то километров, столько-то шагов. Не потеряю.

По пачке зеленых было в карманах, две за пазухой. Пожадничал. Что я стану с ними делать? Хотя... Если, например, поменять квартиру...

Об остальном думалось отстранено, никаких сожалений насчет зарытого не возникало. Уж это точно не мое, такой кусок не заглотишь. Вилла в Ницце, яхта, какой-нибудь "роллс-ройс" с шофером, шикарные отели... Наверное, интересная жизнь, но ведь чужая, напрочь чужая, я для нее не гожусь. Для такой жизни нужен фрак, пять языков с детства, дедушка-миллионер. А мой потолок - кооператив в тех же Филях, "жигуленок" подешевле и садовый участок под Истрой. Вот такая жизнь будет моя. Такую и хочу, а о другой жалеть не стану. Хозяйственная сумка гражданина Суконникова казалась теперь чем-то нереальным и неподъемным, вроде как Большой Кремлевский дворец.

Я дождался автобуса на Москву и поехал назад к "Юго-Западной".

Сумку гражданина Суконникова я бы с радостью отдал народу, тем более что зеленые народу нынче очень нужны. Вот только где отыскать тот народ, которому можно отдать две конфетные коробки? Выйти на площадь, и в толпу - хватай, мол, братцы? Так ведь передавят друг друга. А пробиваться к большим мужикам наверх... Не знаю, может, те большие ничего, но единственный к ним путь сквозь строй малых. А этих я знаю. Эти убьют. Из корысти, из зависти, просто чтоб не отсвечивал, но убьют точно. От таких денег и нормальный человек озвереет, а среди чиновником нормальных не так уж и много. Озвереют и убьют. А это мне совершенно ни к чему, один раз меня уже пробовали убивать, и мне это очень не понравилось...

Спал я нормально, снов не видел, в кошмары не впадал, лишь проснувшись, не сразу сообразил, что захламленная нежилая комнатушка - моя. Жрать, само собой, было нечего, я оделся и поехал к Антону. У светофора гудел народ, иномарка врубилась в грузовик, рядом стояла "скорая".

Я дождался зеленый и в толпе пошел через улицу.

Теперь мне придется быть очень осторожным. Во всем. Я ведь сейчас, наверное, самый дорогой человек в Москве. Да нет, пожалуй, во всей России. Дороже министра финансов. Дороже президента. И умирать мне никак нельзя. Должен ведь кто-то вернуть хозяину украденное.

СИЛА ПРОТИВ СИЛЫ

Как ни странно очень решительный девиз “На насилие отвечать насилием!” сочинен человеком, весьма далеким от всяких детективных и приключенческих историй. Гроссмейстер Савелий Тартаковер был погружен в мир шахмат. В литературе же сходную мысль высказывал один из родоначальников “крутого” детектива Реймонд Чандлер, призывавший “силу противопоставлять силе” и поддержанный впоследствии подавляющим большинством своих коллег по перу.

Если мы внимательно приглядимся к только что прочитанным произведениям, то и в них отметим эту родственную черту: люди, представляющие на их страницах, условно говоря, сторону Добра, отнюдь не христианские миротворцы. Скорей это в той или иной степени подготовленные самой жизнью борцы за справедливость, хотя конечно у Сэма Даррела понятие справедливости лишь отдаленно напоминает то, которое исповедуют положительные герои Леонида Жуховицкого или персонажи Та-

тьяны Макаровой, вообще плохо укладывающиеся в схему "хорошо-плохо".

Сразу просим прощения за повторы в изложении творческого пути Эдварда Эронса. "Подвиг" рассказывал о нем неоднократно (см. например, тома 3-й за 1993 год, 1-й и 4-й за 1994 год.), так что аллюзии неизбежны. Интересно, помимо прочего, что америмканский автор к нашему читателю попал только в девяностые годы, тогда как пик его популярности приходится на период где-то между серединой пятидесятых и серединой семидесятых. Умер он в 1975-м году, а родился в 1916-м. Для остросюжетной литературы эти годы характерны мучительным поиском нового героя, ибо прежние кумиры типа Шерлока Холмса, Эркюля Пуаро или Мегрэ, берущие в основу своих расследований совсем другие принципы и уж никак не "сила против силы", плохо вписывались в рамки, которые очерчивала действительность. Вовсю бушевала "холодная" война, переходящая спорадически в "горячую", крепли силовые структуры государств, расширялись "особые интересы" великих держав, читающая публика с тревогой разворачивала утром газеты. Естественно, что в этих обстоятельствах наиболее удачливым оказалось направление, давшее миру образ супермена - со всеми его достоинствами и недостатками. Особым спросом стала пользоваться "бондиана" Яна Флеминга - читатель, в большинстве своем выступавший и в роли зрителя, с удивлением поглощал самые невероятные происшествия, связанные с полюбившимся героем. Более того, когда Ян Флеминг умер (в 1964 году), биографии Бонда с лихвой хватило продолжателю серии Джону Гарднеру - агент 007, к слову, популярен по сию пору.

Английский суперразведчик воплотил в себе черты, сформулировать которые пытались многие авторы. Вспомним хотя бы Дональда Гамильтона, чей постоянный персонаж Матта Хэлм порой успешно конкурировал с Бондом, или нашего Юлиана Семенова - Штирлиц ведь до того, как сделаться действующим лицом анекдотного потока, воспринимался нами классически цельным, умелым и убежденным борцом. Разве что Ян Флелминг, понимая, что излишняя романтичность вредит его произведениям, всячески пародировал и снижал пафос главного действующего лица, доводя дело иной раз до подлинной сатиры,

а, скажем, Юлиану Семенову недоставало вкуса взглянуть на Штирлица с долей иронии - оттого полковник Исаев выглядит в самых патетических местах фальшиво, что мгновенно подметили анонимные авторы анекдотов о нем. Но факт, как говорится, есть факт: супермен сразу завоевал симпатии читателя и сохранил их до сих пор.

Важно отметить еще одно обстоятельство: новый герой появился в совершенно особом виде произведений, позже критики назвали их шпионскими историями, в отличие, скажем, от полицейских или политических... Истории эти, по утверждениям все той же критики, связаны напрямую еще с военным романом двадцатых годов, когда авторы обдумывали судьбы "потерянного" поколения, строя догадки относительно дальнейшего развития мира. Именно в этом жанре добился своих главных успехов Эдвард Эронс, написавший массу таких историй, предваряя каждую словом "Задание". Они так и назывались: "Задание: Будапешт", "Задание: "Обнаженная с бомбой", "Задание: Каирские танцовщицы" и т.д.

Это было бесконечное повествование о "коммандос". Еще во времена англо-бурской войны 1899-1902 гг. так назывались ополченские отряды буров. Позже формирования морской пехоты Великобритании, получившие конкретные разведывательно-диверсионные поручения, тоже стали называть "коммандос". То есть речь шла об очень смелых, хорошо подготовленных и преданных делу людях, перед которыми поставлена определенная задача...- Подавляющее большинство книг Эдварда Эронса объединены образом как раз такого человека - Сэма Даррела.

Безусловно можно в характере и поступках этого персонажа обнаружить черты, роднящие его с пресловутым Бондом: лихость,удачливость, расчетливая азартность и т.д. Но есть и коренное различие - оно требует некоторого разъяснения.

Вообще супермен, появившийся на книжных страницах и кино-теле экранах, выглядел поначалу этакой дамой, приятной во всех отношениях: ни одна пылинка не должна была сесть на его мундир. В этом и заключалась, собственно, писательская идея - показать эталон героического поведения к эстремальных ситуациях. Напротив, противники носителя авторского замысла малевались, как правило, густой черной краской, были изначально "пло-

хи", равно как и задачи, которые они выполняли (ведь это борьба с врагом!!), и средства, к которым они прибегали, осуществляя свой враждебный замысел. Что делать, мир в те печальные годы был четко поделен на два противостоящие друг другу лагеря, у "социалистических" авторов "плохими" были англо-американские агенты и шпионы, у "капиталистических" - советские, китайские, вьетнамские и прочие контрразведчики.

Потребовался целый исторический период на то, чтобы нашлись литераторы, рискнувшие поставить знак равенства между представимтелями различных разведовательных ведомств, не взирая на их принадлежность. И покзазательно, что многие из этих авторов сами прошли хорошую школу контрразведки, как, например, Джон Ле Карре или Эрик Эмблер. Благодаря им положительный герой, а вместе с ним и читатель научился в первую очередь ценить человека, как такового, не за то, что он исповедует "социалистическую" или "капиталистическую" идею, а за его поступки, качества, черты характера.

В романе "Звездные воры" Сэм Даррел до определенного момента вынужден бороться за справедливость плечом к плечу с полковником Соколом (у автора он проходит под другой фамилией) и представителем пекинского "Черного дома" Чу Ли. Советский разведчик предлагает американскому двозможность "вступить в союз" - именно не разведок, а людей - на данном отрезке времени. Даррел согласен на позицию "ни мира, ни войны", и это большое достижение в свете мировоззрения его предшественников и сослуживцев. Никогда Бонд не шел на перемирие и сотрудничество с протилвником. Даже помыслить о таком повороте событий не мог! А время подтвердило как раз правоту Даррела.

В этом суть: с той минуты, когда ходульный или полупародийный супермен стал приобретать человеческие черты, он стал предметом внимания настоящей литературы. Главный герой определяет стилистику всего творчества Э.Эронса. Оно динамично, увлекательно, очень точно по психологическим прицелам. Критик О.Смирнова, анализировавшая книги Э.Эронса, совершенно справедливо писала: "Он просто рассказывает очередную историю о великолепном Сэме Дарреле, запутывая фантастический клубок интриг, хитросплетений, побед и предательств... В

чем, в чем, а в фантазии ему не откажешь. Повороты сюжетов поистине ошеломляют. При чтении все время создается впечатление бешенно мчащегося автомобиля. Не случайно, наверное, автомашины - действительные и действенные персонажи его книг".

Да, конечно, и автомобили тоже... Но вообще, если говорить о писательской манере Э.Эронса, то следует вспомнить, что он обладал большим опытом работы на радио и телевидении, занимался и литературной журналистикой. Вот почему он самым внимательным образом изучал место действия своих героев,будь то Каир шестидесятых годов или Сингапур семидесятых. Да и Соединенные Штаты знал досконально! И если поминал гору Киттитими, то читатель мог быть уверен: такая гора или на худой конец нечто похожее на нее где-то обязательно существует. Шоссейные магистрали, аэропорты, города во всех частях света, рестораны и трущобы - казалось, он успел побывать всюду и запечатлеть их в своих записных книжках! Вот небольшой отрывок из того же романа "Звездные воры": "От верхушки холма Эль Кола до освещенных лампами дневного света улиц Фес являл собой вечную загадку, город, окутанный славой и историей мусульманского мира.В нем были роскошные отели, начиная с "Палас Джамай" - когда-то резиденции Великого Визиря, сверкающих американских мотелей для туристов и кончая трущобными ночлежками возле шумных базаров. Рестораны "Дар Саада" и "Палас де Фес" предлагали изысканную европейскую и французскую кухню, но на улице можно было пообедать и прямо из котла, запив еду зеленым чаем..." Колоритно, не правда ли!

Несмотря на калейдоскоп событий, который всегда сопровождает повествование Э.Эронса, он придавал огромное значение достоверности своих романов. Мог допустить, что греха таить, слабость фабулы, искусственность во взаимоотношениях персонажей, неправдоподобность тех или иных ситуаций, но читатель, обращаясь к его книгам, всегда испытывал эффект присутствия. И если спешка, рыночный азарт, искус быстрого и хорошего заработка мешал ему порой добиться еще более значительных успехов в литературном деле, то мы в полной мере отдаем должное его изобразительным и изобретательским способностям, позволившим создать великолепные стра-

ницы, к которым можно отнести, например, бой в горах под Дуфунонгом из романа "Обнаженная с бомбой" или начало романа "Задание: Анжелина", или сцены на базе в пустыне - "Задание: "Звездные воры". Впрочем, таких страниц можество, и читатель без труда найдет их в каждой из книг Э.Эронса. Именно за это его знали и любили читатели, а роману "Задание "Анжелина" была присуждена золотая медаль Ассоциации детективных писателей США.

Леонид Жуховицкий шел к созданию детективной прозы весьма замысловлатым и драматичным путем.Когда-то, еще в шестидесятые годы, он был озабочен другими проблемами. Такой, например: как обеспечить людям счастливую жизнь? Тогда это казалось актуальным... И вот спустя тридцать лет мир предстал перед нами совсем не с той стороны, где решаются сходные вопросы. Насущными сделались задачи, типа: где достать деньги, как не дать себя ограбить, как сохранить неприкосновенность своей личности и очага - тоже ведь тема существенная... Раньше вопросами морали и нравственности было озабочено все общество (пусть уровень разговора об этом выглядел примитивно!), теперь же за нравственность в истинном ее выражении порой приходится бороться и с пистолетом в руке, руководствуясь все тем же принципом "Сила против силы". Ясно, что литература вынуждена анализировать подобные обстоятельства.

Леонид Жуховицкий родился в Киеве в 1932 году. Окончил Литературный институт им. М.Горького. Написал множество пьес и повестей (упомлянем хотя бы главные : повести "Я сын твой, Москва", "Легенда о Ричарде Тишкове", "Только две недели"; пьесы "Возраст расплаты", "Одни без ангелов", "Орфей" - многие из них с успехом идут по сию пору на театральных подмостках у нас в стране и за рубежом), а также неоднократно переиздававшийся роман "Остановиться, оглянуться..."

Сергей Чупринин, анализируя творчество писателя, заметил: "Путь Леонида Жуховицкого таков,каким и должен быть путь настоящего писателя: от простого к все более и более сложному, от молодого максимализма к зрелой мудрости понимания и терпения, от юношеского стремления все переворотить вверх дном и все построить заново к ясному постижению действительности..." Пости-

жение действительности и привело Л.Жуховицкого к остросюжетному жанру. Повесть,которую вы прочитали, посвящена нашим дням - жизни в условиях смуты, безнадежности, крушения прежних идеалов и поислка новых. Впрочем,об этом в работе писателя говорится прямо. А о том, какие выводы делает в данной ситуации главный герой, столь же прямо сказано в эпилоге. И, похоже, сам Л.Жуховицкий согласен с ним почти безоговорочно.

Еще один автор пятого тома "Подвига" - Елена Макарова. Ее "тетрадь для технических записей" - типичная "исповедальная" проза наших дней. Безусловно в биографии героини отражены и факты личного опыта: как и Фаня Л., Елена Макарова была вынуждена эмигрировать, с большим трудом освоила быт в чужих краях, сердцем оставшись в столь безжалостно поступившем с ней Отечестве. А родилась Е.Макарова в Баку, после школы училась в Москве в Художественном институте им.В.Сурикова, потом в Литературном институте им.М.Горького. У нее издано четыре книги прозы и три книги, посвященные проблемам воспитания и лечения детей средствами искусства. Написала множество статей. Профессионально занималась трагедией гитлеровских лагерей уничтожения, в том числе Терезином и Освенцимом.

Пласты времени (от сороковых до девяностых), вроде бы очень разнородны, но если вспомнить, что на этой временной прямой расположилась и жизнь Е.Макаровой, то понимаешь сказанное ею: "на наш век пришлись столь большие потери - и людские, и нравственные, что уже порой невозможно найти частицу души для постиженимя свершившегося. Ни понять, ни простить! Сумасшествие и идиотизм - в сущности одно и то же. Однако сказать: "Сумасшедшее время" совсем не то, что время идиотическое". Фаня Л. акцентирует наше внимание на деталях именно второго варианта: "Новое веяние - ресторан "Гласность". На потолке русскими буквами написано: "Съел - и уходи". Наша беспардонность. Но американцы не поймут, а для русских это родное,привычное..." Конечно, за столько лет можно и привыкнуть. Ведь сформулирован призыв еще Ильей Ильфом! "Продают майки за 20 долларов с портретом Ленина и за 15 - с надписью "Перестройка". Ленин на пять долларов дороже "Перестройки". Вся повесть состоит из таких деталей - примет времени.

Естественно, девиз "Сила против силы", тоже присутствующий в произведении Е.Макаровой, выглядит уж совсем по-иному, чем у Э.Эронса или Л.Жуховицкого. Фаня Л. с виду "просто живет" в счастливейших и благодатнейших Соединенных Штатах, но вы же читали про эту "счастливую" жизнь! Вопрос: "Как в ней уцелеть, если нельзя удержать в себе хоть какие-то ощущения"? Фаня Л. целенаправленно занимается выживанием в мире, который всячески стремится ее подавить, где, по ее утверждению, она "не существует". Попробуйте! Это потруднее, чем существовать просто в "идеотическом" пространстве. И для этого, видимо, действительно нужно никем себя не числить: ни еврейкой, ни русской, ни советской, ни даже Фаней Л! Хватит ли у вас на подобное силы духа?!

Три произведения, представленные на читательский суд, интересны и еще по одной причине. Вспомним такую подробность: ведь и у Э.Эронса, и у Л.Жуховицкого, и у Е.Макаровой описаны еще и русские люди, живущие в экстремальных ситуациях. Одни из них даны глазами иностранца (Коля Микельников), другие - нашего соотечественника, третьи - эмигранта. Одни из них живут и действуют в нынешней России. Другие - за рубежом. И все же черты национального характера проявляются в их поведении достаточно ярко. В любом случае, на этом есть смысл по-особому сосредоточить внимание... Задуматьсля, скажем, над такой сентенцией: "Русские много страсти вкладывают в слова... Слова заменяют им все. Знают ли они о существовании пауз?"

Д.КУЛЕШОВ

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
«СЕЛЬСКАЯ
МОЛОДЕЖЬ»

Под редакцией А.Шевелева и В.Черняка

Главный редактор Вадим ЧЕРНЯК
Художники Александр ЖЕРЕБЦОВ и
Владимир ПЛЕВИН

Отпечатано с оригинал-макета редакции журнала "Сельская молодежь" в типографии АО "Молодая гвардия".
Подписано к печати 28.09.95г.
Формат 84х108 1/32.
Гарнитура "Таймс".
Печать офсетная.
Бумага типографская №2. Усл.печ.л. 19.
Тираж 52500 экз.
Заказ 52103.

Адрес редакции:
125015, Москва, Новодмитровская ул., д.5а.
Типография АО "Молодая гвардия".
Адрес АО: 103030, Москва, Сущевская ул.,21.

Нас предупреждали:

- Куда? Таких изданий полно.

Мы знали. И все равно выпустили наш журнал - “Опасность и безопасность”. Хотя в самом деле - отечественный рынок опасностей и бесплатных советов, как их избежать - переполнен.

Объяснимся. Было бы смешно рекламировать себя как журнал, способный ввести читателя в мир разнообразных угроз. Вы и так в нем живете, и без нас все видите.

Мы пытаемся человека из этого мира вывести. Не случайно центральный раздел журнала мы назвали: “Спокойно: угроза!”

Спокойно. Весь наш журнал можно свести к двум словам: “Берегите себя”. Ну, в крайнем случае - еще к трем: “И не теряйтесь”. Тогда вы справитесь с опасностью, а наша задача становится осуществимой и даже простой: принести читателю твердое знание заповедей безопасного поведения, которое перерастает в новое качество - имидж уверенности.

Наш идеал - не супермен, способный одолеть все. Это враки для видошника. Наш идеал - человек, с которым не случается неприятностей, который всегда выбирает тропинку в обход беды, даже не задумываясь об этом.

Если хотите - мы журнал про гигиену безопасности.

Поэтому зря нас предупреждали, будто “таких журналов много”.

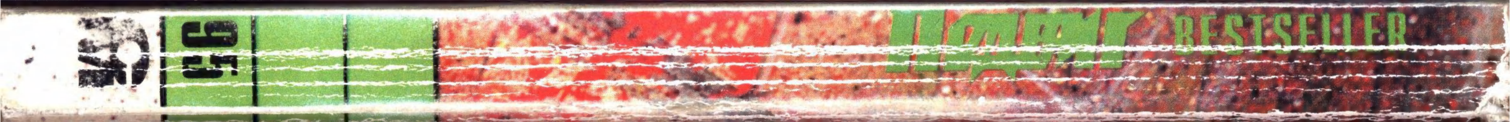
Таких журналов больше нет.

ОПАСНОСТЬ И БЕЗ ОПАСНОСТЬ

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО ХОЧЕТ ВЫЖИТЬ

Подвиг
ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
"СЕЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ"
BESTSELLER
Читайте
в 6-м томе
"Подвига":
Василий
Головачев
"Времена негодяев".
Роман о борьбе
с преступностью
и коррупцией.
Новая повесть
Вячеслава Пьецуха
"Рука Яши Мугера".
Из жизни
девяностых годов
XX века.
6`95
следите
за
нашими
выпусками!
СМ

BESTSELLER